

ЗАПАД, ВОСТОК и РОССИЯ

СИМВОЛЫ ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ СИМВОЛА

Вопросы всеобщей истории

Выпуск 15

СБОРНИК НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ
(ЕЖЕГОДНИК)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИ-
ВЕРСИТЕТ

КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
DEPARTMENT OF GENERAL HISTORY

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
DEPARTMENT OF GENERAL HISTORY

THE WEST, THE EAST & RUSSIA

**SYMBOLS OF POWER AND
THE POWER OF THE SYMBOL**

Problems of General History
Volume 15

COLLECTION OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ARTICLES
(ALMANAC)

Ekaterinburg
2013

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЗАПАД, ВОСТОК и РОССИЯ

**СИМВОЛЫ ВЛАСТИ И
ВЛАСТЬ СИМВОЛА**

*Вопросы всеобщей истории
Выпуск 15*

СБОРНИК НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ
(ЕЖЕГОДНИК)

Екатеринбург
2013

УДК 930.1
ББК Т
З-30

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

д-р ист. наук, проф. *В. Н. Земцов*

к.и.н., доц. *Т. Г. Шумкина*, к.и.н. *М. В. Шистеров*,

к.и.н. *А. А. Постникова*

Отв. секретарь – *А. И. Голотина*

Запад, Восток и Россия: Символы Власти и Власть Символа: Вопросы всеобщей истории: Сборник научных и учеб.-метод. трудов (Ежегодник). Вып. 15 / Под ред. проф. В. Н. Земцова. – Екатеринбург: УрГПУ, 2013. – 305 с.

The West, the East and Russia: Symbols of Power and the Power of the Symbol: Problems of General History: Collection of Scientific and Educational Articles (Almanac). Vol. 15 / Ed. Prof. V. N. Zemtsov. – Ekaterinburg: USPU, 2013. – 305 p.

Пятнадцатый выпуск сборника научных и учебно-методических трудов «Вопросы всеобщей истории» посвящен широкому кругу проблем, связанных с символическими аспектами Власти и «властью Символа».

Публикации открываются материалами “круглого стола” «Символика Власти и Власть Символа» (Екатеринбург, 14 мая 2013 г.). В сборник также включены материалы, представленные на I-е Чтения памяти профессора Б. А. Сутырина (Екатеринбург, 1 октября 2013 г.).

Сборник предназначен для преподавателей учебных заведений, студентов, а также всех, интересующихся проблемами всеобщей и отечественной истории.

The fifteenth release of the collection of scientific and educational articles *Problems of General History* is devoted to the broad audience of the problems of symbolical aspects of Power and “the Power of the Symbol”.

Publications open by materials of “a round table” *Symbolics of Power and the Power of the Symbol* (Ekaterinburg, May 14, 2013). The materials submitted on Ith Reading of memory of Prof. Boris A. Sutyryn also are included in the collection (Ekaterinburg, October 1, 2013).

The almanac is intended for professors, students and everyone, who are interested in problems of General and Russian history.

ISBN 978-5-7186-0568-6

© Коллектив авторов, 2013

© Уральский государственный
педагогический университет, 2013

*Сборник посвящен памяти профессора
Бориса Алексеевича Сутырина
(26.09.1931 – 08.03.2013)*

СОДЕРЖАНИЕ

<u>От редакции</u>	7
<u>I. Материалы региональной научной конференции (в формате “круглого стола”) «Символика Власти и Власть Символа»</u>	9
<u>II. Материалы региональной научной конференции по проблемам современного историописания «Чтения памяти профессора Б. А. Сутырина»</u>	
<i>И. В. Даренская</i> «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920–30-е гг.	29
<i>У. П. Ефремова</i> Начальные церковные училища и их культурное влияние на национальные меньшинства на Урале в конце XIX – начале XX вв.	34
<i>А. В. Иванов,</i> <i>А. В. Трофимов</i> Некоторые аспекты социальной модернизации современной России: векторы и тренды.	41
<i>Г. А. Кругликова</i> Просветительство как один из приоритетов государственной культурной политики.	46
<i>Е. И. Кудрин</i> Женский персонал СС в нацистских концентрационных лагерях: историография вопроса.	51
<i>В. М. Кузнецов</i> Вопросы теории и методики профессиональной переподготовки учителей общественно-научных классов.	57
<i>В. Ф. Мезенцев</i> Мировые конфликты XX века в исследованиях Нила Фергюсона.	62
<i>Т. Г. Мосунова,</i> <i>Т. А. Муравицкая</i> Личный архив как источник личностного постижения российской истории. Архив К. Н. Неклютина.	68
<i>Д. Л. Островкин</i> Начало деятельности Уральского медицинского общества (1890–1895 гг.).	73
<i>А. П. Павленко</i> Социально-политическая история российского офицерства в 1914–1921 гг.: обзор новейших диссертационных исследований. ...	78
<i>И. А. Попп</i> Крестьянский местный суд: к проблеме «лихоимства» и «мздоимства» волостных судей.	84
<i>Е. В. Путилова</i> «В аду до рассвета...»: история войны на Пиренейском полуострове под прицелом современной англо-саксонской историографической традиции.	90
<i>Л. В. Светлова</i> Современная отечественная историография проблем технической модернизации военного производства на уральских казенных горных заводах (60-е гг. XIX – начало XX вв.).	98
<i>О. С. Уколова</i> Просветительская и благотворительная деятельность учительства в городах Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв.	110
<i>Е. В. Худякова</i> «Русские сезоны»: фактор развития французского костюма в 1920-е гг.	116
<i>Э. А. Черноухов</i> Принципиальный учитель.	122
<i>Г. Н. Шапошиников</i> Российские и европейские телефонные сети в начале XX в. ...	128
<i>М. В. Шистеров</i> <i>Res publica</i> римского народа и универсалистское понимание государства: к дискуссии о «римской республи-	

	канской государственности».....	136
<i>В. А. Широкий</i>	Педагогическое творчество П. Ф. Каптерева.....	146
<i>В. А. Шихов</i>	Проблема рабства как важнейшая причина гражданской войны в США в отечественной и американской историографии.....	151
<i>Г. Н. Шумкин</i>	Производство ствольного железа на казенных горных заводах Урала в середине XIX в.....	158
<i>Т. Г. Шумкина</i>	Адрес-календари и памятные книжки Пермского губернского статистического комитета как источники по истории Урала.....	167
<u>III. Статьи и сообщения</u>		
1. Символический аспект Власти: дискурсивные и семантические модели		
<i>В. Д. Камынин,</i>	Некоторые наблюдения над процессом проникновения	
<i>С. Ю. Шишкина</i>	в современную историческую науку понятия «Власть»..	176
<i>С. В. Смирнов</i>	«Русский царь и японский император»: русское монархическое движение в Маньчжоу-Го.....	186
<i>Е. С. Соколова</i>	Семантическая модель царского титула в законодательстве первых Романовых (20–70-е гг. XVII в.).....	201
2. Историческая биография в символическом пространстве		
<i>Св. Х. Глушкова</i>	Ш.-М. Талейран и реставрация Бурбонов в 1814 г.....	214
<i>Э. А. Замов</i>	Альчиде де Гаспери: становление политика.....	231
<i>Т. А. Косых</i>	Политическое кредо доктора Джонсона: якобит или тори?.....	243
<i>В. А. Кузьмин</i>	Вклад профессора И. Н. Чемпалова и учеников его научной школы в подготовку востоковедов-международников.....	249
3. Событие-символ		
<i>А. Н. Ильиных</i>	Арабо-израильский конфликт: реалии и мифы.....	254
4. Историческая память: «точная» и «виртуальная»		
<i>М. А. Фельдман</i>	К вопросу о характере демографических последствий гражданской войны на Урале, или заметки при чтении монографии И. В. Нарского «Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1918–1922 гг.» (М.: РОССПЭН, 2001).....	259
<i>Н. Ф. Шестакова</i>	Мемориальная и ритуальная формы валлийской литургической памяти.....	276
<u>IV. Дебют</u>		
<i>Л. В. Коробицына</i>	Античное наследие в архитектуре «Нового города» Эдинбурга.....	285
<u>V. Рецензии</u>		
<i>В. Н. Земцов</i>	Власть и семантика мундира (Рец.: Вовси Э. М. Трансформация униформы и снаряжения французского пехотинца 1791–1812 гг. – М.: Изд-во «Мастерская Vanderhoff & 15-е legere», 2012 – 88 с.).....	290
<u>VI. Защита диссертаций</u>		
		294

ОТ РЕДАКЦИИ

Сборнику научных и учебно-методических трудов *«Вопросы всеобщей истории»*, издающемуся кафедрой всеобщей истории исторического факультета Уральского государственного педагогического университета, 15 лет!

Первый сборник был издан в 1999 г. под редакцией д-ра ист. наук, проф. В. А. Кузьмина и включал в себя только два раздела – «Статьи и сообщения» и «В помощь преподавателю и студенту». Во втором выпуске был добавлен раздел «Наши учителя» с публикацией очерков о жизни и творчестве Н. П. Руткевича, М. Я. Сюзюмова и Е. Г. Сурова, работавших в 1930–1950-е гг. на историческом факультете Свердловского педагогического института. С третьего выпуска («Запад, Восток и Россия: проблемы истории, историографии и источниковедения») сборники становятся тематическими. За последующие годы коллективу кафедры всеобщей истории удалось поднять на страницах сборника такие важнейшие проблемы, как особенности исторического взаимодействия стран Запада, Востока и России, проблемы войны и мира, исторического и историографического источника, специфики источника в микро- и макроисторической перспективе, национально-культурной идентичности в историческом контексте, исторического времени, взаимодействия и взаимоотношения Историка и Власти, особенностей изучения историком прошлого. Наконец, в 2012 г. коллектив кафедры подготовил и издал сборник под названием «Запад, Восток и Россия: война – мир – память», посвященный 200-летию Отечественной войны 1812 года.

Помимо того, что по сравнению с первыми выпусками стали появляться и такие разделы, как «Рецензии», «Публикации документов», «Историко-литературные опыты», «Дебют», с 11-го выпуска (2009 г.) мы стали публиковать материалы «круглых столов», проводимых коллективом кафедры («Громкое эхо Полтавы» (К 300-летию Полтавской битвы), 20 мая 2009 г.; «1945. Цена Победы» (К 65-летию годовщины Победы в Великой Отечественной войне), 9 и 16 апреля 2010 г.; «Школа “Анналов”: “историографическая революция современности”», 19 мая 2011 г.; «Отечественная война 1812 года и историческая память», 6 марта 2012 г.). Заметно расширилась и география участников сборника. Помимо преподавателей, аспирантов, магистрантов и лучших студентов вузов, а также работников научно-исследовательских центров Екатеринбурга (УрГПУ, УрФУ, УрГЮА, ИИиА УрО РАН, УИ РАНХиГС, УрГЭУ, УГГУ, ГУ и др.) и Урала (Пермь, Уфа, Челябинск, Тюмень, Нижний Тагил), в сборнике стали публиковать свои труды ученые Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Малоярославца, а также

и зарубежных государств – Чехии (г. Прага), Германии (г. Бад Вильдбад), Болгарии (г. Велико-Тырново), Армении (г. Ереван).

Нынешний, «полубилейный», сборник мы посвятили проблеме символики власти (с включением материалов “круглого стола” «Символика Власти и Власть Символа», состоявшегося 14 мая 2013 г.).

На протяжении всех 15 лет постоянным автором и неизменным вдохновителем жизни сборника был профессор **Борис Алексеевич Сутырин** (1931–2013). В сущности, именно его инициативе сборник и был обязан своим возникновением теперь уже в далеком 1999 г. В 15-м выпуске мы публикуем материалы Первых Сутыринских чтений, проведенных 1 октября 2013 г. Они органично дополняют первоначально обозначенную тему сборника и являются своеобразным символом беззаветной преданности ученого-историка своему жизненному призванию.

Редколлегия сборника «Вопросы всеобщей истории»

I. Материалы региональной научной конференции (в формате «круглого стола») «Символика Власти и Власть Символа»

Министерство образования и науки РФ
Уральский государственный педагогический университет
Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории

СИМВОЛИКА ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ СИМВОЛА

ПРОГРАММА
РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
В ФОРМАТЕ «КРУГЛОГО СТОЛА»

Екатеринбург, 14 мая 2013 г. в 17.00

Вопросы для обсуждения:

1. Дискурсы Власти: концептуально-теоретическое моделирование.
2. Политическая символика и политический ритуал в историческом контексте.
3. Новая жизнь старых символов: конструирование исторической традиции.
4. Идентичность: национальная, культурная, политическая...
5. Историческая память и историческая политика.

Организационный комитет:

Клименко Иван Михайлович, кандидат педагогических наук, профессор, декан исторического факультета Уральского государственного педагогического университета;

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Шистеров Максим Валерьевич кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Постникова Алена Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Ведущий дискуссии:

Земцов Владимир Николаевич, д-р ист. наук, профессор, зав. каф. всеобщей истории УрГПУ.

Участники дискуссии:

Баранов Николай Николаевич, д-р ист. наук, зав. каф. новой и новейшей истории УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина;

Емельянов Александр Вячеславович, председатель ЕВИК «Горный щит»;

Клименко Иван Михайлович, канд. пед. наук, профессор, декан исторического ф-та УрГПУ;

Кручинин Александр Михайлович, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, член ЕВИК «Горный щит»;

Ляпин Владимир Александрович, канд. ист. наук, доцент каф. истории России УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина;

Мосин Алексей Геннадьевич, д-р ист. наук, профессор каф. истории России УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина;

Смирнов Сергей Викторович, канд. ист. наук, доцент каф. новой и новейшей истории УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина;

Орлова Александра Алексеевна, аспирант каф. всеобщей истории УрГПУ;

Островкин Денис Леонидович, студент 4-го курса исторического ф-та УрГПУ, председатель Студенческого научного общества УрГПУ;

Постникова Алена Александровна, ассистент каф. всеобщей истории УрГПУ;

Пруцакова Валентина Сергеевна, студент 5-го курса исторического ф-та УрГПУ;

Шестакова Надежда Федоровна, студент 5-го курса исторического ф-та УрГПУ;

Шистеров Максим Валерьевич, канд. ист. наук, ст. преподаватель каф. всеобщей истории УрГПУ;

Шмелева Евгения Владимировна, аспирант Института Истории и археологии УрО РАН;

Шумкина Татьяна Геннадьевна, канд. ист. наук, доцент каф. всеобщей истории УрГПУ.

Стенограмма «круглого стола» конференции (печатается с сокращениями)

В. Н. Земцов: Уважаемые коллеги, дамы и господа, давайте будем начинать...

Наша сегодняшняя тема, на первый взгляд, несколько странна. Почему? Потому что мы, как историки, привыкли к чему-то более или менее определенному, ясному. Но с другой стороны, обойти ее мы, конечно, совершенно не могли. Тема «круглого стола» – символы, роль символов во властных структурах, а также то, как Власть определяет Символы, каким образом она насаждает, модифицирует их, и как, наоборот, Символы влияют на Власть.

Я надеялся, что в сегодняшнем «круглом столе» примут участие не только историки, но и политологи, лингвисты (особенно те, которые занимаются политической лингвистикой). [...] Но, в силу разных обстоятельств, никто из коллег не смог откликнуться на наше предложение.

Начать мне хотелось бы вот с чего: я помню, где-то в середине 1990-х гг., когда начали чеканить новые российские монеты, было совершенно непонятно, что происходит с нашей символикой, т. е. какой у нас флаг? какой гимн? какой герб? С флагом вроде быстренько решили – бело-сине-красный (триколор). В этом флаге угадывалось что-то демократическое. Еще позже выяснилось, что он никогда официальным флагом Российской империи не был.

Затем стали рассуждать о том, каким должен быть герб. Вроде бы тоже нужно было возвращаться к истокам. Каким истокам? Двуглавый орел! Но какой двуглавый орел? Со скипетром и державой? Но мы же теперь демократы! Каким образом мы можем сейчас вернуться в свое имперское прошлое? И тогда решили взять орла то ли эпохи Временного правительства, [...] то ли эпохи Ивана III (которого до сих пор чеканят на монетах). Я еще тогда подумал, что Россия и есть Московское государство (как раз эпоха Ивана III), что, волей неволей, как бы сами собой, нам эти символы подсказывают кто мы такие, откуда мы произошли: мы не из Киевской Руси, как мне представляется, а из Московского государства...

Н. Н. Баранов: В эпоху Ивана III, олицетворенную этой птицей без символов власти, и начался модерн, в котором мы до сих пор пребываем. [...]

В. Н. Земцов: Да, у нас все еще [на монетах] двуглавый орел без скипетра и державы... И второе, что меня удивляет,

даже мучает – это гимн! И люди моего поколения, и более старшего, когда слышат эту мелодию, этот перелицованный гимн, волей неволей, начинают пытаться петь «Союз нерушимый республик свободных» и так дальше... Все эти символы из нас вылезают как бы сами собой...

Возникает вопрос: вот эта каша с современной символикой в нынешней России – это что такое? Она является, наверное, отражением какой-то болезненной потребности найти свои корни, с одной стороны, с другой стороны, разрывом этой преемственности, который произошел в XX в., т. е. судорожные попытки соединить то, что было относительно недавно, и то, что было очень давно и уже полузабыто. Причем это все неумело делается, на мой взгляд. И наконец, это, наверное, является отражением такого же кашеобразного состояния нашего современного общества и растерянности власти, не понимающей что делать. Ведь символика во многом определяет жизнь общества, указывает путь, и как мы не можем родить национальную идею, также и в отношении общих символов...

В. А. Ляпин: Я думаю, что начинать нужно не с отсутствия единых символов, а с причин такого отсутствия. Причина кроется в том, что историческое развитие России шло путем, не способствовавшем формированию единой нации. Поэтому у нас до сих пор нет национального лидера (и, видимо, никогда не будет), поэтому у нас нет общенациональной идеи (и тоже никогда не будет), нет и общенациональной символики (и, думается, тоже никогда не будет), потому что цели различных групп общества всегда были различны... Так исторически сложилось. [...]

А какая у нас может быть символика? У нас прошлое [одно] – «третий Рим» и затем Империя, поэтому и символы «третьего Рима», т. е. византийский двуглавый орел. У нас никакого другого символа нет. Хотя интересно, что в эпоху Смуты, когда двуглавый орел себя здорово скомпрометировал – он был на знаменах всех самозванцев, временное правительство (Совет всей земли с Мининым и Пожарским) на знаменах второго ополчения рисовало новый символ – двух львов, сидящих мордами друг к другу. Но этот символ не прижился... Поэтому нет ничего другого. Что касается гимна, то это, конечно, совершенно определенная уступка В. В. Путина некоторым силам, сделанная под предлогом того, что к прекрасному гимну М. И. Глинки – Патриотической песне, никто не смог написать слов. А почему никто не смог написать слов? Потому что как

написать, если это никого не устроит? ... Самые лучшие слова обязательно кого-то не устроят.

В. Н. Земцов: А разве Патриотическая песня Глинки когда-то была гимном?

В. А. Ляпин: Нет, она была проектом гимна, но победил проект А. Ф. Львова («Боже, Царя храни!»). А проект Глинки так проектом и остался (другими словами, нужно только написать текст и прекрасный гимн готов!). Прекрасный гимн, но никто слова не написал, и не потому, что никто не взялся написать, а потому, что сказать было нечего! Гимн – это общенациональная молитва! А за кого молиться? Потому у нас никогда не будет...

А. Г. Мосин: А сейчас за кого молимся?

В. А. Ляпин: Каждый за кого-то своего молится...

А. Г. Мосин: «Россия – священная наша держава...»

В. А. Ляпин: В основном, конечно, молимся на «копеечку». Сейчас только это – Бог и цель жизни. Так что вот с этого я бы хотел начать...

В. Н. Земцов: У Алексея Геннадьевича, наверное, другой взгляд на эти вещи?

А. Г. Мосин: С нашей символикой все гораздо сложнее, чем нам иногда представляется. Вот, возьмем тот же самый триколор. Владимир Николаевич сказал, что вроде бы он никогда не был государственным флагом. На самом деле, был – в 1883 г. император Александр III утвердил его в качестве национального флага, каковым он фактически оставался до 1917–1918 гг. [Временное правительство использовало его в качестве флага Российской республики.] Тридцать пять лет – срок исторически небольшой, но...

В. А. Ляпин: Между прочим, русским людям вообще не свойственен пиетет перед символами. Русский человек никогда не будет слепо поднимать государственный флаг у своего дома, потому что собственного дома у него, в большинстве случаев, нет. И потом, многие наши сограждане просто не знают как правильно повесить этот триколор (в какой последовательности должны быть расположены «полоски»). Кстати, замечательно, что у русских всегда был пиетет перед военными знаменами: крестьяне снимали шапки и крестились всегда, когда проносили военные знамена. А национальный флаг? У нас и гимна-то до 1939 г. не было официально... Ну, не нужно это русским, вся эта символика.

В. Н. Земцов: У меня вопрос к Алексею Геннадьевичу: существует расхожее мнение, что русский триколор возник на

основе голландского флага в конце XVII в. Или это не так, это легенда?

А. Г. Мосин: Действительно, есть такая версия. Дело в том, что этот флаг – триколор, был изначально торговым флагом... Под ним торговые суда ходили [...]

В. А. Ляпин: Это флаг московского царя (причем, не с Петра I, а с Алексея Михайловича). Он был не бело-синекрасный, а бело-лазорево-красный (лазоревоый – это голубой цвет), и символизировал три части России – Великую, Белую и Малую Русь.

А. Г. Мосин: У нас и сейчас официально так: белый, лазоревоый и алый.

В. А. Ляпин: Да, белый, лазоревоый и алый. Совершенно верно. Три части Руси.

А. Г. Мосин: Но я хотел бы перейти к орлу. Владимир Александрович сказал, что это вроде бы наследие Византии... У меня есть очень серьезные сомнения на счет византийского происхождения нашего орла. Я хочу напомнить, когда орел появляется. Он появляется в 80-е гг. XV в., сразу же после того, как Россия перестает выплачивать дань Орде, т. е. маркирует разрыв даннических отношений. Известно, что ордынского хана на Руси принимали как царя. (Возьмите памятники древнерусской литературы XIII–XIV вв., где царь – это ордынский хан.) [...] И после того, как этот договор, в свое время возникший и оформивший отношения Руси с Ордой, был разорван, вот с этого времени и появляется идея своего царя...

Я стал об этом задумываться, когда обнаружил двуглавого орла на ордынских монетах середины XIV в. Причем там изображен «тот самый» двуглавый орел (как реалистическое изображение) – с распростертыми крыльями, с лапами и с хвостом. И еще более распространенное изображение двуглавого орла бытовало в Орде при хане Джанибеке (он довольно долго находился на ханском престоле) – это стилизованное изображение орла, очень красивое... У меня в личной коллекции десятка четыре, наверное, этих монет есть и они все удивительно красивые. Именно двуглавый орел! И я думаю, что когда эта идея царской власти стала осуществима при Иване III – может быть, как некий символ преемственности царской власти – и был заимствован двуглавый орел, причем от Орды, а не от Византии.

А с Византией просто... Почему мы киваем на Византию? Потому что там тоже был двуглавый орел и более того, подобный орел был также символом Священной Римской империи, а потом, к слову, Австрийской империи... И все эти орлы одного

происхождения: они восходят к символике Римской империи. [...]

В. Н. Земцов: Алексей Геннадьевич, а то, что это именно двуглавый орел? Ведь есть разные варианты объяснения. Ваша версия – почему он двуглавый?

А. Г. Мосин: Я в таких случаях обычно своим студентам отвечаю: «Не знаю!» Хотя есть, конечно, некоторые соображения... Вероятно, это сочетание Европы и Азии: одна голова смотрит на Запад, а другая на Восток. Между прочим, то же самое было и в Византии, когда Константин Великий основал новую столицу на востоке империи. Ведь что такое Константинополь? Это город, где встречаются Европа и Азия, мир Запада и мир Востока...

В. А. Ляпин: А у Джанибека тогда почему?

А. Г. Мосин: Ну, двуглавый орел встречается в том числе и в символике различных восточных государств. [...]

Но для нас важно не то, как было везде, а как было в Орде, потому что у нас, конечно, преемственность прослеживается именно от Орды. Мы были частью этой системы, этого царства. Потом система распалась и мы стали ее наследниками. Другое дело, что официально Москва – «третий Рим»... Но эта идеология была все же больше с церковью связана. Орда, как известно, не была христианским государством, хотя там была епархия...

В. Н. Земцов: Невольно складывается впечатление, что есть некий набор символов, характерный для многих народов. Как тут не вспомнить свастику? Как не вспомнить «римское приветствие»? Но в одно время символ подвергается дискриминации и дискредитации, а затем снова каким-то причудливым образом возрождается, заимствуется одним народом у другого народа. Вообще нечто поразительное, если подумать...

В. А. Ляпин: Ну, некоторые символы чисто идеологические, как например, уже упомянутая свастика, совершенно к Германии никакого отношения не имевшая...

У нас в этом качестве был «Серп и Молот». На мой взгляд, кстати, очень удачная эмблема, очень выразительная. Но я все никак не мог понять, еще когда в школе учился, откуда [другой символ] красная звезда? Мне никто не мог этого объяснить! Вроде бы говорили, что это единство интересов трудящихся пяти континентов, но это как-то явно «притянута за уши». Впоследствии, я обратил внимание, что на ранних советских фотографиях, когда еще не было формы красноармейской, а была только красная звезда на головных уборах, она

располагалась не так, как мы привыкли, а двумя концами вверх («перевернута»)!. Автором этой идеи был, как оказалось, Л. Д. Троцкий, который заимствовал эту эмблему у иудеев (восстание Бар-Кохбы, «сына звезды»). Тогда, во время антиримского восстания, эмблемой повстанцев в Палестине была именно красная звезда и именно таким образом повернутая...

А. М. Кручинин: Владимир Александрович, не надо забывать, что звезда – символ восточный. Возьмите, например, японские вооруженные силы, где солдаты и офицеры, как и красноармейцы, носят на околыше своих головных уборов «звездочку» (только она желтого, золотого цвета, не красного). То есть я хочу сказать, что это не единственный пример использования звезды в символике государства.

[...]

А. Г. Мосин: В самом деле, пятиконечная звезда – это древний восточный символ, встречающийся в самых разных странах с глубокой древности. Потом, давайте вспомним, когда образовалось новое государство на американском континенте – Соединенные Штаты Америки, то звезда вошла в качестве элемента в американский флаг. Дальше, в символике латиноамериканских стран звезда также встречается. Больше того, я вам скажу, что если мы внимательно посмотрим монеты той же Золотой Орды XIV в., то и там мы увидим пятиконечную звезду (иногда просто пятиконечная звезда, иногда она вписана в окружность).

[...]

В. Н. Земцов: Между прочим, нынешние европейские деньги, которые чеканят и те, которые печатают на бумаге, содержат новый символ – это Европа!

Н. Н. Баранов: Я прошу прощения, но монеты, которые чеканятся в Афинах, на реверсе также имеют изображение Европы.

В. Н. Земцов: Да, там [Зевс], который похищает Европу.

Получается, что сейчас европейцы тоже судорожно ищут нечто такое, что бы их всех символически объединило. Их решение мне показалось очень оригинальным, очень разумным: на монетах чеканят символы тех стран, которые входят в ЕС, а что касается банкнот, то на банкнотах появился некий общеевропейский знак, общеевропейский символ, причем совершенно невозможно сказать, к какой стране это относится (раньше акведуки были, теперь вот Европу придумали).

Ну что ж, интересно, сохранится вся эта символика вместе с единой Европой или опять все закончится...

М. В. Шистеров: Эта новая символика востребована, потому что от старой имперской символика европейцы в настоящее время отказываются и, совершенно очевидно, что происходит дискредитация вообще имперскости, которая наиболее явно прослеживается в современном социально-политическом и кино-медийном дискурсе при изображении древнего Рима. Так, например, за последнее десятилетие вышло немало кино- и телепродуктов о древнем Риме, где именно эта идея акцентируется. Вообще, можно, наверное, говорить, что сейчас в европейском дискурсе древний Рим вновь становится знаком, причем окрашенным достаточно деструктивно. Достаточно вспомнить такие фильмы последнего времени, как «Центурион» и «Орел девятого легиона», или телепродукты, вроде сериала «Рим» и сериала «Спартак», который совсем недавно закончился. Кроме того, не так давно я обратил внимание на одну любопытную вещь – это очень популярные сегодня во всем мире японские анимационные фильмы (аниме), где все чаще используются европейские сюжеты: об Александре Македонском, например, или о бессмертном шотландце из клана Маклаудов. Причем самое оригинальное то, что герои представлены совершенно в японской эстетике, но сюжет взят европейский. И тот же Горец... Показательно, что его главный враг – это Марк Октавий, римлянин! По сути дела, зрителю предлагается не борьба двух людей, а борьба двух идей, двух символов. Один – это символ благородного дикаря, а другой, соответственно, символизирует образ рафинированной цивилизации, причем цивилизации имперского типа, и конечно, в конце фильма эта цивилизация терпит поражение. Правда остается непонятным, какова альтернатива? Альтернативы никто не предлагает, предлагается только разрушить Империю...

А. Г. Мосин: До основания.

М. В. Шистеров: Да, до основания. Там в конце фильма все как раз заканчивается разрушенной башней. Башня – тоже символ империи. Тут важно разрушить (под ликующие крики толпы), но непонятно, что в итоге останется... Поэтому, мне представляется, что проблема Европы сейчас заключается в поиске новых символов, потому что необходимо чем-то заменить эту прежнюю идентификацию...

Н. Н. Баранов: Я бы хотел продолжить эту тему (правда, мы уходим от нашей национальной государственной проблематики, но мы все равно живем в одной коммунальной квартире)...

Недавно мне довелось рецензировать один замечательный трехтомник, который вышел в конце 2012 г. в Мюнхене. Трехтомник этот называется «Европейские места памяти». Причем инициаторами этого проекта были четыре ученых немца, к которым позже присоединились еще трое исследователей: голландец, швейцарец и австриец.

В. Н. Земцов: И ни одного француза?

Н. Н. Баранов: Ни одного. Притом, что П. Нора они кланяются низко. Однако Нора-то ведь говорил и говорит, что история убивает память...

В. Н. Земцов: Он много чего говорил...

Н. Н. Баранов: Они же решили «места памяти» историзировать, для чего в Майнце был организован семинар, собравший почти сто ученых-исследователей из разных стран мира (всего из 15 стран, включая Канаду и Израиль; из России никого не пригласили). Итогом их работы стали 150 статей по европейским «местам памяти», сведенные в три тома.

Но сам посыл какой? Первые два тома по своей структуре совершенно идентичны. Там есть три крупных раздела: первый раздел – «Миф» (причем первый том, как бы постановочный, включающий, например, миф о Европе в литературе и в изобразительном искусстве); второй раздел – это «Общее наследие», и там, совершенно замечательно, наряду с античностью и христианством, есть, например, статья «Иудаизм», которую написал Моша Цимерманн, есть статья «Ислам», написанная Штефаном Корнеманном...

Мне показалась очень интересной эта своеобразная энциклопедия, достаточно популярно написанная... И небезынтересно задаться вопросом в этой связи: просто на вскидку, взять второй том и чтобы каждый здесь присутствующий пальцы позагибал и подумал: «А насколько мы с вами европейцы?»

В. А. Ляпин: Если мы загибаем пальцы, мы уже не европейцы, потому что европейцы пальцы разгибают.

Н. Н. Баранов: ... [Среди символов европейскости] во втором томе отмечаются: бык (белый, конечно), Геркулес, Эней, Антигона, Марафон... [Далее]: Гимн Европейского союза, Римские договоры 1957 г. (это все мифы). Потом идет «общее наследие», которое начинается с Микеланджело... затем Мона Лиза, потом идет много всего разного и, между прочим, замечательная статья о конных статуях [которые встречаются только на европейском субконтиненте]... Потом идет весь У. Шекспир, затем, и это замечательно, Л. Н. Толстой с «Войной и миром», как общее наследие, потом идет, среди прочего, девятая симфо-

ния Л. Бетховена, потом замечательная статья «Шансон» (но не в русском смысле слова), наконец, ударная четверка статей: отдельная статья «Рим», затем «Виттенберг и Женева» (они объединены в один блок), потом идет статья «Третий Рим» и четвертая статья – какая вы думаете? – Стамбул! Не Константинополь, а Стамбул... А потом университет, кафе и пиццерия – это общее наследие.

Таким образом, на три тома всего три статьи, которые имеют прямое или косвенное (скорее косвенное) отношение к нашей с вами реальности – к России. Это статья «Толстой и “Война и мир”», это «Третий Рим» и еще, в первом томе в разделе «Мифы» (между прочим, с отсылкой к Ш. де Голлю), – «Граница по Уралу».

В. Н. Земцов: Николай Николаевич, по Вашему мнению, это сугато (или, прежде всего) немецкий взгляд?

Н. Н. Баранов: По моим ощущениям, глубоко уважаемые мною ученые немцы из четырех стран озабочены, прежде всего, тем, что миссия Германии в современном мире не только спасти евро, но и спасти саму европейскую идею, которая едва жива...

К слову, в этом трехтомнике есть еще замечательная картинка (сами тома отличаются только цветом: первый – красный, второй – желтый, третий – синий). Какая? Ну, опять-таки очередное воплощение мифа о похищении Европы, но картинка такая... очень авангардная: Зевс в образе быка, девушка Европа, но почему-то за ее спиной еще Меркурий – бог торговли и знак Евро. [...]

В. Н. Земцов: Между прочим, в таком немножко негативном контексте сейчас предлагается не только Римская империя, но, как ни странно, и эпоха Наполеона. Те же самые французы остаются сторонниками все-таки республиканской формы правления и соответственно символов, свойственных Республике. А у нас, такое впечатление, происходит обратный процесс... Так вот, мне кажется, у нас (в России) продолжают попытки апеллировать прежде всего к имперским символам. Советско-русский того еще, имперского, времени.

[...]

Н. Н. Баранов: Другого опыта у нашей страны просто нет.

В. А. Ляпин: Нет и не было...

[...]

А. А. Постникова: Необходимость сохранить Евросоюз, конечно, требует обращения к прошлым эпохам, в частности – к

эпохе Наполеона I, когда уже был осуществлен подобный опыт «единой Европы». И в этом плане, наверное, интересен сюжет, связанный со сравнением во французских СМИ Н. Саркози и Наполеона... В принципе, уже с самого начала правления Саркози, хотя об этом прямо не заявлял, но пытался убедить французское общество в том, что он своего рода наследник Наполеона... И поначалу это воспринималось французами в положительном плане, они действительно видели в Саркози человека, который возродит идею господства и величия Франции. Подобные сравнения всегда возникали в сознании французов [когда речь шла о сильном лидере], и они всячески пытались своих правителей приравнять к Наполеону. Достоин он этого имени или не достоин? Но с течением времени, особенно в 2012 г., в связи с Ливийской проблемой и началом кризиса, Саркози появляется во французской печати в совершенно ином виде. Его сравнивают уже с Наполеоном III, что, якобы, он не достоин носить имя Наполеона I... В большей степени он теперь «Наполеон малый». Какие параллели проводили между Саркози и Наполеоном III? Указывалось на пропаганду власти, на контроль за СМИ, ориентацию режима прежде всего на предпринимателей и т. п. И, уже после поражения Саркози на выборах, во французской печати появляется очень интересное сравнение, мол, если Саркози – это Наполеон, то его конкурент Ф. Олланд – это Людовик XVIII... Стала звучать мысль, что Саркози нам больше не нужен: если бы он обладал хоть долей таланта Наполеона, то Франции удалось бы «перейти Березину». То есть, вот в такой символической манере французы выразили те проблемы, которые возникли в стране.

Интересно, что немецкая печать отзывалась о политике Саркози более позитивно, [чем собственно французская]. Как ни странно, немцы благопривно восприняли эти сравнения Саркози с Наполеоном и всячески обращались к тому франко-немецкому братству, [которое возникло в 1812 г.], т. к. осознавали, что это единственный вариант выхода Европы из кризиса... В немецкой печати даже появлялись фразы о том, что немцы надеются, что французы «в этот раз нас не подведут, как в Русской компании 1812 г.», потому что в немецкой традиции принято считать, что именно французы и раскололи Великую армию в период отступления.

Наиболее критично [по отношению к Саркози] оказалась настроена английская печать, традиционно с недоверием относящаяся к идее величия Франции. То есть понятно, что подобные аналогии [Саркози – Бонапарт] их раздражали и англичане

критиковали шаги Саркози в этом отношении. Особенно это стало заметным после начала строительства парка, посвященного Наполеону – Наполеон-ленда в начале 2012 г. Тогда в английской печати появляются мысли о том, что если Франция возвращается к воспоминанию об этом неудачном правлении, то значит у нее есть действительно серьезные проблемы. И ностальгически вспоминать о правлении человека, который не смог удержать свое «единое европейское государство», о котором продолжают грезить Париж и Берлин, – это определенная неудача.

[...]

Все это, наверное, показывает, что, с одной стороны, символика власти может восприниматься как формируемое представление, а с другой, – трансформация этих образов происходит [стихийно], под воздействием внешнеполитической ситуации, внутренней политики государства.

В. Н. Земцов: То, что мы все время обряжаемся в одежды прошлого, насколько это удачно? И эти все сравнения, к которым мы прибегаем, они ведь вызывают массу вопросов... Насколько примитивно актуализируют эти образы политики, журналисты? Или это совершенно естественная вещь – апеллировать к тем образам, которые сидят в подсознании людей? Это, наверное, вызывает самый сильный эффект. Но, с другой стороны...

А. А. Постникова: Возможно, это как раз способ формирования национальной идеи?

В. А. Ляпин: Нет, тут как раз противоположное... Я недавно вернулся из Стамбула и что показательно – везде Ататюрк! Причем, это не культ русского образца, это действительно глубокое уважение к этому человеку.

[...]

Н. Н. Баранов: Если позволите, Владимир Александрович, этот человек является и на официальном уровне (и в массовом сознании) олицетворением национальной государственной идеи, а национальной идеи без государства в принципе не бывает, потому что сначала государство с единообразной армией, школой, бюрократией, социальным языком, а потом уже нация. Без Ататюрка не было бы современной Турции...

В. А. Ляпин: Другой пример, наш – вот георгиевская ленточка! Ведь попытались [внедрить] общенациональный символ, но если ее на дворник своего лимузина, стеклышки протирать, навязывают...

Н. Н. Баранов: И еще три года не снимают...

В. А. Ляпин: ...тогда какой это, к черту, символ? Кто-то на лимузине, а кто-то на лацкане потертого пиджака. Вот вам и символ национальный...

[...]

В. Н. Земцов: Действительно, символы, которые пытаются сегодня создать (та же георгиевская лента), вроде бы все правильно делают, но вот почему-то сердце не принимает, душа не лежит, потому что – это что-то не настоящее, что-то вымученное. И потом, эта символика связана с «тем временем»... Можем ли мы и дальше продолжать жить, оглядываясь назад? Мы должны жить, наверное, каким-то другим временем...

В. А. Ляпин: Памятью надо жить, а не временем. Идти вперед с головой, повернутой назад, нельзя...

В. Н. Земцов: Память – это тоже штука очень своеобразная... Быть заложником памяти тоже не хочется...

[...]

А. А. Орлова: [Я бы хотела поделиться впечатлениями от своей недавней поездки в Британию.] Конечно, в Лондоне ощущаешь себя русским... Я, например, была на футбольном матче Бразилия–Россия (это был товарищеский матч, который проходил на Стенфорд-Бридж), где чувствовалось это единство русских болельщиков, несмотря на то, что многие оказались на трибуне в большей степени бразильской (мы тоже там стояли)... Но это в Лондоне, потому что там ты оказываешься в иностранной среде и потому резко ощущаешь себя русским...

Сейчас болельщики встают [и даже поют] на стадионах, когда играет гимн страны, будь это наша сборная или просто игры между российскими командами. Возможно, они более организованы потому, что представляют собой определенную социальную группу, они себя очень четко идентифицируют. И это, на мой взгляд, пересекается с идеей георгиевской ленточки... [Это такой массовый символ.]

А общество у нас именно массовое... и оно раздроблено на микро-группы, сообщества (типа тех же болельщиков), и изобрести для всего общества единый символ... У болельщиков эти символы очень четкие, правильно? Каждый болельщик четко знает, что это – Zenit, это – Спартак, это – ЦСКА и т. д. Но, возможно, для нашего общества нехарактерен единый символ для всех? Европа ведь сталкивается с тем же самым. Там тоже очень много микро-сообществ, микро-групп, этнических, культурных и каких угодно. Иногда они просто настолько мелкие, что общее найти очень сложно...

Для сегодняшней молодежи (для многих) Великая Отечественная война (воспринятая, большей частью, на основе современной кино- и телепродукции) остается патриотичным, любимым событием нашей истории и памяти...

И мне кажется, что эта проблема – символики власти – как раз состоит в том, что массовое общество не предполагает единой символики. Ну какой для них... для них символ это M&M's, например, какие-нибудь чипсы Lays – это для молодежи символ современности.

В. Н. Земцов: Тогда, может быть, это правильно, что у нас сейчас нет устоявшихся символов?

А. А. Орлова: В Британии тоже общая символика в какой-то степени разламывается. Британия, британский флаг – это сегодня уже в большей степени бренд...

Н. Н. Баранов: И в первую, извините, на исподнем.

В. Н. Земцов: Для европейца это нормально.

[...]

А. Г. Мосин: Нам надо не столько о символах, наверное, думать, сколько о том, как привести в нормальное соответствие отношения общества и государства... На Западе государство существует для человека, а не человек – для государства.

В. А. Ляпин: У нас человек для государства.

А. А. Орлова: Это, возможно, потому, что они сами строили свое государство, т. е., мне кажется, что каждый европеец ощущает свой вклад в это строительство, даже если это как бы...

А. Г. Мосин: «Государство – это мы!»

А. А. Орлова: Да, ощущает свою сопричастность. В то время, как у нас – «кто-то там построил», «что-то где-то сделали», там в Москве, а мы на периферии, на окраине, и получается, что мы и не чувствуем себя ответственными ни за что...

В. А. Ляпин: Совершенно верно. Свобода всегда подразумевает ответственность. Ответственность за свои поступки...

В. Н. Земцов: Ну что ж, разговор состоялся весьма интересный. Мы ведь начали с символов, а в конечном итоге вышли на проблемы, во-первых, сохранения памяти и, в общем-то (не знаю, согласитесь, коллеги, или не согласитесь), память – такая вещь, что она в первоначальном виде сохраняться не может, она сохраняется в совершенно разных вариациях, и то, что сегодня память о войне сохраняется в нашем обществе столь причудливо, столь неожиданно, это, по-моему, здорово. Здорово почему? Потому что память все равно сохраняется; она в

прежнем варианте, конечно, сохраниться не может... жизнь вносит очень серьезные коррективы.

В. А. Ляпин: Кстати, а почему память о войне так упорно государством насаждается? Потому что...

В. Н. Земцов: ...да понятно, почему.

В. А. Ляпин: Очень простой ответ: память о войне – это единственное, что объединяет наше общество...

В. Н. Земцов: Не только поэтому...

Вторая проблема, на которую мы сегодня вышли – проблема все-таки национальной идентичности, идентификации (через символы или через что-то другое). Вообще-то картинка получилась размытая. А по большому счету, если вдуматься, ну и что, что у нас проблема с символами? Ну и что, что у нас проблема все еще с идентичностью? Может как раз это и к лучшему...

Не знаю, после нашего разговора у меня, несмотря на определенный изначальный пессимизм, осталось все-таки какое-то светлое ощущение. Светлое ощущение от понимания того, что это в общем-то не тупик, это реальная жизнь... Мы просто констатировали то, что реально происходит. Может быть, и дальше будет происходить. Несколько даже посмеялись над европейцами, которые судорожно пытаются эти свои «места памяти» сконструировать...

Н. Н. Баранов: ...сконструировать-то, на пустом месте, на самом деле.

М. В. Шистеров: Мне представляется, что проблема с идентичностью сейчас не только у нас, но и в Европе. И эта проблема очень серьезная, потому что, мне кажется, она еще даже не вполне самими европейцами осознана. Потому что...

А. А. Орлова: Да нет, почему? Мне кажется, они работают в этом направлении...

В. Н. Земцов: Вообще, мне страшны народы и страшны люди, которые уже этот процесс завершили. Они считают, что знают, кто они такие. Я имею в виду фундаментальных исламистов и китайцев. Вот это страшно!

Н. Н. Баранов: Извините, Владимир Николаевич, но мы живем в таком гигантском оформленном пространстве, что иной идентичности, кроме имперской, у нас быть не может...

В. А. Ляпин: Совершенно верно.

Н. Н. Баранов: ...и между идентичностью родовой (по принципу: «Я знаю своих предков до такого-то колена») и идентичностью имперской, нет другой больше никакой... Да и в имперской истории у нас очень немного таких «прорывных»

сюжетов, которые подкрепляли бы эту идентичность, и победа в войне – это наверное самый великий, самый важный...

[...]

В. Н. Земцов: У нас несколько идентичностей, в каждом из нас несколько...

[...]

А. Г. Мосин: А в Китае есть какие-то символы, которые объединяют всю нацию?

С. В. Смирнов: Конечно, это общегосударственные символы, связанные с их сравнительно недавним прошлым, т. е. это символика революции и Китайской Народной Республики.

А. Г. Мосин: А пятитысячелетняя культура?

С. В. Смирнов: Пятитысячелетняя культура присутствует...

В. А. Ляпин: Я думаю, что в конкретной жизненной ситуации любой китаец поступит так, как учил Конфуций.

С. В. Смирнов: Вот ради Бога, давайте не будем трогать Конфуция, потому что я сейчас начну рассуждать об ориентализме, о том, что с этим символом сделала Европа и насколько вообще конфуцианство в самом Китае считается конфуцианством как неким единым учением, и насколько все китайцы конфуцианцы. Нет, мы же конкретно говорим о символике власти. Символика власти в современном Китае никакого отношения к конфуцианству не имеет... То, что заявляет коммунистическая партия Китая на сегодняшний день – конфуцианство как составная часть культуры и цивилизации. Культуры и цивилизации, а не политики. А вся политическая сфера обозначена в нормальных четырех символах, которые неизменны: социалистический путь развития, диктатура пролетариата, приоритет коммунистической партии и марксизм, маоизм, легизм...

Те, кто не согласны признавать эту единую символику, кто считает, что ее нужно изменить, чаще всего оказываются за пределами Китая...

В. А. Ляпин: Вот там (за пределами Китая) и притворяй свои идеи в жизнь, а в Китае не надо.

С. В. Смирнов: Ну, примерно так об этом в Китае и говорят. Но самое интересное, что китайцы-эмигранты все равно остаются китайцами и время от времени в Китай возвращаются (иногда уже навсегда). Яркий пример – Ду Имин, один из крупнейших конфуцианцев современной эпохи. Еще лет двадцать назад он активнейшим образом критиковал Китай и все его попытки возродить конфуцианство. «Ничего тут у вас не получится, конфуцианство выхолощенное, все это идет в угоду комму-

нистической партии, которая пытается укреплять свои позиции», в таком роде. Прошло немного времени, буквально лет пять назад, наверное, он возвращается в Китай, при этом будучи титулованным человеком (он в США, в Гарварде, возглавлял институт), один из крупнейших китаеведов, а сейчас он стал ведущим советником штаб-квартиры Института Конфуция в Китае. И совсем по-другому уже представляет свою позицию: конфуцианство это стержень того миропорядка, который может быть создан на пространстве постзападном, когда Запад утратит свои позиции.

В. А. Ляпин: Наверное, в этом и заключается удивительная стабильность (вечность!) китайской цивилизации – ведь, собственно, единственная из древних империй, которая жива до сих пор; все погибли, ни одной не осталось, только Китай. Непрерывная история с тех самых лет...

В. Н. Земцов: Но все же Китай другой уже стал, и он множество раз менялся.

В. А. Ляпин: Нет, Владимир Николаевич, я к тому, что в каждом китайце сидит то, что все приходящее, а Китай вечен, Поднебесная вечна. Это в каждом китайце сидит. Я не думаю, что в русском человеке что-то подобное есть...

В. Н. Земцов: В общем, друзья мои, я снова воспроизвожу мысль, которую уже говорил: может это и хорошо, что в нашем обществе пока нет каких-то жестко заданных символов. Есть возможность, есть надежда... постепенного формирования того, что мы называем гражданским обществом. Не знаю, мне кажется, что все-таки перемены за последние – сколько уже? – двадцать лет произошли и перемены очень значительные. Иногда мы не замечаем этого. Нам, конечно, казалось тогда, в конце 1980-х – начале 1990-х гг., что все будет гораздо быстрее, гораздо радостнее. Ну, это была наивность, конечно, и тем не менее, перемены есть. Постепенно мы начали иначе одеваться, иначе говорить, иначе мыслить, даже когда мы бьем себя в грудь и говорим, что мы из советского прошлого, на самом деле, мы уже другие. Вот за эти двадцать лет произошли перемены очень значительные. И хочется надеяться, что они будут происходить и дальше, несмотря на все попытки реанимировать то, из чего мы вышли, возродить то, от чего мы, я надеюсь, откапались. Мы изменимся, не завтра, так послезавтра...

А. М. Кручинин: Вы все знаете, что на нашем главном проспекте напротив Музея камнерезного искусства стоит памятник Екатеринбургскому пехотному полку. Памятник сей был поставлен в 2007 г., прежде всего, благодаря усилиям и

энергии многим известного [архитектора и дизайнера] А. Новикова. Памятник был украшен символами российского государства – двуглавый орел со всеми своими коронами и прочими символами. Прошло буквально несколько месяцев и вот все эти символы, короны, оказались отломанными любителями цветных металлов (еще была сорвана передняя доска с памятной надписью). После долгих трудов и обращений – Новиков даже в канцелярию президента писал по этому поводу! – все-таки памятную доску с надписью восстановили, а символы государственности восстанавливать не стали. Обезображенный памятник так и стоит по сей день... То есть это говорит о чем? Что нет у нас символов государственности...

А. А. Орлова: Уважения нет...

А. М. Кручинин: ... в нашем сознании нет, но Бог с ним, памятник-то ведь стоит.

II. Материалы региональной научной конференции по проблемам современного исторического описания «Чтения памяти профессора Б. А. Сутырина»

Код ВАК 07.00.09

И. В. Даренская

«ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ» КАК ИСТОЧНИК АНАЛИЗА ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В 1920–30-Е ГГ.

Даренская Ирина Викторовна, доцент кафедры документоведения и права Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (622036, Россия, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57); кандидат исторических наук.

Darenskaya Irina, associate professor of the Department of Documetation and Law of Nizhniy Tagil State Academy of Social Learning and Pedagogics (622036, Russia, Nizhniy Tagil, Krasnogvardeyskaya Street, 57); PhD.

Телефон/Phone: +7 (3435) 25-75-22. Электронная почта/E-mail: ivilinych@mail.ru.

В статье ставится проблема интерпретационного потенциала документов советского периода, а именно писем, жалоб, обращений в государственные структуры и советским вождям. Автор рассматривает возможности применения дискурсивных теорий как методологии исследования источников. Выявлены особенности взаимоотношения властных структур и общества в 1920–30-е гг.

Ключевые слова: политическое пространство, властный и низовой дискурс, «письма во власть», восприятие власти, легитимность.

Властные отношения – явление совершенно неизбежное как прямое следствие природы человека, поскольку искание над собой власти и желание властвования заложены в подсознании человека. Оставаясь актуальной всегда, проблема взаимоотношения власти и общества в ситуации происходящих социально-политических изменений является особо актуальным предметом дискуссий в современной исторической науке.

Даренская Ирина Викторовна, доцент кафедры документоведения и права Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (622036, Россия, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57); кандидат исторических наук.

Darenskaya Irina, associate professor of the Department of Documetation and Law of Nizhniy Tagil State Academy of Social Learning and Pedagogics (622036, Russia, Nizhniy Tagil, Krasnogvardeyskaya Street, 57); PhD.

Телефон/Phone: +7 (3435) 25-75-22. Электронная почта/E-mail: ivilinych@mail.ru.

Для адекватности исследования этой проблемы необходимо обратиться не только к изучению функционирования современной политической системы, но и к анализу моделей и стратегий властных отношений, используемых предшествующими поколениями людей, что требует формирования специфической источниковой базы.

Одним из наиболее информативных источников для изучения проблемы взаимодействия власти и общества в 1920–30-е гг. являются «письма во власть», под которыми мы понимаем обращения, заявления, жалобы граждан в государственные структуры и советским вождям. Эти различные формы обращений отражают колебания общественных настроений и сдвиги в массовом сознании, происходившие в ходе «сталинской революции сверху», сопровождающейся утверждением новой системы властных отношений.

Диалог посредством писем в рамках системы «власть – общество» – явление характерное для России с ее спецификой отношений народа и государства, и апеллирование к верховной власти в 1920–30-е гг. опиралось на челобитную и петиционную культуру, имеющую глубокие корни.

Рассмотрим основные реквизиты «писем во власть», позволяющие выявить специфику отношений власти и общества.

Одним из наиболее важных для анализа элементов письма является обращение к адресату. В письмах, жалобах и прошениях, направляемых в центральные партийные и советские органы, а именно в обращениях к политическим лидерам, которые являлись персонифицированными символами верховной власти, четко прослеживается эмоционально-личностное обращение.

Выявленные обращения можно разделить на две группы: патерналистско-традиционные и гражданско-сознательные, официальные. К первой группе мы отнесли такие формы как «отец родной» (2,4 % от общего количества обращений), «дорогой» (8,2 %), «многоуважаемый» (5,8 %), «дорогой наш дедушка» (1,9 %), «любимый» (0,48 %), «дядя» (1 %), «дорогой, милый друг» (2,4 %). Ко второй группе мы отнесли такие формы как «товарищ ...» (42 %), «дорогой товарищ» (12,6 %), «уважаемый товарищ» (8,2 %), «гражданин» (5,8 %), «дорогой революционный вождь» (2,4%), «родной товарищ» (1 %), «уважаемый гражданин» (0,48 %) ¹.

Преобладание официальных «обращений-символов» доказывает укоренение в сознании общественных стереотипов мышления и поведения. В то же время их смысловое сочетание с традиционными обращениями «родной», «дорогой», «уважаемый» указывает на двойственность сознания, сочетающего в себе стереотипы двух эпох. Помимо отождествления государственной советской власти с семейной патриархальной, в восприятии

¹ См.: Лившин, Орлов, Хлевнюк 2002.

общества сохранились характерные для общения с царской властью обращения «с покорной просьбой к вашей милости», «благодарствую». Данный феномен является следствием привычки, привязанности к устоявшейся модели взаимодействия власти и общества.

Дальнейший анализ текстов писем позволяет сделать вывод, что наряду с традиционным типом легитимности власти, все больший вес приобретает харизматический тип. Массовый человек, вступивший на арену политического действия, пережив политическую «встряску» XX в., нуждался в руководителе-вожде, которому бы он доверял, которому бы он безоговорочно подчинялся и позволял говорить от своего имени. Это то, что Э. Фромм назвал «бегством от свободы». Массовое политическое сознание 1920–30-х гг. являлось, во многом, инфантильным политическим сознанием. Господствующим являлось убеждение, что власть не только выражает интересы людей, но и знает эти интересы глубже, чем сам народ,

В представлениях людей И. Сталин являлся символом идеальной власти, выполняющей две функции: принятия решений, согласующихся с желаниями народа, и защиты его от произвола местных руководителей. В этом случае сохранялись элементы традиционной политической легитимности в форме распространенных мифов о неведении вождей о проблемах народа. В восприятии народа вызывал удивление тот факт, что власть может не знать о происходящем: «неужели вы не знаете, что творится у нас..?». При этом граждане сами находили ответ на вопрос: «высшая власть, очевидно, часто неверно информируется». Традиции «наивного монархизма» в восприятии царской власти, когда царь идеализировался посредством списания всех грехов на чиновников, сохранились и в советский период.

В условиях социальной напряженности народ пытался найти поддержку в лице вождей. Образ вождя компенсировал, в определенной мере, отсутствовавшие в реальности упорядоченность и смысл существования². Харизматичность вождя основывалась на стремлении людей подчиняться ему в силу исключительных личностных качеств, которые являются в период социальных потрясений, а также на силе неформального авторитета, который базируется на вере и на эмоциональном личностном отношении вождя и масс. Восприятие Сталина как «непоколебимого, стального большевика» явилось следствием мифологизации массового сознания. Этот элемент восприятия власти ярко отражен в письме А. С. Калиновского М. И. Калинин: «...Все мои письма диктовались самой искренней к Вам любовью, как человеку, выше которого по гениальному уму, по человеческой чистоте, по неслышанной чуткости и сверхчеловеческой доброте и мудрости – стоит только наше «солнце – счастье» И. В. Сталин... Я поэтому не могу

² См.: Быкова 2002: 20.

придумать другого выражения и сравнения, как только такое, что Вы для меня богочеловек, а И. В. Сталин – бог».

В 1920–30-е гг. неотъемлемой чертой образа вождя стала роль гаранта успешного развития страны и счастливой жизни людей. В речи людей появились новые, легко воспринимаемые клише: Сталина называли организатором социалистического строительства, под руководством которого страна превратилась из нищей и отсталой в передовую и могучую; именно ему удалось обеспечить радостную жизнь народам советского государства. Таким образом, в представлениях людей все достижения народа ассоциировались с именем вождя.

В то же время следует отметить особенность харизматического отношения к власти, которую можно определить как доверительно-товарищеские отношения с ней. Об этом свидетельствуют следующие часто встречаемые в письмах выражения: «разрешите, тов. Молотов, покритиковать Вас», «вызываю на социалистическое соревнование Михаила Ивановича Калинина», «прохвост Луначарский, как тебе не стыдно врать»³. Это связано с ощущением единства народа и власти в виду следования единой идеологии. В то же время, перестав быть сакральным в восприятии народа, образ власти претерпел значительные изменения: «Оце наша власть так робыть, як свинья пид дубом, шо жолудив наелась тай корни стала».

Наиболее значимым для каждого отдельного человека являлось чувство личностной связи с представителем властных структур. Эти настроения отразились в использовании таких эпитетов, как «родной». Весьма показательны обращения к советским вождям на «Ты», не только в частных, но и коллективных посланиях.

Особенно высоким информативным потенциалом для исследования образа вождя в восприятии народа обладают письма-ответы на выступления лидеров, так как в них в личном восприятии преломлялись стереотипы официальной пропаганды. Письма, которые являлись неотъемлемым звеном диалога власти и общества, отличаясь по стилю, сохраняли необходимые при упоминании верховной власти структурные элементы: признание правильности политики партии и государства; клятву верности и преданности делу строительства социализма. Желание достичь взаимопонимания с властью четко выражено в попытках людей освоить официальный язык. Наряду с личной подписью письма содержат следующие стереотипно-официальные приветствия: «с коммунистически приветом» (встречается 44 раза), «с партийным приветом» (10 раз), «с товарищеским приветом» (19 раз).

В завершении письма обычно содержали варианты приветствий в честь вождя: «Да здравствует Коммунистическая партия и наш дорогой

³ См.: Голос народа 2008.

вождь товарищ Сталин...». Это согласуется с особым образом восприятия власти, основанным на аффективном виде социального действия, в котором можно выделить следующие черты:

- 1) любовь к власти, вера в ее непогрешимость справедливость;
- 2) слепой радостный энтузиазм;
- 3) уверенность в близком светлом будущем;
- 4) убежденность в справедливом приоритете общественного блага над личными интересами.

Анализ всех реквизитов «писем во власть» позволяет говорить о том, что рубеж 1920–30-х гг. явился переломным периодом в восприятии власти. При утверждении в обществе индустриального типа развития изменяется превалирующий тип ориентационных действий от традиционных аффективных к целе- и ценностно-рациональным, то есть постепенно вес приобретает и легальная форма легитимности власти, основанная на формально-правовом начале, вере в правильность юридических норм, следовании обезличенным правилам, доверии граждан к устройству государства, то есть вере в законность (легальность) установленных порядков.

Таким образом, анализ «писем во власть» показывает, что исторические обстоятельства, в том числе изменение социального взаимодействия между носителями власти и обществом, в силу начавшейся модернизации привели к созданию новой социальной системы. Отношение к властным институтам было неоднозначным, противоречивым, сочетало в себе элементы нового мировоззрения и черты традиционности, эмоциональные реакции на происходившее и личностно переосмысленные стереотипы официальной пропаганды.

Список источников и литературы

- Быкова 2002 – Быкова С. И. Политические представления советских людей в 1930-е годы (на материалах уральского региона): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2002.
- Голос народа 2008 – Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. – М.: РОССПЭН, 2008.
- Лившин, Орлов, Хлевнюк 2002 – Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. – М.: РОССПЭН, 2002.

Irina V. Darenskaya

«LETTERS TO THE POWER»

AS THE SOURCE OF THE ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN POWER AND SOCIETY IN 1920-30S

The article is aimed at the problem of interpretive potential of the soviet period documents, namely letters to government agencies and to Soviet leaders. The author considers the possibility of application of discourse theories as to the methodology of the research sources. Peculiarities of interactions between the government and society in 1920–30s.

Key words: political space, power and lower discourse, «letters to the power», perception of power, legitimacy.

Код ВАК 07.00.02

У. П. Ефремова

НАЧАЛЬНЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ УЧИЛИЩА И ИХ КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В работе показано участие церковно-приходских, мусульманских и других учебных заведений в системе начального образования на Урале в конце XIX – начале XX в. Рассматривается влияние церковно-приходских школ для инородцев на процесс обращения национальных меньшинств в православие и на распространение грамотности среди нерусского населения.

Ключевые слова: инородцы; церковно-приходские школы; мусульманские школы; православие.

На сегодняшний день Россия представляет собой полиэтничное государство, на территории которого живет большое количество народов. Подобная ситуация была характерна и для конца XIX – начала XX в., в связи с чем сложившаяся система образования должна была, с одной стороны, решать проблемы доступности образования, с другой стороны, учитывать культурные, религиозные и языковые особенности инородческого населения России, в том числе и Урала, в рассматриваемый период.

Ефремова Ульяна Павловна, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Екатеринбургской академии современного искусства (620078, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 40а).

Efremova Ul'iana, senior teacher of the Department of humanities disciplines of Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (institute) (620078, Russia, Ekaterinburg, Mira Street, 40a).

Телефон/Phone: +7 (343) 375-42-26. Электронная почта/E-mail: uliana_ef@mail.ru.

Уральский регион заметно отличался от центральной России тем, что на его территории в исследуемый период проживало большое количество различных этнических и религиозных групп.

Из таблицы 1 видно, что к 1897 г. количество православного населения в Пермской губернии составляло 86,7%, а количество лиц, придерживающихся других религиозных воззрений, – 13,3%. На территории Вятской губернии проживало 91,9% православного населения и 8,1% лиц, принадлежащих к другим религиям. В Уфимской губернии к 1899 г. проживало 40,5 % православного населения, 53,2 % мусульман и около 6,3% лиц, придерживающихся других религиозных воззрений. Таким образом, наибольшее количество нехристианского населения, большая часть которого были мусульманами, проживало в Уфимской губернии.

Таблица 1
Религиозный состав населения Урала в 1897 и 1899 гг.⁴

Губернии	Вероисповедание население								Итого населения
	Православные	% соотношение	Лица христианского исповедания	% соотношение	Мусульмане	% соотношение	Лица нехристианского исповедания	% соотношение	
Пермская (1897 г.)	2597177	86,7	222119	7,5	151495	5,1	23511	0,7	2 994 302
Вятская (1897 г.)	2786862	91,9	99307	3,3	132851	4,4	11811	0,4	3030 831
Уфимская (1899 г.)	899500	40,5	30686	1,4	1181939	53,2	108275	4,9	2220 400

Материалы, извлеченные из журнала Совета Министра народного просвещения, свидетельствуют, что целью создания церковно-приходских школ для национальных меньшинств являлось «религиозно-нравственное образование инородцев, утверждение в православной вере и ознакомление с русским языком»⁵.

В соответствии с данной целью были обозначены задачи обучения нерусского населения в церковной школе. Так, одной из задач церковной школы для обучения инородцев было стремление обрусить

⁴ Составлено по: Первая всеобщая перепись 1904b: 92–93; Первая всеобщая перепись 1904a: 84–85; Златоверховников 1899.

⁵ Школы 1901: 8–9.

нерусские народы и обратить их в православную веру⁶. Второй задачей стала ликвидация языкового барьера между русским и нерусским населением. Третьей задачей духовного обучения и обучения грамоте являлось налаживание культурных и экономических связей между русским и нерусским народами. Таким образом, образование инородцев сводилось к обучению их русскому языку и обращению через образование в православие.

Интерес правительства и церкви к открытию церковно-приходских школ для обучения нерусского населения отмечается с 1890-х гг. Он был обусловлен тем, что правительство поставило вопрос о введении всеобщего начального образования, и в связи с этим уральское духовенство и земство расширили финансирование на открытие данного вида школ. Проанализировав сложившуюся ситуацию и опыт общения с этническими меньшинствами, правительство пришло к выводу, что на обрусение инородцев хорошо повлияют те школы, главной целью которых является религиозно-нравственное воспитание и обучение (внутреннее обрусение), а также изучение русского языка (внешнее обрусение).

Впервые инородческие школы в Уральском регионе начали открываться в 1872 г. Вначале это были миссионерские школы, затем как «инородческие» стали функционировать и другие начальные учебные заведения⁷.

По данным журналов заседаний Пермского Епархиального училищного совета и журналов отделений Епархиального училищного совета⁸ можно сделать вывод, что церковно-приходские школы для инородцев открывались по указанию Святейшего Синода в местностях с большим скоплением нерусского населения для обучения грамоте и распространения христианства. Ярким примером строительства таких школ является Чердынский уезд Пермской губернии. Здесь инородческих школ к 1900 г. было восемь: Сенинская, Селищенская, Бачмановская и др.⁹

Со временем количество начальных церковно-приходских школ для инородцев росло; это прослеживается по Оренбургскому учебному округу, куда входили Оренбургская, Пермская и Уфимская губернии. Данный округ занимал первое место по организации этого типа на-

⁶ РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 1019: Л. 4.

⁷ Рыбаков 1901: 8–9.

⁸ ГАПК. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 392: Л. 28–38.

⁹ Там же. – Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 10: Л. 18 об.

чальных училищ. Так, в 1890 г. инородческих школ здесь насчитывалось 144, в 1894 г. – 169, в 1915 г. их количество выросло до 878 школ. Причем в это число школ включено общее количество церковно-приходских и миссионерских школ, созданных для национальных меньшинств.

Процент охвата детей церковно-приходскими школами для инородцев был ничтожно мал, это доказывают примеры состояния школьного дела в Вятской губернии. Так, в 1894/1895 учебном году в Вятской епархии в инородческих школах, зафиксированных в комитетах Православного Миссионерского Общества и в школах Братства Святителя и Чудотворца Николая, обучалось всего 959 мальчиков и 184 девочки, а в 1893/1894 г. – 659 мальчиков и 240 девочек¹⁰. В их число входили учащиеся как церковно-приходских, так и церковных миссионерских школ.

В Соликамском уезде Пермской губернии в 48 школах духовного ведомства в 1899/1900 учебном году числилось 1748 мальчиков и 510 девочек. В коми-пермяцких волостях Соликамского уезда в 1906/1907 учебном году в 33 школах духовного ведомства для нерусского населения обучались 1031 мальчик и 154 девочки. Например, в Волпинской церковно-приходской школе для национальных меньшинств обучался 31 мальчик и одна девочка¹¹.

Церковно-приходские школы для нерусского населения не пользовались популярностью среди инородцев. Этому было несколько причин. Во-первых, недоверие национальных меньшинств к данному виду учебных заведений, обусловленное стремлением преподавателей в процессе обучения приобщить учеников к православной вере, что большинством инородцев воспринималось негативно. Во-вторых, местное население могло отдавать своих детей для обучения в другие типы школ, в первую очередь в земские, а также в национальные (мектебе и медресе), старообрядческие и другие начальные учебные заведения. В-третьих, большой помехой для обучения было незнание русского языка.

К 1897 г. большое количество татарского населения проживало на Южном Урале, в Уфимской и Оренбургской губерниях; в Пермской губернии их насчитывалось около 86 тысяч. Это частично подтверждают данные таблицы 1. Татары строили собственные школы¹².

Мусульманские начальные школы представляли собой элементарные духовные школы – мектебе, где обучали чтению, письму, сче-

¹⁰ Отчет 1895: 12–13.

¹¹ Бачев 1995: 43.

¹² Сафронова 2002: 66.

ту, знакомили с установками ислама, преподавали Коран и другие произведения религиозного содержания.

Небольшие изменения в учебном процессе в этих школах начались в конце XIX в.: они стали превращаться из конфессиональных школ в национальные, с преподаванием предметов на родном языке. Обучение в мусульманских школах велось на татарском языке. Данные школы содержались за счет местного населения, в отличие от инородческих церковно-приходских школ Урала, финансировавшихся, в первую очередь, православной церковью и государством.

Кроме мусульманских на Урале функционировали и старообрядческие заведения. Например, в Шадринском уезде в 1890-х гг. раскольники открыли свою школу¹³.

По данным М.П. Гареевой, конкуренцию инородческим церковно-приходским школам, помимо татарских, составляли и земские начальные училища для нерусского населения, в частности для марийцев. По ее подсчетам, в Уфимской епархии дети марийцев обучались в 49 земских одноклассных училищах, 38 из которых размещались в Бирском уезде, 8 – в Белебеевском и 3 – в Уфимском уезде. М.П. Гареева полагает, что земские училища наряду с министерскими представляли собой основные учебные заведения, обучавшие марийцев грамоте: ежегодно в них проходили обучение около 1,5 тыс. детей марийцев. В то же время, как считает исследовательница, начальные церковные училища для инородцев составляли 9,2% среди всех марийских школ¹⁴, что говорит об определенной роли начальных церковных школ в повышении грамотности марийцев.

Источники свидетельствуют, что после получения образования в церковно-приходских школах небольшая часть учащихся нерусской национальности переходила в православие. Примерами служат племена манси (вогулов), проживавшие на территории Екатеринбургского, Ирбитского и Шадринского уездов. В начале XX в. вогулы приняли христианство, обучались в церковных и земских школах, хорошо говорили по-русски. Правда, небольшая часть манси осталась необрусевшей, их насчитывалось около 10 юрт, расположенных на краю Верхотурского уезда. К 1906 г. марийцы (язычники) Яранского уезда Вятской епархии приняли православную веру¹⁵ и т.д. Влияние обучения в церковно-приходских школах для принятия решения об изменении веры не вызывает сомнений.

¹³ Ушмарский 1888: 883–886.

¹⁴ Гареева 2011: 13–14.

¹⁵ Влияние миссионерских школ 1901: 15–19.

Однако ни в коей мере нельзя говорить об успехах государственной политики по обрусению национальных меньшинств. Так, например, татары сумели сохранить свою веру, несмотря на распространение церковно-приходских школ для инородцев, миссионерских и других типов начальных учебных заведений. Согласно материалам отчета Екатеринбургского комитета миссионерского общества за 1915 г., в Екатеринбургской епархии к 1915 г. в состав инородцев входили мусульмане и башкиры, жившие в отдельных деревнях, где имели свои школы и мечети. Часть из них, живших в заводских районах епархии, отправляли своих детей обучаться в русские школы, но это не привело к их обрусению¹⁶.

Таким образом, инородческие церковно-приходские школы в исследуемый период играли особую роль в системе начального образования на Урале. Церковно-приходские школы создавались государством не только с целью распространения грамотности среди инородцев, приобщения их к экономическим и культурным достижениям русского народа, но и создания условия для обращения национальных меньшинств в православие. Однако значительных результатов в приобщении к православной вере достигнуто не было.

Список источников и литературы

- ГАПК – Государственный архив Пермского края.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
Бачев 1995 – Бачев Г. Т. Страницы истории Коми-Пермяцкого автономного округа. – Пермь: Б.и., 1995.
Влияние миссионерских школ 1901 – Влияние миссионерских школ на население // Вятские епархиальные ведомости. – 1901. – № 24.
Гареева 2011 – Гареева М. П. Развитие просвещения среди марийцев Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Йошкар-Ола, 2011.
Деятельность противомусульманской миссии 1917 – Деятельность противомусульманской миссии Екатеринбургской епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1917. – № 14.
Златоверховников 1899 – Златоверховников И. Г. Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. – Уфа: Издание Уфимского епархиального братства Воскресения Христова, 1899.
Отчет 1895 – Отчет о деятельности церковно-приходских школ за 1894–1895 учебный год // Вятские епархиальные ведомости. – 1895. – № 14.

¹⁶ Деятельность противомусульманской миссии 1917: 102–107.

- Первая всеобщая перепись 1904a – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 10: Вятская губерния.. – СПб: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1904.
- Первая всеобщая перепись 1904b – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 31: Пермская губерния. – СПб: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1904.
- Рыбаков 1901 – Рыбаков С. Просвещение инородцев в Пермской губернии. – СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1901.
- Сафронова 2002 – Сафронова А. М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. – Екатеринбург: Независимый институт истории материальной культуры, 2002.
- Ушмарский 1888 – Ушмарский А. Школа и раскол // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1888. – № 38.
- Школы 1901 – Школы Миссионерского Комитета // Вятские епархиальные ведомости. – 1901. – № 24.

Yl'yana P. Efremova

PRIMARY CHURCH SCHOOLS AND THEIR CULTURAL INFLUENCE ON THE NATIONAL MINORITIES AT THE URALS AT THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

The work shows participation of parish, Muslim and other schools in the system of primary education at the Urals at the end of XIX – beginning of XX centuries. It analyzes the influence of parish schools for inorodtsev (members of national minorities) on the process of their conversion to the Orthodoxy and expansion of literacy among non-Russian population.

Key words: inorodtsy; parish schools; Muslim schools; the Orthodoxy.

А. В. Иванов, А. В. Трофимов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЕКТОРЫ И ТРЕНДЫ

В статье сформулированы основные направления социальной модернизации, осуществляемой в России в течение двух последних десятилетий ее истории. Выявлены проблемы модернизационного процесса, в частности, его незавершенность, наличие институциональных деформаций, обусловленных устойчивостью традиционных отношений.

Ключевые слова: Россия; модернизация; общество; государство; реформы.

В современной литературе термин «модернизация», понимаемый как одна из фундаментальных исторических трансформаций, употребляется в различных смыслах: 1) для обозначения широкого многовекового перехода от традиционности к современности (хронологически совпадающего с переходом от Средневековья к Новому и Новейшему времени); 2) для определения многовариантного процесса, в ходе которого отставшие догоняют ушедших вперед; 3) для характеристики преобразований, совершенствований, реформ, внедрения инноваций, которые осуществляются в современных, уже современных обществах в ответ на новые вызовы; 4) для объяснения усилий, предпринимаемых странами Третьего мира с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; 5) для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами¹⁷.

Иванов Алексей Викторович, доцент кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45); кандидат исторических наук, доцент.

Ivanov Alexei, associate professor of the Department of General and Economic History of Ural State University of Economics (620144, Russia, Ekaterinburg, 8-th of March / Narodnoy Voli Street, 62/45); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 251-96-12. Электронная почта/E-mail: ivanovav55@yandex.ru.

Трофимов Андрей Владимирович, профессор кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета; доктор исторических наук, профессор.

Trofimov Andrei, professor of the Department of General and Economic History of Ural State University of Economics; Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 251-96-12. Электронная почта/E-mail: 2519612@rambler.ru.

¹⁷ Цивилизационное своеобразие 2011: 10.

Модернизация, по мнению большинства исследователей, подразумевает рациональный контроль над природным и социальным окружением человека, тесную интеграцию в мировую культуру, осуществление научной революции, распространение рационального взгляда на жизнь, строительство либерально-демократического государства¹⁸. Как известно, в социальной области модернизация предполагает разделение функциональных ролей, выполняемых индивидами в обществе, вытеснение отношений личной зависимости между людьми отношениями их личной независимости, смену социального критерия «сословное» на критерий «классовые отношения», исключение социальных различий между полами и прочие изменения, свидетельствующие о расширении степеней свободы индивида, позволяющие в более полной мере реализовать многообразные человеческие потребности и интересы.

Советская модель модернизации, реализованная в XX в. в мобилизационном варианте, наряду с очевидными достижениями в области образования, развития науки, выстраивания «социальных лифтов», обладала целым рядом имманентных ограничителей и изъянов, которые привели к отказу от этой модели. Цена этого отказа – крушение СССР, социокультурный кризис и поиск новой модели развития.

Прошедшие два десятилетия позволяют подвести некоторые итоги и, в первом приближении, осмыслить векторы, динамику и последствия происходящих в Российской Федерации социальных изменений.

Первый вектор может быть обозначен, как отказ от мобилизационной модели развития, переход к созданию современного государства, построенного на принципах политической конкуренции и рыночной экономики.

Второй вектор – выстраивание партнерских отношений государства и гражданского общества, в том числе и путем создания последнего с помощью государственных инструментов.

Третий вектор – саморегулирование общественных процессов, углубление социальной дифференциации и создание условий для сбалансированного развития конкурентной среды с целью повышения эффективности функционирования разных сфер общественной жизни.

Четвертый вектор – сохранение государством (в русле его социальных обязательств) функций поддержки целого ряда категорий граждан, нуждающихся в ней.

¹⁸ Побережников 2006: 58–59.

Пятый вектор – повышение качества всех государственных и социальных институтов с помощью постоянного мониторинга и выстраивания современной системы социокультурных коммуникаций.

Шестой вектор – акцент на евразийский характер российского социума и реализация преимуществ, связанных с этой характеристикой.

Очевидно, что разработка стратегии осуществления этих векторов, как и ее практическая реализация, осложняются как наследием предыдущей модели развития, влиянием глобальных мировых флуктуаций, так и просчетами и ошибками акторов социального действия, на разных уровнях социально-политической системы.

Одной из важных проблем является качество социальных институтов и эффективность их функционирования. К социальным институтам, как правило, относят ценностно-нормативные комплексы (ценности, правила, нормы, установки, образцы, стандарты поведения в определенных ситуациях), а также органы и организации, обеспечивающие их реализацию и утверждение в жизни общества и элементы общества, представляющие стабильные формы организации и регулирования общественной жизни.

При анализе качества и эффективности социального института необходимо обратить внимание на его структуру. Ее составляют социальные группы и социальные организации, призванные удовлетворять потребности групп, личности; совокупность норм, социальных ценностей и образцов поведения, которые обеспечивают удовлетворение потребностей; система символов, регулирующих отношения в экономической сфере деятельности (торговая марка, флаг, бренд и т.д.); идеологические обоснования деятельности социального института; социальные ресурсы, используемые в деятельности института.

Обратимся к основным социальным институтам, к которым традиционно относят семью, государство, образование, церковь, науку, право.

Как и во многих европейских странах, институт семьи в Российской Федерации переживает не лучшее время, о чем свидетельствует статистика разводов, наличие беспризорных детей, насилие в семьях и тому подобные негативные проявления.

Качество государственных институтов в России за последние два десятилетия, несомненно, повысилось, несмотря на сохраняющиеся проблемы подготовки и реализации решений (даже президентские решения выполняются в полном объеме лишь на треть). Вместе с тем, избыток принимаемых программ, принятых государственных решений, указов и т.п. документов не базируется на публичном анализе их выполнения, а определяется тактическими политическими соображениями (судьба «национальных проектов» Д. А. Медведева).

Институт образования, подвергаемый реформированию более двух десятилетий, в значительной мере, по-прежнему, не отвечает требованиям этапа развития современной цивилизации. Вместе с тем, стремление молодых поколений к получению высшего образования не всегда адекватно реализуется с точки зрения качества предоставляемых образовательных услуг в целом ряде вузов, превратившихся их «храмов знаний» в «фабрику дипломов», что в свою очередь снижает «социальную капитализацию» всего социума.

Церковь, как наиболее традиционный и консервативный институт, переживает нелегкие времена и не всегда готова адекватно современным реалиям дать ответы на мировоззренческие и экзистенциальные запросы людей.

Российская наука, по ряду направлений утратила свои позиции, не только за счет недофинансирования и «утечки мозгов», но и в силу медленно меняющихся механизмов менеджмента и организации; к ней предьявляется много нареканий со стороны власти и экономических акторов.

В правовой сфере, наряду с созданным в последние годы значительным корпусом законов, серьезной проблемой остается правоприменительная практика. В обществе существует устойчивое мнение о наличии в практике судебной системы, наряду с законным правоприменением, сферы действий «по понятиям». Для процесса социальных изменений в современном мире важно сочетание принимаемого социумом баланса свободы и социальной справедливости, реализуемого на основе закона.

Приведенные суждения позволяют говорить не только о проблемах качества и эффективности социальных институтов России, но и том, что по своей природе они порой вызывают аллюзии и аналогии с феодальным, т. е. домодерновым обществом¹⁹. Россия, как и многие государства на постсоветском пространстве, переживающая определенную фазу модернизации социальных институтов и отношений, наряду с позитивными векторами развития и очевидными изменениями, сталкивается с проявлениями мирового глобального кризиса и опасными трендами, им порожденными, с неэффективностью существующих социальных институтов, инертностью и неоднородностью социальной среды.

¹⁹ Шляпентох 2008.

Список источников и литературы

- Побережников 2006 – Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. – М., 2006.
- Цивилизационное своеобразие 2011 – Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. – Екатеринбург, 2011.
- Шляпентох 2008 – Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. – М., 2008.

Alexei V. Ivanov, Andrei V. Trofimov

SOME ASPECTS OF THE SOCIAL MODERNISATION OF MODERN RUSSIA: VECTORS AND TRENDS

The article defines the main directions of social modernization, carried out in Russia in the last two decades of its history. The problems of the modernization process, in particular, its incompleteness, institutional deformations due to sustained traditional relations.

Key words: Russia; modernization; society; polity; reforms.

Код ВАК 07.00.02

Г. А. Кругликова

ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО КАК ОДИН ИЗ ПРИОРИТЕТОВ ГОСУ- ДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье раскрыта просветительская функция культурной политики государства. Показано влияние развития культуры на общественную и политическую жизнь современного общества.

Ключевые слова: просветительство; культурная политика; воздействие культуры на современное общество.

Кругликова Галина Александровна, доцент кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук, доцент.

Kruglikova Galina, associate professor of the Department of Russian History of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-72. Электронная почта/E-mail: kruglickova.galina@yandex.ru.

Федеральное законодательство и современное состояние российского общества позволяют выстраивать государственную культурную политику на новых демократических принципах. Сегодня вырабатывается принципиально новый подход к выбору приоритетов развития сферы культуры и массовых коммуникаций, основанный на соответствующих положениях Конституции Российской Федерации: «каждому гарантируется свобода мысли и слова; каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания; гарантируется свобода массовой информации; интеллектуальная собственность охраняется законом; каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям; каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры»²⁰.

В росте значимости культурной политики проявляют заинтересованность и государства, рассматривающие пропаганду своего культурного наследия и культуры как таковой как значимую политическую задачу, в особенности в условиях проявившейся в ходе глобализации тенденции к нивелировке некоторых черт национальных культур.

Эти положения, конкретизированные в посланиях Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации, помогли определить следующие основные направления государственной политики в сфере культуры и туризма на перспективу до 2020 г.: укрепление единого культурного пространства России как исторического государства-цивилизации, а также духовного единства многонационального народа Российской Федерации²¹.

Отрасль культуры, согласно данной программе, объединяет деятельность по сохранению объектов культурного наследия, развитию библиотечного, музейного, архивного дел, поддержке и развитию исполнительских искусств (в том числе театрального, циркового, музыкального), кинематографии, современного изобразительного искусства, сохранению нематериального культурного наследия народов Российской Федерации и развитию традиционной народной культуры, укреплению межрегиональных и международных связей в сфере культуры.

По состоянию на начало 2012 г. отрасль культуры включает 92160 бюджетных учреждений культуры. На государственной охране находятся более 144 тыс. памятников истории и культуры: памятники

²⁰ Конституция 1993.

²¹ Распоряжение 2013.

архитектуры (59 тыс.), памятники археологии (57 тыс.), истории (24 тыс.), и монументального искусства (около 4 тыс.). В их числе более 22 тыс. объектов имеют федеральное значение. В список объектов культурного наследия входят также более 3 тыс. ансамблей и более 2 тыс. достопримечательных мест. Значимой составляющей отрасли являются также организации культуры (в том числе более 370 театров и более 80 музеев). Общая численность работающих в отрасли, включая архивы, составляет 855 тыс. человек²². Подобное количество историко-культурного наследия нашей страны требует пристального внимания как непосредственных работников культуры по популяризации и сохранению наследия, так и активного участия населения России.

История страны наглядно показывает, что культура одной из главных функций считала просветительство. И в данном направлении одну из главных ролей играли и продолжают играть библиотеки.

Библиотеки собирают, хранят и постоянно актуализируют информацию обо всем, что человек создал, что захотел и что смог сохранить. Людям необходим доступ к информации и знаниям именно с помощью библиотек практически единственных бесплатных учреждений культуры, сеть которых охватывает всю территорию страны. Весь мир сегодня активно развивает систему библиотечного обслуживания населения, понимая, что информационные ресурсы библиотек имеют значение стратегических ресурсов, определяющих уровень социально-экономического развития и интеллектуальный потенциал любой страны.

Поэтому в Основных направлениях государственной культурной политики по развитию культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации до 2015 г. и в плане действий по их реализации, утвержденных Правительством Российской Федерации, важнейшее место занимают вопросы развития библиотечного дела²³. В документе отмечено: «необходимость сохранения и развития единого культурного и информационного пространства России обусловлена неоднородностью обеспечения населения услугами организаций культуры в силу географических особенностей страны и ряда факторов экономического характера. Такая ситуация порождает социальное неравенство в творческом развитии детей и молодежи, социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями и в целом оказывает негативное влияние на социальное самочувствие населения. В связи с этим предполагается осуществить комплекс мероприятий, направленных на обеспечение конституционных прав граждан на доступ

²² Там же.

²³ Основные направления 2013.

к культурным ценностям, пользование учреждениями культуры и создание условий для повышения качества жизни населения»²⁴.

Если рассматривать культурную политику как систему действий, направленную на решение социально значимых культурных проблем и задач, то политику в сфере библиотечного дела следует определить как систему действий, направленную на решение значимых проблем и задач в сфере специализированных культурных институтов – библиотек.

А специфика эта заключается в огромном культурном потенциале регионов и отсутствии осознания местным сообществом ценности своей территории; в огромной концентрации культурного наследия и слабых экономических возможностях областей; в сильном интеллектуальном потенциале и информационной изолированности, связанной с географией преобладающего большинства населенных пунктов нашей страны.

Это, в свою очередь, вызывает проблемы актуализации культурного наследия как стратегического ресурса социально-экономического развития региона; проблему повышенной потребности в профессиональном общении, эмоциональных контактах.

Важнейшей задачей в просветительском направлении культурной политики является работа по изучению и сохранению историко-культурного наследия. Знакомство с историей архитектурных сооружений, их ролью в истории России позволяет формировать у населения чувство сопричастности, уважения, бережного отношения к памятникам прошлого.

К ценностям («один из важнейших вопросов, требующих коллегиальной проработки как экспертами, так и обществом»), можно отнести: сохранение наследия (не только музейных ценностей, но и архитектуры и нематериальное культурное наследие); максимально широкое просветительство («принимаем как абсолютно необходимую просветительскую функцию культуры»); ориентация на большинство («учитываем потребности различных социальных групп, но не ориентируемся на массовый спрос); развитие профессиональной деятельности («опираемся на профессионалов и принимаем возможные меры для их развития»).

Российский опыт последних лет наглядно показывает, что для достижения целей государственной политики недостаточно их сформулировать, обеспечить правовую базу и разработать план действий. Для того чтобы добиться существенных, общественно значимых результатов в ходе реализации государственной политики необходимо внедрение системы управления по результатам, которая увязывает цели, мероприятия, а также ресурсы, необходимые для достижения целей органов исполнительной власти. Такой системой является проектное управление. Применение ме-

²⁴ Там же.

ханизма управления проектами позволяет осуществлять контроль не только на стадии принятия решения, но и на стадии их исполнения. Основные направления государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации и план действий по их реализации, Приказы Минкультуры России «О текущих приоритетах государственной культурной политики», стали базовыми документами проведения государственной политики в области культуры и массовых коммуникаций, а доклады о результатах и основных направлениях деятельности – инструментом оперативной и поэтапной ее реализации, выраженным в показателях целевых значений результативности проведенных мероприятий.

Что касается участия государства, то «в качестве модели предлагается рассматривать некоторое сочетание патерналистской и партнерской моделей участия государства (региона)».

Региональная власть принимает на себя обязательства по поддержке деятельности основных культурных образований, сохранению наследия, а также стимулированию участия как частных структур в финансировании культуры, так и собственной инициативы деятелей культуры по привлечению ресурсов.

Нужно отказаться от модели, когда приоритетно поддерживались отдельные персоналии или организации или четко описать правила о правилах поддержки персональных проектов, которые особенно важны для региона.

Управление по результатам является наиболее оптимальным механизмом по реализации обязательств государства в сфере культуры. При этом весьма существенна корректная трансформация обязательств государства в обязательства конкретных органов власти, их структурных подразделений и должностных лиц. Так, например деятельность Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации ориентирована на выполнение политических, правоустанавливающих функций по регулированию сферы культуры и массовых коммуникаций, в то время как деятельность федеральных агентств и служб – на выполнение конкретных государственных заказов и оказание определенных государственных услуг.

Таким образом, просветительство является одной из главных задач культурной политики государства, а также одним из основных и приоритетных в деятельности учреждений культуры и досуга. Оно направлено на активное привлечение населения страны к государственной и общественной жизни страны; на раскрытие общих закономерностей внешней и внутренней политики государства. Основной целью в этой работе является привлечение населения для участия в охране и освоении историко-культурной и экологической среды своего региона, а также сохранение

исторической памяти народа и воспитание молодежи на основе контакта с историей и культурой.

Список источников и литературы

- Конституция 1993 – Конституция Российской Федерации. – М., 1993.
- Основные направления 2013 – Основные направления государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации до 2015 года и план действий по их реализации. URL: <http://mkrf.ru/dokumenty/581/detail.php?ID=61208> (дата обращения: 02.09.2013).
- Распоряжение 2013 – Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 2567-р «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы. URL: http://base.garant.ru/70291902/#block_1000 (дата обращения: 02.09.2013).

Galina A. Kruglikova

ENLIGHTENMENT AS ONE OF THE PRIORITIES OF THE NATIONAL CULTURAL POLICY

The article discloses educational function of state cultural policy. Shows the influence of culture on social and political life of modern society.

Key words: enlightenment; cultural policy; the impact of culture on contemporary society.

Код ВАК 07.00.03

Е. И. Кудрин

Кудрин Егор Иванович, ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51).

Kudrin Egor, professor assistant of the Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51).

Телефон/Phone: +7(343) 350-50-64. Электронная почта/E-mail: egor.kudrin@gmail.com.

ЖЕНСКИЙ ПЕРСОНАЛ СС В НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Цель настоящей статьи – проследить основные тенденции современной историографии, связанной с историей становления и функционирования женского персонала СС в нацистских концентрационных лагерях. Образ надзирательниц претерпел значительные изменения в послевоенный период. Сущность данных изменений находится в центре внимания автора.

Ключевые слова: концентрационный лагерь; СС; надзирательницы.

Традиционно концентрационные лагеря рассматривались в историографии как чисто мужское изобретение. Долгое время гендерный аспект вопроса оставался в тени как в отношении заключенных, так и их непосредственных надзирателей. В первые послевоенные годы преобладающее большинство публикуемых работ принадлежало перу бывших заключенных мужчин, в то время как проблема женщины в нацистском концентрационном лагере оставалась маргинальной и малоизученной вплоть до недавнего времени.

Тем не менее, ряд работ, опубликованных в последнее десятилетие XX в., поднял на свет ранее или умалчиваемую, или не принимаемую во внимание исследователями проблему: женского персонала СС нацистских концентрационных лагерей. Статистика последних месяцев войны свидетельствует, что на службе в гарнизонах концентрационных лагерей находилось до 3508 женщин²⁵. Число, несомненно, незначительное (10%) на фоне общей численности лагерного персонала СС (37674 мужчин)²⁶.

Присутствие женщин в гарнизонах концентрационных лагерей ограничивалось, как правило, тремя ролями:

1. медицинские сестры немецкого Красного Креста (Schwester des Deutsches Rotes Kreuzes), работавшие в лагерных лазаретах для СС и заключенных;

2. так называемые помощницы СС (SS-Helferin), на которых возлагались вспомогательные, прежде всего, технические функции стенографисток, телефонисток, секретарей и прочее;

3. наконец, надзирательницы (Aufseherin), в полномочия которых входил контроль над широким спектром вопросов, связанных с происходящим на территории лагеря, а также сопровождение рабочих команд и надзор за заключенными во время работы.

²⁵ Aufstellung 1945.

²⁶ Ibidem.

Если первые две категории в процессе работы – если и находились в прямом контакте с заключенными – в значительной степени не определяли условия их содержания. В отличие от них надзирательницы, занимая промежуточную позицию между комендатурой и заключенными, в той или иной степени несли ответственность за реалии, в которых оказывались женщины в лагере. Именно данная категория лагерного персонала СС привлекает пристальное внимание исследователей разных областей знаний – историков, социологов, философов и др.

Особенностью данной темы является то, что вплоть до начала 1990-х гг. исследователей не интересовал вопрос женского персонала концлагерей и их причастности к совершенным там преступлениям. Данный факт в целом объясняется общими тенденциями развития историографии истории нацистских лагерей. По словам Л. Н. Корнеевой, «историки почти не интересовались данной темой», и значительный пласт опубликованной в послевоенный период литературы по теме принадлежит бывшим заключенным²⁷.

Данная категория нарративно-библиографических работ, в большинстве своем, в виде воспоминаний и эссе формирует первую группу источников. Несомненно, особенности данного жанра требуют более скрупулезного подхода, критического анализа и осмысления работ в связи с их субъективностью, поскольку автор в данном случае выступает в двойной роли – непосредственного участника событий и их летописца. Как справедливо подметил видный философ и психолог В. Франкл, прошедший концентрационный лагерь Освенцим, главной методологической сложностью подобного рода работ является вопрос дистанции в ее психологическом аспекте: «для находящегося «внутри» дистанция, ... слишком мала, чтобы судить объективно»²⁸. Но именно реконструкция личного опыта позволяет «оживить катастрофу, освещенную ранее хорошо документированными, но сухими фактами Нюрнберга»²⁹.

Другой отличительной особенностью данного типа работ является их достаточно слабая эмпирическая база, обусловленная, прежде всего, тем фактом, что заключенные, за редким исключением, слабо представляли себе комплексную картину происходящего даже в масштабах лагеря, не говоря уже обо всей империи СС, неотъемлемой

²⁷ Живульская 1960; Мюллер 1985; Они победили смерть 1966; Buber-Neumann 2009; Gaulle Anthonioz 1999; Herberman, Baer 2000; Lore 1992; Niewyk 1998; Szmaglewska 2008; Zywułska 2008.

²⁸ Франкл 2004: 5.

²⁹ Bloxham 2004: 406.

частью которого эти лагеря являлись. Даже на микроуровне, в воспоминаниях, бывшие заключенные идентифицируют бывших надзирательниц словом «Ауфзерка» (от немецкого слова «Aufseherin» – надзирательница), не упоминая их имен или фамилий, либо воспроизводя их фонетически, с искажениями. Согласно действующему лагерному порядку и сложившимся неформальным связям среди лагерного персонала СС и заключенных, последние обязаны были приветствовать надзирательниц по стойке смирно и обращаться к ним «Frau Aufseherin». За редким исключением – и только в отношении действительно одиозных надзирательниц, отличавшихся особо жестоким обращением с заключенными, – как опубликованные, так и неопубликованные воспоминания бывших заключенных донесли незначительное упоминание женщин из числа бывших надзирательниц с указанием их имен или фамилий, а также занимаемых должностей и выполняемых функций.

Первые попытки описать деятельность надзирательниц-эсэсовок и дать интерпретацию моделей их поведения были предприняты бывшей заключенной Равенсбрюка Э. Бухман. Опираясь на значительную источниковую базу, представленную материалами недавно прошедших судебных разбирательств по делу бывших надзирательниц, она вкратце дает их характеристику, оставаясь, тем не менее, в рамках присущей данному периоду тенденциозности в оценках³⁰.

Наконец, в 1990-е гг. с публикацией на немецком языке первых обобщающих работ по данной теме, основанных на имеющихся архивных материалах, начинается анализ роли женских вспомогательных подразделений СС в рамках междисциплинарных подходов³¹. Данные работы характеризуются, во-первых, антропологизацией и психологизацией. Историки стремятся в своих суждениях избавиться от анонимности и своего рода «демонизации», которые до настоящего времени сопровождали большинство исследований, касавшихся персонала концентрационных лагерей. В рамках так называемого «изучения преступников» (Täterforschung), оформившегося в качестве самостоятельного направления историографии Холокоста, исследователи ставят целью осмыслить основные мотивы и пути, приводившие женщин на службу в СС. Как отмечает Д. Блоксэм, «понять преступника и его преступления – это основной элемент к пониманию геноцида»³².

Во-вторых, интерес представляет реконструкция повседневности лагерного персонала, его социально-психологического портрета,

³⁰ Женщины Равенсбрюка 1960.

³¹ Schwarz 1994: 32–49.

³² Bloxham 2004: 414.

обусловившего определенные модели поведения и межличностные связи как среди самого лагерного персонала (мужского и женского), так и в отношении заключенных³³.

Наконец, третье направление историографии указанного вопроса связано с гендерным подходом к изучению лагерного персонала, дифференциации и интерпретации по признакам традиционно приписываемым и присущим «мужскому» и «женскому». Например, представители феминистских подходов склонны считать, что «антисемитизм – это исключительно мужская болезнь, обошедшая женщин»³⁴.

Женский персонал в рамках гендерного анализа рассматривается в качестве антитезы моделям, традиционно присваиваемым «женскому». Вооруженная женщина, одетая в униформу, представляется историку Дж. Каплан противопоставлением всему женскому. По ее словам, надзирательница абсолютно неженственна, она потеряла ценности и характеристики, присущие ей во внелагерном окружении и среде³⁵. В отличие от мужской части СС поддержание и сохранение «женственности» и «женственного» для надзирательниц являлось задачей намного более сложной, так как мужчины в рядах СС представляют более лаконичный образ. Причина последнего кроется, в том числе, в военной дисциплине и исключительно «мужском» характере данного института, а также жестокости, являющейся атрибутом мужской модели поведения.

Список источников и литературы

- Женщины Равенсбрюка 1960 – Женщины Равенсбрюка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
- Живульская 1960 – Живульская К. Я пережила Освенцим. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
- Мюллер 1985 – Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюка. – М.: Изд-во политической литературы, 1985.
- Они победили смерть 1966 – Они победили смерть. – М.: Изд-во политической литературы, 1966.
- Пленков 2004 – Пленков О. Ю. Третий рейх. Нацистское государство. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004.

³³ Heike 1995: 7–19; Heike 2008: 120–144; Dublon-Knebel 2007: 299–315; Müller [P.D. Unknown]: 48–58, Mailänder Koslov 2009.

³⁴ Цит. по: Пленков 2004: 314.

³⁵ Caplan 2010: 99–100.

- Франкл 2004 – Франкл В. Сказать жизни «да»: психолог в концлагере. – М.: Смысл, 2004.
- Aufstellung 1945 – Aufstellung über die Anzahl der SS-Wachmannschaften und Häftlinge in den Konzentrationslagern für den 1. und 15. Januar 1945. BArch – Berlin NS 3/439.
- Bloxham 2004 – Bloxham D. From Streicher to Sawoniuk // The historiography of the Holocaust / Ed. D. Stone. – New York: Palgrave Macmillan, 2004.
- Buber-Neumann 2009 – Buber-Neumann M. Under Two Dictators. – L.: Pimlico, 2009.
- Caplan 2010 – Caplan J. Gender and the Concentration Camps // Concentration Camps in Nazi Germany: the New Histories / Ed. J. Caplan, N. Wachsmann. – Routledge, 2010.
- Dublon-Knebel 2007 – Dublon-Knebel I. Erinnern kann ich mich nur an eine Frau Danz... Die Aufseherin Luise Danz in der Erinnerung ihrer Opfer // Im Gefolge der SS: Aufseherinnen des Frauen-KZ Ravensbrück / Simone Erpel (Hrsg.). – Berlin: Metropol Verlag, 2007.
- Gaulle Anthonioz 1999 – Gaulle Anthonioz G. The down of hope: a memoir of Ravensbrück. – N. Y.: Arcade Publishing, 1999.
- Heike 1995 – Heike I. Johanna Langefeld – Die Biographie einer KZ-Oberaufseherin // Werkstatt Geschichte. – 1995. – № 12.
- Heike 2008 – Heike I. Female Concentration Camp Guards as Perpetrators: Three Case Studies // Ordinary people as mass murderers: perpetrators in comparative perspectives / Ed. O. Jensen, C. W. Szejmann. – Palgrave Macmillan, 2008.
- Herbermann, Baer 2000 – Herbermann N., Baer H., Baer E. R. The Blessed Abyss: Inmate № 6582 in Ravensbrück Concentration Camp for Women. – Detroit: Wayne State University Press, 2000.
- Lore 1992 – Lore S. Auschwitz. The Nazi Civilization: Twenty-three Women Prisoners' Account: Auschwitz Camp Administration and SS Enterprises and Workshops. – University Press of America, 1992.
- Mailänder Koslov 2009 – Mailänder Koslov E. Gewalt im Dienstalltag. Die SS-Aufseherinnen des Konzentrations- und Vernichtungslagers Majdanek 1942– 944. – Hamburg: Hamburger Edition, 2009.
- Müller [P.D. Unknown] – Müller M. Die Oberaufseherin Maria Mandl. Werdegang, Dienstpraxis und Selbstdarstellung nach Kriegsende // Im Gefolge der SS.
- Niewyk 1998 – Niewyk D. L. Fresh Wounds: Early Narratives of Holocaust Survival. – Chapel Hill, London: The University of North Carolina Press, 1998.

- Schwarz 1994 – Schwarz G. SS Aufseherinnen in nationalsozialistischen Konzentrationslagern (1933–1945) // Dahauer Hefte. – 1994. – № 10.
- Szmaglewska 2008 – Szmaglewska S. Smoke over Birkenau. – Warsaw: Ksiazka i Wiedza; The Auschwitz-Birkenau State Museum, 2008.
- Zywulska 2008 – Zywulska K. I survived Auschwitz. – Warszawa: tChu, 2008.

Egor I. Kudrin

THE FEMALE SS STUFF OF THE NAZI CONCENTRATION CAMPS: THE ISSUE-RELATED HISTORIOGRAPHY

The present article is aimed to examine the modern historiography and its prevailing tendencies related to the former female SS stuff in the concentration camps. It describes how the female overseers' image has undergone a transformation in the post war historiography. The very core of the mentioned transformation is at the author's attention.

Key words: concentration camp; SS; overseers.

Код ВАК 13.00.08

В. М. Кузнецов

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ ПРОФИЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ КЛАССОВ

В статье рассматривается комплекс педагогических условий, при которых система профессиональной переподготовки учителей обществознания становится фактором развития профильного обучения в школе.

Кузнецов Вячеслав Михайлович, заведующий кафедрой общественных и художественно-эстетических дисциплин Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования (454084, Россия, г. Челябинск ул. Красноармейская, 88); кандидат исторических наук, доцент.

Kuznecov Vyacheslav, the head of the Department of Social and artistic and aesthetic disciplines of Chelyabinsk Institute of retraining and education workers (454091, Russia, Chelyabinsk, Krasnoarmeyskaya Street, 88); PhD, associate professor. Телефон/Phone: +7 (351) 263-43-71. Электронная почта/E-mail: kraeved_74@mail.ru.

Ключевые слова: инновации в образовании; профессиональная переподготовка; преподавание обществознания в школе; профильное обучение.

Опираясь на Закон РФ «Об образовании в Российской Федерации», образовательную программу мы рассматриваем, с одной стороны, как комплекс основных характеристик образования (объем, содержание, планируемые результаты), организационно-педагогических условий и форм аттестации, с другой стороны, как внутренний образовательный стандарт, обусловленный логикой развития системы образования Челябинской области, образовательным запросом педагогических работников, особенностями и возможностями института³⁶.

Актуальность разработки инновационной образовательной программы «Теория и технологии преподавания общественных дисциплин» обусловлена следующими обстоятельствами. В соответствии с государственной стратегией модернизации российского образования в старших классах общеобразовательных учреждений осуществляется широкий переход на профильное обучение, которое должно способствовать повышению эффективности общего образования. Одним из шагов в этом направлении в системе дополнительного профессионального образования является предлагаемая программа профессиональной переподготовки педагогических работников.

Слово «инновация» происходит от латинского «новое» и может означать: обновление, новинка, изменение, новообразование, новшество, новое явление³⁷. Инновация всегда несет в себе сущность содержания и организации нового. Следовательно, под инновационной образовательной программой профессиональной переподготовки педагогических работников нами понимается нормативно-управленческий документ кафедры общественных и художественно-эстетических дисциплин ГБОУ ДПО «Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования» (далее – ЧИППКРО), определяющий современные стратегические приоритеты, характеризующий специфику обновленного содержания образования, организационный и методический аспекты образовательного процесса. Специфика данной программы состоит в том, что слушатели курсов профессиональной переподготовки, как правило, являются уже состоявшимися специалистами, имеющими опыт профессиональной педагогической деятельности. Кроме того, это взрослые люди со своими сформировавшимися и устоявшимися взглядами, убеждениями, установками, личностными

³⁶ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Ст. 2, п. 9.

³⁷ Бим-Бад 2003.

особенностями и знаниями, которые вряд ли целесообразно «переделывать», а достаточно лишь корректировать и совершенствовать.

Цели программ дополнительного профессионального образования определяются составом профессиональных задач в соответствии с квалификационными требованиями³⁸. Цель данной программы: оказание содействия педагогическим работникам общеобразовательных учреждений в освоении содержания и совершенствовании методики преподавания общественных дисциплин на профильном уровне. Ведущие принципы построения программы: модульность, сбалансированное соотношение теории и практики, обучение «до результата».

Задачи образовательной программы: образовательные – дать слушателям необходимый минимум теоретических и методологических обществоведческих знаний и педагогических знаний; развивающие – познакомить с продуктивными способами приобретения знаний (учения); наиболее эффективными способами логического и эвристического мышления; со способами порождения нового знания и приемам научения этому детей; личностно-формирующие – способствовать осмыслению собственной гражданской позиции; способствовать осмыслению и выбору профессионально-педагогической роли; способствовать формированию высокой мотивации к овладению современными педагогическими технологиями; оказывать содействие в определении и коррекции отношения к самому себе, окружающему миру, другим людям и профессиональной деятельности.

Содержание образовательной программы профессиональной переподготовки определяется Концепцией профильного обучения на старшей ступени общего образования³⁹. Перечень учебных дисциплин в системе обеспечивает переподготовку слушателей по образовательной программе. Структура программы включает три раздела: 1) общеобразовательные дисциплины; 2) специальные дисциплины; 3) дисциплины по выбору слушателей.

В первый раздел данной образовательной программы включены две учебные дисциплины: «Возрастная психология», «Философия и культурология». Модернизация и стандартизация системы общего образования связана с созданием новой практики учебно-воспитательного процесса, что требует знакомства педагогических работников с современными психологическими, педагогическими и

³⁸ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 г. № 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих».

³⁹ Приказ Минобрнауки РФ от 18.07.2002 г. № 2783 «Об утверждении Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования».

обществоведческими теориями и концепциями. Изучение общепрофессиональных дисциплин позволит слушателям актуализировать теоретико-методологические и психолого-педагогические основы профессиональной деятельности, целенаправленно и обоснованно организовать предпрофильную подготовку и профильное обучение в общеобразовательном учреждении. Второй раздел предусматривает освоение слушателями следующих специальных учебных дисциплин: «Методика преподавания общественных дисциплин», «Социальная психология», «Социология», «Политология», «Правоведение», «Экономика». Изучение специальных дисциплин позволит слушателям освоить основные разделы обществознания, экономики и права на углубленном уровне. Набор специальных учебных дисциплин отражает комплексный подход к изучению обществознания. Особое место в этом разделе отводится совершенствованию методики преподавания общественных дисциплин в профильных классах старшей школы в условиях введения ФГОС. Третий раздел предполагает изучение курсов по выбору слушателей: «История религии» или «Этнография». Слушателям предоставляется возможность познакомиться с основами научных дисциплин, обеспечивающих преподавание элективных курсов, организацию учебных проектов и исследований социально-гуманитарной направленности.

В соответствии с требованиями Типового положения⁴⁰, на освоение образовательной программы профессиональной переподготовки отводится 512 ч. учебного времени. Теоретические знания, полученные слушателями, закрепляются в деятельностной форме в ходе выполнения ими практических работ и самостоятельных заданий. При этом 49% учебного времени – 252 ч. выделяется на аудиторную работу преподавателей со слушателями. Для этого предусматривается баланс теоретических и практических форм реализации образовательной программы в соотношении 1:2. На практических занятиях рекомендуется проведение дискуссий, круглых столов, лабораторных работ, деловых игр, мастер-классов и открытых уроков на базе образовательных учреждений и музеев⁴¹.

Ориентация в программе на приоритет самостоятельной работы обусловлена психологическими особенностями взрослого обучающегося, а именно: ведущая роль в процессе своего обучения, стремление к самореализации, самостоятельности, самоуправлению. Слушателям предлагаются разнообразные формы самостоятельной работы: ведение

⁴⁰ Типовое положение об образовательном учреждении дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов.

⁴¹ Кеспикив, Кузнецов 2010: 89–93.

гlossария, заполнение и анализ справочных таблиц, решение задач и учебных ситуаций – кейсов, подготовка рецензий, библиографических обзоров, докладов и сообщений, выполнение проектов. Данные виды самостоятельной работы слушателей направлены на разностороннее развитие соответствующих профессиональных компетенций учителей обществознания, экономики и права: правовой, информационно-коммуникативной и предметной.

Учебные дисциплины образовательной программы представляют собой систему логически взаимосвязанных модулей (учебных тем). Каждый из модулей предполагает изучение материала по определенному алгоритму: теория → технологическая проработка → самостоятельная работа слушателей. В изучении содержания данных дисциплин выдерживается принцип уровневого подхода: сначала материал рассматривается на информационно-знаковом уровне, потом знания переводятся на отражательно-преобразующий уровень и, наконец, закрепляются на уровне самостоятельной профессиональной деятельности. При таком построении учебного процесса наиболее полно реализуется целостность профессиональной переподготовки педагогических работников.

Предполагаемые результаты освоения образовательной программы: повышение общей эрудиции, осведомленности в вопросах обществознания; усвоение сути историко-культурного системно-деятельностного подхода и принятие его как продуктивной парадигмы профессиональной деятельности.

Список источников и литературы

- Бим-Бад 2003 – Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.
- Кеспиков, Кузнецов 2010 – Кеспиков В. Н., Кузнецов В. М. Новые формы повышения квалификации учителей общественных и художественно-эстетических дисциплин как условие совершенствования профессиональных компетенций // Историческое образование в современной России: перспективы развития: материалы всерос. науч.-практ. конф. ученых-историков и преподавателей. – М.: РГСУ, 2010.

Vyacheslav M. Kuznecov

THEORY AND METHODOLOGY RETRAINING SOCIAL STUDIES TEACHERS RELEVANT SOCIAL AND HUMANITARIAN CLASSES

This paper examines the complex of pedagogical conditions under which the system of retraining of teachers becomes a factor in the development of specialized education in the school.

Key words: innovation in education; professional re-training; the teaching of social studies at the school; specialized education.

Код ВАК 07.00.09

В. Ф. Мезенцев

МИРОВЫЕ КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ НИЛА ФЕРГЮСОНА

В статье рассматриваются представления британского историка Нила Фергюсона о природе и характере мировых войн XX в. Отмечаются особенности его подхода к анализу исторических событий и трактовки основных факторов развития исторического процесса в XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: Нил Фергюсон, мировые войны, глобализация, холодная война.

В изучении событий двадцатого века, наполненного масштабными катаклизмами, фокус внимания историков сосредоточен на двух глобальных военных конфликтах – первой и второй мировых войнах. Среди разнообразных трудов, посвященных этим грандиозным событиям, отдельное место в современной историографии занимают исследования Н. Фергюсона.

Британский историк Нил (Найл, Ниал) Фергюсон заметно выделяется в многочисленной когорте представителей англо-американской историографии на ее нынешнем этапе развития. Научная биография Фергюсо-

Мезенцев Виктор Федорович, доцент кафедры истории, теории и методики обучения Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (622031, Россия, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57); кандидат исторических наук, доцент.

Mezentsev Victor, associate professor of the Department of History, Theory and Methods of Teaching of Nizhniy Tagil State Academy of Social Learning and Pedagogics (622031, Russia, Nizhniy Tagil, Krasnogvardeyskaya Street, 57); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (3435) 25-53-29. Электронный сайт/Web: <http://ntspi.ru>.

на связана с рядом ведущих научно-исследовательских центров Великобритании и США. Уроженец Глазго, он в 1985 г. закончил курс обучения в колледже Святой Магдалены в Оксфорде. Затем после научной стажировки в Гамбурге и Берлине, он с 1992 по 2002 гг. преподавал в Оксфорде. В 2002 г. был приглашен в США. С 2004 г. является профессором Гарвардского университета.

Его первая крупная работа, опубликованная в 1995 г., «Бумага и железо: Деловые круги Гамбурга и германская политика в эпоху инфляции. 1897–1927 гг.» отразила спектр его исследовательской проблематики. Основной его исследовательский интерес сосредоточен на истории XIX и XX вв., главным образом на взаимосвязи международных конфликтов с экономическими и финансовыми процессами. Также он стал известен своим интересом к проектам создания контрафактуальной (воображаемой или вероятностной) истории.

В 1998 г. он опубликовал две монографии, одна из которых — «Горечь войны. Объяснение первой мировой войны» — вызвала значительное внимание, как со стороны историков, так и со стороны более широких кругов общества⁴². В 2001 г. появилась его монография, посвященная развитию мировой финансовой системы, также вызвавшая широкий интерес⁴³.

В 2003 г. на британском телевидении им был представлен проект, посвященный истории Британской империи, продолжением которого стал выход двух работ, посвященных взлету и упадку британского и американского могущества в мире⁴⁴. В 2006 г. он опубликовал исследование, где им была предложена собственная интерпретация военных конфликтов XX в.⁴⁵ Среди его последних по времени работ можно также выделить историю мировых финансов и биографию Генри Киссинджера⁴⁶.

Профессор Фергюсон – видная публичная фигура. Он регулярно выступает в средствах массовой информации. Его отклики на события мировой политики регулярно публикуются в крупных западных изданиях. В последнее время его комментарии текущих событий появляются также на персональном сайте⁴⁷. В 2004 г. журнал «Таймс» включил его имя в список ста наиболее влиятельных людей мира. В 2009 г. журнал «Форбс» включил его в список 50-ти самых влиятельных представителей бизнеса и экономической мысли.

⁴² Ferguson 1998.

⁴³ Ferguson 2001.

⁴⁴ Ferguson 2003 (Рус. пер.: Фергюсон 2013); Ferguson 2004.

⁴⁵ Ferguson 2006.

⁴⁶ Ferguson 2008 (Рус. пер.: Фергюсон 2010); Ferguson 2012.

⁴⁷ <http://www.niallferguson.com>.

Читателей своих исторических трудов Н. Фергюсон привлекает сочетанием огромного массива исторических данных с широкими обобщениями, анализом разнообразного контекста каждого отдельного события. Ясность и доступность изложения при этом не идет в ущерб содержательности и глубине формулируемых автором мыслей.

В своей книге «Мир в войне. Конфликт двадцатого века и упадок Запада» Фергюсон обращается к проблеме, которая вызывает постоянные интеллектуальные поиски историков вот уже больше века – как прогресс общества во всех внешних проявлениях человеческого могущества сочетается с катастрофическими провалами, ставящими миллионы людей, а теперь и все человечество на грань уничтожения?

Первоначально, как объясняет сам автор, эта книга была задумана как продолжение и развитие его работы, посвященной первой мировой войне, и должна была быть посвящена событиям второй мировой войны. Однако он не считал возможным рассматривать эту войну как отдельное явление, изображаемое как лишь совокупность военно-политических событий. По его мнению, вторая мировая война – это историческое явление, которое можно понять и охарактеризовать, только если будет прослежена ее связь с той трансформацией процессов мирового масштаба, которые происходили на протяжении всего XX в.

Приводя данные о беспрецедентном масштабе жертв военных конфликтов на протяжении последнего века второго тысячелетия, он ставит вопрос о том, чем вызваны такие катастрофические результаты. При этом он подчеркивает парадоксальность того, что именно на первую половину века приходится наивысшая интенсивность войн. Ведь именно на этот период приходится и наибольший рост мирового благосостояния. Если в период с 1500 по 1870 гг. среднедушевой доход в мире возрос только на 50 %, то с 1870 по 1998 г. он вырос более чем в шесть с половиной раз⁴⁸. Прогресс наблюдался во всех областях от технологий до демократии. Если в 1900 г. по подсчетам историка демократическими были лишь одна пятая всех государств, то к 1990-м гг. их доля составила около половины всех стран⁴⁹.

Историк отвергает простые объяснения, связывающие масштаб жертв конфликтов двадцатого века с ростом концентрации населения в городах и усилением мощи оружия. На его взгляд, ни экономические, ни идеологические предпосылки не могут быть объяснением разрушительных конфликтов двадцатого века сами по себе. Действительные причины насилия, приходящегося на определенный период и определенное географическое пространство (1940-е гг., Центральная и Восточная Европа и

⁴⁸ Ferguson 2006: XXXV.

⁴⁹ Ibid: XXXVI.

Восточная Азия), связаны, как он полагает, с сочетанием факторов, каждый из которых вызван отдельными событиями и процессами, взаимосвязь которых приводит к далеко идущим и неконтролируемым их участниками результатам.

Характер конфликтов минувшего века определяется их природой, происхождением, общими условиями противостояния сторон. Все конфликты XX в., по мнению Н. Фергюсона, были вызваны переплетением трех определяющих факторов: этнические конфликты, экономическая нестабильность и упадок империй.

В свою очередь каждый из этих факторов представляет собой в той или иной степени следствие той ситуации, которая сложилась в мире в начале прошлого века и которую он называет эпохой первой глобализации. Усиление противоречий, вызванных этой ситуацией, и привело к первой мировой войне. Именно эта война, согласно представлениям историка, составляет ключевой момент в развитии мировых конфликтов XX в.

Здесь важно отметить идею, которую профессор Фергюсон последовательно проводит в нескольких своих работах. В его известной работе «Горечь войны» он достаточно подробно аргументирует тезис о том, что именно решение британского правительства в августе 1914 г. о вступлении в войну, повлекло за собой ее превращение в мировую и, по сути, стало прологом и второй мировой войны. Вступление Великобритании в войну, настаивает автор, не было продиктовано какой-то всеокупающей исторической логикой. Оно стало итогом целого ряда отдельных решений – и продуманных, и спонтанных – совокупность которых привела к последствиям, которые сами участники этих решений не могли даже представить.

Те же идеи лежат в основе двух его контрфактуальных очерков, которые представлены в известном сборнике, изданном под его же редакторским руководством — «Кайзеровский Европейский Союз. Что было бы, если бы Великобритания «осталась в стороне» в августе 1914 года?» и «Гитлеровская Англия. Что было бы, если бы Германия захватила Британию в мае 1940 года» (второй очерк в соавторстве с Эндрю Робертсом)⁵⁰. Рассматривая различные варианты возможного хода действий, которые могли бы возникнуть, если бы в тот или иной момент вместо реально принятых решений были бы приняты какие-то другие, Нил Фергюсон подводит к выводу о том, что в истории всегда существуют определенные пространства выбора разных путей дальнейшего развития, иногда очень широкие, иногда до крайности узкие, но в любом случае потенциально открывающие альтернативные варианты развития известных исторических событий.

⁵⁰ Ferguson 1997.

Он подчеркивает, что немногие события в истории, в частности в военной или дипломатической сфере, можно рассматривать как неизбежные. Незначительные сами по себе события могут приводить неожиданно к самым радикальным изменениям⁵¹.

Это означает, что, с одной стороны, нет никакой заранее заданной логики развития исторических событий, неизбежности осуществления того или иного сценария, с другой – взаимосвязанность и взаимообусловленный характер множества событий, пересекающихся между собой и образующих сложные цепочки, порождает иногда неожиданно для самих современников грандиозные изменения.

Напряженность, которая вызвала первый глобальный конфликт в начале века, не была ликвидирована на протяжении двух межвоенных десятилетий, и вылилась во вторую мировую войну, которая, по мнению историка, представляла собой совокупность отдельных региональных конфликтов⁵².

«Холодная война», как считает Фергюсон, представляла собой третью мировую войну, которая вызвана переплетением тех же факторов, но особенностью которой стало то, что в условиях наличия ядерного оружия и учета фактора «взаимного гарантированного уничтожения», место масштабных вооруженных столкновений великих держав в центре заняло стратегическое противостояние на периферии.

Если вооруженное противостояние первой половины века было сосредоточено на краях евразийского континента (западном и восточном), то после 1945 г. театры военных действий находились на отдалении от территории самих мировых держав – в «третьем» мире.

Подводя итоги рассмотрения того, что он назвал мировой войной XX в., Нил Фергюсон констатирует неоднозначность и потенциальную опасность современной мировой ситуации, которая может стать повторением того, что произошло в начале прошлого века, и породить череду новых конфликтов, если человечество не сможет ничего этому противопоставить.

Список источников и литературы

Фергюсон 2010 – Фергюсон Н. Восхождение денег / Пер. с англ. А. Коляндра, И. Файбисовича. – М.: Астрель, 2010.

⁵¹ Ibid: 282.

⁵² Ferguson 2006: LXX.

- Фергюсон 2013 – Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Пер. с англ. К. Бандуровского. – М.: Corpus: Астрель, 2013.
- Ferguson 1997 – Virtual History: Alternatives and Counterfactuals / Ed. by Niall Ferguson. Basic Books, 1997.
- Ferguson 1998 – Ferguson N. The Pity of War: Explaining World War One. – L.: Allen Lane/Penguin Press, 1998.
- Ferguson 2001 – Ferguson N. The Cash Nexus: Money and Power in the Modern World, 1700-2000. – L.: Allen Lane/Penguin Press, 2001.
- Ferguson 2003 – Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. – L.: Allen Lane/Penguin Press, 2003.
- Ferguson 2004 – Ferguson N. Colossus: The Rise and Fall of the American Empire. – L.: Allen Lane/Penguin Press, 2004.
- Ferguson 2006 – Ferguson N. The War of the World: Twentieth Century Conflict and the Descent of the West. – L.: Allen Lane/Penguin Press, 2006.
- Ferguson 2008 – Ferguson N. Ascent of Money: A Financial History of the World. New York: Penguin, 2008.
- Ferguson 2012 – Ferguson N. Henry Kissinger: A Life. – L.: Allen Lane, 2012.

Victor F. Mezentsev

XX CENTURY WORLD CONFLICTS IN STUDIES OF THE NIALL FERGUSON

The article examines conception of the British historian Niall Ferguson on the nature and character of the world wars of the XX century, marks feature of his approach to the analysis and interpretation of historical events and main factors of the historical process in the XX–XXI centuries.

Key words: Niall Ferguson, World Wars, globalization, Cold War.

Код ВАК 07.00.09

Т. Г. Мосунова, Т. А. Муравицкая

Мосунова Татьяна Георгиевна, доцент кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета (620072, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук, доцент.

ЛИЧНЫЙ АРХИВ КАК ИСТОЧНИК ЛИЧНОСТНОГО ПОСТИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ. АРХИВ К. Н. НЕКЛЮТИНА

Введение в научный оборот исторических источников личного происхождения позволяет изучать человека в истории, оценивать исторический процесс с позиций человеческой личности. Статья показывает значение источников личного происхождения для исторического исследования на примере изучения архива К. Н. Неклютина, уникального собрания личных документов, хранящегося в одном из университетов штата Луизиана, США.

Ключевые слова: культурное наследие; индивидуально-личностное изучение истории; источники личного происхождения; личный архив; российская эмиграция; рукопись; фотодокумент; переписка; воспоминания.

С середины XX в. началась переоценка приоритетов мировой исторической науки и смена образовательной парадигмы – «центральная тема истории переместилась с окружающих человека обстоятельств на человека в исторически конкретных обстоятельствах». Непосредственные участники событий становятся не только объектами, но и субъектами истории. Новые представления о предмете и задачах истории актуализируют поиск, изучение источников личного происхождения, а также способы и методы обращения с ними. Введение в научный оборот исторических источников личного происхождения позволяет оценивать исторический процесс с позиций человеческой личности. Издание исторических документов и материалов личного происхождения имеет большое значение для развития исторической науки и отечественного источниковедения, которое возникло и долгое время развивалось в русле государственно-институционального подхода.

Понятие «источники личного происхождения» давно существует в исторической науке. Это мемуары или воспоминания, статьи, ру-

Mosunova Tatiana, associate professor of the Department of Russian History of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 347-12-04. Электронная почта/E-mail: klio_mtg@mail.ru.

Муравичская Тамара Алексеевна, независимый исследователь (71457, США, г. Наки-тош, ул. Сирод, 421), член Международной Ассоциации славянских, восточно-европейских и евразийских исследователей (ASEEES), член Американской ассоциации женщин-исследователей славянских культур (AWSS), член Американской ассоциации независимых исследователей (NCIR); доктор философских наук.

Muravitsky Tamara, independent researcher (71457, USA, Natchitoches, 421 Sirod Street); Dr. of Philosophy.

Электронная почта/E-mail: tmuravitsky@gmail.com.

кописи, письма, фотографии и др. Главное отличие данного вида источников в том, что они передают действительность через субъективное восприятие. При работе с ними принципиально важным теоретическим инструментарием является принцип историзма, который позволяет рассмотреть объект исследования в его конкретно-исторических условиях, проследить этапы в изучении рассматриваемых вопросов. Фундаментальным также является принцип герменевтического прочтения текстов: комментирование, расшифровка имен, географических названий, упомянутых событий, связывание их содержания с реальной действительностью, укладывание его в определенный исторический контекст⁵³.

Уникальным источником индивидуально-личностного изучения переломной эпохи российской истории, а также российской эмиграции является архив Константина Николаевича Неклютина.

К. Н. Неклютин (1887–1978 гг.) был представителем самарской купеческой династии, успешным русским бизнесменом и организатором предпринимательской деятельности, талантливым инженером и общественным деятелем, а с 1929 г. гражданином США. Родился он в семье миллионера и городского головы г. Самара Николая Гавриловича Неклютина. Константин был прекрасно образован, владел тремя европейскими языками. Он успешно закончил Московское коммерческое училище, Петербургский Политехнический институт. Проявив интерес к инженерному делу, Константин Николаевич стал одним из пионеров авиастроения в России. В 27 лет, после смерти отца, он был вынужден возглавить семейный бизнес, в чем значительно преуспел и стал известен в Самаре как деловой человек, был избран членом Самарской городской думы, был последним председателем Самарского биржевого комитета. В 1918 г. после экспроприации семья бежала в Сибирь. Там Неклютин присоединился к белой армии А. В. Колчака и стал министром продовольствия и снабжения в правительстве адмирала.

После падения колчаковского правительства Неклютин с семьей попадает сначала в Манчжурию, а затем в США. В 1929 г. он становится гражданином этой страны. В США карьера Неклютина складывалась удачно: сначала он работал инженером на заводе «Боинг» в Сиэттле, а затем прошел путь от рядового сотрудника до вице-президента крупной компании Ferguson Match. Неклютин стал известным специалистом в области электромеханики, опубликовал монографию и множество статей в этой области, запатентовал ряд изобретений. Умер

⁵³ Соколов 2004: 287, 391.

Неклютин в возрасте 91 года в г. Накитош, штат Луизиана. Наследники передали его архив в университетскую библиотеку этого города.

Архив содержит 237 папок. В них – история семьи Неклютиных, начиная с XVII в., ее генеалогия, мемуары К. Н. Неклютина, воспоминания о революциях 1905 и 1917 гг., о гражданской войне. В архив входят материалы об убийстве царской семьи, статьи о марксизме, переписка русских эмигрантов в США, Швейцарии, Франции, Венгрии, рукописи по инженерному делу, а также множество фотографий, отражающих российскую жизнь с середины XIX в. Все это представляет интерес для исследователей самых разных аспектов российской жизни в период с середины XIX до конца XX вв., а также имеет значительную ценность как культурное наследие нашего народа.

Воспоминания написаны на английском языке. Они переведены Т. А. Муравицкой, изданы Самарским музеем истории города весьма скромным тиражом (500 экземпляров), так что сразу превратилась в библиографическую редкость. Приведем их содержание⁵⁴:

Предисловие

Предки со стороны отца

Семья моей матери

Семейное дело отца

Служба отца в городской администрации

Моя жизнь, влияние матери, наши хозяйства

Смерть отца

Московское коммерческое училище

Петербургский Политехнический институт

Я вступаю в семейное дело

Участие в делах города

Управление техническим отделом, магазином и контрактами

Первая мировая война: экономические трудности

Наши проблемы, связанные с продажей земли

Моя женитьба

Общее положение дел

Комитет по «брони»

Мое освобождение от службы в армии

Экономические трудности перед революцией

Период правления Керенского

Большевистский период

Захват Самары белочехами

Жизнь в Омске

⁵⁴ Неклютин 2011.

В колчаковском правительстве
Трудности в руководстве и поездки на фронт
Возвращение в Омск
Новониколаевск
Арест генерала Сахарова
Возвращение в поезд моего Комитета
Трудности на пути на восток
Отъезд нашей семьи из Иркутска
Станция «Манчжурия»
Жизнь в Харбине
Послесловие
Приложение
О марксизме. Неопубликованная статья

Итак, в настоящее время имеются изданные воспоминания. На следующем этапе целесообразно заняться обработкой личного архива Константина Николаевича и подготовкой к изданию сборника документов и материалов.

Первые вводимые в научный оборот, они значительно пополнят базу источников о купеческой династии Неклютиных, имеющуюся в распоряжении историков и краеведов. Действительно, многочисленные представители династии оставили памятники своей предпринимательской, хозяйственной, общественной, благотворительной, изобретательской деятельности в Поволжье, на Урале, в США. Опубликованные документы могут быть использованы в конкретно-исторических исследованиях по обширной тематике. Например, при изучении проблем развития торгово-промышленных отношений на разных этапах экономического развития России или судеб русской эмиграции. Существенно то, что данный комплекс источников даст возможность исследователям изучить личность К. Н. Неклютина с ее индивидуальными особенностями, с чертами той среды, к которой он принадлежал, и той эпохи, которая их породила. Они позволят историкам извлечь факты, через которые проявляются взгляды, уровень культуры, а специфика изложения событий проявляется в субъективном восприятии личностью отдельных моментов истории, в частности эпохи войн и революций.

Неклютин предваряет текст своих воспоминаний посвящением сыну Вадиму Константиновичу: «Единственная цель этих воспоминаний – дать некоторое представление о прошлом нашей семьи и о тех, кто был с ней связан. Если ты когда-нибудь будешь в России, то эта книга, может быть, поможет тебе найти родственников и понять, кто они. Это также поможет тебе найти и осмотреть наши бывшие владения. У меня нет намерения осветить только те факты, которые дают

повод для привлечения внимания. Доброе прошлое не имеет особого влияния на настоящее, а также не сможет определить твоё будущее. Дело не в том, насколько успешны или неуспешны были твои предки: ценность человека определяется только его собственными качествами»⁵⁵.

Список источников и литературы

- Неклютин 2011 – Неклютин К. Н. От Самары до Сиэтла / Пер. с англ. Т. А. Муравицкой. – Самара: «Самарский дом печати», 2011.
- Соколов 2004 – Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / Под ред. А. К. Соколова. – М.: Высш. шк., 2004.

Tatiana G. Mosunova, Tamara A. Muravitsky

THE PERSONAL ARCHIVE AS A SOURCE OF PERSONAL COMPREHENSION OF RUSSIAN HISTORY. ARCHIVE OF K. N. Neklyutin

Introduction to the scientific use of historical sources of personal data allows us to study human being in history, to assess the historical process from the standpoint of a personality. The article shows the importance of personal sources for historical studies by the research of Konstantin Neklyutin's archive, the unique collection of personal documents stored in one of the universities of Louisiana State, USA.

Key words: a cultural heritage; individual-personal study of the history; personal sources; personal files; the Russian emigration; a manuscript; a photo document; correspondence; memoirs.

Код ВАК 07.00.02

Д. Л. Островкин

⁵⁵ Неклютин 2011: 5.

НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УРАЛЬСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБЩЕСТВА (1890–1895 ГГ.)

Статья посвящена вопросу начала деятельности Уральского медицинского общества в 1890–1895 гг. В ней автор раскрывает основные отличия УМО от уже существовавших медицинских обществ в Пермской губернии. Особое внимание уделяется теоретической и практической деятельности общества. Дана обобщенная характеристика источниковой базы в виде «Записок» общества. Значительное внимание уделяется успехам УМО в развитии медицины в регионе.

Ключевые слова: Уральское медицинское общество; Пермская губерния; земство; развитие медицины.

В истории России вторая половина XIX в. была периодом значительных преобразований в жизни государства и общества. Отмена крепостного права, затем серия либеральных реформ оказали существенное влияние на формирование новых государственных и общественных структур. С введением земского самоуправления наблюдается рост общественной активности, и медицинская интеллигенция не стала исключением. Начинают возникать новые профессиональные объединения, в том числе научно-медицинские общества.

К середине XIX в. в России насчитывалось семь врачебных обществ, но уже в первое десятилетие после земской реформы 1864 г. в России были созданы свыше 50 губернских медицинских обществ врачей по образцу Общества русских врачей Москвы и Санкт-Петербурга. Помимо профессионального общения, в них разрабатывались меры по улучшению охраны здоровья населения⁵⁶.

В 1896 г. в России насчитывалось 120 научно-медицинских обществ, а в начале XX в. официально существовало около 150 провинциальных обществ врачей. Более половины всех врачей состояло членами различных обществ. Они решали не только специальные научно-методические вопросы, но и живо откликались на общественные события в стране⁵⁷. В Пермской губернии во второй половине XIX в. уже существовало Общество врачей. На основе исследований И. И. Нейдинга⁵⁸ и В. Т. Селезневой⁵⁹ можно сделать вывод о том, что это был своеобразный «тренд» второй половины XIX – начале XX вв.: общества являлись не

Телефон/Phone: +7 (905) 802-87-20. Электронная почта/E-mail:
ostrovkin.denis@yandex.ru.

⁵⁶ Жук 1963: 382.

⁵⁷ См.: Подсадный 2011: 106–116.

⁵⁸ Нейдинг 1897: 24–25.

⁵⁹ См.: Селезнева 1997.

только профессионально-научными, но и социально-общественными объединениями.

Следует отметить, что к концу XIX в. губерния фактически была разделена на два «конкурирующих» центра в Перми и Екатеринбурге, и создание нового общества было возможным противовесом уже существовавшему Пермскому обществу врачей. При сравнительном анализе списка делегатов съездов этих обществ видно, что Уральское медицинское общество (далее – УМО) объединяло не только врачей Пермской губернии, присутствовали члены из Уфы, Тюмени и др. В Пермском обществе преобладали врачи из губернского центра, а также присутствовали по одному-два представителя от каждого уезда губернии.

В современной историографии нет специального исследования деятельности Уральского медицинского общества, хотя его работа непосредственно связана с развитием медицинского дела в регионе, поэтому автор постарался проследить деятельность УМО в первые пять лет его существования.

Уральское медицинское общество возникло 4 марта 1890 г. и сразу же приступило к активной теоретической и практической работе. Целью создания, по Уставу общества, являлось «санитарное исследование Урала» и «разработка вопросов по различным отраслям медицинской науки». Местом заседаний общества был избран г. Екатеринбург, помещение для которых было предоставлено Уральским обществом любителей естествознания в собственном музее. Первоначально в Общество вступило 52 врача, среди которых были: земские, уездные, городские и заводские врачи. Уже через 5 лет число его членов увеличилось до 3 почетных и 72 действительных членов.

С постановления Пермского Губернского Земского собрания 1890 г. начался выпуск «Записок УМО» в количестве 150 экземпляров на средства Пермского Губернского земства⁶⁰.

В «Записках» помещались протоколы заседаний Общества, доклады комиссий и сообщения его членов. При каждом сообщении имелось резюме на французском и немецком языках. Редакторскую работу на протяжении всего времени издания «Записок» вел председатель общества, врач-педиатр Н.А. Русских. Авторами докладов, «приложивших руку» к становлению УМО, были такие доктора медицины как А. А. Миславский, Д. П. Никольский, В. М. Онуфриев, В. А. Падучев, врачи Б. О. Котелянский, А. С. Пономарев, А. Э. Ландезен, А. И. Смородинцев, А. М. Спаский и др.⁶¹

⁶⁰ Записки 1892: 12.

⁶¹ Кожевникова: 111–115.

По подсчетам автора, всего за первых 5 лет было осуществлено 48 публикаций на различные медицинские темы. В «Записках» общества можно выделить такие разделы как акушерство, хирургия, эпидемические и санитарные мероприятия, и особо автор отмечает исследования бытового плана. Интересны примеры характеристики стола крестьянина в конце XIX в., где мы узнаем о том, что бедняки (правда не объясняется по какому принципу проведено деление) вдвое отстают от нормы потребления белков, втрое – жиров и на удовлетворительном уровне – углеводами. Уже в следующих «Записках» был опубликован не менее содержательный доклад о травматических повреждениях на рудниках, из которого видно, что смертность на них в России в 2, а то и в 3 раза выше, чем в странах Западной Европы.

В «Записках» нашел отражение широкий ряд вопросов, которые позволяют проследить развитие медицины в регионе, а полнота и подробное обсуждение докладов делают их важным источником по изучению деятельности общества и медицины в Пермской губернии.

Помимо теоретических вопросов, Общество занималось и практической работой. Укажем лишь несколько ее направлений. При возникновении эпидемии в г. Екатеринбурге Общество оказывало содействие городскому управлению в собирании, регистрации сведений о заболевших, составлению правил дезинфекций и т.д. Когда возникла эпидемия холеры, Общество устроило небольшой съезд врачей как из Пермской губернии, так и из Тюмени⁶². При содействии членов общества собирались сведения об уходе за детьми младшего возраста на Урале, антропологии школьного возраста, что в дальнейшем послужило материалом для подробных работ⁶³. Общество, наконец, выработало программу «Самаритских курсов», целью которых стало распространение среди местного населения сведений о наиболее важных санитарных мерах, направленных против распространения заразных болезней.

Из выше сказанного трудно переоценить роль общества на поприще популяризации достижений медицинской науки. Мы считаем, что наряду с действующими на Урале медицинскими обществами, УМО совместными усилиями совершенствовало организацию медицинской помощи населению губернии и способствовало внедрению в практику достижений современной им науки.

С первых же дней своего существования УМО старалось принять меры к устройству собственной библиотеки, в которую за первый же год существования поступило 268 книг, журналов и другой справочной литературы. В основном библиотека пополнялась за счет пожертвований и

⁶² VI Губернский съезд: 303.

⁶³ См.: Записки 1893: 7–24.

обмена с другими обществами. Так УМО производило активную переписку и обмен с Императорским Кавказским обществом, Обществом врачей при Императорском Казанском университете, Уральским обществом любителей естествознания, Омским медицинским обществом и т.д. Вследствие этого, библиотека общества на 2 мая 1895 г. состояла из 1218 томов различных сочинений, 55 периодических изданий, 73 протоколов медицинских обществ⁶⁴. Воспользоваться ею мог любой желающий, что, несомненно, обогащало знания местных врачей.

Особо нужно отметить тот факт, что Общество не получало никаких субсидий и существовало исключительно на членские взносы. Скудность средств не позволяла нанять своего помещения, а вся библиотека хранилась при аптеке А. Э. Вейсберга. Об устройстве лаборатории или анатомического музея и речи быть не могло. Но, не смотря на это, Общество участвовало с некоторыми экспонатами на 1-й гигиенической выставке в г. Санкт-Петербурге и получило «похвальный отзыв». Данный пример в очередной раз указывает на значимость общественной деятельности УМО, а высказывание С. А. Смирнова еще раз подтверждает данный факт: «Мы видим примеры установленных ученых обществ, продравших почти полстолетия над своим уставом, не произведя ни одной живой мысли. Не в таких собраниях нуждаемся мы в настоящее время».

Таким образом, за первые пять лет своего существования Уральское медицинское общество смогло объединить вокруг себя более семи десятков врачей, наладить выпуск «Записок» Общества, которые содержали не только публицистические, но и научные материалы, без тщательного изучения которых нельзя составить полную картину развития медицины в Пермской губернии. УМО способствовало решению острых санитарных и эпидемических проблем на Урале и вместе с Пермским обществом врачей содействовало дальнейшему развитию медицины в регионе. Однако, не обладая практически никаким финансированием, оно не могло в полной мере реализовывать свои инициативы.

Список источников и литературы

- VI Губернский съезд 1896 – VI Губернский съезд врачей. – Пермь, 1896.
Жук 1963 – Жук А. П. Развитие общественно-медицинской мысли в России в 60–70 гг. XIX в. – М., 1963.
Записки 1892 – Записки Уральского медицинского общества. – Вып. 1. – Екатеринбург, 1892.
Записки 1893 – Записки Уральского медицинского общества. – Екатеринбург, 1893.

⁶⁴ Записки 1896: 58.

- Записки 1896 – Записки Уральского медицинского общества. – Екатеринбург, 1896.
- Кожевникова Т. Г. «Записки Уральского медицинского общества» как исторический источник // Мониторинг региональной модели исторического общего и профессионального образования: Девятые все-российские историко-педагогические чтения: Сб. науч. ст. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – Ч. 1.
- Нейдинг 1897 – Нейдинг И. И. Медицинские общества в России. – М., 1897.
- Подсадный 2011 – Подсадный С. А. Становление общественных медицинских организаций и профессионального психотерапевтического сообщества в России // Вестник психотерапии. – 2011. – № 39.
- Селезнева 1997 – Селезнева В. Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. – Пермь, 1997.

Denis L. Ostrovkin

START OF URAL MEDICAL SOCIETY (1890–1895)

The article focuses on the beginning of the Ural Society of Medicine in 1890–1895. In it, the author reveals the main differences from the existing EMA medical societies in the province of Perm. Particular attention is paid to the theoretical and practical activities of the society. Given a generalized description of the source base in the form of "Notes" society. Considerable attention is paid to the successes of Association in the development of medicine in the region.

Key words: Ural Medical Society; Perm province; district council; the development of medicine.

Код ВАК 07.00.02

А. П. Павленко

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРСТВА В 1914–1921 ГГ.:**

Павленко Алексей Павлович, аспирант кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4).

Pavlenko Aleksey, postgraduate student of the Department of Russian History of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Turgenev Street, 4).

Телефон/Phone: +7 (343) 350-27-08. Электронная почта/E-mail: pavlenko-07@yandex.ru.

ОБЗОР НОВЕЙШИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье дается обзор кандидатских и докторских диссертаций, в которых изучается социально-политическая история офицерского корпуса России в Первой мировой войне, Революции 1917 г. и Гражданской войне. Рассматриваются диссертационные работы с 2000 г., сформулирован ряд перспективных направлений дальнейших исследований.

Ключевые слова: офицеры; историография; диссертации; Первая мировая война; Революция 1917 г.; Гражданская война.

В период с 1914 по 1921 гг. в российской истории произошли три крупных взаимосвязанных события, оказавших исключительное влияние на дальнейшее развитие общества и государства. Это – Первая мировая война, Революция 1917 г. и Гражданская война. Одну из ключевых ролей во всех трех событиях, естественно, сыграли вооруженные силы. Если в советской историографии основной акцент делался на изучении нижних чинов: матросов и солдат, то в современной науке в центре внимания находится офицерский корпус. Показателем этого может служить появление ряда диссертационных работ, или напрямую посвященных истории офицерства, или затрагивающих изучение деятельности офицеров. В рамках данной статьи мы рассмотрим новейшие работы, написанные и защищенные с 2000 г.

Докторская диссертация И. Н. Гребенкина – комплексное исследование социально-политической истории офицерства в период Первой мировой войны. На рубеже XIX–XX вв. начался процесс трансформации офицерской службы от разновидности дворянской службы феодальной эпохи к профессиональной деятельности индустриального общества. Началась постепенная демократизация армии, сам офицерский корпус был внутренне неоднородным. К 1914 г. процесс трансформации был незавершен. Но в годы войны армию пополнило огромное число офицеров военного времени, представителей разных сословий. Оторванные от привычной среды, они были совсем не безоговорочно приняты офицерским сообществом и являлись наиболее нестабильным его компонентом. Маргинальность стала одной из прогрессирующих черт офицерства этого периода. В 1917 г. офицерский корпус пережил размежевание по множеству признаков. Большинство офицеров безучастно отнеслись к падению Временного правительства, хотя и не могли приветствовать большевиков. Тенденцией среди представителей офицерства в первые месяцы Советской власти было желание уклониться от прямого участия в Гражданской войне. Значительная часть офицерства, не разделяя установок Советской вла-

сти, оказалась готова принять ее как основу новой российской государственности⁶⁵.

В 2000 г. была защищена диссертация Д. А. Кузнецова, посвященная анализу социально-политических процессов, протекавших в офицерском корпусе российской армии весной-летом 1917 г.⁶⁶ В 2012 г. к этой же теме обратился М. В. Загоруйко, дополнив ее изучением деятельности политических сил по привлечению офицеров на свою сторону⁶⁷.

Б. И. Колоницким было проведено оригинальное исследование, посвященное изучению политической символики, связывающее воедино политическую, социальную и культурную историю. Следует упомянуть изучение борьбы вокруг знаков отличия (в первую очередь погон) и формы одежды офицеров и нижних чинов в армии и на флоте. Причем в этой борьбе большую роль играла самоорганизация непартийных масс⁶⁸.

А. В. Напалков при написании диссертационного исследования, посвященного офицерскому корпусу Балтийского флота в годы Первой мировой войны, использовал огромную источниковую базу – более полутора тысяч архивных послужных списков офицеров. Автор рассматривает вопросы социального происхождения офицеров, обладание недвижимостью, возрастной состав, семейное положение, образовательный уровень, боевые потери, правонарушения среди офицеров. Напалков пишет, что среди строевых офицеров действительно преобладали выходцы из дворянской среды, однако уже среди мичманов возрастает процент офицеров не дворянского происхождения. Состав других категорий морских офицеров был более демократичным. Причем среди офицеров Балтийского флота, независимо от их социального происхождения, практически не было обладателей недвижимой собственности⁶⁹. Фактически, Напалков констатировал уже упомянутое явление – процесс превращения офицерской службы из феодального занятия в профессию.

Огромный интерес представляет кандидатская диссертация Д. А. Бажанова в плане изучения повседневной службы личного состава 1-й бригады линкоров Балтийского флота (экипажи которых сыграли большую роль в революционном движении). Автор рассматривает также вопросы политической жизни экипажей, взаимоотношений нижних чинов и офицеров⁷⁰.

В работе С. С. Минакова рассматривается этно-социальный состав, взгляды и социокультурные традиции офицеров гвардейского Семенов-

⁶⁵ Гребенкин 2011.

⁶⁶ Кузнецов 2000.

⁶⁷ Загоруйко 2012.

⁶⁸ Колоницкий 2002.

⁶⁹ Напалков 2007.

⁷⁰ Бажанов 2004.

ского полка, история элитарной части в 1917 г. и служба бывших офицеров-семеновцев в РККА, Белом движении и их послевоенная судьба⁷¹.

В докторской диссертации М. А. Елизарова рассматривается левый экстремизм на флоте. В отличие от многих других исследований, работа посвящена массовым движениям. В рамках рассматриваемой нами проблемы следует отметить, что автор анализирует причины существования экстремистских настроений, революционности флотских масс (большое внимание уделяется психологическим и ментальным факторам). Елизаров останавливается на Балтийских самосудах над офицерами, считая, что основой расправ над офицерами было то, что в условиях радикальной смены общественных порядков матросы выступили против тех, кого считали ее персонифицированными противниками – офицеров. Свою интерпретацию получают и севастьяпольские самосуды декабря 1917 г. и февраля 1918 гг.: «...основными исполнителями самосудов были не большевистские, а анархобандитские и эсероэкстремистские элементы в матросской среде, разочаровавшиеся в «соглашательском варианте» развития революции на Юге и стремившиеся теперь «догнать» Балтийский флот. Общий фон самосудам создавало чувство обманутости в настроениях единства с офицерами весной 1917 г.»⁷².

Докторская диссертация К. Б. Назаренко посвящена личному составу, политической роли и структуре морского ведомства. Автор рассматривает очень широкий круг вопросов, связанных с ролью Морского министерства, строительством органов управления флотом, социальными аспектами истории офицеров и матросов. Ряд положений диссертации противоречат сложившимся в историографии штампам. Например, Назаренко пишет, что большинство кадровых морских офицеров во время Гражданской войны служили в РККФ, а меньшинство – в белых армиях. Впоследствии значительная часть служивших в РККФ оказалась в эмиграции⁷³.

В докторской диссертации А. А. Тушкова исследуется история флота в Гражданской войне. Также в первой части работы рассматривается история флота перед Революцией, события и процессы 1917 г. По ходу изложения материала автор обращается и к истории офицерства. В целом, в этой диссертации сделана попытка связать исторический опыт и современную ситуацию начала 2000-х гг.⁷⁴

⁷¹ Минаков 2006.

⁷² Елизаров 2007.

⁷³ Назаренко 2010.

⁷⁴ Тушков [б. г.]

Похожей теме – белому флоту – посвящена кандидатская диссертация И. Ф. Авакумова. Отметим, что автор рассматривает принципы комплектации офицерского корпуса и приходит к выводу, что основным источником набора офицерского состава были мобилизации на подконтрольных Белым правительствам территориях⁷⁵. Это может несколько скорректировать наши представления о белом движении, так как сложилось представление о том, что основным принципом формирования белых армий было добровольчество.

В кандидатской диссертации Н. А. Копылова исследуется деятельность «Союза офицеров армии и флота» в 1917 г., радикально пересматриваются многие сложившиеся оценки деятельности этого общественно-политического органа⁷⁶. Традиционная оценка союза – контрреволюционная организация, выступавшая в поддержку военной диктатуры. Однако, по мнению Копылова, Союз офицеров не стремился к изменению политического устройства страны, а его деятельность можно представить как своеобразный способ борьбы за права офицеров.

Военной политике Временного правительства в 1917 г. посвящена диссертация Л. Ф. Васильевой. Автор поднимает тему существования офицерских организаций в армии⁷⁷.

В последнее время видна тенденция снижения уровня диссертационных исследований. В рамках изучаемой нами темы к числу таких диссертаций можно отнести работу А. В. Пановой⁷⁸.

Не претендуя на абсолютную полноту, можно выделить некоторые перспективные темы для дальнейших исследований. Во-первых, это изучение отношений офицеров и подчиненных в условиях революции (в том числе детальный анализ конфликтов). Во-вторых, исследование деятельности офицеров в 1917 г. в комитетах, общественных организациях, политических партиях и выборных органах власти. В-третьих, стоит продолжать разработку темы, связанной с эволюцией представлений и менталитета офицеров в период 1914–1920 гг. В-четвертых, попытаться решить проблему, на чьей стороне в Гражданской войне было большинство офицеров и выявить, какими мотивами они руководствовались. В-пятых, в российской историографии имеется лакуна – слабо изучен офицерский корпус национальных формирований в 1918–1920 гг.

⁷⁵ Авакумов [б. г.]

⁷⁶ Копылов 2011.

⁷⁷ Васильева 2004.

⁷⁸ Панова 2011.

Список источников и литературы

- Авакумов [б. г.] – Авакумов И. Ф. Флот белого движения в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Б. м., б. г.
- Бажанов 2004 – Бажанов Д. А. 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в 1914–1917 гг.: история и повседневность: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2004.
- Васильева 2004 – Васильева Л. Ф. Деятельность Временного правительства по сохранению боеспособности Вооруженных сил России в 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2004.
- Гребенкин 2011 – Гребенкин И. Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914–1918 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Владимир, 2011.
- Елизаров 2007 – Елизаров М. А. Левый экстремизм на флоте в период Революции 1917 г. и Гражданской войны (февраль 1917 – март 1921 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – СПб., 2007.
- Загоруйко 2012 – Загоруйко М. В. Российское офицерство в 1917 году (февраль–октябрь): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012.
- Колоницкий 2002 – Колоницкий Б. И. Политические символы и борьба за власть в 1917 г.: Дис. ... докт. ист. наук. – СПб., 2002.
- Копылов 2000 – Копылов Н. А. «Союз офицеров армии и флота» в России периода февральской революции: формирование, программа, тактика: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011.
- Кузнецов 2000 – Кузнецов Д. А. Офицерский корпус России, февраль–август 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2000.
- Минаков 2006 – Минаков С. С. Лейб-гвардии Семеновский полк: 1914–1924 гг. (Элитарная социокультурная корпорация в условиях войны и революции): Дис. ... канд. ист. наук. – Орел, 2006.
- Назаренко 2010 – Назаренко К. Б. Морское ведомство России (1905–1921 гг.): личный состав, структура, политическая роль: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – СПб., 2010.
- Напалков 2007 – Напалков А. В. Офицерский корпус императорского флота Балтийского моря в годы I Мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2007.
- Панова 2011 – Панова А. В. Личный состав Российского императорского флота в условиях общенационального кризиса (1917–1921 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011.
- Тушков [б. г.] – Тушков А. А. Флот России в годы Гражданской войны: историческое исследование: Дис. ... докт. ист. наук. – Б. м., б. г.

SOCIO-POLITICAL HISTORY OF THE RUSSIAN OFFICERS IN 1914–1921: REVIEW OF THE LATEST DISSERTATION RESEARCHES

This article provides an overview of candidate and doctoral dissertations, considering the socio-political history of the officer corps of Russia in the First World War, the Revolution of 1917 and the Civil War. We consider dissertations since 2000, made a number of promising directions for further research.

Key words: officers; historiography; dissertations; the First World War; the Revolution of 1917; the Civil War.

Код ВАК 07.00.02

И. А. Понн

КРЕСТЬЯНСКИЙ МЕСТНЫЙ СУД: К ПРОБЛЕМЕ «ЛИХОИМСТВА» И «МЗДОИМСТВА» ВОЛОСТНЫХ СУДЕЙ*

В статье рассматриваются судебные дела о должностных преступлениях волостных судей. Автор приходит к выводу, что взяточничество и пьянство, процветавшие в крестьянском местном суде, стали прямым последствием абсолютной безнаказанности волостных судей, обосновывавших свои действия аморфными и не всегда ясными «обычаями».

Ключевые слова: волостной суд; крестьянский местный суд; мировая юстиция; взяточничество; судебная палата; окружной суд; Пермская губерния.

В современной российской историографии существует дискуссионное мнение о возможности модернизации дореволюционной обычно-правовой системы на основе постепенного преобразования волостного суда во всесловный местный суд. Так, современный исследователь Л. И. Земцов поддержал идею одного из членов комиссии по преобразованию волостных судов М. И. Зарудного, который отвергал возможность инкорпорации волостного и мирового суда, т.е. вве-

Понн Иван Александрович, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Уральского государственного педагогического университета (620072, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук.

Popp Ivan, associate professor of the Department of Advertising and Public Relations of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD. Телефон/Phone: + 7 (34364) 623751. Электронная почта/E-mail: popp82@mail.ru.

* Выполнено в рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ № 13-11-66003 а(р).

дения апелляционного и кассационного обжалования приговоров волостных судей в судебно-мировых учреждениях⁷⁹.

Это мнение базировалось на том, что мировые судьи сами не отличались юридической грамотностью, не понимали быт, обычаи крестьян, судили по закону, «применяя к конкретному жизненному случаю шаблон в виде соответствующей статьи». В результате Леонид Иосифович сделал спорный вывод, что соединение «волостной и мировой юстиции уже с момента возникновения последней, да и в последующем, привело бы к недоучету обычно-правовых ценностей крестьянства, росту социальной розни в деревне и к очевидным последствиям: усилению роли местных крестьянских судилищ, формированию негативного отношения к закону, замедлению процессов складывания единого правового пространства»⁸⁰.

Исторические источники, сохранившиеся в федеральных и региональных архивохранилищах страны, подтверждают неблагоприятную ситуацию в местных крестьянских судах. Волостная юстиция, оторванная от общих судебных учреждений, существовала на основании собственных правил и обычаев, не отвечавших потребностям правового государства. Это не только не вело к какой-либо модернизации правовой системы, но, наоборот, замедляло ее развитие. Попробуем на конкретных примерах показать, что в действительности происходило в волостном суде.

Еще в конце 1860-х гг. министр юстиции К. И. Пален отмечал, что убедился «из собственного опыта в несовершенстве учреждения волостных крестьянских судов, действительно, пользующихся по своему пристрастию доверием со стороны крестьянского населения»⁸¹. После введения земских начальников, поставивших под административный контроль волостную юстицию, положение не изменилось. В 1893 г. земский начальник 2 участка Вятского уезда Вятской губернии писал: «Замечено, что решения суда излагаются крайне необстоятельно и даже совсем бестолково, настолько, что нет никакой возможности уяснить сущности дела или мотивов, послуживших к тому или другому решению»⁸².

Одной из главных проблем волостной юстиции были укоренившиеся в волостном суде «лихоимство» и «мздоимство». Так, в Московской судебной палате разбиралось дело о бывших волостных судьях – крестьянах Александре Зорине, Николае Мальцеве, Терентии То-

⁷⁹ Зарудный 1874: 197–204; Земцов 2002: 42–440.

⁸⁰ Земцов 2007: 86–102.

⁸¹ РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 66. – Д. 3482а: Л. 12 об.

⁸² ГАКО. – Ф. 128. – Оп. 1. – Д. 3: Л. 1.

милове, которые 12 февраля 1888 г. на заседании суда решали дело об оскорблении крестьян Горева и Пленкина крестьянами Анисимом Михайловым, Кириллом и Андреем Копасовыми. До начала разбора судебного дела волостной судья Н. Мальцев поочередно, но непублично, обратился к истцам и ответчикам с «предложением уплатить судьям за решение в их пользу дела три рубля и четверть ведра водки». Истцы отказались платить деньги, но водку на всякий случай передали «лихоимцам». Ответчики оказались более сговорчивыми: кроме водки безоговорочно выдали волостным судьям и запрошенную сумму денег: «Это на всю вашу артель, только решите в нашу пользу!». «После этого судьи постоянно выходили из правления в свою квартиру и к концу заседания, когда рассматривалось упомянутое дело, были совершенно пьяны, так что не вникали в показания свидетелей». Судебный процесс закончился отказом в жалобе и оправданием ответчиков⁸³.

Судьи «с удовольствием» выпивали горячительные напитки не только во время разбора дел, но и после оглашения приговоров: «На предварительном следствии выяснилось, что Ирина Анисимова Пьянкова после суда действительно угощала судей и старосту водкой, но сделала это без всякого с их стороны вымогательства»⁸⁴.

До 1889 г. волостные судьи не получали за свой труд денежного довольствия. Вероятно поэтому они часто требовали «вознаграждение» с судящихся. Например, один из волостных судей Осинкин встретил истицу на крыльце волостного правления и заявил: «Купи нам, судьям, бутылку водки, и мы решим дело в твою пользу». Эта «просьба» была выполнена, а дело о попытке вымогательства дошло до Казанской судебной палаты. Прокурор долго пытался квалифицировать совершенное преступление: «Из изложенного видно, что обвиняемые получили от Башковой в дар водку по добровольному согласию на то Башковой. Причем служебных обязанностей своих ничем не нарушали. Такое преступное деяние по признакам своим соответствует понятию мздоимства, предусмотренного 372 ст. Уложения о наказаниях, и не может быть признано вымогательством, под которым закон понимает такое требование подарка, которое по своему характеру и сопровождавшим его обстоятельствам могло принудить вымогаемого к выдаче имущества из опасения и страха за свое личное и имущественное благосостояние»⁸⁵.

Существенное различие между этими двумя главными видами взяточничества заключались в том, что «лихоимством считается при-

⁸³ ЦИАМ. – Ф. 131. – Оп. 8. – Д. 1540: Л. 3–4, 15.

⁸⁴ НАРТ. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 162: Л. 4.

⁸⁵ Там же. – Д. 256: Л. 5.

нятие должностным лицом подарка для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы, а мздоимством – принятие таким лицом подарка за совершение действий, входящих в круг его служебной деятельности, но без всякого в чем-либо нарушения обязанностей службы»⁸⁶. Следовательно, более мягкое наказание получали мздоимцы.

В конце 1880-х гг. в Московской судебной палате разбиралось дело волостных судей о вымогательстве денег у ответчиков. Судьи не признавали себя виновными в преступлении: «Два рубля с крестьян Яковлева и Петрова мы действительно получили, но никак не в видах взятки и вымогательства, а по совету волостного старшины Никифора Иванова, в вознаграждение за то, что явились в заседание волостного суда без очереди, причем обвиняемые отдавали нам деньги добровольно». Волостные ссылались на прецеденты из прошлого: «Подобные случаи, как вошедшие в обычай, бывали в Ивановском волостном суде и прежде... Василий Минаев, будучи волостным судьей, брал в виде вознаграждения деньги, а крестьянин деревни Косилова, Павел Федоров давал без всякого вымогательства, добровольно»⁸⁷.

Эти доводы стали достаточным основанием оправдательного приговора: «Не сознавая по своей неразвитости и невежеству незаконности своего деяния, а при таких обстоятельствах дела Палата не усматривает в деяниях подсудимых тех признаков, которые составляют преступление и полагает справедливым признать всех подсудимых невиновными»⁸⁸.

Идентично «судили» волостных и в Пермской губернии. В 1880 г. в Пермский окружной суд было передано дело бывшего волостного судьи Асовской волости Кунгурского уезда Ивана Потапова, который потребовал с истицы – крестьянской девицы Акулины Тимофеевой – один рубль, «угрожая, в противном случае, обвинить ее и заставить вымыть пол в волостном правлении». На предварительном следствии многие свидетели подтвердили «вышеизложенные обстоятельства дела», а судья не признал себя виновным, но «не представил в свое оправдание никаких заслуживающих уважение объяснений». Однако присяжные, большинство которых являлись крестьянами, признали Ивана Потапова невиновным⁸⁹. Судейские требования о «вспоможении» от судящихся были нормой в крестьянской среде, которая, в со-

⁸⁶ Там же. – Ф. 51. – Оп. 4. – Д. 1732: Л. 11.

⁸⁷ ЦИАМ. – Ф. 131. – Оп. 56. – Д. 98: Л. 6–10об.

⁸⁸ Там же: Л. 24.

⁸⁹ ГАПК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1653: 2, 36–41.

ответствии с обычаем, не считала мелкое вымогательство преступлением.

В середине 1880-х гг. за «преступление по должности» судили 3 бывших волостных судей Красноуфимского уезда Пермской губернии. Судьи, как всегда, потребовали с истцов денежное вознаграждение: «Теперь нам нужно дать магарыч», но получили отказ. Тогда ночью они пришли под окна дома Григория Мальцева (одного из истцов) «и стали стучать, просили впустить их, заявляя, что *судьи идут*». Требования перемежались с угрозами: «Не высудить дела о шапке..., если нас не пригласишь, то к нам в волость не ходи». Перепуганное крестьянское семейство не пустило назойливых волостных судей. Судебное дело о вымогательстве решали присяжные заседатели Пермского окружного суда. В очередной раз судьи-преступники были оправданы⁹⁰.

Большинство подобных дел завершилось на предварительном следствии с формулировкой: «Возбужденное против волостного судьи Елкина судебное преследование за вымогательство прекратить» за отсутствием доказательств⁹¹. Некоторые дела о взяточничестве доходили до судебных палат, но там прекращались, «за неимением доказательств». Так, Сарапульское уездное по крестьянским делам присутствие пришло к выводу, что «волостные судьи Данила Владимиров, Борис Семенов и Егор Яковлев предложили Кузнецову дать им денег и угостить водкой...» и передали дело в Казанскую судебную палату. Товарищ прокурора не принял в расчет показания основного свидетеля, предложил прекратить дальнейшее «производство» и «отменить принятую против них меру пресечения»⁹².

Таким образом, волостной суд в 1860–1880-х гг. базировался на принципах сословности, самоуправления, выборности, независимости от общих судебных учреждений и администрации. Подобные правила, в большинстве случаев, вели к безальтернативности, беспринципности, самоуправству и беспределу кадрового состава волостной юстиции. Взятничество («лихоимство» и «мздоимство»), пьянство, процветавшие в крестьянском местном суде, стали прямым следствием абсолютной безнаказанности волостных судей, обосновывавших свои действия аморфными и не всегда ясными «обычаями», с которыми считались даже умудренные опытом судьи судебных палат, поэтому часто оправдывали «лихоимцев» и «мздоимцев».

В 1889 г. власть решила поставить под административный контроль волостную юстицию. Мы полагаем, что подобные действия не

⁹⁰ Там же. – Д. 181: Л. 4–4 об., 38–39.

⁹¹ НАРТ. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 273: Л. 4.

⁹² Там же. – Д. 174: Л. 54–56 об.

привели к желаемому результату: наведению порядка в низших крестьянских судебных учреждениях. Необходимо было *постепенное* разрушение сословных рамок волостного суда, его введение в общие судебные учреждения, слияние обычного и позитивного права, правовое воспитание волостных судей. Еще в 1860-х гг. требовалось начать реформирование местного суда: подчинить волостную юстицию мировому суду через апелляционное и кассационное обжалование приговоров. Несмотря на неоднократные проекты, подобного не произошло, а вместе с этим не состоялась модернизация выборного и независимого местного суда.

Список источников и литературы

ГАКО – Государственный архив Кировской области.
ГАПК – Государственный архив Пермского края.
НАРТ – Национальный архив республики Татарстан.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы.

Зарудный 1874 – Зарудный М. И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. – СПб.: Тип. 2 Отд. собств. Е.И.В. канцелярии, 1874.
Земцов 2002 – Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002.
Земцов 2007 – Земцов Л. И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2007.

Ivan A. Popp

PEASANT'S LOCAL COURT: THE PROBLEM OF "GRAFT" AND "BRIBERY" OF COUNTY JUDGES

The article deals with the cases of white collar crime of County judges. The author concludes that bribery and drunkenness, which flourished in the peasant local court, were a direct consequence of absolute impunity of County judges, who explained their actions as the amorphous and not always clear "customs".

Key words: Parish Court; peasants local court; peace justice; bribery; the Chamber; the District Court; the Perm province.

Е. В. Путилова

**«В АДУ ДО РАССВЕТА...»:
ИСТОРИЯ ВОЙНЫ НА ПИРЕНЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
ПОД ПРИЦЕЛОМ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-САКСОНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

В статье на основании ряда работ англоязычных авторов рассматриваются новые тенденции в изучении истории Пиренейской войны. Определяется роль и место данного исторического сюжета в англосаксонской историографической традиции на современном этапе ее развития.

Ключевые слова: наполеоновские войны; англо-саксонская историография; Пиренейская война; британская армия; герцог Веллингтон.

События войны на Пиренейском полуострове на протяжении двухсот лет неизменно привлекали внимание представителей британской историографической традиции. Более того, за столь долгий период интерес к ним не только не ослабел, но и напротив – усилился, чему немало способствовала череда юбилеев сражений эпохи наполеоновских войн. Новая волна исследовательских работ, однако, принадлежит перу уже не только английских, но и американских историков, и является частью объединенной англо-саксонской историографической традиции. И подобная взаимная инкорпорация двух историографических систем применительно к изучению одного исторического события позволяет взглянуть на военный конфликт двухвековой давности под новым углом.

Одним из первых попытался это сделать британский историк Ч. Исдейл, обратившись к изучению феномена герильи⁹³, каковая вплоть до конца XX в. рассматривалась и воспринималась исключительно как партизанское движение, подпитываемое патриотическими и религиозными настроениями гражданского населения. Исдейл же, ссылаясь на новые архивные источники, отстаивает гипотезу, согласно

Путилова Евгения Викторовна, магистрант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4).
Putilova Evgeniya, master student of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Turgeneva Street, 4).

Телефон/Phone: +7 (343) 350-75-36. Электронная почта/E-mail: pargelia@yandex.ru.

⁹³ Esdaile 2004.

которой большинство партизан являлись не гражданскими лицами, в порыве патриотического гнева взявшимися за оружие, но людьми, которыми двигали мотивы личного и материального характера.

Иная точка зрения присутствует в работе Р. Фрезера⁹⁴, который, опираясь на испаноязычные источники, придерживается «классической» версии о герилье как о стихийной партизанской войне.

Герилья является предметом исследования и для историка Дж. Тона⁹⁵. Но в отличие от Исдейла и Фрезера он концентрирует внимание на различных трудностях политического, религиозного и военного характера, с которыми столкнулись французы в ходе попыток преодоления испанского сопротивления, и пытается ответить на вопрос, почему же они не смогли умиротворить завоеванную Испанию.

Другой сюжет, получивший разработку в трудах Я. Флетчера, Г. Дэмпси, М. Томпсона и Р. Мьюира – реконструкция сражений Пиренейской войны.

Так, Флетчер сосредоточил внимание на сражениях при Альбуэре⁹⁶ и Бадахосе⁹⁷. В первом случае он воссоздает историю противостояния союзных англо-португало-испанских сил, занявших под командованием В. Бересфорда позицию в городке Альбуэра, и французского контингента. При этом автор превращает историю самого сражения в историю подвига семи союзнических батальонов, которые, потеряв под постоянным обстрелом и непрерывными штурмами 4/5 состава, смогли удержать крепость, несмотря на почти трехкратное численное преимущество неприятеля. Во втором случае Флетчер воссоздает третий штурм и взятие англичанами крепости Бадахос. Присутствует в монографии и одна интересная деталь – книга снабжена материалами аэрофотосъемки, проведенной с воздушного шара в 1914 г., что может дать представление о том, как Бадахос мог выглядеть в 1812 г.

Другой исследователь Г. Дэмпси, так же как и Флетчер, обращается к истории сражения при Альбуэре⁹⁸, отмечая тот факт, что этот бой окружен множеством мифов и легенд. В результате Дэмпси ставит перед собой задачу развеять самые одиозные из них, для чего обобщает с взаимной корректировкой сведения из источников французского, испанского, английского происхождения.

⁹⁴ Fraser 2008.

⁹⁵ Tone 1994.

⁹⁶ Fletcher 2000.

⁹⁷ Fletcher 2001.

⁹⁸ Dempsey 2008.

В отличие от Дэмпи и Флетчера М. Томпсон рассматривает Альбуэрское сражение в контексте всей компании союзников⁹⁹, подчеркивая, однако, значимость этой позиции как «ключа» от стратегически важной крепости Бадахос.

Наконец, Р. Мьюир сосредоточивается на истории сражения при Саламанке¹⁰⁰, как событии, переломившем ход Пиренейской войны в пользу англичан. При этом Мьюир активно работает с источниковой базой, подразделяя каждую главу своей работы на две части. В первой из них он описывает битву при Саламанке на том или ином участке в конкретно взятый отрезок времени, а во второй – перечисляет материалы, выступившие в роли источника, сортирует их, анализирует содержание, сопоставляет и только после всех этих операций поясняет, на каком основании была сделана выборка фактов и сведений для первой части.

Многих представителей англо-саксонской традиции заинтересовала тема внутренней организации армии, тесно связанная с историей повседневности. К таковым можно отнести коллектив авторов в лице Р. Мьюира, Р. Бурхэма, Х. Мьюира и Р. МакГигана со сборником статей «Внутри пиренейской армии Веллингтона»¹⁰¹, а также работы Р. Холмса¹⁰² и Ф. Хейторнуэйта¹⁰³.

Холмс создал труд обобщающего характера, в котором время наполеоновских войн является только частью военной картины нового времени и именуется периодом «Браун Бесс», эпохой ближнего боя и построения «каре». Также стоит отметить, что этот автор сконцентрировал внимание на материальной составляющей армейской жизни: финансировании, обмундировании, продовольствии, дисциплинарных наказаниях и т.д.

В отличие от Холмса, Хейторнуэйт свое исследование посвятил исключительно армии Веллингтона¹⁰⁴, в 12 главах тщательно препарировал структуру британской армии, изучив повседневную жизнь и функции офицерства и солдат, пехоты, кавалерии, комиссариата, медицинской службы и командного состава. В приложении к данной работе также присутствует достаточно полный словарь военных терминов «для начинающих», список зарплат в армии в 1815 г. и т.д.

⁹⁹ Thompson 2002.

¹⁰⁰ Muir 2001.

¹⁰¹ Muir [etc.] 2006.

¹⁰² Holmes 2002.

¹⁰³ Haythornthwaite 2001.

¹⁰⁴ Ibidem.

В то же время выходит исследование гендерной направленности Ф. Пейджа¹⁰⁵, дающее представление о быте и положении представительниц женского пола в армии Веллингтона.

Некоторые работы посвящены отдельным родам войск и служб британского контингента. Например, исследование М. Ховарда о вопросах организации медицинских служб в британской армии¹⁰⁶ или работа К. Холла о флотилии¹⁰⁷, бывшей в распоряжении Веллингтона в Пиренейской войне. Любопытное исследование об истории 95-го стрелкового полка провел М. Урбан¹⁰⁸, отметив, что данное войсковое соединение есть не что иное, как прообраз современных снайперских отрядов и что стрелки сыграли одну из ключевых ролей, как в Пиренейской кампании. Он отмечает, что эффективность нового рода войск была вызвана использованием ранее неизвестных тактических маневров и замены залпового огня на прицельный.

Нельзя не отметить факта выхода работ, посвященных вопросам вооружения и униформологии. В число таковых входят иллюстрированные издания Ф. Хейторнуэйта «Оружие и обмундирование»¹⁰⁹ и Д. Смита – «Иллюстрированная энциклопедия униформы Наполеоновских войн»¹¹⁰. Перекликается с ними и труд Р. Мьюира «Тактика и опыт битвы в эпоху Наполеона»¹¹¹, где изучается опыт сражения, как отдельных лиц, так и общая динамика тактики различных армий в Пиренеях и в Центральной Европе.

Интересна и работа Дж. Грехана «Линии Торрес Ведрас: краеугольный камень стратегии Веллингтона в Пиренейской войне 1809–1812»¹¹², в которой оцениваются роль и значение одного из основополагающих укреплений в исходе Пиренейской войны.

Общеполитический контекст войны на Иберийском полуострове изучается в работах Ч. Исдейла¹¹³, Д. Гейтса¹¹⁴, Р. Мьюира¹¹⁵. Внимание уделяется глубинным причинам Пиренейской кампании, дипломатическим, финансовым, военным, социальным установкам воюющих государств, с обозначением приоритетов и конечных целей общего курса их политики. Кроме того, Гейтс оценивает потенциал воюющих

¹⁰⁵ Page 1986.

¹⁰⁶ Howard 2002.

¹⁰⁷ Hall 2004.

¹⁰⁸ Urban 2004.

¹⁰⁹ Haythornthwaite 1988.

¹¹⁰ Smith 2006.

¹¹¹ Muir 1998.

¹¹² Grehan 2004.

¹¹³ Esdaile 2007.

¹¹⁴ Gates 2001.

¹¹⁵ Muir 1996.

сил, а Мьюир фокусируется на вкладе британских политиков и должностных лиц в синхронизацию процессов работы британской военной машины и экономики, их роли в консолидации союзных сил Европы в борьбе против Наполеона.

На современном этапе развития англо-саксонской историографии также получают развитие сюжеты вторжения британской армии во Францию, как завершающая фаза Пиренейской войны¹¹⁶, и отступления генерала Мура на Ла-Корунью¹¹⁷.

Не уходит в прошлое и жанр биографического исследования. Дж. Лоуренс¹¹⁸ создает еще одну биографию герцога Веллингтона, Р. Харвард – генерала Пиктона¹¹⁹, П. Хейман – маршала Сульта¹²⁰, М. Урбан посвящает свой труд описанию жизненного пути и профессиональной деятельности шефа шифровальщиков при герцоге Веллингтоне – Джорджа Сковелла¹²¹.

В англо-саксонской историографической традиции появляется и новое направление – прямая реконструкция сражений и событий по дневникам и воспоминаниям очевидцев и участников. Примером таковой можно считать книгу Г. Гловера, воссоздавшего по письмам и дневникам полковника Дж. Бингема историю сражений при Талавере, Бургосе, Бадахосе, Саламанке¹²². Вторит ему и Д. Грейвс, выбравший в качестве объекта изучения боевой путь Королевского Уэльского полка фузилеров и опиравшийся при этом на «карьерные записи» офицера Т. Пирсона¹²³. А картину бытовых проблем в совокупности со сложностями выполнения боевых задач одной из частей 27-го Иннискилингского полка на основании дневников лейтенанта Ч. Кроу воспроизвел М. Кэссиди¹²⁴.

Кроме того, уже упомянутый выше Исдейл, не ограничившись историей какого-то одного армейского соединения, на основании писем британских и французских солдат, воспоминаний португальских и испанских гражданских лиц, воссоздал историю Пиренейской кампании в разных ее уголках – в городской и сельской местности, в лагерях герильясов, армий союзников и французов¹²⁵.

¹¹⁶ Robertson 2003.

¹¹⁷ Summerville 2003.

¹¹⁸ Lawrence 1992.

¹¹⁹ Harvard 1996.

¹²⁰ Hayman 1990.

¹²¹ Urban 2001.

¹²² Glover 2005.

¹²³ Graves 2007.

¹²⁴ Cassidy 2003.

¹²⁵ Esdaile 2008.

Наконец современный период – время выпуска справочников, атласов и карт. Военный атлас Пиренейской кампании выпустил полковник Липскомб¹²⁶. Ф. Хейторнтуэйт издал справочник, содержащий хронологию, краткое описание участников кампании и информацию об организации армейских корпусов¹²⁷, а С. Поуп создал словарь наполеоновских войн¹²⁸. Также гид, представленный в виде краткого отчета с иллюстрациями и картами, для путешествия по историческим местам Пиренейской кампании – заслуга Я. Робертсона¹²⁹.

В результате из всего вышеприведенного следует заключить, что сюжет Пиренейской войны в настоящее время является одним из ключевых в британской историографической традиции и, одновременно, продолжает привлекать к себе внимание все большего количества американских авторов. При этом в исследовательскую работу все чаще внедряются новые методологические категории: история повседневности, гендерная история, устная история и т.д. Данный сюжет, тем не менее, остается дискуссионным, а значит, перспективы его дальнейшего развития существуют.

Список источников и литературы

- Cassidy 2003 – Cassidy M. *Marching With Wellington. With the Inniskillings in the Napoleonic Wars.* – Barnsley: Leo Cooper, 2003.
- Dempsey 2008 – Dempsey G. *Albuera 1811: the Bloodiest Battle of the Peninsular War.* – Barnsley: Frontline Books, 2008.
- Esdaile 2004 – Esdaile Ch. *Fighting Napoleon: Guerrillas, Bandits and Adventurers in Spain.* – New Heaven: Yale University Press, 2004.
- Esdaile 2007 – Esdaile Ch. *Napoleon's Wars: an International History, 1803–1815.* – Allen Lane, 2007.
- Esdaile 2008 – Esdaile Ch. *Peninsular Eyewitnesses; the Experience of War in Spain and Portugal 1808–1813.* – London: Pen and Sword, 2008.
- Fletcher 2000 – Fletcher I. *Bloody Albuera: The 1811 Campaign in the Peninsula.* – Marlborough: Crowood Press, 2000.
- Fletcher 2001 – Fletcher I. *In Hell before Daylight: Siege and Storming of the Fortress of Badajoz, 16 March to 6 April 1812.* – Oxford: Osprey, 2001.

¹²⁶ Lipscombe 2010.

¹²⁷ Haythornthwaite 2004.

¹²⁸ Pope 1999.

¹²⁹ Robertson 2000.

- Fraser 2008 – Fraser R. *Napoleon's Cursed War. Popular Resistance in the Spanish Peninsular War.* – London: Verso, 2008.
- Gates 2001 – Gates D. *The Spanish Ulcer: a History of the Peninsular War.* – Cambridge: Da Capo Press, 2001.
- Glover 2005 – Glover G. *Wellington's Lieutenant; Napoleon's Gaoler.* – Barnsley: Pen and Sword, 2005.
- Graves 2007 – Graves D. E. *Fix Bayonets! A Royal Welch Fusilier at War, 1796–1815.* – Toronto: Robin Brass Studio, 2007.
- Grehan 2004 – Grehan J. *The lines of Torres Vedras: the Cornerstone of Wellington's Strategy in the Peninsular War 1809–1812.* – London: Spellmount, 2004.
- Hall 2004 – Hall C. D. *Wellington's Navy. Sea Power and the Peninsular War, 1807–1814.* – London: Chatham, 2004.
- Harvard 1996 – Harvard R. *Wellington's Welsh General. A Life of Sir Thomas Picton.* – London: Aurum Press, 1996.
- Hayman 1990 – Hayman P. *Soult. Napoleon's Maligned Marshal.* – London, Arms & Armour, 1990.
- Haythornthwaite 1988 – Haythornthwaite Ph. J. *Weapons & Equipment of the Napoleonic Wars.* – London: Arms & Armour Press, 1988.
- Haythornthwaite 2001 – Haythornthwaite Ph. J. *The Armies of Wellington.* – Leicester: Brockhampton Press, 2001.
- Haythornthwaite 2004 – Haythornthwaite Ph. J. *The Peninsular War: the Complete Companion to the Iberian Campaigns 1807–14.* – London: Brassey's, 2004.
- Holmes 2002 – Holmes R. *Redcoat: The British Soldier in the Age of Horse and Musket.* – London: Harper Collins, 2002.
- Howard 2002 – Howard M. *Wellington's Doctors. The British Army Medical Services in the Napoleonic Wars.* – Staplehurst: Spellmount, 2002.
- Lawrence 1992 – Lawrence J. *The Iron Duke. A Military Biography of Wellington.* – London: Weidenfeld and Nicolson, 1992.
- Lipscombe 2010 – Lipscombe N. *The Peninsular War Atlas.* – London: Osprey, 2010.
- Muir 1996 – Muir R. *Britain and the Defeat of Napoleon, 1807–1815.* – New Heaven: Yale University Press, 1996.
- Muir 1998 – Muir R. *Tactics and the Experience of Battle in the Age of Napoleon.* – New Heaven: Yale University Press, 1998.
- Muir 2001 – Muir R. *Salamanca, 1812.* – New Haven: Yale University Press, 2001.
- Muir [etc.] 2006 – Muir R., Burnham R., Muir H., McGuigan R. *Inside Wellington's Peninsular Army, 1808–1814.* – Barnsley: Pen & Sword, 2006.

- Page 1986 – Page F. C. G. *Following the Drum: Women in Wellington's Wars.* – London: Andre Deutsch, 1986.
- Pope 1999 – Pope S. *Dictionary of the Napoleonic Wars.* – N. Y.: Facts on File, 1999.
- Robertson 2000 – Robertson I. C. *Wellington at War in the Peninsula, 1808–1814. An Overview and Guide.* – Barnsley: Pen & Sword, 2000.
- Robertson 2003 – Robertson I. C. *Wellington Invades France. The Final Phase of the Peninsular War, 1813–1814.* – London: Greenhill, 2003.
- Smith 2006 – Smith D. G. *An Illustrated Encyclopedia of Uniforms of the Napoleonic Wars.* – London: Lorenz Books, 2006.
- Summerville 2003 – Summerville C. *March of Death: Sir John Moore's Retreat to Corunna, 1808–1809.* – London: Greenhill, 2003.
- Thompson 2002 – Thompson M. S. *The Fatal Hill. The Allied Campaign under Beresford in Southern Spain in 1811.* – Chapelgarth: Mark Thompson Publishing, 2002.
- Tone 1994 – Tone J. L. *The Fatal Knot. The Guerrilla War in Navarre and the Defeat of Napoleon in Spain.* – Chapel hill: University of North Carolina Press, 1994.
- Urban 2001 – Urban M. *The Man who Broke Napoleon's Codes. The Story of George Scovell.* – London: Faber & Faber, 2001.
- Urban 2004 – Urban M. *Rifles: Six Years with Wellington's Legendary Sharpshooters.* – London: Faber and Faber, 2004.

Evgeniya V. Putilova

**«IN HELL BEFORE DAYLIGHT ...»:
THE HISTORY OF THE PENINSULAR WAR UNDER THE SIGHT
OF THE MODERN ANGLO-SAXON HISTORIOGRAPHICAL
TRADITION**

The article deals with new trends in the study of the history of the Peninsular War on the basis of a number works of English-speaking authors. The role and place of this historical plot in the Anglo-Saxon historiographical tradition at the present stage of its development is defined.

Key word: napoleonic wars; anglo-saxon historiography; Peninsular war; British army; Duke of Wellington.

Л. В. Светлова

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ ТЕХНИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА УРАЛЬСКИХ КАЗЕННЫХ ГОРНЫХ ЗАВОДАХ (60-Е ГГ. XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Данная статья посвящена выявлению основных тенденций в современной отечественной историографии по проблемам технической модернизации уральской горнозаводской промышленности пореформенного периода. С этой целью проанализированы основные работы современных исследователей, определены позиции и оценки разных авторов. Автор делает вывод об отсутствии единства взглядов среди современных исследователей в отношении уровня развития казенного сектора горнозаводской промышленности Урала, и происходивших в ней модернизационных процессов с 60-х гг. XIX до начала XX вв., а также обозначает некоторые спорные вопросы и лакуны обозначенной проблемы, требующие дальнейшего изучения.

Ключевые слова: отечественная историография; военное производство; казенная горнозаводская промышленность; техническая модернизация.

В постперестроечное время среди уральских историков наблюдалось некоторое снижение интереса к истории промышленности и переход к изучению в большей степени политических процессов, была ослаблена работа по сбору и обобщению статистического материала, практически отсутствовали современные исследования с принципиально новой, отличной от советской, научно-методологической основой. Определенные позитивные сдвиги в плане выдвижения новых подходов и методов начались с середины 90-х гг. и были связаны с применением системного подхода и разработкой концепции модернизации¹³⁰. В начале 2000-х гг. произошла активизация работы в изучении истории горнозаводской промышленности в связи с празднованием 300-летия ее возникновения на Урале. К этой большой юбилейной дате были изданы энциклопедии¹³¹, монографии и сборники статей¹³², проведено несколько научных конференций¹³³.

Светлова Людмила Владимировна, соискатель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Svetlova Lyudmila, applicant of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (908) 63-68-587. Электронная почта/E-mail: svetlovalv@yandex.ru.

¹³⁰ Модернизационные процессы 2005; Алексеев 2000.

¹³¹ Металлургические заводы 2001; Металлурги Урала 2001; Инженеры Урала 2001.

Одной из проблем, заслуживших особое внимание исследователей, стала история предприятий уральского казенного военно-промышленного комплекса, что не случайно. Ключевой особенностью российской экономики на протяжении, как минимум, трех столетий являлся этатизм. Государство играло активную, определяющую роль в развитии хозяйственной жизни страны. Особенно это касалось отраслей, связанных с оборонно-военной функцией, требовавших постоянных преобразований для обеспечения национальной безопасности, сохранения и поддержания статуса великой империи. Поэтому интерес к историческому опыту реформирования государственного сектора экономики и, в частности, изменений в военном производстве, не теряет своей актуальности. В эпоху рыночных преобразований 1990-х – 2000-х гг. особенно важен опыт правительственных решений относительно предприятий военного профиля, технической модернизации второй половины XIX – начала XX вв. Изучение круга вопросов, поднимаемых современными отечественными исследователями по истории технической модернизации военного производства уральской казенной горнозаводской промышленности, степень их изученности, а также выявление основных тенденций в историографии заявленной проблемы и ставится целью настоящей статьи.

Одним из ключевых вопросов в исследованиях по данной теме стало определение характера модернизационных процессов и степени их влияния на развитие казенной военной промышленности Урала в пореформенное время.

Ряд исследователей выражают убежденность, что после отмены крепостного права в уральском военном производстве начался процесс технико-экономической модернизации, продолжавшийся с различной степенью интенсивности до начала XX в.¹³⁴ Так, уральский историк, специалист в области казенной промышленности В. Г. Железкин в качестве критериев модернизационной перестройки в пореформенные десятилетия указывает процесс отраслевой специализации, введение новых производств, строительство новых заводов, установление новых производственных связей между отдельными округами, замену энергетики водяных колес энергетикой гидротурбин и паровых двигателей, внедрение горячего дутья и строительство усовершенствованных доменных печей, вытеснение кричного способа пудлингованием, внедре-

¹³² Очерки 1998; Материалы 2000; Новые материалы 2001; и др.

¹³³ Урал индустриальный 2001; Третьи Тагищевские чтения 2000; 300 лет уральской металлургии 2001; Три столетия уральской металлургии 2001; Уральская провинция 2001.

¹³⁴ Бармин 2008: 260–268; Буранов 2001: 137; Железкин 1992: 126; Ляпин 2000: 197.

ние паровых молотов и прокатных станков. Все это, по замечанию исследователя, давало значительные результаты по показателям производительности и качеству продукции. Главным стимулом и причиной происходивших в военном производстве Урала преобразований историк называет внешнеполитический фактор – поражение в Крымской войне¹³⁵.

Исследователь В. А. Ляпин, автор многочисленных работ по военной промышленности Урала и России, также указывает на факт существенной технической реконструкции казенных предприятий после 1861 г., но, к сожалению, не приводит конкретных параметров, относительно которых им сделан такой вывод. При этом он оценивает уровень развития военного производства и, в частности, Ижевского оружейного завода, как высокий, а уральские заводы называет крупным поставщиком практически всех видов военной продукции для армии и флота¹³⁶.

Значительно большее внимание современных исследователей уделено периоду конца XIX – начала XX вв. В вопросе интенсивности модернизационных процессов в горнозаводской промышленности военного профиля на Урале среди многих исследователей можно наблюдать единство взглядов. Преобладает мнение, что в этот период произошел подъем производства: оживление заводского строительства, совершенствование технологий, техническое переоборудование казенных чугуноплавильных и железоделательных предприятий, значительные сдвиги в энергетике¹³⁷. Как отмечает крупный уральский ученый, историк Д. В. Гаврилов, некоторые заводы Урала, в том числе казенные, вновь построенные или основательно реконструированные в конце XIX – начале XX в., благодаря серьезной модернизации производства, в техническом отношении не уступали предприятиям Юга России и Западной Европы. Это стало возможно, во многом благодаря крупным капиталовложениям, в том числе и в период Первой мировой войны¹³⁸.

Исследователь А. В. Дмитриев указывает, что в период с 1900 по 1910 гг. происходила капитальная перестройка теплоэнергетического хозяйства всего горнозаводского комплекса¹³⁹. Производство было доведено до европейского уровня, благодаря чему уральские казенные заводы оставались ядром военно-промышленного

¹³⁵ Железкин 1992: 126–147.

¹³⁶ Ляпин 2000: 197.

¹³⁷ Бармин 2008: 261; Буранов 2001: 137; Гаврилов 2003; Гаврилов 1991; Гаврилов 1989; Дмитриев 1991: 14–41; Дмитриев 1992: 122–159.

¹³⁸ Гаврилов 1972: 120; Гаврилов 1991: 42–75; Гаврилов 1989: 11–13; Гаврилов 2003: 32.

¹³⁹ Дмитриев 1991: 14–41.

потенциала России. Он продемонстрировал это фактами перехода на мартеновскую технологию плавки стали, использования современных видов топлива – каменного угля и генераторного газа, расширения производства легированных сталей, испытаний других нововведений¹⁴⁰.

Изучая ситуацию на отдельных казенных заводах или горнозаводских округах, историки дополняют этот вывод новыми фактами. Ляпин,¹⁴¹ освещая особенности производства и истории одного из первых оружейных предприятий на Урале – Ижевского оружейного завода, отметил, что в конце XIX в. на нем происходил процесс технического перевооружения, запуск новых производственных направлений¹⁴². Потому к началу XX в. это предприятие было одним из крупнейших казенных заводов России, как по уровню производительности, технической оснащенности, так и по численности рабочих.

Полностью солидарен с данной оценкой Гаврилов. Комплексная модернизация предприятия, оснащение зарубежным оборудованием, расширение сталелитейного производства, усиление энергетической базы во второй половине XIX в., закономерно, по его словам, делали Ижевский завод одним из основных производителей стрелкового оружия, поставщиком высококачественной стали и ружейных стволов для других оружейных заводов. Некоторые технико-технологические преобразования, по мнению историка, произошли также на Пермском пушечном (Мотовилихинском) и Златоустовском заводах¹⁴³.

В работе Г. Ф. Гудкова и З. И. Гудковой¹⁴⁴ на основе архивных данных ЦГА БАССР и работ дореволюционных исследователей описаны отдельные факты внедрения современных технологий, передовой техники и видов топлива и коммуникаций на предприятиях казенного Златоустовского горного округа, но без оценки, комментариев и сравнительного анализа авторов. Отмечены высокие показатели производительности, нередко превышающие положенные нормативы, высокое качество продукции, заметное расширение производства к концу века, как по заказам военного министерства, так и частных лиц. Также отмечено, что накануне войны была осуществлена капитальная реконструкция на ряде предприятий¹⁴⁵.

Относительно этого же казенного округа, в статье Ляпина проводится мысль, что далеко не все его заводы отличались передовым

¹⁴⁰ Дмитриев 1992: 130–131.

¹⁴¹ Ляпин 1997: 42–44.

¹⁴² Там же: 43; Ляпин 2000: 196–197.

¹⁴³ Гаврилов 2003: 42.

¹⁴⁴ Гудков, Гудкова 1993.

¹⁴⁵ Там же: 356–357, 382–383.

уровнем производства. Историк указал и на ряд проблем, связанных с низким уровнем энерговооруженности, электрификации, отсталыми способами добычи руды и заготовки топлива, отсутствием не только железнодорожной сети, но и улучшенных грунтовых дорог. Важную проблему историк видит также в многоотраслевом характере Златоустовского казенного округа¹⁴⁶. Не случайно, по его словам, в ситуации подготовки к войне, правительством осознавалась необходимость технической модернизации и предпринимались некоторые меры.

Среди исследователей, разделяющих позицию о достаточно высокой результативности технической модернизации на Урале в начале XX в., также прослеживается единство взглядов и на ряд других вопросов. Один из таких – о роли казенного военного производства Урала в обеспечении обороноспособности страны. Высоко оценивают вклад уральских казенных горных заводов в перевооружение армии накануне и в годы Первой мировой войны Г. Н. Шумкин¹⁴⁷, Д. Н. Катарин¹⁴⁸. Особо ими отмечено производство Златоустовского казенного завода, изготовлявшего значительную долю оружия, снабжавшего военное и морское ведомство металлами для производства вооружения при подготовке к войне. На этом предприятии, как замечают исследователи, уральцы сумели изготовить достойные аналоги импортных сплавов, освоить первоклассную отечественную технологию обработки стали¹⁴⁹. Вместе с Пермским пушечным, эти заводы в конце XIX в. были крупнейшими на Урале предприятиями военно-промышленного комплекса, на долю которых приходилось самое большое количество заказов¹⁵⁰. А специализированные Баранчинский и Верхне-Туринский заводы Гороблагодатского горного округа, благодаря своевременной переориентации на востребованные виды продукции и модернизацию оборудования, к началу XX в. признавались одними из лучших снарядолитейных заводов¹⁵¹.

Обращаясь к вопросу качества продукции казенного военного производства Урала, сходную оценку дают и другие исследователи. Внедрение передовых видов материала, по замечанию Ляпина¹⁵², обеспечивало популярность оружия Ижевского завода, как в России, так и за ее пределами, а его высокое качество и полное соответствие выдвигаемым государственной экспертной комиссией требованиям, неодно-

¹⁴⁶ Ляпин 1992: 161–162.

¹⁴⁷ Шумкин 2004: 189–198.

¹⁴⁸ Катарин 2005.

¹⁴⁹ Там же: 101–102.

¹⁵⁰ Шумкин 2005: 274–279.

¹⁵¹ Шумкин 2000: 286–288.

¹⁵² Ляпин 1997: 42–44.

кратно подтверждались многочисленными наградами, полученными на российских и международных выставках. Этот факт в отношении Ижевского и ряда других казенных уральских заводов отмечен в трудах С. А. Корепановой¹⁵³ и М. Г. Лепиной¹⁵⁴.

В работах ряда авторов отмечены некоторые особенности предприятий военного профиля горнозаводской промышленности Урала – их полная зависимость от государственных заказов, наличие или отсутствие которых непосредственно влияло на периоды подъема и спада производительности. Это, как подчеркивает Шумкин, подтверждалось преобладанием в конце XIX – начале XX вв. заявок Военного и Морского ведомств в портфеле выполненных планов. Кроме того, исследователи подчеркивают, что, несмотря на свой профиль по изготовлению вооружения, почти все эти предприятия также обеспечивали и другие предприятия военного ведомства сырьем для изготовления снарядов¹⁵⁵.

Еще одной темой, поднимаемой в современной российской историографии проблемы, стала подготовка и реализация программы модернизации казенной промышленности, принятой в 1910 г. Новый виток модернизации был связан, как отмечает Шумкин, с событиями Русско-японской войны. Историк продемонстрировал ситуацию готовности правительства предпринимать серьезные меры по реконструкции казенной промышленности, а также проанализировал ряд объективных и субъективных причин, сокративших данную программу до уровня частных усовершенствований. Вследствие этого, на момент начала войны на Урале не возникло мощного современного комплекса военных заводов, отчего в период «пика снарядного голода» правительство было вынуждено обращаться за помощью к частным предприятиям в производстве вооружения¹⁵⁶. Тем не менее, как отмечает автор, накануне войны на казенных горных заводах все же наблюдался рост производства вооружения, хотя и не по причине реализации программы реконструкции, а за счет общего увеличения размеров правительственных военных заказов¹⁵⁷. Критично оценивает данный проект и Ляпин, подчеркивая, что попытки переоборудования предприятий не дали почти никакого результата. По его замечанию, вся реконструкция приобрела в конечном итоге характер мелких перестроек, а планы по усилению специализации заводов округа остались на бумаге¹⁵⁸.

¹⁵³ Корепанова 2002: 68–69.

¹⁵⁴ Лепина 2004.

¹⁵⁵ Шумкин 2004: 190–196; Ляпин 1997: 43; Ляпин 2000: 196–197.

¹⁵⁶ Шумкин 2004: 189–198; Шумкин 2007: 38–44.

¹⁵⁷ Шумкин 2004: 191–196.

¹⁵⁸ Ляпин 1992: 163–166.

Данная позиция относительно высокой оценки результатов технико-экономической перестройки казенных горнозаводских предприятий Урала в конце XIX – начале XX вв. вызвала неоднозначную оценку среди исследователей, а тема приобрела дискуссионный характер. Некоторые историки склонны более критично и сдержанно оценивать ход и результаты технической модернизации в военном производстве Урала. В. В. Запарий в своей работе, освещая проблему развития государственных металлургических предприятий Урала, хотя и перечисляет постепенные серьезные изменения и преобразования в производственном отношении в казенном секторе горных заводов, но указывает на то, что они «были не столь велики»¹⁵⁹.

С. П. Постников и М. А. Фельдман¹⁶⁰ пришли к выводу, что в первом десятилетии XX в. качественные изменения в технологии, технике, энергетических мощностях произошли в достаточно ограниченной по численности группе предприятий металлургии и металлообработки Урала. Причины отставания и кризиса авторы усматривают в сохранении доминирования древесного топлива в топливном балансе промышленности Урала, а также неразвитой транспортной инфраструктуре. Относительно вопроса технической революции в сфере энергетики в железорудной промышленности Урала Фельдман резко критикует позицию Гаврилова, указывая на несоответствие его выводов об уровне энерговооруженности уральских заводов статистическим сведениям¹⁶¹.

Еще более категоричный взгляд на уровень развития казенного военного производства конца XIX – начала XX вв. представлен на страницах московского сборника документов и материалов «Военная промышленность России в начале XX в.»¹⁶², где обосновывается точка зрения о низких показателях производительности казенных предприятий, отличающейся при этом высоким уровнем брака. Среди причин авторы называют слабую техническую оснащенность и недостаточную квалификацию рабочих. Подобной оценки придерживается и К. Ф. Шаццлло. По его мнению, заводы Урала были самыми отсталыми предприятиями военной промышленности России, вследствие чего они были постоянно убыточны, не успевали в срок выполнять заказы армии и флота. По этой причине накануне Первой мировой войны пра-

¹⁵⁹ Запарий 2001: 104.

¹⁶⁰ Постников, Фельдман 2006.

¹⁶¹ Там же: 25–27.

¹⁶² Ганелин 2004: 116.

вительство, не желавшее попадать в полную зависимость от частного капитала, предприняло попытку реконструировать эти заводы¹⁶³.

Таким образом, в работах современных исследователей получили освещение различные аспекты технической модернизации уральской горнозаводской промышленности пореформенного периода: начало и характер технической модернизации на предприятиях казенной горнозаводской промышленности Урала; проблема интенсивности данного процесса и его результативности после 1861 г. и на рубеже XIX–XX вв.; эффективность программы модернизации казенной промышленности начала XX в.; роль казенного производства в обеспечении обороноспособности страны и качества производимой продукции. При этом недостаточной видится степень изученности особенностей военного производства Урала в пореформенное время и последующий период; отсутствуют работы по истории технического развития ряда отдельных заводов военного профиля; практически не затронута тема производства уральских предприятий военно-промышленного комплекса в годы Первой мировой войны.

Следует отметить, что среди историков отсутствует единство взглядов на роль и уровень технической модернизации военной отрасли уральской казенной горнозаводской промышленности. Одни выражают убежденность в том, что в течение второй половины XIX в. и, в особенности, на рубеже XIX–XX вв., шел постепенный неуклонный процесс модернизации, заводы заняли крепкие позиции в производстве вооружения. Другие исследователи весьма критично и сдержанно, а порой и категорично оценивают уровень развития уральской горнозаводской промышленности и состояние казенных предприятий, которые, по их мнению, были самыми отсталыми предприятиями военной промышленности, а попытки казны реконструировать были сделаны от безысходности и не дали почти никаких результатов. Такая ситуация, вероятно, связана с отсутствием среди исследователей единого общепринятого спектра критериев технической модернизации промышленности, привлечением разных источников и методов их обработки. Поэтому данная проблема, на наш взгляд, требует дальнейшего глубокого комплексного изучения.

Список источников и литературы

300 лет уральской металлургии 2001 – 300 лет уральской металлургии. Труды международного конгресса. 4–5 октября 2001 г. – Екатеринбург, 2001.

¹⁶³ Шацилло 1992а; Шацилло 1992б: 36–47.

- Алексеев 2000 – Опыт российских модернизаций XVIII–XIX века / Отв. ред. В. В. Алексеев. – М., 2000.
- Бармин 2008 – Бармин А. В. Основные признаки становления индустриального производства на Урале во второй половине XIX века // Седьмые Татищевские чтения. – Екатеринбург, 2008.
- Буранов 2001 – Буранов Ю. А. Роль государства в развитии черной металлургии Урала (XVIII – начало XX в.) // Развитие металлургического производства на Урале. Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала России. – Екатеринбург: Академкнига, 2001.
- Гаврилов 1972 – Гаврилов Д. В. Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX – начале XX в. (1861–1904) // Ученые Записки Ульяновского гос. пед. ун-та. – Ульяновск, 1972. – Т. XXIV. – Вып. 4.
- Гаврилов 1989 – Гаврилов Д. В. Научно-технический и социальный прогресс в горнозаводской промышленности Урала в период домонополистического капитализма // Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма: Информ. материалы. – Свердловск, 1989.
- Гаврилов 1991 – Гаврилов Д. В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма (1861–1917 гг.): методологические аспекты проблемы // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.): Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991.
- Гаврилов 2003 – Гаврилов Д. В. Модернизационные процессы в горнозаводской промышленности Урала в конце XIX–начале XX в. (1890–1917 гг.) // Уральский исторический вестник. – № 9. – 2003.
- Ганелин 2004 – Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917 гг.). История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963.: Сб. документов и материалов / Под ред. Р. Ш. Ганелина. – Т. 1. – М.: Новый хронограф, 2004.
- Гудков, Гудкова 1993 – Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков. Историко-краеведческие очерки. Часть 2. – Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1993.
- Дмитриев 1991 – Дмитриев А. В. Основные направления развития экономики Урала в пореформенный период (1861–1900 гг.) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.): Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991.

- Дмитриев 1992 – Дмитриев А. В. Основные направления социально-экономического развития Урала в период монополистического капитализма // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. – Екатеринбург, 1992.
- Железкин 1992 – Железкин В. Г. Техничко-экономическое развитие уральской казенной горнозаводской промышленности в 1861–1885 гг. // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: УрО АН СССР, 1992.
- Запарий 2001 – Запарий В. В. Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. – Екатеринбург, 2001.
- Инженеры Урала 2001 – Инженеры Урала. Энциклопедия. – Екатеринбург, 2001.
- Катарин 2005 – Катарин Д. Н. Русско-японская война как фактор модернизации производства на Златоустовском казенном заводе (1902–1906 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы VII Всероссийской научной конференции: В 2-х т. – Т. 1. – Екатеринбург, 2005.
- Корепанова 2002 – Корепанова С. А. Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка 1887 года: Из истории выставочной деятельности в XIX в. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002.
- Лепина 2004 – Лепина М. Г. Развитие законодательства о казенных предприятиях в России в дореволюционный период. – Казань: Изд. Казан. ун-та, 2004.
- Ляпин 1992 – Ляпин В. А. Златоустовский горный округ в период экономического подъема 1909–1913 гг. // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: УрО АН СССР, 1992.
- Ляпин 1997 – Ляпин В. А. Ижевский оружейный завод (к 190-летию основания) // Первые Татищевские чтения. – Екатеринбург, 1997.
- Ляпин 2000 – Ляпин В. А. Военное производство на Урале в XIX в. // Третьи Татищевские чтения. – Екатеринбург, 2000.
- Материалы 2000 – Материалы V региональной научно-практической конференции «Алюминий Урала – 2000»: ОАО Богословский алюминиевый завод. К 300-летию уральской металлургии. – Красноуральск, 2000.
- Металлурги Урала 2001 – Металлурги Урала. Энциклопедия. – Екатеринбург, 2001.
- Металлургические заводы 2001 – Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. – Екатеринбург, 2001.

- Модернизационные процессы 2005 – Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв. – Екатеринбург, 2005.
- Новые материалы 2001 – Новые материалы и технологии в металлургии и горнодобывающей промышленности: тезисы межрегиональной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2001.
- Очерки 1998 – Очерки истории черной металлургии Урала: Сб. ст. – Екатеринбург, 1998.
- Постников, Фельдман 2006 – Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). – Екатеринбург: УрО РАН, 2006.
- Третьи Татищевские чтения 2000 – Третьи Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. – Екатеринбург, 2000.
- Три столетия уральской металлургии 2001 – Три столетия уральской металлургии. Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России, 4 октября 2001 г. – Екатеринбург, 2001.
- Урал индустриальный 2001 – Урал индустриальный. Четвертая региональная научная конференция. Бакунинские чтения. – Екатеринбург, 2001.
- Уральская провинция 2001 – Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт. К 300-летию г. Каменска-Уральского. Материалы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 2001.
- Шацилло 1992а – Шацилло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России конца XIX в. – 1914 г. – М., 1992.
- Шацилло 1992б – Шацилло К. Ф. Казенная промышленность царской России // Свободная мысль. – 1992. – № 2.
- Шумкин 2000 – Шумкин Г. Н. Военное производство в Гороблагодатском горном округе в начале XX в. // Третьи Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. – Екатеринбург, 2000.
- Шумкин 2004 – Шумкин Г. Н. К вопросу о состоянии военного производства на казенных горных заводах Урала накануне Первой мировой войны // Вопросы истории Урала. – Выпуск 18. – Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. К 90-летию со дня рождения В. В. Адамова: Сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2004.
- Шумкин 2005 – Шумкин Г. Н. К вопросу о динамике производства казенных горных заводов в конце XIX – начале XX вв. (1891–1913 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы VII Всероссийской научной конференции: В 2-х т. – Т. 1. – Екатеринбург, 2005.

Шумкин 2007 – Шумкин Г. Н. Казенные горные заводы Урала в политике правительства на рубеже XIX-XX вв. // Уральский исторический вестник. – № 16. – 2007.

Lyudmila V. Svetlova

**THE MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF PROBLEMS
OF TECHNICAL MODERNIZATION OF THE MILITARY
PRODUCTION OF THE URAL STATE MINING PLANTS
(THE 60S. XIX – EARLY XX CENTURIES)**

This article is devoted to the identification of the main trends in contemporary Russian historiography on the problems of technical modernization of the Ural mining and metallurgical industry of the post-reform period. With this purpose, analyzed the main work of the modern researchers, defined positions and estimations of different authors. The author makes a conclusion about the absence of unanimity among modern scholars regarding the level of development of the state-owned sector of mining and metallurgical industry in the Urals, and took place in her modernization processes from the 60s of the XIX to early XX centuries, and also indicates some of the contentious issues and gaps identified problem, requiring further study.

Key words: national historiography; military production; the state mining industry; technical modernization.

Код ВАК 07.00.02

О. С. Уколова

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
УЧИТЕЛЬСТВА В ГОРОДАХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.**

Уколова Ольга Сергеевна, старший преподаватель кафедры общественно-научных дисциплин Института развития образования (620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Первомайская, д. 59).

Ukolova Olga, senior lecturer of the Department of Social Science Disciplines of Institute for the Development of Education (620075, Russia, Ekaterinburg, Pervomayskaya Street, 59).
Телефон/Phone: +7 (922) 14-33-896. Электронная почта/E-mail: olsu2009@gmail.com.

Статья посвящена характеристике просветительской и благотворительной деятельности городского учительства Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. В статье показана взаимосвязь просветительской и благотворительной деятельности педагогов.

Ключевые слова: педагогическая карьера; учительство; Пермская губерния; формулярный список; городская школа.

Просветительское направление в общественной деятельности учительства возникло ранее других и оказывало наибольшее влияние на общественную и культурную жизнь уральского города в период буржуазной модернизации. Просветительская деятельность в среде городских учителей была особенно популярна по ряду причин. Во-первых, в силу специфики учительского труда и достаточно высокого образовательного и культурного уровня городских учителей, особенно работавших в средних учебных заведениях. Во-вторых, учительству, как и российской интеллигенции в целом, на рубеже XIX–XX вв. была свойственна идея самоотверженного служения народу. Именно в просветительской деятельности многие педагоги видели возможность выполнения этой высокой миссии. В-третьих, именно на рубеже веков, в связи с модернизационными процессами в стране, возрастает стремление широких слоёв городского населения к получению образования в различных формах, появляется интерес к научным достижениям и изысканиям, так что стремление учительства просвещать народ совпало с тягой самого народа к знаниям. Наконец, учителя как государственные служащие не имели права создавать политические организации, поэтому их общественная активность реализовывалась преимущественно в неполитической сфере.

Просветительская деятельность педагогов Среднего Урала развивалась одновременно по нескольким направлениям. Прежде всего, это сбор, анализ и распространение сведений о системе народного образования в Пермской губернии, пропаганда образования как ценности. Именно на рубеже XIX–XX вв. появились труды педагогов по истории как народного образования на Среднем Урале в целом, так и отдельных учебных заведений¹⁶⁴.

Представители городского учительства Н. К. Чупин и О. Е. Клер по праву считаются отцами-основателями Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), созданного в 1870 г. в Екатеринбурге.

¹⁶⁴ Семченков 1886; Семченков 1899; Дмитриев 1886; Зверев 1908; Диомидов 1887; Будрин 1911; Мариинская женская гимназия 1913; Шалин 1890; Пономарёв 1903.

Членами УОЛЕ были директор Оханского реального училища (ранее – преподаватель Пермской мужской гимназии) К. П. Борняков, преподаватели Д. М. Боголепов, Н. К. Диомидов, П. П. Елсаков, А. А. Шереметевский и Л. В. Кедров, Н. А. Орлов и М. Е. Соловьёв, А. А. Дмитриев, Ф. Н. Панаев, учительница О. Н. Апыхтина, начальница гимназии С. А. Тиме¹⁶⁵.

Работа учителей в составе научно-просветительских обществ заключалась, главным образом, в сборе и первичном обобщении материалов, в проведении летних полевых изысканий, особенно в сфере геологии и археологии. Организаторами научно-просветительской деятельности в масштабе целого края учителя становились редко – в силу как сравнительно невысокого социального статуса педагога, так и ограниченности его временных и материальных возможностей. Что касается большей частью формального членства в научных обществах директоров и начальниц средних учебных заведений, то здесь, вероятно, играл роль имиджевый фактор.

Частные инициативы учителей-просветителей в 1880-х – 1890-х гг. не поощрялись и даже прямо пресекались руководством Оренбургского учебного округа. Так, например, в 1883 г. преподаватель русского языка Екатеринбургской мужской гимназии И. А. Машанов выступил с инициативой создания библиотеки детских книг с читальным залом и абонементом. Но руководство округа не дало разрешения на это, т. к. не было уверено, что Машанов обеспечит должный контроль за кругом чтения школьников¹⁶⁶.

К 1896 г. относится и свидетельство известного камышловского педагога А. А. Наумова об административных препонах, с которыми он столкнулся при организации народной библиотеки¹⁶⁷.

В конце XIX – начале XX вв., в связи с начавшимся движением за демократизацию образования, учителя средних учебных заведений Пермской губернии принимали активное участие в создании системы внешкольного образования для народа. Например, в 1900–1901 учебном году на воскресных курсах при Екатеринбургском Алексеевском реальном училище преподавали А. М. Писарев, А. Н. Миловзоров, Н. Я. Панфилов, а телеграфированию обучал технический специалист. Нагрузка каждого из преподавателей составляла 1–2 часа в неделю по вечерам, но оплата труда была невысокой, в среднем по 77 рублей в год на каждого из четырёх преподавателей¹⁶⁸.

¹⁶⁵ ГАСО. – Ф. 101. – Оп. 1. – Д. 139: Л. 11.

¹⁶⁶ Будрин 1911: 73–76.

¹⁶⁷ Шимонек 2006: 157.

¹⁶⁸ Отчёт 1901: 1–6; Мельникова 2010: 17.

В ходе революции 1905–1907 гг. просветительская деятельность педагогов стала приобретать политическую окраску. В этот период времени она была направлена, прежде всего, на демократизацию образования и сближение интересов семьи и школы в деле воспитания подрастающего поколения, т.е. на утверждение либеральных ценностей. Например, летом 1905 г. возник Екатеринбургский семейно-педагогический кружок. Актив екатеринбургского кружка составляли, главным образом, учителя городских начальных училищ, а не средних учебных заведений. Известно, что в 1902 г., в Перми власти не дали разрешения на создание такого кружка в связи с политической неблагонадёжностью ряда его учредителей¹⁶⁹.

Спонтанные проявления просветительской активности учителей средних учебных заведений в 1907–1914 гг. заключались, главным образом, в проведении публичных лекций. Так, например, в 1910 г. преподаватель математики Екатеринбургского Алексеевского реального училища М. Н. Хитрин прочитал три лекции по воздухоплаванию с демонстрацией картин с помощью «волшебного фонаря». На собранные средства планировалось издать ученический журнал «Математические мысли»¹⁷⁰.

В этот период усилился административный контроль за всеми проявлениями общественной деятельности учителей, что не привело к существенному сокращению просветительской активности. Просветительскую деятельность учительства в этом смысле можно рассматривать как легальное воплощение того демократического импульса, который был задан первой русской революцией.

Значимым проявлением гражданской активности было участие педагогов в организации благотворительности. Однако учителя выступали, прежде всего, как представители сферы образования, а не как жертвователи.

Многие учителя в городах Пермской губернии состояли членами светских благотворительных обществ, действовавших в сфере образования¹⁷¹. Однако они, как правило, входили в состав правления обществ по назначению и выполняли непосредственную организационную работу – секретаря или делопроизводителя. Директора учебных заведений могли быть председателями правления общества¹⁷².

¹⁶⁹ Микитюк 2010: 261–268; Побережников 2011: 167–168.

¹⁷⁰ ГАСО. – Ф. 90. – Оп. 1. – Д. 146: Л. 36.

¹⁷¹ Побережников 2011: 153–154; ГАСО. – Ф. 101. – Оп. 1. – Д. 139; 384, 521, 548.

¹⁷² ГАСО. – Ф. 90. – Оп. 1. – Д. 234, 235, 273, 278, 293; Ф. 91. – Оп. 1. – Д. 254: Л. 25–26; Ансеров 1901: 24; Зверев 1908: 138–141; Пермские губернские ведомости. – 1882. – № 29; 1883. – № 27, 28.

В подобных организациях было три основных источника дохода. Во-первых, членские взносы (педагоги как действительные члены обществ платили по 3 руб. в год). Во-вторых, частные пожертвования. В-третьих, доходы от организованных обществом публичных мероприятий – спектаклей, новогодних балов, концертов, лотерей и публичных лекций, часто с демонстрацией «туманных картин» или кинофрагментов¹⁷³.

Просветительская деятельность уральских городских учителей была тесно связана с их благотворительной деятельностью. В ряде случаев просветительская деятельность являлась специфической для учителя формой благотворительности.

Итак, просветительская активность учителей возрастала на протяжении всего периода конца XIX – начала XX вв. Это объясняется, во-первых, усилением демократических тенденций в развитии системы образования и, во-вторых, ростом численности городского учителя и усилением его роли в общественной жизни уральского города.

Список источников и литературы

- ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
- Ансеров 1901 – Ансеров В. Е. Краткий отчёт Екатеринбургского Алексеевского реального училища за 1900–1901 учебный год. – Екатеринбург: Тип. В. Н. Алексеева, П. Н. Галина и К^о, 1901.
- Будрин 1911 – Будрин В. И. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской мужской гимназии. – Екатеринбург, 1911.
- Диомидов 1887 – Диомидов Н. К. Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии (1861–1886). – Оренбург, 1887.
- Дмитриев 1886 – Дмитриев А. А. Столетие Пермской гимназии. – Казань, 1886.
- Зверев 1908 – Зверев А. В. Старейшее учебное заведение г. Перми. – Пермь, 1908.
- Мариинская женская гимназия 1913 – Мариинская женская гимназия в Перми к пятидесятилетию юбилею. – Пермь: Тип. В. А. Чердынцева, 1913.
- Мельникова 2010 – Мельникова Л. А. Земство и образование взрослых в Екатеринбургском уезде во 2-ой пол. XIX – начале XX вв. // Ярославский педагогический вестник. – Т. II (Психолого-педагогические науки). – 2010. – № 3.

¹⁷³ Мариинская женская гимназия 1913: 61; Будрин 1911: 144–145.

- Микитюк 2010 – Микитюк В. П. Екатеринбургский семейно-педагогический кружок // История как ценность и ценностное отношение к истории. XIV Всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – Ч. 2.
- Отчёт 1901 – Отчёт о вечерних и воскресных курсах для рабочих г. Екатеринбурга и его окрестностей при Алексеевском Екатеринбургском реальном училище за 1900–1901 учебный год. – Екатеринбург: Тип. В.Н. Алексеева, П.Н. Галина и К^о, 1901.
- ПГВ 1882 – Пермские губернские ведомости. – 1882. – № 29.
- ПГВ 1883 – Пермские губернские ведомости. – 1883. – № 27–28.
- Побережников 2011 – Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX – начала XX в.: социальный аспект / Ред. И. В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011.
- Пономарёв 1903 – Пономарёв И. Ф. Краткий исторический очерк 25-летия существования Кунгурского технического Губкина училища (1877–1902 гг.). – Кунгур, 1903.
- Семченков 1886 – Семченков В. К. Исторический очерк Пермской Мариинской женской гимназии за двадцать пять лет её существования (с 1861 по 1886 гг.). – Пермь, 1886.
- Семченков 1899 – Семченков В. К. Краткий исторический очерк народного образования в Соликамском уезде Пермской губернии. – Пермь, 1899.
- Шалин 1890 – Шалин А. П. Историческая записка об Екатеринбургском городском четырёхклассном училище. – Екатеринбург, 1890.
- Шимонек 2006 – К биографии А. А. Наумова – основателя краеведческого музея и первого архивиста Камышлова / Публ. подгот. Е. В. Шимонек // Архивы Урала. – 2006. – № 9–10.

Olga S. Ukolova

EDUCATIONAL AND CHARITABLE ACTIVITIES OF THE TEACHERS IN THE CITIES OF PERM PROVINCE AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

The article is devoted to the educational and charitable activities of the city of Perm province of teaching at the turn of the XIX–XX centuries. The article shows the relationship of educational and charitable activities of teachers.

Key words: teaching; Perm province; educational activities; charitable activities, the urban school.

Е. В. Худякова

**«РУССКИЕ СЕЗОНЫ»:
ФАКТОР РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОГО КОСТЮМА
В 1920-Е ГГ.**

В статье показано влияние как русской культуры на развитие французского повседневного костюма в 20-е гг. XX в., так и отдельных личностей, внесших вклад в процесс становления европейского костюма в указанный период.

Ключевые слова: повседневный европейский костюм; влияние Первой Мировой войны на повседневный костюм; Русские сезоны; С. П. Дягилев.

Мода – это один из наиболее распространенных и наиболее быстро реагирующих на любые изменения в общественной жизни вид искусства. В ней отражаются существенные черты своего времени, прослеживается связь с изменениями в стране с процессами в сфере культурной жизни общества¹⁷⁴.

Под влиянием основных идейно-политических и социальных событий первой четверти XX в. во Франции, как и по всей Европе в целом, разрушались принципы классической морали, что повлекло за собой радикальную смену формы костюма. В этот период происходит революционное изменение женского европейского повседневного костюма. Крой одежды становится максимально простым и удобным, не стесняющим движений, и позволяющим женщинам вести активный образ жизни. В связи с данной тенденцией особое значение приобретают расцветка, орнаментация, декор и отделка ткани. Именно в этом аспекте развития костюма, имеет огромное значение «русский фактор».

Русское влияние на европейскую моду XX в. началось в 1900-х гг. На протяжении двух десятилетий – до начала Первой мировой войны, во время нее и вплоть до 20-х гг. – русские артисты и художники

Худякова Екатерина Владимировна, лаборант-исследователь лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); бакалавр истории.

Khudiakova Ekaterina, assistant of the Laboratory of Editional Archaeography of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg Lenina Avenue, 51); bachelor of history.

Телефон/Phone: +7 (343) 350-75-43. Электронная почта/E-mail: khodyakova@gmail.com.

¹⁷⁴ Гусейнов, Ермилова 2004: 49.

оказывали огромное воздействие на развитие моды на Западе. До массового исхода эмигрантов из России в результате революции и Гражданской войны Европа познакомилась с культурой великой страны благодаря Русским сезоном Сергея Дягилева и другим более ранним манифестациям русского искусства за границей¹⁷⁵. Вследствие их художественного влияния на светскую и культурную жизнь Парижа возникли восторженное отношение к русским художникам и артистам и горячий интерес создателей моды к новым цветам и формам, показанным русскими. Знаменитые парижские дома начала 20-х гг., такие как «Шанель», «Люсиль», «Мартиаль и Арманд», «Поль Пуаре», «Агнес», «Огюстабернар» и другие, создали в те сезоны модели «а-ля рюс»¹⁷⁶. Их форма в общих чертах повторяла образцы русского народного костюма, сами названия моделей заявляли о своем происхождении. Отделка мехом, шапки в форме кичек, вышитые рукава, косоворотки, высокие сапоги были в перечне элементов «русской моды» в коллекциях больших домов на сезоны 1920–1923 гг.¹⁷⁷ Самым популярным элементом русского народного костюма, который в 1919–1929 гг. входил в арсенал многих модниц всего мира, был русский кокошник¹⁷⁸. В Америке и Европе утверждается форма кокошника-венца как свадебного убора, вольно переосмысленный кокошник становится элементом повседневной одежды. Жанна Ланвэн сделала коллекцию шляп в форме русских уборов, дом «Огюст Боназ» в Париже в начале 20-х гг. выпустил пластмассовые кокошники¹⁷⁹. Кокошник был неким символом старой России на протяжении всех долгих лет эмиграции¹⁸⁰.

В это тяжелое для моды время явно сказывался недостаток рядных тканей, чем отчасти объясняется популярность вышивки, которой часто украшали вечерние и повседневные туалеты. Многие эмигрантки были вынуждены, за неимением лучшего, посвятить свое время кропотливому труду вышивальщиц. В это время начинается долгая эпопея сотрудничества русских с миром парижской моды¹⁸¹.

Кустарное производство работало на моду: создавались вышитые сумки, зонты, бижутерия, расписные шелковые ткани и шарфы в технике батик. Русские женщины занимались шитьем, вязанием, шляпным делом, изготовлением белья, работали художницами и приказчицами домов моды. В Париже с 1921 по 1928 гг. функционировал

¹⁷⁵ Васильев 1998: 9.

¹⁷⁶ Мартен-Фюжье 1998: 300.

¹⁷⁷ Кирсанова 2001: 225.

¹⁷⁸ Там же: 181.

¹⁷⁹ Балдано 2002: 155.

¹⁸⁰ Там же: 187.

¹⁸¹ Ермилова 2003: 48.

дом вышивки «Катмир», объединяющий русских вышивальщиц, работающих на дому, и имел эксклюзивный контракт с «Шанель». Его основательницей и художественным руководителем была Великая княгиня Мария Павловна Романова, кузина императора Николая II. К каждому сезону «Китмир» обновлял ассортимент вышивок. Около 1928 г. вышивка стала выходить из моды. Ею все меньше интересовались, отдавая предпочтение гладким тканям с набивным рисунком¹⁸².

Особое место в истории домов моды и ателье, созданных русскими аристократами, занимает шляпное дело княгини Марии Путятиной, под названием «Шапка». Ее дело процветало в 20-е гг., выпускало вышитые «шапоклош». Ведущей манекенщицей была княгиня Трубецкая, чей титул привлекал в то время клиентуру. На протяжении всего десятилетия открывалось немалое количество русских ателье: дом «Мод» графини Орловой-Давыдовой, специализирующийся на вязаных вручную вещах; дом моды «Анели», принадлежавший Н. Н. Лазаревой; дом моды «Имеди», хозяйкой и основательницей которого была графиня Воронцова-Дашкова. Дом «Мария Новицкая», открытый в 1924 г., специализировался на элегантных шелковых пижамах, прочно вошедших в арсенал женской моды 20-х гг.¹⁸³ Изделия ее дома были идеально сшиты, часто декорированы росписью по шелку. Дому Новицкой была присуща оригинальность отделки и цветовых сочетаний. Также существовал «грузинский» дом моды, принадлежавший княгине Нине Шервашидзе. Возникшие в Париже дома «кавказского происхождения» ввели в моду 1922–1923 гг. кавказские мотивы¹⁸⁴. В те годы были в моде джигиты и черкесы, шашлыки и лезгинка – дань обожения эмиграции с Кавказа. Модели самого известного из всех «кавказских» домов ателье Пьера Питоева отличались оригинальностью рисунка и отделки¹⁸⁵. К числу небольших домов, основанных русскими эмигрантами, следует также отнести ателье «Анар», специализировавшееся на нарядных платьях и костюмах, и ателье «Женевр».

Основательницей русского дома «Поль Каре», существовавшего с 1919 г. в Лондоне, Париже, Канне, была леди О. Н. Эджертон, урожденная княжна Лобанова-Ростовская. Разнообразные коллекции, сочетавшие парижский шик, русскую широту и английский вкус привлекло в ее дом обширную клиентуру. Она сознательно приглашала на работу исключительно русских, стараясь помочь пережить им тяжелое время беженства. Стиль дома «Поль Каре» был своеобразен и непо-

¹⁸² Васильев 1998: 151.

¹⁸³ Worsley 2011: 126.

¹⁸⁴ Ibid: 203.

¹⁸⁵ Фукс 1996: 789.

вторим. К каждой клиентке подходили индивидуально, утверждалась чистота линий. Платья прямых силуэтов хороших пропорций, с акцентированной по моде тех лет талией на бедрах часто украшались декоративной вышивкой или аппликацией. Леди Эджертон, создававшая коллекции, нередко использовала однотонные шелковые ткани, предпочитая черный цвет в сочетании с золотой отделкой в тон, например вышивкой красным бисером по красному же муслину¹⁸⁶. Дополнением к этим элегантным нарядам служили жемчужные или нефритовые ожерелья. Фирменными изделиями дома были так называемые накидки сорти-де-баль – нарядные вечерние накидки, дополнявшие декольтированные бальные платья. Их отделывали высокими бархатными воротниками на манер боярских козырей и шили из тканей, сочетающихся с вечерним туалетом. Очевидным нововведением в моду 20-х гг. были возрожденные домом «Поль Каре» тренки к вечерним платьям. Популярность марки была настолько велика, что многие знаменитости того времени одевались только у леди Эджертон. Господствующими цветами для дневных нарядов были зеленый, коричневый и черный. Для вечерних – набивные бархаты, рисунчатая парча, оживленные более богатыми расцветками. Когда Ольге Николаевне было уже за 60 лет, она стала включать в свои коллекции наряды для пожилых дам, принесшие ей невероятный успех¹⁸⁷.

С 1921 по 1928 гг. в Париже существовал русский дом моды «ТАО». Название образовано из первых букв фамилий создательниц: княгини М. С. Трубецкой, М. М. Анненковой, княгини Л. П. Оболенской. Это были три аристократки, блиставшие некогда в московском высшем свете. Вещи этого элегантного дома отличались от изделий других мастерских безукоризненным вкусом, присущим настоящей аристократии. В первые коллекции «ТАО» их главная создательница Анненкова пыталась вносить «русский стиль». Сохраняя модный в то время фасон платьев прямого силуэта с заниженной талией, она украшала их русской вышивкой теплых тонов. Вышивки создавались по старинным образцам, что принесло огромный успех изделиям «ТАО». В доме стали также шить замшевые манто, отделанные мехом, и меховые изделия сложного кроя. Некоторые платья отделывали замшей и расписывали вручную. Считается, что все изделия дома имели фирменный гриф.

Еще одним настоящим русским домом, начинавшимся как скромное дело, но получившим позднее огромную известность, был

¹⁸⁶ Васильев 1998: 216.

¹⁸⁷ Косарева 2006: 312.

дом «Итеб»¹⁸⁸. Бетти Бузард, основательница и хозяйка дома не гнушалась самой обыденной работы и обладала значительным опытом в швейном деле. В 1922 г., она переносит свое дело в центр модного Парижа, что привело к молниеносному успеху дома. Париж боготворил «русскую моду», и интерес ко всему кустарному, сделанному руками беженок, был чрезвычайно велик, и каждый год круг светской клиентуры дома расширялся¹⁸⁹. Следуя примеру других домов, «Итеб» для популяризации своих коллекций приглашал знаменитых актрис позировать в платьях собственного производства. В 1923 г. успехи «Итеба» были столь неоспоримыми, что мадам Итеб открыла филиал в Канне. В вычурно-декоративных рекламах тех сезонов, как правило, сообщалось на чем специализируется дом: на платьях, пальто, трикотаже и мехах. К сезону 1924 г. в коллекциях стали появляться и спортивные вещи¹⁹⁰. Начиная с 1925 г. стиль «Итеб» резко меняется, отбросив элементы вычурности и экзотики. Подобно Шанель, дом «Итеб» все чаще обращается к теме повседневного женского костюма, как необходимого элемента гардероба работающих женщин новой эпохи. Вторя общему увлечению короткими платьями с заниженной линией талии, «Итеб» стал выпускать вышитые модные наряды, иногда отделанные жемчужными бусинами¹⁹¹.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что русское творчество имело огромное влияние на европейский костюм 1920-х гг. Оно проявилось в различных направлениях модной индустрии, где были заняты многие белые эмигранты первой волны. Парижские дома начала 1920-х гг. создали в те сезоны модели «а-ля рюс». Повсеместно открывались Русские дома моды, изготавливавшие великолепные расписные шали, бижутерию, кружево. Более того, дом вышивки «Китмир» на выставке современного декоративного и промышленного искусства, прошедшей в 1925 г. в Париже, был удостоены золотой медали.

Список источников и литературы

Балдано 2002 – Мода XX века. Энциклопедия / Сост. И. Ц. Балдано. – М.: Олма-пресс, 2002.

¹⁸⁸ Стриженова 2003.

¹⁸⁹ Bruhn, Tilke 1995: 146.

¹⁹⁰ Ewing 2001.

¹⁹¹ Васильев 1998: 242.

- Васильев 1998 – Васильев А. А. Красота в изгнании: Творчество русских эмигрантов первой волны. – М.: Слово, 1998.
- Гусейнов, Ермилова 2004 – Гусейнов Г. М., Ермилова В. В. Композиция костюма. – 2-е изд. – М.: «Академия», 2004.
- Ермилова 2003 – Ермилова Д. Ю. История домов моды. – М.: Академия, 2003.
- Кирсанова 2001 – Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. – М.: Изд. Артист. Режиссёр. Театр; Калининград: Янтарный сказ, 2001.
- Косарева 2006 – Косарева Е. А. Мода. XX век. Развитие модных форм костюма. – СПб.: Петербургский институт печати, 2006.
- Мартен-Фюжье 1998 – Мартен-Фюжье А. Элегантная жизнь, или Как возник «Весь Париж». – М., 1998.
- Стриженова 2003 – Стриженова Т. К. Из истории французского костюма. – М.: Сов. художник, 2003.
- Фукс 1996 – Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Буржуазный век. – М.: ТЕРРА, Республика, 1996.
- Bruhn, Tilke 1995 – Bruhn W., Tilke A. A Pictural History of Costume: A Survey of Costume of All periods and people from antiquity to modern times including national costume in Europe and Non-European Countries. – CA: Players Press, 1995.
- Ewing 2001 – Ewing E. History of 20th century fashion. L.: B.T. Batsford Ltd., 2001.
- Worsley 2011 – Worsley H. Decades of Fashion:1900 to the Presents. – L.: Ullmann, 2011.

Ekaterina V. Khudiakova

**«RUSSIAN SEASONS»: A FACTOR IN THE DEVELOPMENT
OF FRENCH COSTUME IN THE 1920S.**

The article shows the influence of Russian culture as the development of French everyday dress in the 20's. XX century, and individuals who contributed to the process of becoming a European dress in the period.

Key words: casual European suit, the impact of the First World War on the daily costume, Russian Seasons, S. P. Diaghilev.

Э. А. Черноухов

ПРИНЦИПАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Показана сложная проблема найма и адаптации квалифицированных учителей в Выйском училище Нижнетагильского горного округа Демидовых в начале 1820-х гг. на примере скандального дела Е. М. Мосцепанова.

Ключевые слова: Выйское училище, заводовладелец, Нижнетагильский горный округ, Н. Н. Демидов, Е. М. Мосцепанов, учитель.

Автор уже обращался к проблеме найма и адаптации квалифицированных учителей в крупных частных горных округах Урала в первой половине XIX века¹⁹². Одним из ее ярких проявлений стало скандальное дело Демидовых Е. М. Мосцепанова, в 1820–1821 гг. служившего в Выйском училище Нижнетагильского горного округа Демидовых. Оно кратко рассматривалось в работах по истории народного образования и освободительного движения на Урале¹⁹³. В фондах двух архивов сохранились связанные с ним материалы: само судебное дело и переписка различных лиц, втянутых в острый конфликт, дошедший до самого императора. Они позволяют более обстоятельно рассмотреть многие аспекты этого весьма типичного для того периода времени противостояния, внести существенные коррективы в излишне идеологизированные оценки советского периода.

В первой четверти XIX в. в частных горных округах Урала учителями в большинстве учебных заведений были духовные лица и крепостные служители. Последние обычно направлялись в них по достижению преклонного возраста, не позволявшего занимать более ответственные должности¹⁹⁴. Неудивительно, что полученные от них учениками знания и навыки не устраивали ряд крупных заводладельцев региона.

Черноухов Эдуард Анатольевич, доцент кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук, доцент.

Chernoukhov Eduard, associate professor of the Department of Russian History of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov, 26); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-72. Электронная почта/E-mail:
echernoukhov@yandex.ru.

¹⁹² Черноухов 2011b: 61–65.

¹⁹³ Калинина 1977; Струнина 1962; и др.

¹⁹⁴ См.: Черноухов 1998: Гл. 1.

Одним из первых, кто попытался улучшить обучение в принадлежавшем ему училище, был Николай Никитич Демидов (1773–1828). В 1806 г. он преобразовал свое Нижнетагильское училище в закрытое учебное заведение пансионного типа для служительских детей, с переводом его в поселок при Выйском заводе. После этого проживавший в Италии Н. Н. Демидов регулярно выражал недовольство качеством обучения в Выйском училище. Он отмечал слабые знания его воспитанников, присылаемых с Урала по его требованию. Главным виновником его неудовлетворительного состояния владелец считал учителей.

Но Нижнетагильская контора продолжала посылать владельцу оптимистичные рапорта о Выйском училище. По мнению местных приказчиков, Калашников преподавал уже около 30 лет, мог вести большинство необходимых предметов, а главное, был в их показательной оценке, «поведения весьма не строптивого».

Но заводовладелец был уверен, что главный учитель в Выйском училище (он же и его смотритель) может реально быть только из «посторонних» для Нижнетагильских заводов лиц. Он был нанят его Санкт-Петербургской конторой Н. Н. Демидова. В апреле 1820 г. здесь был подписан контракт на должность главного учителя сроком на пять лет с отставным штабс-капитаном Евлампием Максимовичем Мосцепановым.

Это 40-летний дворянин, уроженец Черниговской губернии, окончил Санкт-Петербургский кадетский корпус. За свою не слишком долгую жизнь Мосцепанов сменил многие места службы в самых различных частях империи: от Усть-Каменогорской крепости до Устюга. Впоследствии нижнетагильские приказчики в своих донесениях Демидову обращали внимание на эту склонность к «перемене мест», его неуживчивый характер.

Условия контракта были весьма привлекательными: Мосцепанову полагались тысяча рублей ассигнациями годового жалования, а также существенные натуральные надбавки: бесплатная «господская квартира» с отоплением и освещением, прислуга, провиант, оплата проезда в обе стороны. Для сравнения отметим, что Калашников получал 400 рублей, а местные крепостные помощники учителя в Выйском училище по 100–150 рублей в год. Примерно таким же в тот период времени было жалование преподавателей в казенных горнозаводских школах региона.

14-ти месячная служба Мосцепанова в Нижнетагильском горном округе, куда он прибыл в июле 1820 г., сопровождалось постоянными скандалами. Новый учитель оказался крайне недоволен существовавшими здесь порядками. Он сразу стал активно апеллировать к

Санкт-Петербургской конторе заводовладельца и Демидову, который разрешил Мосцепанову иногда писать ему лично.

В тот период времени в заводских поселках региона, где подавляющая масса населения находилась в крепостной зависимости, царили весьма «дикие» нравы, во многом основанные на прямом насилии. Сам Демидов в письме управляющим Нижнетагильской конторы в 1821 г. отмечал, что образованному человеку, «который воспитан в столице или губернском городе трудно привыкнуть к такому образу жизни».

Первоначально Мосцепанов критически оценивал только Выйское училище, которое он застал в «худом состоянии». По его мнению, это стало результатом жуткого произвола местных служителей. В своих письмах Демидову Мосцепанов приводил конкретные примеры разворовывания средств, выделяемых на содержание училища. Он сообщал, что воспитанники спали на полу (это через 14 лет после учреждения заведения), неделями ходили в старой, несменяемой своевременно одежде, недоедали, не получали в полном объеме определенные заводовладельцем награды за успехи в обучении. При этом служители, распоряжавшиеся училищными деньгами, строили себе и своим детям новые дома, вели себя откровенно хамски: приходили в училище пьяными, били воспитанников за малейшую провинность.

Местные служители, связанные с обеспечением деятельности Выйского училища, расценили эти письма как «доносы». Они стали оскорблять главного учителя лично и поощрять учеников к его «непочитанию»¹⁹⁵.

Первоначально наводивший порядок Мосцепанов пользовался поддержкой Демидова, считавшего его «большим педантом», улучшившим положение в Выйском училище. За 1820 г. он получил ежегодную назначаемую заводовладельцем награду в 500 рублей. По распоряжению Демидова были уволены прежний учитель Калашников, оказавшийся еще «и поведения незавидного», и «директор», а фактически завхоз, Выйского училища П. Морозов (с ликвидацией и самой этой должности). Были наказаны и другие служители, оскорблявшие Мосцепанова (крепостные – дворянина!). П. Соловьев был вызван для разбирательства в Москву, а расчетчику Ф. Рябову была зачитана угроза отправки в смиренный дом. В ордере Санкт-Петербургской конторы, присланном в Нижнетагильский поселок, было четко указано на существующую иерархию заведений Демидова в России: «Мосце-

¹⁹⁵ См.: Черноухов 2011с: 87–88, 101–104.

панов определен к месту здешней (столичной Санкт-Петербургской – Э.Ч.) конторой и ей во всем известен»¹⁹⁶.

Однако вскоре позиция заводовладельца принципиально изменилась. Решающую роль в этом сыграло начавшееся постоянное «вмешательство» главного учителя в совершенно неподчиненные ему сферы. Не смотря на многочисленные указания от Санкт-Петербургской конторы заниматься исключительно обучением, Мосцепанов регулярно писал ей и заводовладельцу и о других многочисленных проблемах в его Нижнетагильском округе: жутком положении «воспитательного дома» для приема незаконнорожденных младенцев, пьянстве старшего лекарского ученика К. Синицына, в Выйском поселке, с действующим здесь медеплавильным заводом. Он также сообщал о «ядовитом дыме, несущемся ветром прямо в училище» и вызывавшем тяжелейшие головные боли¹⁹⁷.

Но Демидов и так прекрасно представлял, что в Нижнетагильском округе его приказчики регулярно занимаются произволом. Он и ранее неоднократно получал донесения об этом от других лиц. В результате заводовладелец, продолжавший получать многочисленные жалобы на Мосцепанова, решил не обострять отношения с местным руководством. В своих письмах в Нижнетагильскую контору он фактически стал оправдываться. Демидов отмечал, что он «лично Мосцепанова не знал и поэтому не мог иметь к нему никакого пристрастия», а своего первого приказчика М. Р. Рябова «ни на кого не променяет».

Заводовладелец стал выражать недовольство и деятельностью Мосцепанова, самовольно увеличившего количество учеников в Выйском училище сверх штатного. Главному учителю Демидов постоянно советовал находить общий язык с опытными приказчиками Нижнетагильской конторы, просить помощи у них, а не обращаться непосредственно к нему «через их головы»¹⁹⁸.

Но Мосцепанов не был склонен к примирению со своими противниками. Весной 1821 г. он попросил увольнения от должности в Выйском училище. В июле согласие на это заводовладельца было получено. Но Мосцепанов не получил причитающегося жалования и денег на обратный проезд.

К тому времени он уже обратился за помощью в своей борьбе с произволом к пермскому губернатору. За свои новые «доносы» Мос-

¹⁹⁶ РГАДА. – Ф. 1267. – Оп. 3. – Д. 365: Л. 33–34; ГАСО. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 127: Л. 179–179 об.; Ф. 643. – Оп. 1. – Д. 380: Л. 84.

¹⁹⁷ Шестова 2000: 169; РГАДА. – Ф. 1267. – Оп. 3. – Д. 1753: Л. 8, 11–12, 46.

¹⁹⁸ РГАДА. – Ф. 1267. – Оп. 3. – Д. 365: Л. 33–34; Д. 377: Л. 1; ГАСО. – Ф. 643. – Оп. 1. – Д. 380: Л. 84; Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 127: Л. 179–179 об.; Д. 128: Л. 228 об.–229.

цепанов находился под присмотром заводского исправника. В августе 1821 г. против него началось следствие, а в сентябре он был отправлен в Екатеринбург. Здесь бывший главный учитель отсидел в тюрьме несколько лет.

На суде Мосцепанов выдвинул тяжелейшие обвинения против заводского исправника П. А. Платонова и главных приказчиков Нижнетагильской конторы. Кроме разворовывания средств, он обвинил их в убийствах и жестоких пытках местных младших служителей и мастеровых. Те, в свою очередь, также предъявили ему серьезные обвинения: ложные доносы, подстрекательство к бунту, мужеложство с учениками Выйского училища, незаконное сожительство (при живой жене) с местной пономарской дочерью. Часть из них суд признал недоказанными¹⁹⁹.

В 1824 г. Мосцепанов подал жалобу на имя императора Александра I, во время его посещения Перми. Вскоре его дело было закончено и передано на утверждение в Сенат²⁰⁰.

В 1825 г. Мосцепанов был осужден Екатеринбургским, а потом и Пермским судом к ссылке в Сибирь с лишением чинов и наград. Но их приговор не был утвержден Сенатом и отменен Николаем I. Дело ограничилось высылкой Мосцепанова из Пермской губернии²⁰¹.

После этого скандального дела Демидов предписал своим конторам подыскивать главного учителя для Выйского училища только из гражданских чиновников, а не военных. В контрактах с ними появился обязательный пункт, запрещающий им вмешиваться в хозяйственные дела училища, а также заводские производства.

Только с 1833 г. нижнетагильским Демидовым удалось решить проблему главного учителя (и смотрителя) в Выйском училище. Большинство лиц, занимавших эту должность вплоть до отмены крепостного права, были местными уроженцами, лучше адаптировавшимися к специфическим условиям жизни в горнозаводском поселке²⁰².

В заключение следует подчеркнуть, что весь вышеназванный произвол Мосцепанов нигде не связывал с крепостным состоянием подавляющего большинства жителей округа. По нашему мнению, у учителей частных горнозаводских школ на Урале в первой половине XIX в. не было антикрепостнических взглядов²⁰³.

¹⁹⁹ См.: РГАДА. – Ф. 1267. – Оп. 7. – Д. 1819.

²⁰⁰ ГАПК. – Ф. 297. – Оп. 1. – Д. 504: Л. 1.

²⁰¹ Калинина 1977: 171–172.

²⁰² См.: Черноухов 2011с: 110–115.

²⁰³ См.: Черноухов 2011а: 416–422.

Список источников и литературы

- ГАПК – Государственный архив Пермского края.
ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
Калинина 1977 – Калинина Т. А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII в. – 1861 г.): дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 1977.
Струнина 1962 – Струнина М. Д. Из истории рабочего движения на Урале в первой четверти XIX в. // Ученые записки МГПИ. – № 187. – М., 1962.
Черноухов 1998 – Черноухов Э. А. Горнозаводское образование на Урале в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1998.
Черноухов 2011a – Черноухов Э. А. Какой «свободы» хотели учителя частных горнозаводских школ Урала в первой половине XIX века? // Проблемы истории России. – Вып. 9. – Екатеринбург: НИМП «Волот», 2011.
Черноухов 2011b – Черноухов Э. А. Проблема квалификации учителя в частных горнозаводских школах Урала в первой половине XIX в. // Педагогическое образование. – 2011. – № 1.
Черноухов 2011c – Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. – Екатеринбург: УрГПУ, 2011.
Шестова 2000 – Шестова Т. Ю. История здравоохранения Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период. – Пермь: изд-во Пермского ун-та, 2000.

Eduard A. Chernoukhov

PRINCIPLED TEACHER

Shows the difficult problem of recruitment and adaptation of qualified teachers in the College Vyisky Nizhny Tagil Mining District Demidov in the early 1820s. for example of scandalous case of E. M. Mostsepanova.

Key words: Vyisky college, the owner of the factory, Nigneytagilskiy mining and metallurgical district, Demidov, Mostsepanov, teacher.

Г. Н. Шапошников

РОССИЙСКИЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕЛЕФОННЫЕ СЕТИ В НАЧАЛЕ XX В.

Используя методику А. Джипа (диаграмму Джипа), автор провел сравнительный анализ европейских и российских телефонных сетей на начало прошлого столетия. Показано отставание отечественных информационных коммуникаций от общественных потребностей и заметный разрыв в темпах российской и европейской телефонизаций. Сделан вывод, что в начале прошлого века в России проходила частичная (консервативная) модернизация (восточно-европейский тип модернизации).

Ключевые слова: европейская и российская телефонизация; уровень развития телефонных сетей в России; диаграмма Джипа; модернизация в России в начале XX в.

Развитие современного мира во многом определяется его коммуникационной составляющей. Неслучайно, многие специалисты рассматривают информацию как важнейший национальный ресурс и составную часть национального богатства страны²⁰⁴. Сегодня наиболее распространенным видом коммуникаций остается телефон. Можно сказать, что возможность пользоваться услугами телефонных сетей является важным барометром всех процессов модернизации, уровня развития рыночных отношений.

Как отметил историк В. И. Бовыкин, в экономической истории России нет другого вопроса, который бы вызвал столько споров, как проблема оценки пореформенной экономической политики самодержавия и уровня развития капитализма в нашей стране²⁰⁵. Это нашло отражение и в оценках развития российской электросвязи в начале прошлого столетия. Так, все специалисты широко используют данные советской статистики, в соответствии с которыми в 1914 г. в стране насчитывалось 205,4 тыс. телефонных абонентов. К пятидесятилетию

Шапошников Геннадий Николаевич, доцент кафедры истории, экономики и права Уральского государственного медицинского университета (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3); доктор исторических наук, доцент.

Shaposhnikov Gennadiy, associate professor of the Department of History, Economy and Jurisprudence of Ural State Medicine University (620014, Russia, Ekaterinburg, Repina Street, 3); Dr. of History, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 214-85-38. Электронная почта/E-mail: history@usma.ru.

²⁰⁴ См.: Голубицкая 2000: 3; Кочетова 2007: 306–307.

²⁰⁵ Бовыкин 2003: 9.

Советской власти Минсвязи СССР подготовило официальное издание по истории отрасли, авторы которого оценивают это количество абонентов, как крайне недостаточное²⁰⁶. Другие авторы берут эту цифру из этого же официального издания Минсвязи СССР, но рассматривают ее как выдающееся достижение царизма. Они особо отмечают, что до 1917 г. отечественная телефонная сеть развивалась динамично, а по суммарной емкости телефонных абонентов местных сетей Россия занимала одно из ведущих мест в мире²⁰⁷. Целью данной публикации является анализ влияния телефонных сетей общего пользования, как части информационной инфраструктуры, на процессы отечественной модернизации.

Мы считаем, что по количественным данным об абонентах на 1913 г. давать оценки уровня коммуникаций явно недостаточно. Более точные выводы можно сделать на основе исследования макроэкономических показателей услуг электросвязи в России через сравнение темпов развития европейских и отечественных телефонных сетей.

Мы попытаемся дать свое видение вышеперечисленных дискуссионных вопросов, используя для этого методику расчетов А. Джипа. За сто лет существования телефона в рыночной экономике выявлены определенные закономерности развития телефонных сетей. Например, плотность сети, измеряемая в количестве телефонов на сто жителей, функционально зависит от валового внутреннего продукта (ВВП) страны в расчете на душу населения. Добавим, что уровни отчислений из ВВП в отрасль связи и на основе этого расчеты подушевых коэффициентов использования информационных ресурсов рассматриваются сегодня, как важнейшие макроэкономические показатели развития общества.

Немецкий специалист А. Джип (A. Jipp) первым указал на существование прямой взаимосвязи между экономическим развитием и параметрами роста телефонных сетей. В 1963 г. в журнале МСЭ «Telecommunication journal» была опубликована его статья «Благосостояние государств и телефонная плотность». В ней Джип, на примере телефонных сетей, обосновал закон соответствия макроэкономических показателей и информационной инфраструктуры. Впервые была установлена математическая корреляция между национальным валовым

²⁰⁶ См.: Развитие связи 1967: 12, 31; Мы пользуемся данными о количестве телефонных абонентов, почерпнутых из ведомственной статистики ГУПиТ. В Российской империи на 1.01.1914 г. насчитывалось 336462 телефонных аппарата. Мы считаем эту цифру наиболее достоверной и используем ее для определения телефонной плотности Российской империи. См.: Список 1914: 66.

²⁰⁷ См.: Соколов 1994: 7–9.

внутренним продуктом и развитием телефонной связи. Джип выразил ее формулой $D \sim cxG$ (где D — телефонная плотность; G — ВВП на душу населения; cx — нормирующий множитель)²⁰⁸. Проанализировав статистику 1959 г. почти по 120 странам мира, ученый построил график (прямолинейную зависимость) роста телефонной плотности от ВВП на душу населения. При этом, каждая из стран, попадающая в одну из трех категорий (развитые, с переходной экономикой и развивающиеся), могла быть оценена по степени опережения (отставания) развития телефонизации по отношению к темпам развития экономики²⁰⁹. Этот график в специальной литературе получил название «диаграммы Джипа». Сегодня экономисты широко пользуются данной методикой для экспертных оценок состояния коммуникаций различных стран. Историки избегают каких-либо умозаключений по этой методике. На наш взгляд, методику расчетов, предложенную Джипом, вполне можно применить и для ретроспективных, исторических оценок состояния электросвязи и ее влияния на общее развитие экономики страны. Такие расчеты позволяют выявить место России по уровню телефонизации в системе европейских стран, показать реальное влияние информационной инфраструктуры на процессы отечественной модернизации.

Источники. Прежде чем перейти к характеристике источников и самих процессов телефонизации в начале прошлого века, влияния услуг электросвязи на развитие российской модернизации, попытаемся ответить на вопрос, почему историки не прибегают к исчислениям по методике диаграммы Джипа? Здесь действительно существуют определенные трудности. Дело в том, что понятийный аппарат современной экономической науки формировался во второй половине прошлого века. Такие макроэкономические категории, как «Валовой внутренний продукт», «Национальный доход», «Совокупный или подушевой валовой продукт» и др., в экономических науках стали широко применяться только после Второй мировой войны. Экономическая категория «душевой валовой внутренний продукт» (ДВВП), которой пользовался Джип, безусловно, наиболее точно определяет корреляцию между экономикой и электросвязью. К сожалению, это понятие не может быть применено для нашего исследования. В начале прошлого столетия таких расчетов не делали, и сделать их сегодня, используя данные российской статистики начала прошлого века очень сложно.

²⁰⁸ См. подробнее: <http://sio.su/manual>.

²⁰⁹ См. подробнее: Делицын 2006: 128.

В начале XX в. экономисты пользовались иными показателями макроэкономического развития. Ведущими в то время оставались категории «народный доход», «национальный капитал», «национальное богатство» и др. Именно к этим категориям постоянно обращались российские специалисты С. Н. Прокопович, А. Л. Вайнштейн и др., а в СССР – С. Г. Струмилин и его ученики. Содержание понятия «народный доход», как категории экономической науки, менялось, но экономисты первой трети прошлого века трактовали его достаточно близко к современной категории «национальный доход». Прокопович, например, определял смысл и содержание этих терминов как синонимы²¹⁰. Отметим, что практически такое же понимание этого макроэкономического показателя отстаивал и известный специалист по экономике царской России, историк Бовыкин²¹¹. Мы убеждены, что для вывода об общих тенденциях взаимосвязи темпов прироста макроэкономических показателей и подушевых коэффициентов электросвязи, замена понятия «душевой валовой внутренней продукт», который использовал Джип, на категорию «душевой национальный доход», вполне возможна. Курсы национальных валют в исчислении доллара США и золотого стандарта, а также показатели национального дохода по отдельным странам взяты нами из монографии В. Фишера, интернета, российской и советской статистики начала прошлого века²¹². Математические расчеты проведены профессором Екатеринбургского филиала СибГУТИ, кандидатом физ.-мат. наук В.П. Некрасовым.

Некоторые выводы. Результаты сводных расчетов по соотношению национального дохода, телефонной плотности и населения по ведущим европейским странам, США и России на 1913 г. отражены в таблице 1.

Таблица 1²¹³

Соотношение населения, валового и подушевого национальных доходов, телефонной плотности по 15 странам в 1913 г.
(валовой и подушевой национальный доходы рассчитаны в долларах США в ценах 1960 г.)

№ п/п	Страна	Население, в млн. чел.	Валовой национальный доход, в	Подушевой валовой националь-	Телефонная плотность
-------	--------	------------------------	-------------------------------	------------------------------	----------------------

²¹⁰ Прокопович 1930: 62.

²¹¹ См. подробнее: Россия. 1913 г. 1995: 29.

²¹² См.: Фишер 1999; СССР 1939; Капиталистические страны 1937; Золотой стандарт 2013.

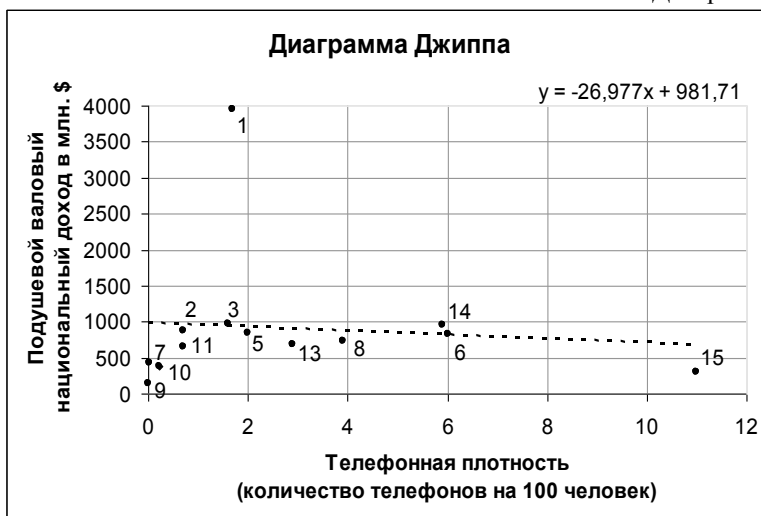
²¹³ Таблица составлена по мат.: СССР 1939: 317, 348–349; Капиталистические страны 1937: 23; Фишер 1999: 137, 229; Прокопович 1930: 8, 54, 120, 156.

			млн. долларах США	нальный доход, в долларах США	(кол-во телефонов на 100 чел.)
1	Австрия	6,6	26050	3946,97	1,7
2	Бельгия	7,7	6794	882,34	0,7
3	Великобритания	45,6	44074	966,53	1,6
4	Германия	58,5	49760	850,60	2,0
5	Дания	2,9	2421	834,83	6,0
6	Италия	36,2	15624	431,60	0, 025
7	Норвегия	2,5	1834	733,60	3,9
8	Румыния	16,2	2450	151,23	0,01
9	Россия	140,4	54090	385,26	0,23
10	Франция	41,7	27401	657,10	0,7
11	Швеция	5,6	3824	682,86	2,9
14	Швейцария	3,9	3700	948,72	5,9
15	США	96,5	29091	301,46	11

Примечание: данные ВНД, ДНД и ТП по Венгрии и Чехословакии включены в состав Австро-Венгрии.

По данным таблицы 1 и методики Джипа мы рассчитали корреляции между подушевым валовым национальным доходом и телефонной плотностью по ведущим странам Европы и России на 1913 г. Эти соотношения отражены в диаграмме 1.

Диаграмма 1

На данной диаграмме точки с номером страны по таблице 1 отражают положение этой страны по отношению к прямолинейной зависимости между показателями подушевого национального дохода и телефонной плотностью, отображенной пунктиром. Чем ближе точка с

цифрой страны к этому пунктиру, тем более информационная инфраструктура соответствует общественным потребностям страны²¹⁴. Диаграмма ясно показывает, что не зависимо от телефонной плотности, тенденция к наиболее рациональному балансу между возможностями экономики, общественными потребностями и информационной инфраструктурой в начале прошлого столетия, наблюдалась только в странах первой волны капитализма. Бельгия, Англия, Германия, Швейцария, скандинавские страны к этому времени уже смогли выбрать оптимальное соотношение между вложениями в информационную инфраструктуру и общественными потребностями. При этом Англия, Германия, Швейцария, Бельгия, Дания, Норвегия графически располагаются очень близко к прямолинейной зависимости на диаграмме, это говорит о том, что развитие электросвязи в этих странах имело опережающую динамику в сравнении с общим развитием национальных экономик.

Как показывают данные диаграммы 1, Россия в начале прошлого столетия оказалась одной из наиболее удаленных стран от прямолинейной зависимости между подушевым валовым национальным доходом и телефонной плотностью. Вывод очевиден – темпы телефонизации страны заметно отставали от потребностей общества и экономики в услугах оперативной связи, а государство не выделяло необходимых средств для рационального развития телефонии. В России государственная политика была сориентирована на получение сверхприбылей от информационных коммуникаций. Электросвязь рассматривали как фискальный инструмент для пополнения бюджета, наравне с железнодорожной, сахарной, табачной, винной монополиями²¹⁵. В начале XX в. в России существовал остаточный принцип распределения средств в коммуникации. Добавим, что в отличие от европейского, российский бизнес мало интересовался проблемами телефонизации, так как эта сфера приложения капиталов считалась мало доходной. В результате, отрасль электросвязи пополняла казну, а телефонные сети – развивались, но их положительный эффект на процессы модернизации постоянно снижался. В отличие от европейцев, в России телефонами пользовался весьма ограниченный круг правящей элиты (торгово-промышленные и банковские слои, государственные чиновники). Для основной массы населения телефон оставался экзотикой. Иными словами, информационное пространство России оставалось аморфным, развивалось только в промышленных регионах. Если информационный компонент инфраструктуры являлся узким местом экономики, то

²¹⁴ См. подробнее: Делицын 2006; Макаров, Горбачев 2013.

²¹⁵ Петров 2002: 54–55.

это говорит о том, что российское общество испытывало все трудности, характерные для стран с многоукладной экономикой.

Таким образом, на основе анализа развития отечественных телефонных сетей можно говорить только о так называемом восточно-европейском варианте модернизации. Мы также разделяем мнение ряда историков о ее «парциальном» (т.е. частичном) характере в России в начале прошлого века²¹⁶.

Список источников и литературы

- Бовыкин 2003 – Бовыкин В. И. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861–1900 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. – М., 2003.
- Делицын 2006 – Делицын Л. Л. Проблемы цифрового неравенства и потенциал развития интернета в России. // Информационные процессы. – 2006. – Т. 6. – № 2.
- Голубицкая 2000 – Голубицкая Е. А. Регулирование развития электро-связи РФ в условиях рыночно-ориентированной экономики: Автореф. ... докт. экон. наук. – М., 2000.
- Золотой стандарт 2013 – Золотой стандарт // Энциклопедия банковского дела и финансов. URL: [http:// www.cofe.ru/finance/](http://www.cofe.ru/finance/) (дата обращения: 11.02.2013).
- Капиталистические страны 1937 – Капиталистические страны в 1913, 1920–1936 гг.: Стат. сб. – М, 1937.
- Кочетова 2007 – Кочетова Т. В. Развитие рынка информационных услуг в России // Урал индустриальный. Материалы VIII Всеросс. науч. конф.: В 2-х тт. – Т. 1. – Екатеринбург, 2007.
- Макаров, Горбачев 2013 – Макаров В. В., Горбачев В. Л. Организация функционирования и перспективы развития электросвязи. URL: <http://www.jip.ru> (дата обращения: 11.02.2013).
- Петров 2002 – Петров Ю. А. Государство и экономический рост в до-революционной России (конец XIX – начало XX века) // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. – Вып. 25. – М., 2002.
- Побережников 2002 – Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Ежегодник. – 2002. – М., 2002.

²¹⁶ См.: Побережников 2002; Побережников 2004; и др.

- Побережников 2004 – Побережников И. В. Россия в контексте макро-теорий исторической динамики // Социальные трансформации в Российской истории. – Екатеринбург; М., 2004.
- Прокопович 1930 – Прокопович С. Н. Народный доход западноевропейских стран. – М.; Л., 1930.
- Развитие связи 1967 – Развитие связи СССР. 1917–1967 гг. – М., 1967.
- Россия. 1913 г. 1995 – Россия. 1913 г. Стат.-докум. справочник. – СПб., 1995.
- Соколов 1994 – Соколов Н. А. Эволюция местных телефонных сетей. – Пермь, 1994.
- Список 1914 – Список телефонных сообщений Российской империи на 1.01.1914 г. – СПб., 1914.
- СССР 1939 – СССР и капиталистические страны: Стат. сб. – М., 1939.
- Фишер 1999 – Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980 гг. – М., 1999.

Gennadiy N. Shaposhnikov

RUSSIAN AND EUROPEAN TELEPHONY NETWORKS AT THE BEGINNING OF XXth CENTURY

Using A. Jipp method (Jipp diagram), author give the comparative analysis of European and Russian telephony network's development at the beginning of XX century. Demonstrate the lagging of Russian communications both European network, and public requirements inside country. The main author's conclusion: that period Russia had not European, but conservative (east European) way of modernization.

Key words: European and Russian telephony network's development; A. Jipp method (Jipp diagram); the level of Russian communications at the beginning of XX century; conservative way of modernization.

Код ВАК 07.00.03; 07.00.09

М. В. Шустеров

Шустеров Максим Валерьевич, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26), кандидат исторических наук.

Shisterov Maxim, associate professor of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

RES PUBLICA РИМСКОГО НАРОДА И УНИВЕРСАЛИСТСКОЕ ПОНИМАНИЕ ГОСУДАРСТВА: К ДИСКУССИИ О «РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

Статья посвящена проблеме адекватного восприятия и корректной передачи категориями современных социально-гуманитарных наук общественно-политических реалий древнего мира на примере античной римской гражданской общины, оформленной в *res publica*. Разбирается ряд дискуссионных вопросов, связанных с определением римской *res publica* как формы «государства».

Ключевые слова: Древний Рим, Цицерон, *res publica*, государство, историография.

Поиск «базового» определения государства – дело увлекательное, но, увы, неблагодарное. Всякие попытки свести «многообразие жизни» к четким и конкретным вневременным (или, иначе говоря, универсальным) дефинициям с завидным постоянством демонстрируют свою фундаментальную несостоятельность, несмотря на необходимо многочисленные уточнения, оговорки и даже математические выкладки, приводимые в их поддержку²¹⁷. Причины этой коллизии кроются, по-видимому, не только в том, что «на практике крайне трудно охватить одной краткой дефиницией все разнообразие государств от их зарождения до современности»²¹⁸, или в том, что существуют слишком большие различия между архаичными и современными государствами (не говоря уже о состоянии источниковой базы, прискорбно недостаточной для корректной реконструкции ранних периодов социополитогенеза). Проблематичным остается сам методологический подход к определению характера социально-политической эволюции человеческих сообществ через призму «государственности»; понимание (пока еще только пробивающее себе дорогу) того, что «политогенез в целом и формирование государства в частности были не однолинейными, то есть не безвариантными процессами, а, условно говоря, многолинейными, многовариантными... Следовательно, многообразие форм, которые обнаружены в исторических источниках и этнографических исследованиях, не только не является чем-то запутывающим дело, но, напротив, именно оно и выступает ключом к пониманию процесса»²¹⁹. Вместе с тем, как справедливо подчеркивал близкий к знаменитой «школе “Анналов”» французский эллинист П. Видаль-Накэ: «Каждый историк знает, что правда об

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: mshisterov@rambler.ru.

²¹⁷ Последние известные нам попытки такого рода, см.: Гринин, Коротаев 2009; Гринин 2011.

²¹⁸ Гринин 2011: 22.

²¹⁹ Гринин 2011: 15.

истории одной бретонской деревни не может быть обнаружена просто в истории единственной бретонской деревни, а также, что все разнообразные метаистории, которые окружают его, – от более или менее осовремененного марксизма до психоанализа, от философии кривой цен до философии универсальной логики – никогда не освободят его от необходимости вернуться к нашей деревне»²²⁰.

Возвращаясь к «нашей деревне», отметим, что начавшаяся в зарубежной историографии в 1960-е гг. с публикаций крупного испанского романиста Альваро д'Орса²²¹ дискуссия о неприменимости новоевропейского понятия «государство» к реалиям архаического и даже классического республиканского Рима, довольно слабо затронула отечественную романистику. Лишь на излете советской эпохи, в 1989 г., в ведущем антиковедческом журнале страны – «Вестнике древней истории» – была опубликована полемичная статья Е. М. Штаерман, в которой с позиции неортодоксального марксизма была подвергнута жесткой критике концепция римской республиканской государственности²²². Работа Е. М. Штаерман вызвала довольно оживленную дискуссию среди отечественных антиковедов и специалистов по древнему Востоку²²³, к которым вскоре присоединились некоторые зарубежные коллеги²²⁴, отдельные медиевисты²²⁵ и даже – с заметным опозданием (и уже на страницах других изданий) – философы-антропологи²²⁶. Однако большинство участников дискуссии не согласилось с радикальными (как тогда казалось) выводами Е. М. Штаерман²²⁷. В то же время, обнаруживаемое в новейших антиковедческих исследованиях постсоветской эпохи (а также учебных пособиях, ориентированных на студентов и магистрантов вузов²²⁸) стремление «дать ответ» на «вызов времени» свидетельствует о том, что авторы этих работ, несмотря на собственные взгляды и предпочтения, понимают – со счастливым временем, когда термин «государство» был всеми признаваемой «конвенциональной истиной» и без лишних смущений прилагался к полисно-республиканским структурам древнего Средиземноморья, приходится распрощаться. В рамках настоящей небольшой статьи нам представляется уместным сначала в общих чертах охарактеризовать позиции противоборствующих сторон – сторонников

²²⁰ Видаль-Накэ 2001: 162.

²²¹ См., например: D'Ors 1965.

²²² Штаерман 1989.

²²³ Большаков 1989; Кузищин 1989; Маяк 1989; Смышляев 1989; Андреев 1989; Трухина 1989; Якобсон 1989; Кошеленко 1990; Вигасин 1990; Большаков 1990; Егоров 1990; Ким 1990; Кофанов 1990; Чернышов 1990.

²²⁴ Николе 1989; Гюнтер 1990; Капогресси Колоньези 1990.

²²⁵ Гуревич 1990.

²²⁶ Гринин 2006.

²²⁷ Подведение итогов дискуссии: Штаерман 1990.

²²⁸ См., например: Дементьева 2004: 185–200; Дементьева, Суриков 2010: 40–43, 149–153.

этикетского и не-этикетского подходов к пониманию римской республиканской политической системы²²⁹, а затем – высказать несколько собственных замечаний по этому поводу (касательно моментов, которые до сих пор оставались на периферии внимания исследователей).

Аргументы сторонников этикетского понимания римской *res publica* («государства римлян») в общих чертах могут быть сведены к следующим тезисам:

1. Государство – это универсальный (безальтернативный!) исторический феномен, присущий любому обществу, достигшему определенной стадии развития – цивилизации²³⁰. Как говорится, *tertium non datur!* Именно отсюда проистекает стремление исследователей, придерживающихся подобного взгляда, давать понятию «государство» максимально широкое определение: «государство – это состояние, устройство применительно к цивилизованному, политически организованному обществу, к определенному социуму. “Государство” в самом широком смысле... это политическое оформление общественных связей и их регулирование посредством публичной власти на основе норм писаного или обычного права»²³¹. При этом несхожесть потестарно-политических структур и практик функционирования публичной власти в различных социумах отводится обычно ссылкой на то, что «государства в мировой истории могут принимать самые разнообразные формы, они совершенно не обязательно должны быть похожи на то, что привычно нам»²³².
2. Государство – это удобная научная дефиниция, «категория аналитического описания», отказ от использования которой сужает возможности научного анализа политической организации Римской республики: «Стремление использовать понятие “государство”, подразумевающая под ним фактически только свое собственное, оказывается тупиковым путем. Исследовательскому анализу необходима именно на-

²²⁹ В данной работе мы коснемся только дискуссии о сущности римской республиканской системы, хотя проблема приложения термина «государство» к античным историческим реалиям в равной степени затрагивает, разумеется, и греческие полисы. См. об этом: Берент 2000. Ср.: Hansen 2002.

²³⁰ Так, например, отечественный индолог А. А. Вигасин в качестве аргумента против гипотезы Е. М. Штаерман приводит следующее соображение: «Думается, что исходить надо прежде всего из основного противопоставления первобытности и цивилизации. Политическим оформлением гражданского общества и является государство. Гражданская община – *civitas* по определению принадлежит цивилизации» (Вигасин 1990: 99).

²³¹ Дементьева 2004: 189. В наиболее крайней (и довольно парадоксальной форме) эту мысль выразил известный отечественный египтолог А. О. Большаков: «...мне представляется возможным отказаться от того, чтобы считать специализированный аппарат не переменным признаком государства» (Большаков 1990: 121).

²³² Дементьева, Суриков 2010: 41.

учная категория, в высшей степени абстрагированная от огромного множества специфических конкретных проявлений»²³³.

3. Основная (определяющая/сущностная) функция государства – «конструктивная» (часто со ссылкой на М. Вебера), то есть организация и регулирование общественных связей и отношений в интересах всего общества, а не «репрессивная» (как настаивали марксисты), то есть подавление и насилие в интересах отдельного класса эксплуататоров. Поэтому неразвитость «аппарата принуждения» в республиканском Риме, с точки зрения историков-этатистов, не является убедительным аргументом против признания государственного характера римского социума: «Отсутствие бюрократии, назначаемых чиновников не является показателем отсутствия государственной власти как таковой»²³⁴.

Противники этатистского подхода аргументируют свою точку зрения следующим образом (тезисно):

1. Понятие «государство» (англ. *state*, итал. *stato*, исп. *estado*, фр. *l'État*, нем. *Staat* и др.²³⁵), сформировавшееся в интеллектуальном пространстве Европы Нового времени и отражающее новоевропейские политические реалии, является анахронистичным по отношению к римской *res publica* и, соответственно, неприменимо к ней. Иными словами, «государство», с этой точки зрения, понимается как «конкретное, связанное с определенной исторической эпохой понятие» (К. Шмитт)²³⁶: «дважды абстрактный» характер новоевропейского понятия «государство»²³⁷, оформившегося в европейской литературной традиции не ранее начала XVI в.²³⁸, был совершенно чужд древнеримским представлениям о *res publica* как «общем деле, достоянии» народа²³⁹.
2. В науке отсутствует общепринятое понимание того, что есть «государство» (даже в рамках «единой Европы») отмечаются заметные различия в понимании «государства» и «государственности» в зави-

²³³ Дементьева 2004: 200.

²³⁴ Там же: 192.

²³⁵ Этимологически все указанные слова, обозначающие в новоевропейских языках «государство», восходят к лат. *status*.

²³⁶ Цит. по: Дементьева 2004: 186–187.

²³⁷ Этот «дважды абстрактный» характер государства подчеркивает К. Скиннер: «Мы отличаем власть государства от власти правителей и магистратов, которым временно поручено обладать его полномочиями. Но мы также отличаем власть государства от всего общества, которое подпадает под его власть» (Скиннер 2002: 45).

²³⁸ См. об этом: Hexter 1973; Shennan 1974; Mansfield 1983; Скиннер 2002. Обзор основных точек зрения см.: Vincent 1987. Краткий очерк истории понятия *state* см.: Хархордин 2002: 158–165.

²³⁹ Подробнее о *res publica* см.: Дрекслер 2009; Штарк 2009; Шюрбаум 2009; и др.

симости от региональной интеллектуальной традиции и особенностей национально-культурного строительства в Новое и Новейшее время), что делает оперирование этой категорией проблематичным. В противовес универсалистскому пониманию государства «в самом широком смысле» (как некоей почти экзистенциальной реальности, голема или «воображаемого тела» в духе германской философско-политической традиции²⁴⁰) сторонники не-этицистского подхода стремятся к конкретно-исторической «узкой» трактовке государства как прежде всего особым образом организованного аппарата власти, отделенного от общества. Отсутствие или неразвитость такого аппарата в республиканском (по большому счету, и раннеимператорском – в эпоху принципата) Риме заставляет исследователей обратить внимание на то, каким образом римляне решали текущие проблемы управления довольно крупной державой (а затем – и «мировой империей») без помощи сколько-нибудь развитого административно-бюрократического аппарата²⁴¹.

3. Отказ от всеобъясняющего понятия «государство» не сужает, как полагают историки-этицисты, а, напротив, расширяет, как считают их оппоненты, возможности для корректного научного анализа, так как «в высшей степени абстрагированные» научные категории зачастую не столько проясняют конкретно-исторические реалии бытования того или иного общества, сколько скрадывают его специфику в пользу упрощенного «понимания главного», выделенного к тому же умозрительно и нередко с насилием над конкретным источниковым материалом²⁴². Кроме того, такой подход, вероятно, позволяет более адекватно реконструировать социально-политическую эволюцию человечества, когда проблема возникновения и развития «государственности» рассматривается в контексте альтернативных форм социально-политической организации, развивавшихся (возможно,

²⁴⁰ Необходимо отметить, что отечественное антиковедение, развивавшееся во многом под влиянием «немецкой школы», вполне органично восприняло эту традицию, что в свою очередь объясняет непопулярность не-этицистских взглядов на античные сообщества как среди немецких исследователей, так и среди отечественных специалистов.

²⁴¹ В ходе упомянутой выше дискуссии в ВДИ этот аспект был отмечен известным французским исследователем К. Николе (Николе 1989: 98–99), а также отечественным специалистом по раннеимператорскому Риму А. Л. Смышляевым (Смышляев 1989: 100–101).

²⁴² Не можем не отметить напрашивающейся здесь аналогии с «общественно-экономическими формациями» истмата, которые тоже были «в высшей степени абстрагированными» категориями. Не возьмемся судить о пользе и вреде истматовских формаций для развития отечественной исторической науки, но вряд ли кто-либо из специалистов будет спорить с тем, что данные «научные категории» не способствовали адекватному пониманию многих конкретно-исторических проблем.

параллельно с «ранними государствами») в древности и средневековье²⁴³.

Важность кратко обозначенной выше дискуссии несложно продемонстрировать на множестве конкретных примеров. Одним из таких, на наш взгляд, весьма показательных случаев является проблема адекватного перевода на русский язык названия (*всего лишь* названия!) известного трактата римского оратора Марка Туллия Цицерона (106–43 гг. до н.э.) *De re publica*. В русском академическом переводе, выполненном блестящим советским филологом-классиком В. О. Горенштейном, трактат Цицерона получил название «О государстве»²⁴⁴. Однако, как многократно отмечалось специалистами, в латинском языке не было понятия «государство»²⁴⁵. Что же тогда такое *res publica*?

Латинское прилагательное *publicus*, как считается, происходит от существительного *populus*, то есть «народ»²⁴⁶. Что касается широкоупотребительно в латинском языке существительного *res*, то оно имело «нейтральную природу» и получало семантическое наполнение в зависимости от контекста²⁴⁷. Например, Х. Дрекслер, основываясь на исследовании классических текстов, выделил пять основных значений слова *res*: 1) деньги, имущество; 2) дело; 3) ситуация, положение, состояние; 4) интерес; 5) власть (в наиболее абстрактном употреблении)²⁴⁸. Отмечая особенности этого слова (высокую частотность употребления, лексическую изолированность, неопределенность и размытость семантики) П. Флури, среди прочего, подчеркивал: «При почти полном отсутствии производных или составных слов на основе *res* мы видим множество более или менее устойчивых сочетаний с прилагательными... Я не знаю никакого другого латинского существительного, которое участвовало бы в столь многочисленных и важ-

²⁴³ Укажем на еще одно небезынтересное наблюдение: в современной антропологии все более основательными выглядят позиции тех ученых, кто скептически относится к традиционной линейной схеме эволюции гоминид, противопоставляя ей гипотезу о длительном сосуществовании и смешении разных видов/подвидов представителей рода *Homo* (что, судя по всему, гораздо лучше согласуется с общим представлением о биологической эволюции и реально имеющимся косными останками). Почему же социально-политическая эволюция должна развиваться иначе?

²⁴⁴ Цицерон 1966.

²⁴⁵ Еще в XIX в. на это указывал, например, классик мирового антиковедения У. фон Виламовиц-Меллендорф: «Такая холодная абстракция, как государство, слабо соотносится с реальной жизнью; у римлян не было соответствующего термина, а мы пользуемся латинским словом, лишенным его первоначального смысла» (Цит. по: Штарк 2009: 7).

²⁴⁶ Важно подчеркнуть, что в контексте полисного общества «народ» – это прежде всего (если не исключительно?) взрослые мужчины, способные носить оружие, то есть «народ-войско». См.: Штарк 2009:12–17.

²⁴⁷ Р. Штарк отмечает, что уже у Плавта *res* встречается в самых разных контекстах и может означать «самые различные явления: имущество, капитал, деловые отношения, вещь, поступок, действительное положение дел, сексуальные отношения и др.» (Штарк 2009: 10).

²⁴⁸ Дрекслер 2009: 70–71.

ных сочетаниях подобного рода»²⁴⁹. Из этого следует, что семантическая «размытость», неустойчивость слова *res* компенсируется (или конкретизируется) каждый раз за счет связанного с ним прилагательного²⁵⁰. Одним из наиболее устойчивых словосочетаний с *res* и является *res publica*.

Таким образом, выражение *res publica* может быть переведено на русский язык как «дело/дела народа», «достояние народа», «интерес/интересы народа», «власть народа», а также как «общее/публичное дело», «общий/общественный интерес», «общее/народное достояние» и даже как «общее имущество», «общая вещь»... Важно подчеркнуть, что в конкретной языковой практике *res publica* (как нечто «общее», «общественное», имеющее отношение ко всем!) семантически противостоит *res privata* (как «частному», имеющему отношение к кому-то конкретно, отдельному лицу). Совершенно очевидно, что русское слово «государство» (которым часто передается выражение *res publica*) имеет совершенно иную этимологическую природу и семантическое наполнение: «слово “государство” является производным от слова “государь”, которое обозначало либо хозяина феодального владения, владельца холопов, либо верховного правителя, и которое часто являлось русским эквивалентом латинского слова *dominus*...»²⁵¹. Нетрудно заметить, что уже на семантическом уровне понятия *res publica* и *государство* не просто не совпадают друг с другом, но скорее означают прямо противоположное: интересы, власть и имущество *многих* противостоят интересам, власти и имуществу *одного*. Конечно, семантика русского слова *государство* с течением времени менялась, постепенно сближаясь с новоевропейским понятием «государство» (англ. *state* и др.), передающим идею «безличной формы политической власти, которая отличается как от правителей, так и от управляемых»²⁵², однако в России этот процесс, по-видимому, не был завершен (на что косвенно указывает сохранение в русском языке соответствующей лексемы, семантически не подходящей для выражения «безличной власти» или идеи «общего блага»²⁵³).

²⁴⁹ Флури 2009: 249.

²⁵⁰ Там же: 249–250; 255.

²⁵¹ Подробнее см.: Хархордин 2002: 166 слл.

²⁵² Скиннер 2002: 56.

²⁵³ Показательно в этом смысле прослеживаемое с XVII в. проникновение (внедрение?) в российский общественно-политический дискурс понятия «отечество»: «Государство, понимаемое как отечество, выдвигается на передний план, возможно, потому, что слово “отечество” лучше выражает идею искомой общности между всеми жителями России, чем слово “государь-ство”, слишком очевидно связанное с могуществом государя и прямо отсылающее к тому, что можно назвать “господин-ством”, состоянием господства государя и подчинением ему» (Хархордин 2002: 178). Напротив, по словам Л. Краттингера, «римлянин времен республики не проводит четкого различия между словами *patria* и *res publica*... Разница между “государством” как искусственной общностью и “родиной” как естественной общностью для римлян отсутствует» (Цит. по: Шорбаум 2009: 197, прим. 70).

Наконец, важно подчеркнуть, что у Цицерона *de re publica* – это, вероятно, не случайное словосочетание, но, своего рода, «технический термин», элемент «сенаторского языка».

Все вышесказанное лишь в незначительной степени отражает сложность проблематики, связанной с адекватным пониманием сущности «римского государства». И если верно утверждение немецкого исследователя У. Любтова о том, что «неверно переводить *status rei Romanae* или *res publica* латинским по происхождению словом *Staat* (нем. государство)», потому что *res publica* для римлян «означает просто общественные интересы и институты, а *status rei publicae* – организованный порядок этих институтов, направленный на выполнение стоящих перед ними задач»²⁵⁴, то еще более проблематичным представляется перевод этого латинского выражения русским словом *государство*.

Список источников и литературы

- Андреев 1989 – Андреев Ю. В. Гражданская община и государство в античности // ВДИ. – 1989. – № 4. – С. 71–74.
- Берент 2000 – Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации: Сб. статей / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. – М., 2000. – С. 235–258.
- Большаков 1990 – Большаков А. О. Определение государства требует уточнения // ВДИ. – 1990. – № 2 – С. 120–121.
- Большаков 1989 – Большаков О. Г. Общество, классы и государство: важность дискуссии // ВДИ. – 1989. – № 3. – С. 90–91.
- Вигасин 1990 – Вигасин А. А. О государственности в древней Индии // ВДИ. – 1990. – № 1. – С. 99–101.
- Видаль-Накэ 2001 – Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / Пер. с фр. – М., 2001.
- Гринин 2006 – Гринин Л. Е. Раннее государство и демократия // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. статей / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. – Волгоград, 2006. – С. 337–386.
- Гринин 2011 – Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс: Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при образовании государства. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 2011.
- Гринин, Коротаев 2009 – Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. – М., 2009.

²⁵⁴ Цит. по: Шюрбаум 2009: 179, прим. 28.

- Гуревич 1990 – Гуревич А. Я. О генезисе феодального государства // ВДИ. – 1990. – № 1. – С. 101–106.
- Гюнтер 1990 – Гюнтер Р. О времени возникновения государства в Риме // ВДИ. – 1990. – № 1. – С. 98.
- Дементьева 2004 – Дементьева В. В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика: Учеб. пособие. – Ярославль, 2004.
- Дементьева, Суриков 2010 – Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. – М., 2010.
- Дрекслер 2009 – Дрекслер Х. Res publica // Res publica: История понятия: Сб. статей / Пер. с нем. – СПб., 2009. – С. 67–170.
- Егоров 1990 – Егоров А. Б. Борьба патрициев и плебеев и римское государство // ВДИ. – 1990. – № 2. – С. 121–125.
- Капогресси Колоньези 1990 – Капогресси Колоньези Л. Формирование государства в Риме (Точка зрения историка права) // ВДИ. – 1990. – № 1. – С. 94–97.
- Ким 1990 – Ким С. Р. Виды антагонизмов в древнеримском обществе // ВДИ. – 1990. – № 2. – С. 125–127.
- Кофанов 1990 – Кофанов Л. Л. К вопросу о времени возникновения государства в Риме // ВДИ. – 1990. – № 2. – С. 127–130.
- Кошеленко 1990 – Кошеленко Г. А. К дискуссии о возникновении государства в древнем Риме // ВДИ. – 1990. – № 1. – С. 93–94.
- Кузищин 1989 – Кузищин В. И. О формировании государства в Риме // ВДИ. – 1989. – № 3. – С. 92–94.
- Маяк 1989 – Маяк И. Л. К вопросу о социальной структуре и политической организации архаического Рима // ВДИ. – 1989. – № 3. – С. 94–97.
- Николе 1989 – Николе К. Римская республика и современные модели государства // ВДИ. – 1989. – № 3. – С. 97–99.
- Скиннер 2002 – Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. – СПб.; М., 2002. – С. 12–74.
- Смышляев 1989 – Смышляев А. Л. Античная гражданская община: отсутствие или особый тип государственности? // ВДИ. – 1989. – № 3. – С. 99–101.
- Трухина 1989 – Трухина Н. Н. Римская civitas III–II вв. до н.э.: архаичный раннеклассовый социум или государство? // ВДИ. – 1989. – № 4. – С. 74–75.
- Флури 2009 – Флури П. Res в античной латыни. Общие размышления и наблюдения над словоупотреблением некоторых авторов // Res publica: История понятия: Сб. статей / Пер. с нем. – СПб., 2009. – С. 247–255.
- Хархордин 2002 – Хархордин О. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. – СПб.; М., 2002. – С. 152–217.

- Цицерон 1966 – Цицерон Марк Туллий. Диалоги / Изд. подг. И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн, С. Л. Утченко. – М.: Наука, 1966.
- Чернышов 1990 – Чернышов Ю. Г. Раннеримское государство или безгосударственная община граждан // ВДИ. – 1990. – № 2. – С. 131–134.
- Штаерман 1989 – Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. – 1989. – № 2. – С. 76–94.
- Штаерман 1990 – Штаерман Е. М. К итогам дискуссии о римском государстве // ВДИ. – 1990. – № 3. – С. 68–75.
- Штарк 2009 – Штарк Р. *Res publica* // *Res publica: История понятия: Сб. статей / Пер. с нем.* – СПб., 2009. – С. 7–66.
- Шюрбаум 2009 – Шюрбаум В. Цицерон: *De re publica* // *Res publica: История понятия: Сб. статей / Пер. с нем.* – СПб., 2009. – С. 171–246.
- Якобсон 1989 – Якобсон В. А. Государство и социальная психология // ВДИ. – 1989. – № 4. – С. 75–78.
- D’Ors 1965 – D’Ors A. Sobre el No-estatismo del Imperio Romano // *Atlántida. Revista del Pensamiento Actual* 4. – 1965. – 19. – P. 82–88.
- Hansen 2002 – Hansen M. Was the *Polis* a State or a Stateless Society? // *Even More Studies in the Ancient Greek Polis: Papers from the Copenhagen Polis Centre 6 / Ed. T. H. Nielsen.* – Stuttgart, 2002. – P. 17–47.
- Hexter 1973 – Hexter J. *The Vision of Politicson the Eve of the Reformation.* – N. Y.: Allen Lane, 1973.
- Mansfield 1983 – Mansfield H. On the Impersonality of the Modern State: A Comment on Machiavelli’s Use of *Stato* // *The American Political Science Review.* – 1983. – № 77. – P. 849–857.
- Shennan 1974 – Shennan J. *The Origins of the Modern European State, 1450–1725.* L.: Hutchinson, 1974.
- Vincent 1987 – Vincent A. *Theories of the State.* Oxford: Blackwell, 1987.

Maxim V. Shisterov

RES PUBLICA POPULI ROMANI
AND UNIVERSAL CONCEPT OF STATE:
TO DISCUSSION OF «THE ROMAN REPUBLICAN STATEHOOD»

The article is devoted to a problem of adequate perception and correct transfer by categories of the modern social and humanities of political realities of the ancient world on an example of the antique Roman civil community (*res publica*). In the article some debatable problems connected to definition of Roman *res publica* as the form of the state.

Key words: Ancient Rome, Cicero, *res publica*, the State, Historiography.

В. А. Широкий

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО П. Ф. КАПТЕРЕВА

В статье рассматриваются педагогические взгляды великого русского ученого П. Ф. Каптерева на сущность педагогического процесса, который он исследовал наиболее полно и многосторонне, выявив причины его самодвижения, а также его мнение об истинно образованном человеке.

Ключевые слова: педагогический процесс; идея саморазвития; обучение; воспитание.

Педагогическое творчество Петра Федоровича Каптерева является вершиной педагогической мысли России конца XIX – начала XX в. Разносторонне образованный и эрудированный человек-философ, психолог и педагог, он отличался глубиной и смелостью мысли в постановке и решении актуальных научных проблем.

П. Ф. Каптерев принадлежит к числу ученых, которые по праву могут быть названы основоположниками российской педагогической науки. Он внес фундаментальный вклад в развитие истории русского образования, дошкольного и семейного воспитания, педагогической психологии.

Всю свою жизнь Петр Федорович уделял большое внимание не только теоретическим проблемам российской школы, но и образовательной практике. Он был организатором многих общественных инициатив. Его кипучая энергия и многогранное творчество способствовали проведению Всероссийских съездов по педагогической психологии (1906, 1909), экспериментальной педагогике (1910, 1913, 1916), семейному воспитанию (1912–1913).

Мы восхищаемся Каптеревым не только как ученым, но и как замечательным человеком, простым и смелым, гордым и благородным, преисполненным высокого чувства человеческого достоинства. Он близок нам своими идеями, своим отношением к целому ряду теоретических и практических проблем российской школы. Творчество вели-

Широкий Владимир Александрович, аспирант кафедры отечественной истории и теории и методики обучения истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); учитель истории и обществознания МАОУ «Лицей № 110 им. Л. К. Гришиной».

Shirokii Vladimir, postgraduate student of the Department of Domestic History & Theory and Methods of Teaching of History of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); teacher of History and Social Science of School.

Электронная почта/E-mail: vladimir.shirokii@mail.ru.

кого педагога, просветителя, гражданина может быть использовано в современной педагогике при организации психологических и педагогических исследований.

В настоящей работе на основе различных источников делается попытка исследовать педагогическую систему Каптерева.

Остановимся на педагогических взглядах великого сына Отечества изложенных в капитальных произведениях «Педагогический процесс», «Дидактические очерки» и др.

В работе «Педагогический процесс» исследователь раскрыл сущность педагогического процесса, вскрыл внутренние процессы обучения и воспитания, положив в основу творческое саморазвитие школьника. «Педагогический процесс, – определяет Петр Федорович, – есть всестороннее усовершенствование личности на почве ее органического саморазвития и в меру ее сил, сообразно социальному идеалу»²⁵⁵.

Введя в педагогику категорию «педагогический процесс», он акцентировал внимание научной мысли на внутренней стороне взаимодействия педагога и воспитанника, связанной с саморазвитием личности как спонтанным процессом, педагогически стимулированным и направляемым, обосновал с этих позиций объективность принципа «идеалосообразности воспитания» (Л. А. Степашко).

Более углубленно и всесторонне процесс обучения и воспитания подрастающего поколения просветитель изложил в своем педагогическом труде под названием «Дидактические очерки», вышедшем в свет в 1915 г., где был заложен фундамент прикладной науки, которую по праву можно назвать психологической дидактикой.

Сердцевиной педагогического процесса ученый считал формирование личности свободного гражданина. Сама организация обучения должна строиться таким образом, чтобы содержание уроков можно было приспособить к психическим типам детей, а, начиная с определенного класса, учебные предметы делились бы по склонностям учащихся, причем дифференцированное общее образование осуществлялось бы в школах разных типов. Для ликвидации второгодничества как «педагогического абсурда» Каптерев предлагал использовать предметные классы по изучению детьми дисциплин до уровня, достигаемого ими в меру своих способностей.

С учетом особенностей детской психологии он разработал и проблему педагогического метода. Его постепенно усложняющаяся структура исподволь ведет ученика к укреплению приемов и способов самостоятельной работы, одновременному упражнению ума и воли,

²⁵⁵ Каптерев 1982: 179.

развитию познавательного интереса при широком использовании эвристики как основного компонента педагогического метода.

Ведущей идеей, определяющей оба труда исследователя, стала мысль о саморазвитии. Человек начинается с саморазвития, а не с воспитания. Воспитание присоединяется к саморазвитию и может действовать только по его образу и подобию.

В этом случае школа есть не что иное, как применение к детям начал саморазвития. Вся сущность образования и воспитания заключается в самообразовании, самовоспитании. Внешняя природа, люди и вся окружающая жизнь дают организму лишь побуждения и материал для деятельности растущего человека. Все, что есть в душе, – это результат ее самостоятельности. Школа своим учением окажет на него наиболее глубокое влияние лишь в том случае, если будет следовать природным предрасположениям учащихся, их склонностям, способностям, вкусам; предоставлять возможно широкую свободу в занятиях любыми предметами.

На основании сказанного Петр Федорович делает вывод о том, что обучение и воспитание в педагогическом процессе «есть систематическая помощь саморазвитию организма и всестороннее усовершенствование личности в меру ее сил и сообразно социальному идеалу»²⁵⁶.

Каптерев сформулировал свой педагогический идеал – воспитание «доброго общественника», осознающего обязанность и охоту «работать с другими», такими же как «я». Совместная работа не означает отказа от своего «я» и личных интересов, а требует лишь их согласования, «гармонии стремлений отдельных личностей»²⁵⁷.

Для достижения этого педагогического идеала, по мнению Петра Федоровича, необходимо развивать качества личности средствами школьного образования. Прежде всего, это творческие способности. Однако российская действительность свидетельствует о том, что развитый ум и даже обширные разносторонние знания могут уживаться с вялыми чувствами, безволием и апатией. «Школа, не закладывающая основ стройного мировоззрения, не пробуждающая самостоятельности и энергии человека, не образующая прочных умственных стремлений и склонностей, не создающая потребности служить развитию культуры, осуществлению идеалов, благу человечества, такая школа, – по заключению Каптерева, – не выполняет своего назначения и, оставляя ум и чувства учащихся сонными и вялыми, способствует развитию в обществе лени и апатии»²⁵⁸.

²⁵⁶ Каптерев 1905: 51.

³ Лебедев 2000а: 71.

²⁵⁸ Сластенин 1999: 79.

Каптерев уделял большое внимание понятию об истинно образованном человеке:

1. Это такой человек, который владеет не только разносторонним знанием, но и умением им распоряжаться, который не только знающ, но и сообразителен, у которого есть единство в мыслях; который умеет не только думать, действовать, но и работать физически, и наслаждаться красотой в природе и искусстве.

2. Это такой человек, который чувствует себя живым и деятельным членом современного культурного общества, понимает тесную связь своей личности с человечеством, со своим родным народом, со всеми прежними работниками на поприще культуры, который по мере сил двигает человеческую культуру вперед.

3. Это такой человек, который чувствует раскрытыми в себе все свои способности и свойства, и не страдает от внутренней дисгармонии своих стремлений.

4. Это человек физически развитый, с здоровыми органами тела, с живым интересом к физическим упражнениям, чувствительный и к радостям тела²⁵⁹.

Среди славных имен в области педагогической деятельности на рубеже XIX–XX вв. особое место принадлежит Каптереву. Самый крупный после К. Д. Ушинского российский педагог творчески переработал идейное наследие своих предшественников и современников по важным вопросам воспитания и обучения, по проблемам педагогической науки и сформулировал свою стройную педагогическую систему, в основе которой находится саморазвитие как исходное начало всего педагогического процесса, всех его проявлений – воспитания, образования, обучения²⁶⁰.

Широта мышления Каптерева, преданность демократическим и гуманистическим идеалам, опыт литературно-преподавательской деятельности, блестящая образованность, подлинная интеллигентность помогают лучше понять прошлое и настоящее российской педагогической культуры.

Список источников и литературы

Каптерев 1905 – Каптерев П. Ф. Педагогический процесс. – СПб: Типо-Литография Б. М. Вольфа, 1905.

²⁵⁹ Лебедев 2000b: 211.

²⁶⁰ Скаткин 1985: 87–88.

- Каптерев 1982 – Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения / Сост. П. А. Лебедев. – М.: Педагогика, 1982.
- Лебедев 2000a – Лебедев П. А. Психолого-педагогическое наследие П. Ф. Каптерева // Педагогика. – 2000. – № 5.
- Лебедев 2000b – Лебедев П. Вклад П. Ф. Каптерева в педагогическую науку // Народное образование. – 2000. – № 1.
- Скаткин 1985 – Скаткин М. П. Ф. Каптерев – видный педагог России // Народное образование. – 1985. – № 3.
- Сластенин 1999 – Сластенин В. А. Педагогическое наследие П. Ф. Каптерева и современность // Педагогика. – 1999. – № 5.

Vladimir A. Shirokii

PEDAGOGICAL CREATIVITY OF P. F. KAPTEREV

The article considers the pedagogical views of the great Russian scientist P. F. Kapterev on the essence of the pedagogical process, which he most fully researched and thoroughly, identifying the reasons for his self-propulsion, as well as his opinion about the truly educated man.

Key words: pedagogical process; the idea of self-development; education; upbringing.

Код ВАК 07.00.09

V. A. Shikov

ПРОБЛЕМА РАБСТВА КАК ВАЖНЕЙШАЯ ПРИЧИНА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена анализу точек зрения об институте рабства в США в отечественной и американской историографии. Автор с помощью методов

Шиков Владимир Анатольевич, магистрант Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); учитель истории и обществознания в МОУ Гимназия (г. Нижняя Салда).

Shikov Vladimir, graduate student of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Teacher of History and Social Science of Gymnasium (Russia, Nizhnyaya Salda).

Телефон/Phone: +7 (34345) 3-14-57. Электронная почта/E-mail: shihoff2013@yandex.ru.

историографического анализа обосновывает причины выдвижения различных точек зрения по данному вопросу. При этом при рассмотрении института рабства на Юге перед войной большую роль, по мнению автора, играет та система оценивания, которая взята историком на вооружение, неважно к какой историографической школе он принадлежит.

Ключевые слова: институт рабства; система рабовладения; система оценивания; плантационное хозяйство; аболиционизм; гражданская война.

Гражданская война в США – одна из самых ярких и в то же время противоречивых страниц в американской и мировой истории девятнадцатого века. Недаром, по меткому замечанию одного из исследователей войны, этот исторический отрезок получил название «адский перекрёсток»²⁶¹.

Противоречия между рабовладельческим Югом и буржуазным Севером, в итоге приведшие к самой кровопролитной войне в истории Соединённых Штатов, имели комплексный характер. Они охватывали вопросы внутренней и внешней политики, путей экономического развития страны, проблемы социальной стратификации того и другого сообщества. Всё это вылилось в огромный запутанный клубок причин вооружённого конфликта, каждая из которых как в отдельности, так и тем более во взаимосвязи с другими, является значимой. Но, и это естественно, каждый исследователь сам, в силу своей предрасположенности, субъективности, специфики направления своей деятельности, определяет степень значимости той или иной причины. Одной из самых обсуждаемых, привлекающих внимание всех исследователей гражданской войны, глубинных причин данного конфликта является проблема рабства на территории южных штатов.

Вопрос о рабстве многогранен и нужно изучать это явление в разных аспектах. Во-первых, рабство надо рассматривать в экономическом аспекте как систему рабовладения, так как развитие революционной ситуации в 50-е гг. шло в рамках нараставших противоречий между рабовладением и капиталистической системой хозяйства. Причём этот процесс не укладывается в упрощённую марксистско-материалистическую схему: капитализм развивается по восходящей, а рабовладение не имеет перспектив в противостоянии с более прогрессивной моделью развития. Американская действительность накануне войны характеризуется параллельным и обоюдоуспешным развитием как капитализма, так и рабовладения.

Во-вторых, рабство надо рассматривать как специфический феномен социальной структуры Юга. Сорок процентов населения южных

²⁶¹ Лазарев 2005.

штатов – политически бесправные и экономически зависимые чернокожие рабы. Нельзя не догадаться, что белые хозяева и их рабы чувствовали взаимную зависимость, о чём свидетельствует так называемая «аграрная система ценностей южанина» и появление такой далеко небесспорной точки зрения, что убыточное плантационное сельское хозяйство белые южане сохраняли больше из социальных, чем экономических побуждений. Более того, Дж. Фитцхью в книге «Социология для Юга, или Банкротство свободного общества» (1854) утверждал, будто рабовладельческая плантация – готовая ячейка социализма в духе модного в те времена Ш. Фурье²⁶².

В-третьих, важнейшей стороной проблемы рабства является отношение к этому вопросу различных политических и социальных сил, как на Севере, так и на Юге. Позиция республиканцев и демократов на выборах 1860 г., движение аболиционистов, отношения к «свободным землям» на Западе, публицистика, отражающая позиции тех или иных социальных групп – в рабстве, как в фокусе, перекрещивались важнейшие интересы основных классов и групп населения – рабов и свободных, рабочих и фермеров, буржуазии и рабовладельцев.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема рабства являлась краеугольным камнем в том комплексе противоречий между Севером и Югом, который в итоге привёл их к вооружённому конфликту. Поэтому любой историк, занимающийся вопросами Гражданской войны в Соединённых Штатах, не может обойти стороной вопрос о судьбе рабства, не может не дать оценку (этическую, экономическую, социально-политическую) этому явлению. И здесь мы подходим к проблеме оценивания, или, скажем так, к индивидуальной системе оценивания каждого конкретного историка тех или иных исторических явлений. Что первично, что второстепенно среди комплекса причин конкретного исторического события – из всей линейки исторических фактов, выстроенных перед историком в ряд, он выбирает и, соответственно, затем пытается обосновать, те из них, которые будут соответствовать его системе оценивания.

Применительно к вопросу о рабстве эту проблему можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, являлась ли ситуация с рабством важнейшей причиной войны – и тогда в нашей системе оценивания исторических фактов по степени важности она займёт верхнее место, и историк будет уделять основное внимание в своём исследовании этому вопросу. Или же рабство лишь один из побудительных мотивов к началу конфликта, а главной причиной являлось, к примеру, различное понимание элитами США направлений развития государственно-

²⁶² История США 1983.

сти. И тогда при рассмотрении проблемы рабства историк будет больше уделять внимание тому или иному аспекту этого вопроса, например, влиянию рабства на экономику США или проблеме будущего рабства в предвыборных программах кандидатов в президенты на выборах 6 ноября 1860 г.

Выяснение причин Гражданской войны, а также места и роли рабства как важнейшего фактора, повлиявшего на начало конфликта, является одной из самых дискуссионных в американской историографии. Вот уже более 50 лет издаётся журнал «История гражданской войны», на страницах которого активно обсуждаются место и значимость того или иного комплекса причин, приведшего к войне, – и не могут прийти к единой позиции по этому вопросу, да это и не нужно. Ещё в 1959 г. видный американский историк Кеннет Стэмп констатировал, что современные ему историки в объяснении причин войны находятся дальше друг от друга, чем непосредственные участники конфликта²⁶³.

В целом, можно выделить следующие позиции в американской историографии по поводу того, какой комплекс причин является определяющим. Ряд историков на первый план помещают пропагандистскую войну, которую вели друг против друга Север и Юг. Другие, называя войну «безответственной», на первый план выдвигают субъективный фактор или, по словам Стэмпа: «безответственные агитаторы и близорукие политики». Другая группа причин, которую выделяет, к примеру, Мелинда Лоусон, это рост национализма, в том числе и на Севере²⁶⁴. Традиционно на первом плане изучения причин войны в американской историографии – конфликт экономических интересов. Также традиционно принято в разных исторических школах американской историографии считать главной причиной войны конфликт двух культур, или, к примеру, элементарную политическую борьбу за власть.

Однако, по-прежнему, многие историки центральной причиной называют проблему рабства, причём некоторые делают упор на его экономическом аспекте, а другие на этической составляющей этого вопроса, поскольку враждующие стороны смотрели на этот институт с прямо противоположных сторон. Для Севера это было абсолютное зло, а на Юге его рассматривали как благословение для рабов и их хозяев. Такие историки как Ч. Дью и Г. Трефаус в объяснении причин войны

²⁶³ Алентьева 2013.

²⁶⁴ Lawson 2003.

прямо на первое место ставят расовый фактор и отношение к рабству как расовой проблеме²⁶⁵.

Рассмотрим же теперь основные позиции в отечественной историографии по вопросу рабства как одной из причин Гражданской войны в США. Советская американистика в целом, опираясь на мнение классиков марксизма-ленинизма, отражённое, прежде всего, в статьях К. Маркса, посвящённых Гражданской войне, считала, что к вооружённому конфликту привёл именно вопрос о судьбе рабства в южных штатах. Повторим, что вопрос о рабстве нужно рассматривать, во-первых, в исторической динамике, а во-вторых, в разных аспектах – экономическом, этическом и т.д. Попробуем кратко ознакомиться с общей оценкой в советской историографии возможных нюансов проблемы рабства.

Изучая годы, предшествующие Гражданской войне, советская историография отмечала, прежде всего, быстрое нарастание антирабовладельческого движения. По мнению, например, М. Н. Захаровой, в эти десятилетия борьба против рабства приобрела поистине народный характер, охватив широкие слои населения, прежде всего, северных штатов²⁶⁶.

Ведущую роль в этом движении играли, прежде всего, аболиционисты – сторонники уничтожения рабства и предоставления неграм политических прав. Аболиционисты создали свою партию – Партию Свободы, вошедшую позднее в состав партии фрисойлеров. П. Б. Уманский в своей работе высоко оценил роль аболиционистов в формировании общественного мнения на Севере по вопросу рабства, особенно после проведения в жизнь закона о беглых рабах 1850 г.²⁶⁷

Большое значение в пропаганде антирабовладельческих идей советская историография придавала прогрессивной печати. По мнению Захаровой, основную роль играли, прежде всего, знаменитая бостонская «Либерейтор» У. Л. Гаррисона, а также издания Фредерика Дугласа, бывшего беглого раба, выпускавшего «Фредерик Дуглас Пейпер» с эпиграфом: «Все права для всех»²⁶⁸.

В вопросах о вооружённом конфликте в Канзасе и восстании Джона Брауна советская историография не была оригинальной и базировалась на оценке этих событий, данных в трудах Маркса. К примеру, война в Канзасе рассматривалась не как столкновение двух противоположных идеологий или подходов к экономическому хозяйству

²⁶⁵ Алентьева 2013.

²⁶⁶ Захарова 1965.

²⁶⁷ Уманский 1963.

²⁶⁸ Захарова 1965.

нию, а, прежде всего, как проявление политических противоречий того времени, имевших следствие в виде политических интриг в конгрессе. Восстание Джона Брауна оценивалось, прежде всего, в контексте мировых событий. Вот как эти события представлены у Маркса: «По моему мнению, величайшие события в мире в настоящее время – это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Брауна, и, с другой стороны, движение рабов в России»²⁶⁹.

Сама Гражданская война рассматривалась в советской историографии, прежде всего, как вооружённая борьба против рабства, и поэтому дата 12 апреля 1861 г. оценивалась как переход антирабовладельческого движения в новую фазу. Соответственно, Прокламация Линкольна об освобождении рабов представляется поворотным моментом в ходе войны. Освобождение рабов и призыв их в федеральные вооружённые силы объяснялись, прежде всего, военной необходимостью, а решающей причиной, заставившей федеральное правительство пойти на освобождение рабов, было возрастающее давление народных масс. Например, А. В. Ефимов прямо указывал, что главную роль в уничтожении рабства сыграли народный подъём и давление общественного мнения на правящие круги в критический период Гражданской войны²⁷⁰.

Таким образом, можно констатировать, что советская историография ставила вопрос о рабстве среди возможных причин конфликта на первое место, а главной причиной победы Севера в Гражданской войне называла именно освобождение рабов. В то же время вопрос о рабстве не рассматривался комплексно, во всех аспектах, а исключительно в рамках направления, заданного официальной идеологией. Данное противоречие – между оцениванием роли проблемы рабства и глубиной проработки этого вопроса – является закономерным и вытекает из той системы оценивания исторических событий, которая господствовала в то время.

Американская историография Гражданской войны всегда отличалась наличием различных позиций, точек зрения, часто противоположных систем оценивания исторических событий, что обусловлено существованием различных исторических школ по изучению войны (ревизионисты и т.д.), а также направлений развития современной истории и новых тенденций в историографии. При этом, в отличие от советской историографии, рабство не рассматривается целиком как единый и неделимый институт; превалирует выдвижение на первый

²⁶⁹ Куропятник 1961.

²⁷⁰ Ефимов 1961: 110–129.

план и, соответственно, тщательное изучение определённого аспекта этого института – экономического, этического, культурного и т.д.

Таким образом, основная разница между советской и американской историографией в оценивании проблемы рабства как важнейшей причины войны заключается в двух аспектах. Во-первых, различия в системах оценивания. Во-вторых, в советской американистике рабство рассматривается как цельный институт, в то время как в американской историографии отдельные элементы этого института рассматриваются как самостоятельные и рассматриваются по отдельности.

Список источников и литературы

- Алентьева 2013 – Алентьева Т. Причины Гражданской войны (1861–1865) в новейшей американской историографии. URL: www.america-XIX.org.ru (дата обращения: 10.10.2013).
- Ефимов 1961 – Ефимов А. В. Народный подъем и общественное мнение США в критический период гражданской войны // К 100-летию Гражданской войны в США.– М.: Наука, 1961.
- Захарова 1965 – Захарова М. Н. Народное движение в США против рабства, 1831–1860. – М.: Наука, 1965.
- История США 1983 – История США: В 4-х тт. – Т. 1. – М.: Наука, 1983.
- Куропятник 1961 – Куропятник Г. П. Вторая американская революция. – М.: Учпедгиз, 1961.
- Лазарев 2005 – Лазарев А. Шелби Фут – Гомер Американского Юга // Новое русское слово. – 2005. – 12 декабря.
- Уманский 1963 – Уманский П. Б. Из истории борьбы негров США за свободу. – Казань: изд-во Казанского ун-та, 1963.
- Lawson 2003 – Lawson M. Patriot Fires: Forging a New American Nationalism in the Civil War North. – Lawrence: University Press of Kansas, 2003.

Vladimir A. Shikhov

THE PROBLEM OF SLAVERY AS A MAJOR CAUSE OF THE CIVIL WAR IN THE USA PATRIOTIC AND AMERICAN HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to the analysis of points of view about the institution of slavery in the United States in the Patriotic and American historiography. The author with the help of methods of historiography analysis justifies the reasons for

the nomination of the different points of view on this issue. Considering the institution of slavery in the South before the war a great role, according to the author, plays the evaluation system, which is taken historian adopted, no matter what historiography school he belongs.

Key words: Institute of slavery; the system of slavery; system of evaluation; plantations; mining; abolitionism; the civil war.

Код ВАК 07.00.02

Г. Н. Шумкин

ПРОИЗВОДСТВО СТОЛЬНОГО ЖЕЛЕЗА НА КАЗЕННЫХ ГОРНЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА В СЕРЕДИНЕ XIX В.

В статье рассматривается производство ствольного железа на казенных горных заводах Урала в 1830-х – 1850-х гг. Показано, как низкое качество ствольного железа повлияло на степень готовности русской армии к Крымской войне и на развитие железодельного производства на Урале.

Ключевые слова: ствольное железо; казенные горные заводы Урала; оружейная промышленность; промышленный переворот; Крымская война.

Научная школа В. Я. Кривоногова (к которой относился Б. А. Сутырин) внесла существенный вклад в изучение социально-экономической истории Урала и, в первую очередь, в исследование промышленного переворота. Этим направлением были определены хронологические рамки, признаки, региональные и страновые особенности перехода от ручного труда к машинной технике. Ключевым объектом исследований стала государственная промышленность, что вполне закономерно. На казенных заводах внедрялись, испытывались, а затем с них распространялись по частным заводам новейшие технологии производства и обработки металла. Здесь были освоены пудлинговый, газопудлинговый и контуазский способы производства железа, методы производства цементной, пудлинговой, тигельной стали, проводились опыты с бессемерованием и т. д. В середине XIX в. немногие частновладельческие предприятия по уровню развития техники могли

Шумкин Георгий Николаевич, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620990, Россия, Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16); кандидат исторических наук.

Shumkin Georgy, researcher of Institute of History and Archaeology, Ural branch of the [RAS](#) (620990, Russia, Ekaterinburg, Kovalevskoj Street, 16); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 374-53-40. Электронная почта/E-mail: shumk@mail.ru.

сравниться с государственными. Интерес правительства к новым технологиям в металлургии был обусловлен, в первую очередь, потребностями армии и флота, являвшихся основными потребителями продукции казенных горных заводов. Государство прилагало немало усилий и средств для того, чтобы вооруженные силы России не уступали потенциальным противникам в плане обеспечения военной техникой. Почему же тогда Россия проиграла в Крымской войне?

Как правило, ключевая причина поражения исследователям видится в феодально-крепостнических отношениях. В частности, В. А. Ляпин так объяснял «вклад» казенных горных заводов в поражение в войне: «В первой половине XIX в. технически отсталые, использовавшие труд феодально-зависимых рабочих уральские заводы систематически не выполняли военных заказов»²⁷¹. Возможно, данное объяснение абсолютно верно, но явно не исчерпывает весь спектр причин, приведших Россию к капитуляции в 1856 г. Немалую роль сыграли обстоятельства технологического порядка. Об одной из них – особенностях производства железа для ружейных стволов – пойдет речь в данном сообщении.

В результате реформы военного производства в начале XIX в. сложилась система, в которой казенные горные заводы Урала, находившиеся в ведении Министерства финансов, были обязаны поставлять ствольное железо Тульскому, Сестрорецкому и Ижевскому оружейным заводам, а те обязаны были его принимать. Тогда же (в 1804 г.) были определены технические требования к металлу, шедшему на изготовление стволов.

На ружейные стволы шли железные полосы шириной в три дюйма (76 мм) и толщиной в шесть линий (12 мм). Железо должно быть «мягкое, сколь возможно однородное и чистое» для того, чтобы в случае заклинивания пули, ствол бы раздулся, а не разорвался и не травмировал бы стрелка. В отличие от другой военной продукции, приемка ствольного железа осуществлялась не на самих горных заводах, а по прибытию металла к месту назначения – на оружейных заводах²⁷². Программа испытания включала ряд этапов. В начале металл тщательно осматривался, на его поверхности не должно быть «плен, сединок, трещин и пережогов». Затем полосы испытывались загибом на столбе толщиной в 1 фунт. Если железо проходило это испытание, его рассекали на сутунки (заготовки для стволов), и если излом был равномерным, то оно принималось. Железо, которое не проходило испытание, отправлялось в арсеналы Военного министерства под названием «артиллерийского полосового».

²⁷¹ Ляпин 1982: 104; Ляпин 1983: 12.

²⁷² Свод 1859: 164.

До конца 1830-х гг. на изготовление стволов употреблялось обычное кричное железо. В отдельных партиях военная приемка выбраковывала до 90% полос. Самой частой причиной брака являлась неоднородность металла, которую было хорошо видно на изломе. Горные инженеры утверждали, что добиться высокой степени однородности от кричного железа не возможно – в крице все равно будут оставаться различные примеси. Более того, они считали, что высокий процент брака обусловлен произволом браковщиков и «неискусством» заварщиков.

До 1830-х гг. большая доля негодного металла не вызывала особой тревоги. Но в 1830-х гг. европейские армии начали перевооружаться быстрозарядными винтовками, которые, обладая той же скорострельностью и простотой в обращении, что и гладкоствольные мушкетеры, стреляли в 4 раза дальше (на 1200 шагов против 300). В 1832 г. пехота Брауншвейгского герцогства была вооружена винтовкой Ланкастера с овальным каналом ствола. На вооружение стрелковых частей Бельгии, Австрии и Сардинии была введена быстрозаряжаемая винтовка Дельвина²⁷³; Франции, Пруссии и Баварии – винтовка Тувенена²⁷⁴. В 1841 г. в Пруссии на вооружение была принята казнозарядная игольчатая винтовка Дрейзе (державшаяся в секрете до революции 1848 г.). С 1848 г. началось перевооружение всей пехоты (а не только стрелков) Франции, Англии, Пруссии винтовками системы Минье²⁷⁵.

А в это время в России не было металла, годного даже для производства гладкоствольных ружей. В 1840-х гг. начались интенсивные поиски технологии производства ствольного железа.

После того, как в середине 1830-х гг. на Воткинском заводе был освоен пудлинговый способ производства железа, возникла идея дополнительно очищать крицу тройной проваркой (пудлинговое железо оказалось материалом менее пригодным для изготовления стволов, чем кричный металл). Первые малые партии трехсварочного кричного

²⁷³ В 1828 г. французский офицер Дельвинь изобрел винтовку с зарядной камерой. Пуля, имевшая меньший диаметр, чем калибр ружья свободно скатывалась в ствол, упиралась в края камеры и вжималась под ударами шомпола в нарезы.

²⁷⁴ В 1842 г. полковник французской армии Л. Тувенен предложил вместо зарядной камеры вставлять в казенную часть ствола стержень, который служил упором для пули. Стрелок, заряжая винтовку, ударял молотком по шомполу, в результате чего пуля входила в нарезы.

²⁷⁵ В 1849 г. капитан французской армии К. Минье изобрел цилиндро-оживальную пулю, с двумя кольцеобразными желобками и жестяной чашечкой, которая закрывала полую часть пули со стороны порохового заряда. При выстреле чашечка вгонялась в пулю, вследствие чего пуля расширялась, плотно прилегала к стволу и входила в нарезы. Более того, благодаря изобретению Минье, появилась возможность без существенных затрат переделать гладкоствольные ружья в винтовки.

железа, отправленные на оружейные заводы в 1839-1840 гг., дали вполне приемлемый результат – выбраковывалось только 16–24% полос, но при переходе к «валовому» производству брак снова увеличился, в среднем, до 60%. В 1841 г. из 17766 пуд. железа, доставленного на Сестрорецкий завод, после осмотра было забраковано 15765 пуд. (89%), а после заварки стволов – еще 58%.

В 1843 г. горное ведомство предложило использовать для заварки стволов металл, изготовленный контуазским (малокричным) способом, производство которого освоили в Златоустовском горном округе. Контуазское железо было одобрено оружейниками – в опытных партиях брак составлял вполне приемлемые 20–30%. Но когда в 1846 г. была затребована большая партия ствольного железа – доля негодного металла вновь составила 60%.

С 1847 г. в качестве ствольного Гороблагодатские заводы начали поставлять контуазское железо, изготовленное по методу братьев Гранмонтань. В начале, при производстве малых партий, браковалось 20–30%. Но при переходе к валовому производству история повторилась – брак в полосах доходил до 97% и в стволах до 60%. Например, в 1849 г. в Туле из 49683 пуд. железа забраковано 48383 пуд.²⁷⁶

В 1851 г. министр финансов П. Ф. Вронченко распорядился создать Горный Совет «для изыскания лучшего способа производства ствольного железа». Совет разработал обширную программу исследований. Производились опытные плавки с целью подобрать чугун наиболее годный для изготовления ствольного железа; разрабатывались режимы предварительной обработки и методов плавления; проводились сравнительные испытания железа Нижнетуринаского и Серебрянского заводов со шведским (оказалось, что уральское даже «превосходит шведское»); железо, изготовленное этими заводами, дополнительно очищалось и повторно проваривалось в газосварочной печи на Воткинском заводе²⁷⁷.

Но все было тщетно. Накануне Крымской войны брак в стволах составлял все те же 43–69%. При загибе пластин в металле появлялись продольные и поперечные трещины, плены, при слабом варе трещины заваривались, но при остывании появлялись снова, а при сильном варе железо вовсе распадалось. Во время варки наблюдалось пламя – признак присутствия в металле посторонних элементов. Кроме того, при обточке металла встречались «твердины», недопустимые при производстве нарезного оружия. Фактически, единственная «инновация»,

²⁷⁶ Отчет 1857: 13–14.

²⁷⁷ Путилова 1986: 75–76.

которую предложил Горный Совет в итоговом Акте 1856 г., заключалась в увеличении жалования мастеровым²⁷⁸.

Ситуация становилась нетерпимой. Вместо 108 тыс. пуд. сходного и 31,2 тыс. пуд. несходного ствольного железа, того минимума, который был установлен «Штатами и основными положениями» 1847 г., казенные горные заводы поставляли в 2–3 раза меньше. В 1848 г. они отправили оружейным заводам 44,5 тыс. пуд. ствольного железа, в 1949 г. – 67,8 тыс. пуд., в 1850 г. – 68 тыс. пуд.²⁷⁹. Не то, что виновально-нарезного – гладкоствольного оружия производить было не из чего. К началу Крымской войны русской армии не доставало полмиллиона гладкоствольных ружей, 50 тыс. карабинов и 31 тыс. штуцеров²⁸⁰.

Тем временем стрелковые части европейских армий уже были полностью вооружены быстрозарядными винтовками. Не имея возможности наладить производство винтовок своими силами, правительство обратилось к европейскому опыту.

В 1840 г. «Комитет по улучшению штуцеров и ружей» провел испытание различных систем и сделал выбор в пользу «литтхских» штуцеров, изготавливавшихся оружейниками Люттиха (Льежа) по системе Бернера²⁸¹. Из этих винтовок, имевших ствол из дамасской (сварной) стали, можно было прицельно стрелять на 1200 шагов, то есть в два раза дальше русских штуцеров и в четыре раза – гладкоствольных ружей. В 1843 г. было приобретено 5 тыс. штуцеров. В 1848 г. учитель «цельной стрельбы» Гвардейского корпуса И. В. Гартунг предложил переделывать драгунское ружье в «литтхские» штуцеры. Его метод обходился в три раза дешевле производства нового штуцера.

В 1850 г. Николай I предложил построить на Урале оружейный завод для производства винтовок со стальными стволами. По его мнению, наиболее подходящим местом для нового предприятия был Златоустовский горный округ, где за несколько десятилетий накопился солидный опыт производства стали по различным технологиям²⁸².

Но в 1852 г. главный начальник уральских горных заводов В. А. Глинка место для нового завода определил рядом с лучшим железоделательным предприятием – Нижнетуриным заводом Гороблагодатского округа – для того, чтобы доказать высокое качество железа горных заводов. При этом ему пришлось преодолеть сопротивление

²⁷⁸ Отчет 1857: 15–16.

²⁷⁹ Назначение 1847: 248–253; Путилова 1986: 75.

²⁸⁰ <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/349>

²⁸¹ В 1832 г. немецкий оружейник Бернер предложил вместо большого количества мелких нарезов разделять в стволах только два широких нареза, в которые свободно вкладывалась пуля с выступающим ободком или «ушками» по форме этих нарезов.

²⁸² Куликовских 2005: 193.

горных инженеров, считавших выбранное место крайне неудачным. Новый завод должен был снабжаться водой либо из шахты глубиной в 10 сажен, либо по каналу из пруда Нижнегуриинского завода, что являлось дополнительными неоправданными издержками в производстве продукции.

В 1854 г. началось строительство завода. Согласно проектной документации он должен был ежегодно выпускать 5–7 тыс. винтовок, а после дооборудования – до 50 тыс. винтовок. В это же время бельгийские мастера провели обучение оружейному делу 30 рабочих на Екатеринбургской механической фабрике.

В 1857 г. оружейный завод, названный Николаевским в честь Николая I, был пущен. На его строительство было затрачено 180 тыс. руб.²⁸³. Завод работал всего два года. За это время изготовил 834 (по другим данным – 1236) винтовок, которые обошлись казне на 2,54 руб. дороже винтовок, произведенных Ижевским оружейным заводом. При этом брак при заварке стволов составил 60%, то есть «далеко превзошел средний процент брака на артиллерийских ружейных заводах». По расчетам горных инженеров даже если бы можно было довести завод до расчетной производительности в 5000 ружей в год и уменьшить брак до 40% «то таковой результат не окупит издержек, которые потребуются для полного устройства» завода.

В горном ведомстве признавались, что Николаевский завод «основан преимущественно в тех видах, чтобы дать горным офицерам возможность определить свойства железа наиболее ответственные для выделке ружей и заваривать из него стволы отличного качества. Опыт, однако, не привел к удовлетворительным результатам, несмотря на близость лучшего железокровательного завода и на искусство бельгийских заварщиков». К этому бесславному результату привел целый комплекс причин: не полное устройство завода, слабая укомплектованность мастерами, преимущественно ручное, а не механическое производство и, главное, «условия местности, совершенно не пригодной к своему назначению по отдаленности от воды».

В 1860 г. Александр II предложил передать Николаевский завод военному ведомству. Но военные от такого приобретения отказались. На общем присутствии ученые комитеты артиллерийского департамента и корпуса горных инженеров, обсудив перспективы, сочли за лучшее Николаевский завод закрыть, а его оборудование и мастеров передать в Ижевск²⁸⁴. Некоторое время завод еще продолжал работать,

²⁸³ РГИА. – Ф. 40. – Оп. 2. – Д. 37: Л. 18–19. Всеподданнейший доклад по Горному департаменту. 26 февраля 1854.

²⁸⁴ Там же. – Д. 38: Л. 112–115 об. Доклад по Горному департаменту МФ. 9.09.1860.

выпуская ударные трубки для снарядов и чашечки к пулям Минье, а затем на его основе была организована Николаевская тюрьма²⁸⁵.

Военное министерство больше не могло ждать, когда горное ведомство закончит явно затянувшиеся опыты по производству ствольного железа. Высокий процент негодного металла создавал целый комплекс проблем: увеличивались расходы на содержание оружейных и горных заводов; убыток за «весь брак в стволах» несли оружейники, «от чего ввергались в «бедственное положение»; увеличивалась «действительная стоимость готового оружия» и, это основное, – «при огромном браке чрезвычайно замедляется выделка оружия»; перевооружение русской армии винтовками откладывалось на неопределенное время. Если во французской армии во время Крымской войны винтовками был вооружен каждый третий солдат, в английской – каждый второй, то в русской – только каждый 20-й.

В начале 1850-х гг. военные окончательно определили для себя причину низкого качества металла. В 1852 г. железо, забракованное Сестрорецким заводом, было заново проварено в Санкт-Петербургском арсенале, в результате негодным для заварки стволов оказались только 31% трехсварочного кричного и 20% контуазского. Аналогичная картина наблюдалась в Бельгии, где были проведены опыты с уральским железом. Брак при машинной заварке (без перековки металла) достигал 79%, при ручной заварке, после перековки железа, – только 9%²⁸⁶.

В Военном министерстве решили самостоятельно производить металл для стволов, возродив на Ижевском заводе железоделательное производство (видимо, это решение подтолкнуло Министерство финансов к строительству своего оружейного завода на базе железоделательного производства). Для организации выпуска контуазского железа в 1855 г. были приглашены братья Гранмонтань, а также переведены мастера с соседнего Воткинского завода. Полученные результаты оказались весьма успешны, и братья задержались на заводе до 1866 г.

В 1856 г. «для изыскания способа к выделке ствольного железа лучшего качества» на Урал был командирован военный министр генерал-адъютант Н. О. Сухозанет. По его мнению, проблема со ствольным железом могла быть решена ужесточением контроля за казенными заводами и привлечением к поставке ствольного железа частных заводов²⁸⁷. Но у чиновников Артиллерийского департамента созрело более радикальное решение. Они считали, что при существовавшей

²⁸⁵ Ляпин 2008: 145–147.

²⁸⁶ Перечень 1856: 111.

²⁸⁷ Отчет 1857: 12.

системе обязательного приема ствольного железа с казенных горных заводов изменить что-либо было невозможно, так как горное ведомство блестяще освоило искусство перекладывать ответственность на оружейников. Единственно, что могло решить проблему – это «уничтожение системы обязательного приема ствольного железа с казенных горных заводов»²⁸⁸.

С 1857 г. Ижевский железоделательный завод стал единственным поставщиком ствольного железа. Ежегодно он изготовлял до 76 тыс. пуд., удовлетворяя потребности оружейных заводов в этом металле²⁸⁹. С 1862 г. спрос на ствольное железо стал сокращаться, поскольку Тульский и Сестрорецкий заводы часть стволов начали изготавливать из стали немецкого фабриканта Бергера²⁹⁰. На повестку дня встала проблема организации производства ствольной стали. Ее решение затянулось на два десятилетия. Военное министерство предпринимало попытки привлечь к поставкам казенные горные заводы, частные предприятия, но проблема была снята аналогичным способом – при помощи иностранцев на Ижевском заводе в 1880-х гг. было организовано производство ствольной стали.

Что касается казенных горных заводов, то решение проблемы ствольного железа путем отмены обязательных отношений стало тем прецедентом, после которого Военное и Морское министерства стали настойчиво требовать полной ликвидации монополии государственного горнозаводского хозяйства на поставку металла, боеприпасов и артиллерийских орудий армии и флоту. В 1868 г. правительство пошло им на встречу и с этого времени казенные горные заводы были лишены почти всех привилегий, которыми пользовались в военной промышленности.

Список источников и литературы

- РГИА – Российский государственный исторический архив.
Всеподданнейший отчет 1860 – Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1858 г. – СПб., 1860.
Куликовских 2005 – Куликовских С. Н. Производство огнестрельного оружия на оружейной фабрике Златоустовского завода в середине XIX в. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Ма-

²⁸⁸ Там же: 19.

²⁸⁹ Всеподданнейший отчет 1860: 148.

²⁹⁰ Отчет 1867: 12.

- териалы VII Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 2005.
- Ляпин 1982 – Ляпин В. А. Вклад уральской казенной промышленности в военное производство России в первой половине XIX в. // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Информационные материалы. – Свердловск, 1982.
- Ляпин 1983 – Ляпин В. А. Военное производство на казенных горных заводах Урала в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1983.
- Ляпин 2008 – Ляпин В. А. Арсенал Российской империи. Противоречия становления // Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. – Екатеринбург, 2008.
- Назначение 1847 – Назначение нормальных количеств металлов и металлургических изделий, приготовляемых ежегодно на горных заводах хребта Уральского // Штаты и основные положения казенных горных заводов хребта Уральского. – СПб., 1847.
- Отчет 1857 – Отчет о занятиях Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета. IV. О материалах, употребляемых в артиллерии // Артиллерийский журнал. – 1857. – № 3. – Отдел официальный.
- Отчет 1867 – Отчет Главного артиллерийского управления // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1865 г. – СПб., 1867.
- Перечень 1856 – Перечень занятий в заседаниях Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета. За октябрь 1856 г. // Артиллерийский журнал. – 1856. – № 5. – Отдел официальный.
- Путилова 1986 – Путилова М. В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму. – Красноярск, 1986.
- Свод 1859 – Свод военных постановлений. Т. II. Кн. II. Ст. 614. – СПб., 1859.

Georgy N. Shumkin

PRODUCTION OF IRON OF RIFLE ON STATE-OWNED MINING FACTORIES OF URAL IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY.

The article examines the production of iron of rifle on state-owned mining factories of Ural in the 1830 – 1857 years. Shows how low quality iron barreled impact on the degree of readiness of the Russian army in the Crimean War and the development of iron production in the Urals.

Key words: iron of gun; state-owned mining factories Ural; arms industry; industrial revolution; Crimean War.

Код ВАК 07.00.09

Т. Г. Шумкина

АДРЕС-КАЛЕНДАРИ И ПАМЯТНЫЕ КНИЖКИ ПЕРМСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УРАЛА

В статье анализируются структура и содержание «Адрес-календарей» и «Памятных книжек» Пермского губернского статистического комитета, раскрывается информационный потенциал опубликованных материалов, определяется их значение для изучения истории Урала. «Адрес-календари» и «Памятные книжки» рассматриваются автором как своеобразный феномен отечественной культуры, как неотъемлемая часть книжного репертуара Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: адрес-календарь; памятная книжка; губернский статистический комитет; Пермский губернский статистический комитет; исторический источник; история Урала.

Первые губернские статистические комитеты (далее – ГСК) появились в России в 30-е гг. XIX в., после того, как в 1834 г. при Министерстве внутренних дел было создано Статистическое отделение. Широкое распространение эти учреждения получили после 1858 г., когда был образован Центральный статистический комитет (далее – ЦСК). Это во многом было связано с подготовкой крестьянской реформы, поскольку на Центральный и губернские статистические комитеты были возложены функ-

Шумкина Татьяна Геннадьевна, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук, доцент.

Shumkina Tatiana, associate professor of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: shumkina.77@mail.ru.

ции сбора и обработки материалов, необходимых для проведения реформы²⁹¹.

По «Положению» 1860 г. ГСК определялись как «учено-административные» учреждения и официально подчинялись ЦСК, но в то же время они находились под контролем местной администрации. Исследователи отмечают двойственность и в деятельности статкомитетов, так как они зачастую занимались не только сбором, обработкой и публикацией статистических сведений, но и изучением местной истории, вели археологические раскопки, создавали музеи и библиотеки²⁹².

Оценивая роль ГСК в развитии книжного дела в российской провинции, исследователи обращают внимание на масштабы издательской деятельности этих учреждений. Все издания ГСК они делят на следующие группы: а) «Отчеты», «Протоколы», «Журналы» заседаний, юбилейные издания; б) «Обзоры», прилагавшиеся ежегодно к Всеподданнейшему отчету губернатора, и статистические издания, представлявшиеся в ЦСК и МВД; в) «Памятные книжки» губерний и областей; г) «Труды», «Записки», «Сборники», «Ежегодники», «Известия», «Листки»; д) отдельные издания²⁹³.

Пермский ГСК издавал «Адрес-календари» и «Памятные книжки» Пермской губернии, а также «Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией» (всего вышло 15 вып.) и сборник «Пермский край» (всего вышло 5 вып.). Особое место среди этих изданий занимали «Памятные книжки Пермской губернии».

Памятные книжки губерний и областей представляли собой своеобразный тип издания. Это были официальные универсальные справочные издания, содержавшие сведения о губернии (области) на определенный год. Памятные книжки издавались практически на всей территории Российской империи и составляли важную часть книжного репертуара страны²⁹⁴.

Памятные книжки уральских ГСК занимали заметное место среди местных изданий. Значение памятных книжек было особенно важным в период, когда на Урале еще не издавались труды научно-краеведческих обществ (далее – НКО), частные газеты и журналы и, таким образом, статкомитеты имели «некоторую монополию на издание всевозможных исследований»²⁹⁵. Всего Пермским ГСК в 1862 – 1916 гг. было издано 40 «Памятных книжек».

²⁹¹ См.: Комарова 1987: 85–87; Шпак 1986: 160–161.

²⁹² См.: Бердинских 2003: 51–53; Комарова 1987: 87–88; Пирогова 1998: 186; Творогова 1961: 44–45; Шпак 1986: 161–162.

²⁹³ Шмидт 1990: 267.

²⁹⁴ См.: Балацкая, Раздорский 1994: 6; Слущкий 1992: 24.

²⁹⁵ Шпак 1986: 160.

Памятная книжка как тип издания имела определенную структуру. В зависимости от того, какие структурные компоненты имелись в конкретном выпуске, он мог носить разные названия: «адрес-календарь», «календарь», «памятная книжка», «справочная книжка», «адрес-календарь и памятная книжка». Программа Памятной книжки, как правило, включала две основные части. Первая часть включала общий справочный отдел. Далее здесь же помещался адрес-календарь, содержащий сведения о штате служащих в губернии. Вторая часть состояла также из двух отделов. В первом из них помещались статистические сведения (таблицы, ведомости) о губернии (области). Во втором отделе печатались материалы по истории, археологии, этнографии, статистике и географии соответствующей местности.

Общий справочный отдел был обязательной составной частью практически каждой «Памятной книжки Пермской губернии». Он содержал разнообразную информацию справочного характера: месяце-слов на соответствующий год, сведения о праздничных днях в году, о географическом положении и административном делении губернии, о почтовых и телеграфных учреждениях, о путях и маршрутах сообщения в пределах губернии, о промышленных и торговых предприятиях, о населенных пунктах и плотности населения губернии, а также астрономические и метеорологические сведения.

В ряде случаев из состава справочного раздела выделялись церковный, астрономический и метеорологический отделы. Метеорологический отдел приобретал особое значение в периоды, неблагоприятные для развития сельского хозяйства, как, например, в начале 1890-х гг., когда неурожайные годы повлекли за собой массовый голод, охвативший многие губернии России, в том числе и некоторые уезды Пермской губернии.

Кроме того, наряду с общим справочным отделом, в 1880 г. и в период с 1908 по 1917 гг. в структуре «Памятной книжки Пермской губернии» выделялся «Справочник Пермской губернии», в котором печатались разного рода справочные сведения о губернии. Как правило, в состав справочника входили материалы, которые характеризовали губернию с разных сторон, например, здесь помещались сведения о больницах, аптеках, библиотеках, музеях, учебных заведениях, типографиях и книжных магазинах, списки потребительских и сельскохозяйственных обществ, трудовых артелей, пожарных дружин Перми, Екатеринбурга и губернии в целом.

Неотъемлемой частью всех «Памятных книжек Пермской губернии» был адрес-календарь, который представлял собой перечень всех губернских и уездных правительственных и общественных учреждений с их личным составом. Достаточно часто он снабжался именным указателем. Адрес-календарь является исключительно ценным и

уникальным в своем роде источником сведений по истории государственного управления, отдельных общественных учреждений, о биографиях многих местных деятелей.

Ценным источником являются материалы статистического отдела «Памятных книжек Пермской губернии». В ряде случаев статистика входила в состав или общего справочного отдела, или справочника Пермской губернии, но с 1888 г. статистический отдел стал практически постоянным элементом в структуре «Памятных книжек Пермской губернии», поэтому он стал называться «статистическим ежегодником». Как правило, материалы данного отдела представляли собой статистический обзор губернии за определенный год или период. Они охватывали различные стороны экономической и социокультурной сфер, что обусловило разнообразие их тематики.

Около 40% всех материалов статистического отдела приходилось на долю публикаций, характеризовавших состояние промышленности и сельского хозяйства Пермской губернии. Данные материалы являются ценным источником по истории индустриального и аграрного развития горнозаводского Урала в последней четверти XIX – начале XX вв.

Достаточно большое место по количеству публикаций занимала группа материалов о налогообложении и повинностях населения. К ней примыкают публикации о доходах и расходах городов, земств, волостных и сельских сходов губернии. Некоторые исследователи подчеркивают особую ценность памятных книжек как источников по истории городов и городского хозяйства страны, так как многие годы только в них публиковались подобного рода материалы.

Заметное место в статистическом отделе «Памятных книжек» занимали материалы статистики народонаселения. Из них более 40% приходилось на долю публикаций о движении населения. Сведения об общей численности населения губернии публиковались, чаще всего, в рубрике «Пространство и населенность Пермской губернии». Достаточно регулярно публиковались материалы, отражавшие сословную структуру и конфессиональный состав населения. Также здесь были опубликованы некоторые результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Пермской губернии: распределение населения губернии по месту рождения, по родному языку, по роду занятий. Кроме того, в статистическом отделе опубликованы результаты переписи населения г. Перми, осуществленной в 1890 г.²⁹⁶

²⁹⁶ Памятная книжка 1892.

В целом, статистические материалы «Памятных книжек Пермской губернии» являются богатым источником сведений о развитии экономики, городов и городского хозяйства, земского самоуправления, народного образования, здравоохранения, церкви, о населении губернии в исследуемый период. Анализ содержания «Памятных книжек» позволяет говорить о том, что Пермский статкомитет уделял серьезное внимание и исследованиям историко-краеведческого характера.

В неофициальном отделе «Памятных книжек Пермской губернии» более 3/4 публикаций приходится на долю материалов по истории, экономике и статистике губернии и Урала в целом. Приблизительно половину публикаций составляют работы историко-краеведческой тематики. Кроме того, в этих изданиях помещались исследования по географии, этнографии, археологии, медицине, метеорологии, химии, основанные на материалах Пермской губернии и Урала.

Тематика историко-краеведческих исследований, опубликованных в «Памятных книжках Пермской губернии», достаточно разнообразна.

Первое место занимают работы по истории экономики края. Около 2/3 из них приходится на долю исследований по истории промышленности губернии и Урала. Это, например, статьи и извлечения из работ по истории уральских горных заводов кандидата права В. Д. Белова, историка А. А. Дмитриева, статистика, секретаря Пермского ГСК Е. И. Гасабова.

Среди работ по социально-экономической истории Урала, наряду с оригинальными исследованиями, были извлечения из статей и монографий, а также перепечатанные из разных изданий статьи и заметки. Данная практика имела целью сбор сведений по конкретной проблеме и их публикацию на страницах одного издания, доступного для местных читателей. Примером может служить публикация «Рабочий вопрос на уральских горных заводах», представляющая собой извлечение из книги К. А. Пажитнова «Положение рабочего класса в России»²⁹⁷.

Оригинальными исследованиями являются работы по истории Пермского края и Урала А. А. Дмитриева, С. С. Пена и др.²⁹⁸ Представляют интерес «Заметки и очерки о северном крае Чердынского уезда» И. Варопай, которые содержат сведения географического и административного характера, данные о путях сообщения, занятиях и условиях жизни населения, сведения о грамотности и вероисповедании

²⁹⁷ Адрес-календарь 1907: 30–32.

²⁹⁸ См.: Дмитриев 1883: 55–107; Пенн 1862: 27–71.

жителей северной части Чердынского края²⁹⁹. Актуальной темой была история освоения Пермского края. В 1907 г. в памятной книжке опубликована статья «Из истории колонизации Пермской губернии», представляющая собой извлечение из работ историка Дмитриева³⁰⁰.

Третью по числу публикаций группу составляют работы по истории городов Пермской губернии. Подавляющее большинство исследований данной группы посвящено истории губернского города Перми. В их числе следует особо отметить «Материалы к истории г. Перми» Д. Д. Смышляева и «Исторический очерк г. Перми», представляющий собой сокращенное изложение «Очерков из истории губернского города Перми» и «Летописи города Перми» Дмитриева³⁰¹.

Привлекала внимание исследователей история рода Строгановых, крупнейших уральских горнозаводчиков, уделявших большое внимание развитию культуры края. Авторами работ по данной теме являлись историк Дмитриев и краевед И. В. Вологдин³⁰².

Заметное место на страницах изданий Пермского ГСК занимали исследования по истории церкви. Среди них можно выделить материалы по истории местных церквей и монастырей, например, Белогорского Свято-Николаевского монастыря; по истории Пермской епархии.

История науки и образования также нашла отражение в публикациях изданий Пермского статкомитета. Примерами могут служить «Краткий очерк возникновения и первоначальной деятельности Пермского экономического общества» и «Очерк народного образования в Пермской губернии», вошедшие в 6-й выпуск «Сборника материалов для ознакомления с Пермской губернией», который зачастую выходил в свет в качестве приложения к «Памятной книжке Пермской губернии»³⁰³.

Ценными исследованиями по истории культуры Пермского края являются очерки о памятных местах Пермской губернии известного краеведа и журналиста, автора путеводителей по Уралу В. А. Весновского³⁰⁴.

Небольшую по количеству публикаций группу составляют исследования по истории государственного управления и земского самоуправления в Пермской губернии. Оригинальной работой обобщающего характера является исследование земского служащего Д. М. Бобы-

²⁹⁹ Памятная книжка 1880: 141–160.

³⁰⁰ Адрес-календарь 1907: 11–14.

³⁰¹ См.: Смышляев 1883а: 117–179; Смышляев 1883б: 9–23; Адрес-календарь 1909: 3–69.

³⁰² См.: Дмитриев 1888: 1–49. (Прил.)

³⁰³ Адрес-календарь 1895: 16–24, 36–100. (Прил. Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. – Вып. 6.)

³⁰⁴ См.: Весновский 1915: 3–41.

лева, приуроченное к 40-летию введения земских учреждений в Пермской губернии³⁰⁵.

Незначительное место на страницах изданий Пермского ГСК занимают исследования по истории социальных движений на Урале. Например, в «Календаре Пермской губернии на 1884 год» опубликованы материалы по истории восстания Е. Пугачева в Пермском крае В. А. Волегова, основанные на свидетельствах современника и участника событий Д. Верховолнцева. Истории крестьянского движения в Шадринском уезде Пермской губернии посвящена статья краеведа А. Н. Зырянова («Календарь Пермской губернии на 1885 год»), ранее опубликованная им в сборнике «Древняя и новая Россия» (М., 1876).

Основная масса опубликованных историко-краеведческих работ представляет собой оригинальные исследования, построенные на основе самостоятельной обработки источников. Наряду с ними, были публикации компилятивного характера, составленные на основе исследований одного или нескольких авторов. В данном случае редакторы изданий статкомитета преследовали цель популяризации интересных и полезных на их взгляд сведений, источники которых по тем или иным причинам являлись недоступными для местных исследователей и широкого круга читателей.

В целом, проведенный анализ позволяет рассматривать «Памятные книжки Пермской губернии» как комплексный источник, содержащий материалы справочного, статистического, научно-краеведческого, библиографического и биографического характера.

Комплекс опубликованных статистических материалов представляет значительный научный интерес. Наиболее полно опубликована статистика промышленности, сельского хозяйства, торговли, налогообложения и народонаселения губернии. Достаточно высокая степень достоверности опубликованных статистических материалов, достигавшаяся во многом благодаря профессионализму секретарей Пермского ГСК и многоступенчатой, тщательной проверке полученных статистических данных, делает их ценным источником сведений, достаточно широко характеризующих экономическое и социокультурное развитие Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

В научном отделе «Памятных книжек Пермской губернии» большое место занимали работы историко-краеведческой направленности. Около 60% данного рода публикаций составляли работы по истории экономики, причем, главным образом, промышленности Урала, по истории городов губернии и по другим вопросам истории края. Авторами работ были как известные историки Урала, такие как А. А. Дмитриев и Н. К. Чупин, так и

³⁰⁵ Бобылев 1910: 3–63.

рядовые местные исследователи, краеведы, которые внесли весомый вклад в разработку тематики историко-краеведческих исследований. Данные материалы сохраняют значение ценного исторического источника и сегодня, тем более что многие архивные документы, использованные авторами, впоследствии были утрачены.

Список источников и литературы

- Адрес-календарь 1895 – Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. – Пермь, 1895.
- Адрес-календарь 1907 – Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1907 год. – Пермь, 1907. – Ч. I.
- Адрес-календарь 1909 – Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1910 год. – Пермь, 1909.
- Балацкая, Раздорский 1994 – Балацкая Н. М., Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1836–1917): Предварительный список. – СПб.: Изд-во РНБ, 1994.
- Бердинских 2003 – Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Бобылев 1910 – Бобылев Д. М. По поводу сорокалетия введения земских учреждений в Пермской губернии // Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1911 год. – Пермь, 1910.
- Весновский 1915 – Весновский В. А. Исторические памятники в Пермской губернии // Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1915 год. – Пермь, 1915.
- Дмитриев 1883 – Дмитриев А. А. Историко-археологические очерки Чердынского края // Календарь Пермской губернии на 1883 год. – Пермь, 1883. – Отдел II.
- Дмитриев 1888 – Дмитриев А. А. Из трудов Ф. А. Волегова по истории Строгановых // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 год. – Пермь, 1888.
- Комарова 1987 – Комарова И. И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год. – М., 1987.
- Памятная книжка 1880 – Памятная книжка Пермской губернии на 1880 год. – Пермь, 1880.
- Памятная книжка 1892 – Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1893 год. – Пермь, 1892.

- Пенн 1862 – Пенн С. С. Материалы для истории Пермского края // Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. – Пермь, 1862. – Отдел II.
- Пирогова 1998 – Пирогова Е. П. Научно-краеведческие общества пореформенного Урала // Уральский сборник: История. Культура. Религия. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. – Вып. 2.
- Слуцкий 1992 – Слуцкий А. И. К вопросу об источниках провинциальной книжной статистики // Смышляевские чтения: Тезисы сообщений. – Пермь, 1992.
- Смышляев 1883а – Смышляев Д. Д. Материалы к истории г. Перми // Календарь Пермской губернии на 1883 год. – Пермь, 1883. – Отдел II.
- Смышляев 1883б – Смышляев Д. Д. Материалы к истории г. Перми (продолжение) // Календарь Пермской губернии на 1884 год. – Пермь, 1883. – Отдел II.
- Творогова 1961 – Творогова Н. А. Из истории русской дореволюционной статистики // Очерки по истории статистики СССР: Сб. науч. тр. – М.: Статистика, 1961. – Вып. 4.
- Шмидт 1990 – Шмидт С. О. Обзор изданий статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1989 год. – М., 1990.
- Шпак 1986 – Шпак А. П. Роль губернских статистических комитетов в развитии книжного дела в русской провинции (середина 1850-х – начало 1880-х гг.) // Книга. Исследования и материалы. – М: Книга, 1986. – Сб. 53.

Tatiana G. Shumkina

**ADDRESS-CALENDARS AND MEMORABLE BOOKS
THE PERM PROVINCE STATISTICAL COMMITTEE,
AS SOURCES FOR THE HISTORY OF THE URALS**

The article analyzes the structure and content of the «Address-calendars» and «Memorable books» Perm provincial statistical Committee, disclosed information potential of the published materials, determined by their importance for studying the history of the Urals. «Address-calendars» and «Memorable books» viewed as a unique phenomenon of Russian culture, as an integral part of book repertoire of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX centuries.

Key words: address-calendar; a memorial book; the provincial statistical Committee; Perm province statistical Committee; historical source; the history of the Urals.

III. Статьи и сообщения

1. Символический аспект Власти: дискурсивные и семантические модели

Код ВАК 07.00.09

В. Д. Камынин, С. Ю. Шишкина

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПРОЦЕССОМ ПРОНИКНОВЕНИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ ПОНЯТИЯ «ВЛАСТЬ»

Статья посвящена анализу точек зрения о появлении в современной российской историографии термина власть. Авторы с помощью методов историографического анализа обосновывают причины выдвижения различных точек зрения и формулируют собственную позицию по данному вопросу. Они отстаивают мнение о непрерывности историографического процесса в России на протяжении XX – начала XXI столетия в изучении феномена власти.

Ключевые слова: историография; научный дискурс; термин власть; прерывность или непрерывность российской исторической науки.

В последние два десятилетия тема «власть и общество» становится модным трендом российской исторической науки. Она апробирована на многих периодах всемирной и российской истории, на общестрановом и региональном уровнях. Отличительной чертой этой литературы является различное понимание авторами используемых терминов, в том числе самого понятия власть.

Камынин Владимир Дмитриевич, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); доктор исторических наук, профессор.

Kamynin Vladimir, professor of the Department of Theory and History of International Relations of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); Dr. of History, professor.
Телефон/Phone: +7 (343) 350-75-43. Электронная почта/E-mail: kamyninv@yandex.ru.

Шишкина Светлана Юрьевна, доцент кафедры политических наук Тюменского государственного университета (625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, 10); кандидат исторических наук, доцент.

Shishkina Svetlana, associate professor of the Department of Political Sciences of Tyumen State University (625003, Russia, Tyumen, Semakova Street, 10); PhD, associate professor.
Телефон/Phone: +7 (3452) 45-56-86. Электронная почта/E-mail: sveshishkina@yandex.ru.

Появились работы, посвященные осмыслению различных теоретических подходов к рассмотрению данной проблемы и ее отдельных составляющих. Так, в интересной статье Д. А. Андреева «Власть: механизмы и режимы» анализируется литература, появившаяся в России на рубеже XX–XXI вв., в которой рассматриваются такие подходы к феномену власть, как ее легитимация, архитектурно-ландшафтные презентации, наследование власти, советники власти. Автор попытался на примере российской истории дать классификацию термина «режим», выделив переходные режимы, становящиеся режимы, режимы в апогее, режимы «по краям». Кроме того, он рассмотрел «тупики представительства»³⁰⁶.

Из многочисленной литературы, посвященной изучению феномена власть на региональном уровне, остановимся на работе оренбургского исследователя С. В. Любичанковского, который вводит читателя в «архитектурно-ландшафтные презентации» властных структур Уральского региона периода позднеимперской России (конец XIX – начало XX столетия). Чрезвычайно любопытными представляются наблюдения автора за эволюцией губернаторской власти различных губерний Урала в период кризиса Российской империи³⁰⁷. Достоинством работы Любичанковского можно считать не только глубокое проникновение в историю проблемы, но и хорошее знание историографии проблемы, ее основательный анализ.

Авторы данной статьи, понимая безбрежность исследования феномена власть, остановили свое внимание на вопросе о том, когда сложилась в современной литературе историографическая традиция изучения этого феномена. Анализ этой литературы дает основание утверждать, что существуют различные подходы к решению данного вопроса, принципиально отличающиеся друг от друга.

Андреев полагает, что изучение феномена власти выделилось в самостоятельное направление политической истории только в последние годы³⁰⁸.

Ряд современных исследователей признает, что в советской историографии имелись попытки исследования феномена власти. Однако они дают различную оценку предшествующей историографической традиции.

Любичанковский считает, что в советской литературе «проблематике власти как таковой не придавалось серьезного значения». В то же время он пишет, что «ситуация стала меняться только в 80-е гг. XX

³⁰⁶ См.: Андреев 2003.

³⁰⁷ См.: Любичанковский 2007.

³⁰⁸ См.: Андреев 2003: 122.

в., что связано, в первую очередь, с появлением работ А. Я. Авреха». По словам исследователя, «постсоветская историческая наука в период своего становления получила в качестве багажа оформленную тенденцию усиления внимания к состоянию власти в предреволюционной России»³⁰⁹.

Рязанский исследователь С. В. Куликов полагает, что в советской исторической науке проблема власти изучалась достаточно интенсивно. В то же время он указывает на принципиальное отличие современной историографии в подходах к рассмотрению данной проблемы. По его мнению, наметившаяся переориентация историков с изучения противоречий внутри общества и между властью и обществом на изучение противоречий внутри власти имеет большое методологическое значение, поскольку создает «предпосылки для освобождения исследовательского сознания от стереотипов, довлевших над ним в течение предыдущих десятилетий»³¹⁰.

Попытаемся объяснить наличие в современной литературе столь различных подходов к решению вопроса о появлении термина «власть». Ряд молодых российских авторов, пытаясь актуализировать данную проблему, действуют по привычному для отечественной историографии принципу «отречемся от старого мира» и связывают ее появление именно с современным периодом развития исторической науки. Андреев подчеркивает: «Работы последних лет анализируют историю власти, ее механизмов и технологий – явных и тайных, эффективных и малопродуктивных»³¹¹. Автор указывает даже на точную дату, с которой, по его мнению, началось изучение феномена власти. Он пишет: «Первым заметным шагом в этом направлении стал вышедший в 1996 г. коллективный труд петербургских историков "Власть и реформы. От самодержавной к советской России". Авторы предприняли попытку написать историю российской власти – с эпохи Средневековья до 1920-х гг.» В то же время Андреев указывает на переходный характер этого труда, который, по его словам, проявился в том, что в нем «причудливым образом переплелись черты старого (слово «реформа») и веяния нового (слово «власть»)»³¹².

В то же время сторонники этой точки зрения по-разному определяют причины, обусловившие проявление внимания исследователей к изучению феномена власти.

³⁰⁹ Любичанковский 2007: 10–11.

³¹⁰ Куликов 2004: 21.

³¹¹ Андреев 2003: 122.

³¹² Там же.

По словам Андреева, «возникновению этой "новой конъюнктуры"» способствовали два обстоятельства. Во-первых, «определенная методологическая исчерпанность традиционных подходов к описанию политических процессов в примитивных бинарных противопоставлениях "реформ" и "контрреформ", "либерализма" и "консерватизма"». Во-вторых, «"новая конъюнктура", безусловно, явилась результатом очевидной политизации нашей общественной жизни». Аналитика, пиар, непосредственное вовлечение многих историков в обеспечение современных политических процессов и т.п. «сделали чрезвычайно актуальной уже собственно научную проблему функционирования власти в прошлом»³¹³.

М. М. Кром считает основной причиной обращения к изучению феномена власти практически полную отработанность традиционных для изучения политической истории источников («вербальные формы политической риторики»). По его словам, обращение к «невербальным формам коммуникации» привело исследователей к изучению феномена власти³¹⁴.

Историографический анализ работы Любичанковского приводит к весьма любопытным наблюдениям. Признавая глубокое проникновение автора в историю губернаторской власти Урала, хорошее знание работ предшественников, авторы статьи не могут согласиться с его пониманием развития историографического процесса в XX столетии. Во-первых, Любичанковский неоправданно расширяет хронологические рамки советского периода, доводя их до середины 1990-х гг.³¹⁵ Такая постановка проблемы позволяет ему причислить работу «Власть и реформы» (1996 г.) к советской историографии и, хотя он делает оговорку, что «не вызывает сомнений, что авторы труда во многом вышли за рамки рассматриваемого этапа развития отечественной науки», но указывает, что «обобщающий характер исследования и отсутствие на тот период времени конкретно-исторических трудов по проблеме, созданных в постсоветской России, объективно связывают указанную работу» с советским периодом историографии³¹⁶. Тем самым Любичанковский теряет возможность учесть новизну подходов к проблеме власти, которые наметились в рамках двух совершенно своеобразных этапов становления современной историографии: этапа «перестройки» и развития исторической науки в первой половине 1990-х гг.

³¹³ Андреев 2003: 122.

³¹⁴ Кром 2001: 376–377.

³¹⁵ См.: Любичанковский 2007: 82.

³¹⁶ Там же: 89.

Во-вторых, как и многие другие исследователи, Любичанковский пытается связать постановку некоторых идей современной историографии с творчеством «инакомыслящих» советской эпохи. В частности, постановку проблемы власти он связывает с трудами А. Я. Авреха, который свой анализ сосредоточил на проблеме царизма, что объективно, по мнению Любичанковского, актуализировало тему до-революционной власти.

К слову, следует заметить, что термин «царизм» был в обиходе и у других советских историков³¹⁷. Другое дело, что Аврех, как и иные историки «нового направления», выход из историографического тупика, в который зашла советская историческая наука, видел в «новом прочтении Ленина». Объясняя свой интерес к царизму, автор писал: «Переход от исследования на макроуровне к изучению на микроуровне есть всеобщий закон развития науки. Исторической науке до результатов, достигнутых в этом направлении естественными науками, еще, к сожалению, далеко. Но начало этому пути положено и здесь. Был, в частности, в советской историографии период, когда царизм и буржуазию рассматривали как единое целое. Потом был сделан очень важный шаг вперед – господствующей стала ленинская концепция трех лагерей в революции. На этой теоретической основе создано немало ценных исследований.

Теперь настало время сделать следующий шаг, определяемый отнюдь не субъективными пристрастиями и вкусами, а объективной потребностью исторической науки, достигнутым ею уровнем развития. Поставленная задача, равно как и состояние литературы по этому вопросу, строго лимитирует и отбор объектов исследования. Все внимание сосредоточивается на изучении собственно царизма»³¹⁸.

Аврех рассматривал царизм как автономную социально-политическую систему. Он писал: «Царизм как социально-политическая система в последнее десятилетие своего существования представлял собой единство четырех основных составляющих: собственно царизма, т.е. верховной власти, официального правительства, помещного дворянства и третьиюньской Думы, которую В. И. Ленин определял также как особую политическую систему». По признанию автора, «имелись и другие весьма важные элементы этой системы, такие, как армия, церковь, чиновнический аппарат, полиция», которые сам автор в своих работах не рассматривал, поскольку целью его исследования являлось «изучение царизма именно в социально-политическом плане, начиная от носителя верховной власти и его не-

³¹⁷ См.: Черменский 1976; Иоффе 1987; и др.

³¹⁸ Аврех 1989: 10.

посредственного окружения в лице камарильи и кончая социальной опорой режима³¹⁹.

Еще одну заслугу Авреха перед отечественной исторической наукой современные исследователи видят в том, что в трудах ученого была поставлена проблема кризиса власти как одной из составляющих общего кризиса дореволюционной России³²⁰. Аврех содержание этого кризиса видел в том, что «принцип государственного управления (под которым в данном случае понимается управление в наиболее общих интересах господствующего класса) заменяется управлением по принципу сосредоточения власти в руках узкой клики и в интересах клики, оторванной не только от народа, но и в значительной мере от своей собственной социальной опоры»³²¹.

Авторы данной статьи полагают, что в настоящее время слишком идеализировать взгляды Авреха нельзя. Он был человеком своего времени и, как все историки «нового направления», до конца оставался верным марксистско-ленинской методологии. Даже в своих последних книгах, увидевших свет в годы «перестройки», он весьма часто цитировал работы Ленина и рассматривал их в качестве методологической основы своей деятельности, но почему-то некоторые современные почитатели творчества Авреха при цитировании его работ выпускают те места, где ученый для подтверждения своих мыслей ссылается на соответствующие мысли Ленина.

Так, в частности, Любичанковский, приводя в своей работе странную цитату Авреха о царизме как целостной социально-политической системе, выпускает из нее, во-первых, то, что историк писал о царизме «в последнее десятилетие своего существования», во-вторых, слова Ленина о третьиюньской Думе³²². Соответствующие места в цитате Авреха Любичанковский заменяет отточиями. Если пропуск первой части цитаты Авреха можно объяснить тем, что Любичанковский пытается его характеристику царизма распространить на весь период позднеимперской России, который исследует автор в своей работе, то пропуск слов Ленина о третьиюньской Думе нельзя объяснить ничем иным, как желанием подчеркнуть независимость творчества Авреха от официальной идеологии. Между тем из контекста данной цитаты совершенно очевидно, что Аврех свою концепцию царизма как целостной социально-политической системе вывел именно из высказывания Ленина.

³¹⁹ Там же: 11.

³²⁰ Любичанковский 2007: 19.

³²¹ Аврех 1989: 174.

³²² Любичанковский 2007: 11.

В современной историографии идет дискуссия по вопросу о компетентности различных уровней власти в дореволюционной России. Многие авторы разделяют мнение американского исследователя Р. Роббинса, который высоко оценивает компетентность российских чиновников на рубеже XIX–XX вв., указывает на увеличивавшуюся профессионализацию губернаторского корпуса. Автор полагает, что в это время возросшие требования к кандидатам на должность губернаторов способствовали улучшению качества губернского управления³²³.

Уральский исследователь О. Н. Богатырева, характеризуя деятельность вятских и пермских губернаторов, заключает, что источники по этому вопросу опровергают ставшие привычным для советской историографии «взгляд на губернаторов как на надменных и невежественных чиновников»³²⁴. По ее словам, «губернаторский корпус состоял из вполне квалифицированных, компетентных и принципиальных чиновников, честно выполнявших свой профессиональный долг»³²⁵.

Между тем, Аврех, изучая Российскую империю последних лет существования, пришел к выводу, что правящий слой в это время страдал «синдромом некомпетентности, который увеличивается в размерах по принципу зарастающего рясной пруда. Каждый день площадь зарастания увеличивается вдвое». В полном соответствии с канонами советской историографии Аврех писал, что «бюрократия с первых же шагов начинает превращаться в оторванную от общества касту со своими собственными узкими корыстными интересами, противоречащими не только интересам общества в целом, но и в какой-то мере и интересам господствующего класса»³²⁶.

Авторам данной статьи наиболее убедительной представляется точка зрения С. В. Куликова о том, что в советской литературе имелась достаточно отчетливая традиция изучения проблемы власти. Советские ученые в соответствии с постулатами марксистско-ленинской теории при изучении российской истории и, в частности, предпосылок революционного движения исследовали не только действие социально-экономических факторов, но и рассматривали проблему власти. При этом при характеристике ее состояния в Российской империи в самый «застойный» период они использовали термины «кризис верхов»³²⁷, «самодержавие»³²⁸, «кризис самодержавия»³²⁹.

³²³ См.: Роббинс 1993: 209–210.

³²⁴ Богатырева 2004: 171.

³²⁵ Там же: 173.

³²⁶ Аврех 1989: 248.

³²⁷ См.: Иоффе 1984; Дякин 1982.

³²⁸ См.: Зайончковский 1970; Соловьев 1973; Давидович 1975; Дякин 1978; и др.

Нельзя согласиться только с тем утверждением Куликова, что советские исследователи все сводили к проблеме взаимоотношения между властью и обществом. На самом деле советскими историками изучались и сами властные органы³³⁰. Более того, хочется заметить, что прямыми предшественниками авторов труда «Власть и реформы» были известные ленинградские ученые В. С. Дякин и Ю. Б. Соловьев, посвятившие свои исследования изучению самодержавия. Работая в Ленинградском (Санкт-Петербургском) отделении Института истории АН СССР (РАН), они создали научную школу по изучению органов власти и управления в дореволюционной России³³¹.

Дякин «кризис самодержавия» понимал как «кризис системы управления»³³². Его работа «Третьиюньская монархия. Крушение империи» была опубликована посмертно в труде «Власть и реформы»³³³.

Современными историками Р. Ш. Ганелиным и А. Н. Цамутали признается, что Соловьев в своих работах доказывал, что «самодержавие, как политический и государственный институт, являло собой крайне архаичное явление. Несоответствие самодержавной формы правления развитию экономических и социальных процессов в жизни России стало одной из причин его быстрого крушения в феврале 1917 г.»³³⁴

Обратимся к словам самого Соловьева: «Кризис, а затем и крушение самодержавия рассматривались в советской историографии преимущественно с точки зрения силы революционного натиска, *внутренние же слабости царизма*, шаткость его социальной опоры и прогрессирующее ее разложение, растущая изоляция самодержавия привлекли меньшее внимание. Между тем Февральская революция 1917 г. опрокинула *власть, которая при всем своем внешнем могуществе уже десятилетиями переживала глубокий упадок, которая все больше запутывалась в неразрешимых противоречиях* (выделено нами – В. К., С. Ш.)»³³⁵.

Представитель ленинградской научной школы М. Ф. Флоринский в годы «перестройки» поставил проблему «кризиса государственного управления» в России. На основе изучения координации деятельности отдельных элементов системы высшего управления ученый пришел к выводу, что неспособность царизма поддерживать минимум единства государственного управления даже с помощью реформи-

³²⁹ См.: Дякин 1984.

³³⁰ См.: Зайончковский 1978; Флоринский 1988.

³³¹ См.: Тимошенко 1968; Флоринский 1990.

³³² Дякин 1984: 8.

³³³ См.: Цамутали 1996: 7.

³³⁴ Ганелин, Цамутали 1996: 13

³³⁵ Соловьев 1973: 3.

ванного в 1905 г. Совета министров в полной мере обнаружилось уже к началу Первой мировой войны. Преодоление растущего разлада в работе «отдельных звеньев бюрократической машины» планировалось путем создания все новых и новых инстанций, призванных стать местом преодоления разногласий между уже существующими, но это создавало «больше новых проблем, чем решало старые». Усиление разобщенности между различными уровнями власти автор называет «одним из важнейших показателей кризиса системы государственного управления»³³⁶.

Таким образом, можно констатировать, что феномен власти изучается всеми поколениями отечественных историков в XX – начале XXI столетия. В этом смысле историографическая традиция выглядит непрерывной, что не исключает, что каждое поколение исследователей может вкладывать свое понимание в термин власть, определение роли властных структур в российской истории. Не следует возводить новые стены между различными этапами развития отечественной историографии и начинать исследование феномена власти с чистого листа.

Список источников и литературы

- Аврех 1989 – Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. – М.: Наука, 1989.
- Андреев 2003 – Андреев Д. А. Власть: механизмы и режимы // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. – М.: АИРО-XX, 2003. – С. 122–153.
- Богатырева 2004 – Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.
- Ганелин, Цамутали 1996 – Ганелин Р. Ш., Цамутали А. Н. Юрий Борисович Соловьев – человек и историк // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. – СПб: Алетей, 1996.
- Давидович 1975 – Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). – М.: Наука, 1975.
- Дякин 1978 – Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л.: Наука, 1978.
- Дякин 1982 – Дякин В. С. Кризис верхов в России накануне Февральской революции // Вопросы истории. – 1982. – № 3.

³³⁶ Флоринский 1988: 203.

- Дякин 1984 – Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Под ред. В. С. Дякина. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, Ленинградское отделение, 1984.
- Зайончковский 1970 – Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.). – М.: Мысль, 1970.
- Зайончковский 1978 – Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978.
- Иоффе 1984 – Иоффе Г. З. «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. – М.: Наука, 1984. – Т. 110.
- Иоффе 1987 – Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма. – М.: Наука, 1987.
- Кром 2001 – Кром М. М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. – Т. 4 (22). – М.: Наука, 2001.
- Куликов 2004 – Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). – Рязань: Б.и., 2004.
- Любичанковский 2007 – Любичанковский С. В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). – Самара; Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007.
- Роббинс 1993 – Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. – 1993. – № 1.
- Соловьев 1973 – Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. – Л.: Наука, 1973.
- Тимошенко 1968 – Тимошенко А. И. Изменения в государственном механизме Российской империи в период первой мировой войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1968.
- Флоринский 1988 – Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны: Совет министров в 1914–1917 гг. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
- Флоринский 1990 – Флоринский М. Ф. Самодержавие и проблема единства государственного управления в годы Первой мировой войны: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Л., 1990.
- Цамутали 1996 – Цамутали А. Н. Валентин Семенович Дякин и его труды // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. – СПб: Алетейя, 1996.
- Черменский 1976 – Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М.: Мысль, 1976.

SOME OBSERVATIONS ON THE PROCESS OF PENETRATIONS ON THE MODERN HISTORICAL SCIENCE OF THE CONCEPTS OF “POWER”

The article is devoted to the analysis of points of view on the emergence of modern Russian historiography of the term power. The authors through the use of methods historiography analysis justify the reasons for the nomination of the different perspectives and formulate its own position on the issue. They contend continuity historiography process in Russia during XX – beginning of XXI century in the study of the phenomenon of power.

Key words: historiography; scientific discourse; the term power; discontinuity and continuity of Russian historical science.

Код ВАК 07.00.02; 07.00.03

С. В. Смирнов

«РУССКИЙ ЦАРЬ И ЯПОНСКИЙ ИМПЕРАТОР»: РУССКОЕ МОНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МАНЬЧЖОУ-ГО

Статья посвящена русскому эмигрантскому монархическому движению на северо-востоке Китая. Рассматриваются проблемы взаимоотношений русского монархического движения и японских властей в Маньчжоу-го (1932–1945), русской монархической идеи и идеологии ван дао, как основы строительства «общего дома» наций Маньчжурской империи.

Ключевые слова: русское монархическое движение; легитимистское движение; Корпус Императорской Армии и Флота; паназиатизм; ван дао; русская эмиграция; Маньчжоу-го.

Первые русские монархические организации появились в Маньчжурии (северо-восток Китая) в начале 1920-х гг. Это были действовавшие в Харбине «Дальневосточный монархический союз» и «Монархическая народная партия»³³⁷. Крайне малочисленные, не имевшие серьезной финансовой базы и существенной поддержки среди насе-

Смирнов Сергей Викторович, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); кандидат исторических наук, доцент.

Smirnov Sergey, associate professor of the Department of Modern and Contemporary History of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 350-75-32. Электронная почта/E-mail: smirnov_sergei@mail.ru.

³³⁷ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 34913: Л. 4, 138.

ния, они не могли претендовать на заметную роль в политической жизни эмиграции, даже в условиях, когда большая часть русских в Маньчжурии оставались приверженцами традиционных монархических взглядов.

Проникшее на Дальний Восток из Европы монархическое движение, оформившееся на Рейхенгальском съезде 1922 г., также первоначально не имело большого успеха. Генерал-майор Ф. А. Риттих, в прошлом инспектор классов Пажеского корпуса, прибывший в 1922 г. на Дальний Восток в качестве представителя Блюстителя Государева престола Великого Князя Кирилла Владимировича с целью организации легитимистского движения, был очень осторожен и мало верил в успех своей предприятия. Причиной чему в немалой степени являлась негативная реакция белого Приморья во главе с генералом М. К. Дитерихсом на самовыдвижение ВК Кирилла Владимировича в качестве возможного наследника императорского престола. Поэтому пребывание Риттиха на Дальнем Востоке осталось практически незамеченным.

По предложению Риттиха представительство ВК Кирилла Владимировича на Дальнем Востоке принял на себя полковник Н. Л. Жадвойн (в 1920 г. глава контрразведывательного отдела штаба Дальневосточной армии генерала Н. А. Лохвицкого), к слову сказать, выпускник Пажеского корпуса. В Харбине было опубликовано воззвание Великого Князя, не получившее, впрочем, большого отклика, и в состав организации первоначально вошло лишь 37 человек³³⁸.

В последующие годы ситуация для развития монархического движения в Маньчжурии была не очень благоприятной. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, в целом негативное отношение со стороны китайских властей Особого района Восточных провинций (ОРВП, Маньчжурия) к политической деятельности эмиграции. Во-вторых, установление в конце 1924 г. советско-китайского управления Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД), в связи с чем в регионе заметно усилилось советское влияние и возросло давление на белоэмигрантов. В-третьих, раскол в самом монархическом движении (и так далеко от единства) после принятия Кириллом Владимировичем титула российского императора в 1924 г. Стремясь возглавить Русскую Армию, Кирилл Владимирович в апреле 1924 г. призвал всех воинских чинов присоединиться к законопослушному движению, им возглавляемому, и в дальнейшем следовать только его указаниям. Для объединения армии вокруг Государя создавался Корпус офицеров императорской армии и флота (КИАФ), ставший конкурентом для Высшего монархического совета (создан на Рейхенгальском

³³⁸ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 46300: Л. 225.

съезде 1922 г.), претендовавшего на контроль над Русской Армией. В сентябре того же года под руководством генерала П. Н. Врангеля был сформирован Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), как новая форма объединения русских вооруженных сил за рубежом. В конце года ВК Николай Николаевич, бывший главнокомандующий Императорской армией, заявил о своем возглавлении армии и всех военных организаций. Так сформировалось противостояние между двумя группами белого движения – легитимистами во главе с ВК Кириллом Владимировичем и КИАФ, как его военным отделом, и РОВС, стоявшем на позициях «армия вне политики» и не связывавшим себя с определенной фигурой на императорском престоле.

Полковник Жадвойн, согласно сведениям советской разведки, тесно связанный с деятельностью т.н. «Таёжного штаба», координировавшего белую партизанскую деятельность в приграничных с СССР районах³³⁹, опасаясь большевиков, выехал в 1924 г. в Чаньчунь, позднее в Мукден (столица ОРВП) и Шанхай³⁴⁰. В качестве его заместителя в Харбине остался Георгиевский кавалер генерал-майор А. В. Эглау³⁴¹. Численность маньчжурского Союза легитимистов несколько выросла, но по-прежнему оставалась незначительной – не более ста человек. К тому же разгорелась борьба с приверженцами ВК Николая Николаевича, к которому тяготела основная масса русских офицеров не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. Представителем ВК Николая Николаевича в Маньчжурии являлся генерал от кавалерии М. М. Плешков (до 1927 г.), а в целом на Дальнем Востоке – генерал-майор Генштаба П. Г. Бурлин³⁴². Стоит также отметить, что в казачьей среде, традиционно монархической, легитимистское движение не получило большой поддержки, в отличие от РОВС, на который ориентировалась часть казачества.

В середине 1920-х гг. в легитимистское движение в Маньчжурии вошли новые люди, особенно важную роль стал играть генерал-майор Генштаба К. К. Акинтиевский (в 1920 г. начальник штаба Дальневосточной армии в Забайкалье), вовлекший в движение целый ряд старших офицеров Генерального Штаба и будущего главу маньчжурского отделения КИАФ генерал-лейтенанта В. А. Кислицина. Акинтиевского многие считали «серым кардиналом» легитимистского движения в Маньчжурии, направлявшим его деятельность.

³³⁹ Антонов 2005.

³⁴⁰ В Шанхае полковник (генерал-майор производства Сен-Бриака) Жадвойн также будет выполнять функции представителя Его Императорского Высочества вел.кн. Кирилла Владимировича.

³⁴¹ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 46300: Л. 225.

³⁴² ГАРФ – Ф. Р-6534. Володченко Н. Г. – Оп. 1. – Д. 5: Л. 9.

В конце 1920-х гг. на фоне обострения советско-китайских отношений заметно усилилась политизация русской эмигрантской общины в Маньчжурии. Увеличилась численность антисоветских политических организаций, в приграничных с СССР районах стали создаваться боевые отряды из радикально настроенных эмигрантов. В 1929 г. официально оформился маньчжурский отдел КИАФ во главе с генералом Кислициным, ставшим представителем Его Императорского Высочества ВК Кирилла Владимировича на Дальнем Востоке. В период советско-китайского вооруженного конфликта вокруг КВЖД (лето-осень 1929 г.) Кислицин сформировал несколько вооруженных отрядов для борьбы против большевиков³⁴³, которые в дальнейшем, по видимому, так и не приняли участие в вооруженных столкновениях.

Приход в руководство легитимистским движением генерала Кислицина обеспечил численный рост легитимистов, в немалой степени за счет русских кадров железнодорожной полиции, где служил и сам Кислицин. Увеличению численности легитимистов способствовали также смерть в 1929 г. ВК Николая Николаевича и генерала Врангеля, и наметившееся было сближение между РОВС и движением легитимистов. В 1930–1931 гг. численность легитимистов в Маньчжурии по разным оценкам составила от 1 до 2,5 тысяч человек³⁴⁴. Между тем, направляющая роль в деятельности легитимистского движения на северо-востоке Китая по-прежнему сохранилась в руках заместителя главы маньчжурского отдела КИАФ генерала Акинтьевского, который якобы именовал Кислицина «всадником без головы»³⁴⁵.

На рубеже 1920-х – 30-х гг. численность открытых приверженцев монархической идеи в эмигрантской среде заметно увеличилась. Многие из этих приверженцев просто боялись демонстрировать свои взгляды в период расцвета советского влияния в Маньчжурии. В 1929 г. «монархическое лицо» приобрела крупнейшая антисоветская молодежная организация Харбина (имевшая свои отделения на некоторых станциях КВЖД) – Союз мушкетеров, получивший шефство ВК Никиты Александровича. Заметно упрочились позиции русских разведчиков, самостоятельного течения в скаутском движении, строго придерживавшегося монархических принципов.

Национальная организация русских разведчиков (НОРР), возглавляемая полковником П. Н. Богдановичем, и имевшая штаб-квартиру в Париже, относила времена своего создания к Петру I и его «потешным». Шефом организации являлся ВК Александр Михайло-

³⁴³ Кислицин 2010: 14.

³⁴⁴ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 46300: Л. 226.

³⁴⁵ Там же: Л. 227.

вич, а после его смерти в 1933 г. его жена – ВК Ксения Александровна (мать ВК Никиты Александровича). Вся символика НОРР также выражала ее монархический характер: знаком организации был Ополченческий крест с вензелем императора Петра I, призывом – «За Веру, Царя и Отечество», праздником – День Преображения Господня, маршем – Преображенский марш и т.д. В Походной песне русских разведчиков в Маньчжурии были такие слова: «Братья, защитники Русского Трона, Съ грознымъ паролемъ – МОСКВА – Станемъ мы дружно подъ Руси знамена, Въ ногу, ребята: разъ-два, разъ-два»³⁴⁶.

Первый отряд разведчиков появился в Харбине в 1926 г., а в 1931 г. их количество увеличилось до пяти (один отряд из девочек-разведчиц)³⁴⁷.

После вторжения в Маньчжурию в сентябре 1931 г. японской Квантунской армии и провозглашения на территории бывшего ОРВП в марте 1932 г. независимого маньчжуро-монгольского государства Маньчжоу-го, для политически активной части русской эмиграции, проживавшей на северо-востоке Китая, сложилась очень благоприятная ситуация. Были легализованы эмигрантские политические организации, выросла их численность, заметно усилилась роль в жизни эмигрантской общины. Монархическое движение не стало исключением, именно на начало 1930-х гг. пришелся его расцвет.

Центральное место в монархическом движении в Маньчжурии занял Союз легитимистов, завершивший в это время свое оформление. Военную часть Союза (Корпус императорской армии и флота) возглавлял генерал Кислицин, одновременно являвшийся представителем ВК Кирилла Владимировича, гражданскую – генерал Эглау (заместитель – Н. П. Чистосердов, губернатор Перми при колчаковском правительстве). КИАФ разбивался на отделения по родам войск, имел молодежное отделение (Союз монархической молодежи) и учебный отряд, готовивший унтер-офицерские кадры из эмигрантской молодежи. Региональные подразделения КИАФ располагались на западной и восточной линиях КВЖД (Хайлар, Цицикар, станции Имяньпо, Яблоня, Пограничная и др.), в Мукдене и Трехречье. Союз легитимистов имел свой печатный орган – газету «Грядущая Россия»³⁴⁸.

Руководство Союза вело активную пропаганду легитимистских идей, стремилось вовлечь в движение молодежь, давая ей возможность получить азы военного образования; организовывало заочное обучение для офицеров на Высших военно-научных курсах генерала Н. Н. Голо-

³⁴⁶ Часовой 1932: 22.

³⁴⁷ Лукин 1936: 11, 13.

³⁴⁸ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 36873: Л. 44; Д. 37356: Л. 39.

вина (Париж). Деятельность Союза была в известной степени бюрократизирована: ее руководство постоянно отчитывалось о проведенных мероприятиях перед Сен-Бриаком (резиденция ВК Кирилла Владимировича), получало очередные приказы, удостоивалось высших благоволений и новых чинов. В частности, Кислицин приказом ВК Кирилла Владимировича был произведен в генералы от кавалерии. Как с большим ехидством отмечалось в некоторых эмигрантских кругах, этот чин был давно желаем Кислициным, и отказ в свое время атамана Семенова осуществить это производство привело к охлаждению отношений Кислицина с атаманом.

Другими крупными монархическими организациями Маньчжоуго были РОВС, тесно с ним связанное Маньчжурское отделение НОРР, имевшее к середине 1930-х гг. в своем составе 3 территориальных отдела и 16 отрядов, Союз мушкетеров, отделение Партии младороссов, казачьи объединения – Восточный казачий союз и Союз казаков на Дальнем Востоке. Но деятельность этих организаций во многом была лишь видимостью борьбы за освобождение России от «большевистского ига». Антисоветскому движению не хватало единства. Внутренние противоречия, конкуренция между различными организациями, отсутствие лиц, способных сплотить вокруг себя всех эмигрантов, слабость внешней поддержки (и разное отношение к ней среди эмигрантов), разлагающая деятельность советской разведки заметно ослабляли боевой потенциал эмиграции. Попытки объединения предпринимались, но они были неэффективными.

Активная поддержка ВК Кириллом Владимировичем младоросского движения разрушила наметившееся было объединение с РОВС, для которого позиция младороссов, выступивших за идеократическую (очень созвучную с социалистической) монархию, «покушалась на самую суть борьбы с угнетателями России». Предложение из Сен-Бриака объединиться с отделением Партии младороссов, возникшим в Харбине в 1932 г., вызвало недовольство в маньчжурском отделе КИ-АФ. Главным противником младороссов выступил генерал Акинтievский, тогда как Кислицин предложение из штаб-квартиры воспринял как приказ³⁴⁹. В связи с чем начались трения внутри легитимистской организации в Маньчжурии.

В это же время в русских политических кругах Маньчжурии активно обсуждалась проблема объединения всех политических сил эмиграции в рамках единой организации, в чем большую заинтересованность проявляли и японцы.

³⁴⁹ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 46300: Л. 228.

Японский паназиатизм, как основа внешней политики страны с начала XX в., предполагал объединение братских народов Восточной Азии вокруг наиболее передового и развитого государства региона – Японии, возглавляемой богоподобным императором. Маньчжоу-го, многонациональное в своей основе, стало настоящей лабораторией для реализации идеи паназиатизма. Пять наций Маньчжоу-го – китайцы, маньчжуры, монголы, японцы и корейцы – должны были взаимно интегрироваться и создать новую национально-культурную общность, большую семью во главе с императором, отцом этой семьи. В перспективе вся Восточная Азия для населяющих ее народов должна была превратиться в «общий дом» под эгидой японской монархии, обладающей теми же патерналистскими функциями.

Таким образом, в своей деятельности в Маньчжоу-го японцы исходили из двух взаимосвязанных идей. Идеи ван дао (императорского пути) – особой мироустроительной роли японского императора и идеи «общего дома» братских наций Маньчжоу-го. Русские эмигранты, входившие в категорию «иностранцы», первоначально не были включены в братскую семью наций Маньчжоу-го, но, тем не менее, и для них не был закрыт путь интеграции в эту общность. К тому же для японцев «бело-эмигранты» являлись естественным союзником в борьбе с главным мировым злом – Коминтерном. Стремясь полнее использовать военно-политический потенциал эмиграции, японские власти очень позитивно отнеслись к идее объединения русских в Маньчжоу-го на политической основе и, когда этот процесс зашел в тупик из-за многочисленных разногласий между различными политическими группами эмиграции, возглавили его.

Согласно секретным сводкам Иностранного отдела ОГПУ, в 1934 г. состоялось инициированное японцами совещание представителей основных политических сил русской общины Маньчжоу-го, в результате чего было принято решение о создании русского отдела «Дайнихон сейгидан» (Великого японского союза справедливости), общественной организации, основанной на принципах «классового мира» и паназиатизма. Русский отдел Дайнихон сейгидан получил название «Русское национальное объединение борьбы за правду»³⁵⁰. Создание этого объединения стало решающим шагом к организации в декабре 1934 г. Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), эмигрантской администрации, ведавшей всеми сферами жизни русской общины Маньчжоу-го.

Политическими силами, принявшими непосредственное участие в оформлении Русского национального объединения борьбы за правду,

³⁵⁰ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Конверт 274: Л. 3.

являлись легитимисты во главе с генералом Кислициным, казаки, признававшие верховенство атамана Г. М. Семенова (Союз казаков на Дальнем Востоке под председательством генерала А. П. Бакшеева), и фашисты (Русская фашистская партия, возглавлявшаяся К. В. Родзаевским)³⁵¹. Объединение проигнорировали Харбинский отдел РОВС и входивший в его состав антисеменовский Восточный казачий союз, которые еще в конце 1920-х гг. поддержали другую объединительную инициативу в рамках созданного с центром в Пекине Дальневосточного объединения эмиграции под президентством генерала Д. Л. Хорвата. Отделения Дальневосточного объединения эмиграции под названием «Русские национальные общины» (РНО) действовали практически во всех районах проживания русских эмигрантов в Китае.

Подчеркивая необходимость создания единого эмигрантского фронта, генерал Кислицин в том числе и на страницах эмигрантской прессы прямо заявил, что готов объединиться со всеми политическими силами, являющимися врагами большевиков, для освобождения Родины. По информации дальневосточного корреспондента журнала «Часовой» (печатный орган РОВС), в 1934 г. в Харбине на празднике кавалеров ордена Св. Георгия произошла встреча генералов Вержбицкого, начальника Харбинского отдела РОВС, и Кислицина. На этой встрече было объявлено об объединении РОВС и легитимистов. Как отмечал с большим воодушевлением корреспондент, «генералы Вержбицкий и Кислицин обмениваются троекратным поцелуем, открывающим новую эру во взаимоотношениях двух крупных русских эмигрантских организаций, сумевших, наконец, встать на путь взаимного сотрудничества»³⁵². Нужно сказать, что в будущем это объединение не принесло реальных плодов.

Вполне однозначными были высказывания генерала Кислицина за союз дальневосточной эмиграции с Японией. В четырнадцатом номере легитимистской газеты «Грядущая Россия» за 1934 г. была помещена статья генерала, где, в частности, говорилось: «Ныне, отдавая свои силы на борьбу за освобождение нашей Родины, я считаю необходимым сказать, что дружба с великим Ниппонским народом, осыщенная кровью на полях Великой Войны и Сибири, еще сильна в наших сердцах и что только в тесном единении с нашими союзниками – залог успеха нашей работы здесь на Дальнем Востоке... Не верьте, русские люди, наветам провокаторов, стремящимся вбить клин и поссорить русских эмигрантов с ниппонским народом. Перед лицом страшного врага, кровавого Коминтерна, еще теснее скрепим эту

³⁵¹ Там же: Л. 3.

³⁵² Часовой 1934: 29.

дружбу, твердо веря, что только в тесном единении с народами Ниппон и Маньчжу-Ти-го – наше лучшее будущее»³⁵³. В 1935 г. в шанхайском журнале «Армия и флот», издававшемся под редакцией полковника Н.В. Колесникова, было опубликовано второе открытое письмо (как указывалось, первое письмо вышло еще в 1934 г.) генерала Кислицина к русской эмиграции Китая. Содержание письма было весьма эмоциональным: «Я, генерал от кавалерии Кислицин, раненный четырнадцать раз в различных боях, открыто смотрящий смерти в лицо, заявляю, что кто бы ни выступил на борьбу со злейшим врагом всего мира “кровавым Коминтерном” – я первый пойду добровольцем рядовым на борьбу для защиты истерзанной, измученной Родины от ее тиранов-коммунистов... Я заявляю, что все легитимисты открыто выступят и окажут помощь всем тем, кто пойдет на войну со злейшим врагом всего мира – Коминтерном, и будут сражаться до последней капли крови, лишь бы уничтожить с лица земли эту нечисть и спасти Русский народ и восстановить Великую Россию»³⁵⁴.

Действия и заявления Кислицина вызвали негативную реакцию в Сен-Бриаке, и без того обеспокоенном саботажем маньчжурского отдела в отношении младороссов. Вслед за этим последовал выход Кислицина и сторонников его позиции (более 300 человек) из КИАФ, впрочем, сохранивших за собой наименование легитимистов. Было ли это желанием реабилитироваться перед японскими властями за «прокол» с младороссами, которых японцы считали скрытыми большевиками, или искренний порыв, вызванный пониманием того, что только при помощи внешней силы большевистский режим в России может рухнуть (ВК Кирилл Владимирович отрицательно относился к идее интервенции), – сложно сказать³⁵⁵.

После разрыва с Сен-Бриаком Кислицин был лишен штаб-квартирой всех своих чинов и званий и объявлен «предателем». Не осталась незамеченной и антимладороссовская деятельность генерала Акинтиевского, также исключенного из организации и получившего ярлык «изменника»³⁵⁶. Руководителем существенно поредевшего Маньчжурского отдела легитимистов стал генерал Эглау.

³⁵³ Грядущая Россия 1934: 2.

³⁵⁴ Колесников 1935: 61, 62.

³⁵⁵ В литературе, где в той или иной степени затрагивается фигура генерала Кислицина, встречаются диаметрально противоположные характеристики этого человека. Одни считают его выжившим из ума из-за многочисленных ранений и пьянства служакой, марионеткой японцев, другие – крупным политическим деятелем, сторонником русской национальной идеи, противостоявшим японской унификации.

³⁵⁶ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 46300: Л. 228.

Вслед за организацией эмигрантского Бюро, призванного сплотить всех эмигрантов на основании соединения русской национальной идеи (с монархизмом как основной составляющей) и идеи «общего дома», началось давление на его идейных противников. В 1935 г. были ликвидированы Харбинский отдел РОВС³⁵⁷, Восточный казачий союз, отделение Партии младороссов, а часть их руководителей высланы за пределы Маньчжоу-го. В состав «персон нон грата» попали и некоторые из активных деятелей легитимистского движения, в частности, генерал Акинтьевский. Что касается генерала Кислицина, то он возглавил созданный в 1935 г. Дальневосточный союз военных, объединявший всех бывших русских военнослужащих Маньчжоу-го, и являвшийся 7-м военным отделом БРЭМ, а в 1938 г. стал начальником Главного БРЭМ. Движение легитимистов, добавив себе приставку «верноподданническое», чтобы отделить себя от легитимистов Кислицина, еще формально сохранялось, но было под постоянным наблюдением как недостаточно благонадежное.

Таким образом, в середине 1930-х гг. в эмигрантской среде Маньчжоу-го сложилась парадоксальная ситуация. Монархизм был закреплен в качестве обязательного элемента русской национальной идеи, стал важнейшей частью культурно-идеологического воспитания молодежи. И в то же время он утратил свой политический потенциал и зримое проявление в реальном наследнике российского престола. В эмигрантской среде особо почитались принявшие мученическую смерть император Николай II и члены его семьи³⁵⁸. Решение вопроса о приемнике престола предполагалось отнести ко времени возвращения в Россию. Японские власти в Маньчжурии, подчеркивая свое уважительное отношение к дому Романовых³⁵⁹, особенно к последнему государю, и слышать не хотели о ВК Кирилле Владимировиче в качестве российского императора, что предопределило окончательную судьбу легитимистского движения.

В 1936 г., не выдержав постоянного давления, Маньчжоу-го покинул глава легитимистского движения генерал Эглау. Новым и по-

³⁵⁷ Нужно отметить, что РОВС, несмотря на признание значения антикоминтерновской деятельности Японии, считал ее экспансионистские устремления на Дальнем Востоке опасными для национальных интересов России, разделяя в чем-то возникшую в начале XX в. идею «желтой опасности».

³⁵⁸ Как это ни странно, в Пекине места погребения убитых в Алапаевске великих князей не имели опеки со стороны эмигрантских организаций, находились в весьма плачевном состоянии и посещались только в частном порядке.

³⁵⁹ Непосредственные связи между императорскими домами России и Японии установились во второй половине XIX в. До 1917 г. Японию посетили четыре члена дома Романовых, включая цесаревича Николая (будущего Николая II) и ВК Кирилла Владимировича в бытность его офицером Российского флота.

следним представителем Его Императорского Высочества ВК Кирилла Владимировича в Маньчжурии стал участник белого движения в Поволжье и Сибири штабс-капитан (с 1934 г. – подполковник производства Сен-Бриака) Ф. Н. Зорин. Он же являлся главой Ижевского объединения, организации, включавшей в свой состав бывших повстанцев-ижевцев и участников белого движения, уроженцев этой территории. В это время в легитимистском движении осталось немногим более ста человек. Как отмечают эмигрантские материалы, практически никакой политической деятельности легитимисты не вели, ограничиваясь молебнами. Одновременно с легитимистами Зорина существовали еще несколько групп «законопослушных» монархистов – «группа легитимистов, не объединяющаяся вокруг определенного лица, а только идеологически считающая идеальной формой будущего Государства Российского законную монархию», группа династистов³⁶⁰. К тому же легитимистами по-прежнему себя считали сторонники Кислицина. Представители различных групп, согласно документам БРЭМ, «встречаются друг с другом и спорят без конца»³⁶¹.

В 1938 г. японские власти, чтобы ликвидировать всякую неподконтрольную им «монархическую возню», приняли решение о создании в Маньчжоу-го русского Монархического объединения, куда в обязательном порядке должны были войти все организации, стоявшие на монархической основе. Лидером Монархического объединения стал тесно связанный с японской жандармерией и разведкой штабс-капитан Б. Н. Шепунов, начавший свою политическую карьеру на ст. Пограничная, являвшейся одним из центров антисоветского партизанского движения. Одновременно «верноподданническим» легитимистам было запрещено даже проведение молебнов.

Попытка Зорина в мае 1938 г. организовать молебен по случаю тезоименин ВК Кирилла Владимировича, очень смелая даже по оценке его противников, закончилась весьма печально. Он был вызван в Японскую военную миссию, где, по его собственному свидетельству, отразившемуся в документах БРЭМ, с ним обошлись очень грубо. «В самом начале, почему то, от него требовали, чтобы он встал на колени, это требовали от него уже семь раз. Он отказался. Далее на него набросились за его приверженность к Кириллу Владимировичу. Зачем его почитают за Императора России. “Ваш Кирилл младоросс, большевик”. Далее ему сказали, что японцы против великого князя, так как он разговаривает с французами и англичанами, а они враги Японии и поэтому враг и К. В. Японец, который с ним говорил, все больше горя-

³⁶⁰ ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 46300: Л. 228.

³⁶¹ Там же: Л. 229.

чился и под конец заявил: “плевать мы хотим на ваших Романовых и династию”, при этом плюнул и растер ногой»³⁶².

В августе 1938 г. Зорин по требованию властей был вынужден покинуть Харбин и перебраться в Шанхай. «Дело Зорина» всколыхнуло общественность Харбина. Согласно свидетельствам информаторов БРЭМ, многие считали, что высылка Зорина является явной несправедливостью. В то же время в отношении «шепуновского» Монархического объединения люди были настроены весьма негативно³⁶³.

Впрочем, недовольство в отношении прояпонского Монархического объединения изменить ситуацию уже не могло. После ликвидации остатков легитимистского движения Монархическое объединение, в состав которого вошли Дальневосточный союз военных, Союз казаков на Дальнем Востоке, Союз мушкетеров (переживший к этому времени раскол и резко сокративший свою численность), НОРР, Литературный кружок имени Августейшего поэта К.Р., осталось единственной официальной русской монархической организацией в Маньчжоуго.

Руководители Монархического объединения, также как и руководство БРЭМ продолжали использовать монархические лозунги и соответствующую риторику. В декларации Объединения заявлялось: «наша цель – Императорская Россия под скипетром Царя из Дома Романовых. Мы зовем всех под исконные и вечные знамена России с начертанным на них девизом – За Веру, Царя и Отечество!». И добавлялось: «Считаем своим долгом всемерно содействовать тому, чтобы грядущая Национальная Россия протянула дружескую руку великим империям Востока для заключения крепкого, длительного и неразрывного союза»³⁶⁴. Этому во многих своих выступлениях вторил начальник Бюро эмигрантов, генерал Кислицин. В качестве примера можно привести слова из его выступления на открытии лагеря русских разведчиков Восточного отдела Маньчжурского отделения НОРР в августе 1938 г.: «Ничего нерусского России не нужно! У России есть ее славный, единственный и неповторимый путь – монархия, единственная форма правления... Единомыслие ниппонского народа, нас – русских эмигрантов – монархистов и народов Манчжу-Ди-Го является залогом нашей близкой победы над страшным злом человечества – коммунизмом»³⁶⁵. Однако эти «карманные монархисты» не могли создать какой-либо конкуренции японским властям в Маньчжоуго.

³⁶² ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 46300: Л. 231.

³⁶³ Там же: Л. 252.

³⁶⁴ Часовой 1939: 20.

³⁶⁵ Там же: 19.

Установление полного контроля над русским монархическим движением (впрочем, как и фашистским) со стороны японских властей было обусловлено потребностями строительства «общего дома» в Маньчжоу-го, предполагавшего унификацию идейно-политической сферы.

Еще в 1932 г. единственной общественно-политической организацией Маньчжоу-го был объявлен Киовакай, призванный объединить многоэтническое население страны на основе принципов надклассовости и межнациональной гармонии вокруг императора Пу И (император с 1934 г., девиз правления – Кандэ). В 1939-1940 гг. русские эмигранты, ранее обозначаемые как «иностранные, получившие приют в гостеприимной Маньчжурии», были включены в структуру Киовакай и стали «полноправной пятой нацией Маньчжоу-го» (японцы перешли в категорию «старшего брата» по отношению к нациям Маньчжоу-го). Что должно было ускорить процесс интеграции русского сообщества (в том числе и идейно-политической) в братскую семью народов Маньчжурской империи.

Однако этот футуристический проект создания государства нового типа сразу столкнулся с множеством проблем, одной из которых являлась проблема японизации культурно-идеологического пространства Маньчжоу-го, якобы построенного на принципах межкультурной и межнациональной гармонии.

Во второй половине 1930-х гг. в Маньчжоу-го началось активное распространение японского языка. Его не только в обязательном порядке изучали в учебных заведениях, но и преподавали в кружках японского языка, ориентированных на различные группы взрослого населения страны. Японскими властями велась активная пропаганда японских культурных ценностей и японского образа жизни. В эмигрантской печати этого периода (ярким примером чему может служить издаваемый эмигрантским Бюро журнал «Луч Азии») постоянно размещались материалы, посвященные истории и различным сторонам жизни современной Японии. В 1940 г. центральное место в религиозно-ритуальной практике Маньчжоу-го занял японский синтоизм. В распорядок жизни учебных заведений и официальных учреждений страны были введены обязательные общегосударственные ритуалы, важнейшим из которых стал «сакирэй» – поклон в сторону резиденций японского и маньчжурского императоров. Сакирэем начинался учебный день в школах и вузах Маньчжоу-го. В Харбине, например, учащиеся, а они являлись главным объектом воспитания в духе идей «общего дома», раз в месяц посещали японский храм Харбин-Дзиндзя для

поклонения императорам³⁶⁶. Составной частью новой государственной символики являлось также почитание доблестных чинов Ниппонской Императорской армии и всех погибших в борьбе с Коминтерном. Существовали особые памятники, посвященные борцам с Коминтерном, – Чурейто, являвшиеся одним из ритуальных объектов Маньчжоу-го. Все это происходило на фоне роста японского населения в Маньчжоу-го, увеличивающегося за счет колонизации японцами главным образом приграничных с Кореей районов.

В новой ритуальной системе император превратился в ключевую фигуру, символ единства и благополучия нации, указывающий своему народу единственно верный путь развития, отца большой государственной семьи. В сборнике «Движение молодежи Кио-Ва», выпущенном для русского сектора организации, например, указывалось: «Родина – это большая семья, семья является малой родиной. Поэтому, через укрепление семьи в государстве, обязательно приходят к укреплению большой государственной семьи народов Маньчжу-Ди-Го, где делами этой большой семьи руководит один отец – ИМПЕРАТОР»³⁶⁷.

В новом контексте идейно-культурного развития Маньчжоу-го русский монархизм получал новый символ – маньчжурского, а точнее японского императора. По мере углубления процесса унификации идейно-культурной среды Маньчжоу-го на повестку дня встала ликвидация русского Монархического объединения, плохо вписывающегося в общий контекст. В 1942 г. Монархическое объединение было распущено, хотя деятельность Дальневосточного союза военных и Союза казаков на Дальнем Востоке, как организаций, выражавших интересы определенных корпоративных сообществ, еще продолжалась.

Мероприятия властей в отношении русской эмиграции порождали скрытое недовольство и идейный конфликт, который японцы, замкнутые на превосходстве своих национальных ценностей, не могли осознать в полной мере. Идейный конфликт усилил охранительные тенденции в жизни эмигрантского сообщества, но свое выражение они нашли не в монархизме, а в православии. Именно церковь возглавила недовольство эмиграции, направленное против японизации жизни общества. Ярким примером этого стало открытое выступление русских церковных иерархов Харбина в 1944 г. против введения в общегосударственную практику японского культа богини Аматаэрасу, прародительницы императорской фамилии Японии. Встретив упорное сопротивление, в условиях нарастающих военных неудач на фронтах Тихоокеанской войны, японцы вынуждены были отступить.

³⁶⁶ Добролюбова 1995: 2.

³⁶⁷ Кио-Ва 1943: 42.

Таким образом, можно сделать вывод, что русское монархическое движение в Маньчжоу-го было изначально обречено на неудачу. Глобальная задача Японии по созданию «общего дома» в Восточной Азии, апробация проекта которого осуществлялась в Маньчжоу-го, предполагавшая идейно-культурную унификацию населявших регион народов, входила в противоречие с целью русского монархического движения – объединения всей русской эмиграции вокруг императорского дома Романовых для борьбы за освобождение России от большевистского режима. Свою роль здесь также сыграли неоднородность и внутреннее противостояние в русском монархическом движении, отсутствие единого мнения о стратегии борьбы с большевизмом и нередко – личностный фактор. В то же время, несмотря на поражение монархического движения в Маньчжоу-го, приверженность монархии («естественный монархизм») продолжала сохраняться в русской эмигрантской среде как один из важнейших наряду с православием факторов поддержания национально-культурной идентичности русского населения Маньчжоу-го.

Список источников и литературы

- ГААОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Антонов 2005 – Антонов В. Об основных вехах жизни и деятельности полковника Дмитрия Федичкина // Резидент-дипломат. Независимая газета. Москва. 16 дек. 2005. URL: <http://svr.gov.ru/smi/smi.htm> (дата обращения: 02.04.2013).
- Грядущая Россия 1934 – Грядущая Россия. – Харбин, 1934. – № 14.
- Добролюбова 1995 – Добролюбова Е. О том, о сем, о позавчерашнем // На сопках Маньчжурии. – Новосибирск, 1995. – № 19.
- Кио-Ва 1943 – Движение молодежи Кио-Ва. В 2 кн. – Б.м., 1943. – Кн. 1.
- Кислицин 2010 – Кислицин В. А. В огне Гражданской войны // Русская Атлантида. – Челябинск, 2010. – № 36.
- Колесников 1935 – Армия и флот. Под ред. Генерального Штаба полковника Н. В. Колесникова. – Шанхай, 1935. – № 4 (1195).
- Лукин 1936 – Краткий очерк истории состоящей под покровительством Е.И.В. Великой Княгини Ксении Александровны Национальной Организации Русских Разведчиков / Сост. Ю. Лукин. Харбин: Изд-во Нац. Орг. Русских Разведчиков, 1936.
- Часовой 1932 – Часовой. – Париж, 1932. – № 83.
- Часовой 1934 – Часовой. – Париж, 1934. – № 121.

Часовой 1939 – Часовой. – Париж, 1939. – № 228–229.

Sergey V. Smirnov

**«RUSSIAN TSAR AND JAPANESE EMPEROR»:
RUSSIAN MONARCHIC MOVEMENT IN MANCHUKUO**

The article focused on the Monarchic Movement of Russian Émigrés in North-East China. Deals with problems relationship Russian Monarchic Movement and Japanese authorities in Manchukuo (1932–1945), a Russian Monarchist idea and ideology of Wang Tao, as a basis for building a Common Home of Nations Manchurian Empire.

Key words: the Russian Royalist Movement; the Legitimistic Movement; the Corps of Empyrean Army and Fleet Officers; the Pan-Asianism; Wang Tao; Russian Émigrés; Manchukuo.

Код ВАК 12.00.01

E. С. Соколова

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЦАРСКОГО ТИТУЛА
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ
(20–70-е гг. XVII в.)**

Статья посвящена выявлению основных направлений законодательной политики первых Романовых в области моделирования политико-правовой семантики царского титула. Автор приходит к выводу об отсутствии в допетровской России XVII в. цельной теоретической конструкции титулования, способствующей ее последовательному использованию в качестве правовой гарантии укрепления государственного суверенитета.

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54); кандидат юридических наук, доцент.

Sokolova Elena, associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law Academy (620137, Russia, Ekaterinburg, Kolmogorova Street, 54); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. Электронная почта/E-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru.

Ключевые слова: самодержавие; царский титул; политико-правовая семантика; законодательство; первые Романовы; международное право; делопроизводственная практика; государственный суверенитет; юридический дискурс.

Вторая половина XVII в. оценивается в историографии российского самодержавия как условная точка отсчета, начиная с которой принято говорить о формировании тенденции к становлению царского единовластия, основанного на принципе законности. Правотворчество становится более последовательным и динамичным, что постепенно способствует окончательному вытеснению старомосковских обычаев из юридического быта Русского государства, быстро набирающего силу в ходе преодоления социально-политических последствий Смуты.

В новейшей научной литературе отмечается обусловленность доминирующей роли самодержавной модели организации государственной власти во всех сферах социальной жизни серьезными внешнеполитическими задачами и «жесткими обстоятельствами существования страны с ограниченным экономическим потенциалом». Ценностное значение данных ориентиров для возникновения некоей общей константы, определяющей основные направления правовой политики Российского государства, стало очевидным для правительственной элиты лишь в период петровских преобразований. В итоге верховная власть присвоила себе широкие легитимные полномочия для мобилизации человеческих и материальных ресурсов в процессе соперничества с европейскими державами за выход к незамерзающим морям. Тем не менее, вопреки мнению ряда историков о целенаправленном характере моделирования политического имиджа самодержавия правовыми средствами законодательство первых Романовых в данной сфере еще отличалось фрагментарностью и, в основном, было продиктовано конъюнктурными соображениями³⁶⁸.

Указанная тенденция хорошо прослеживается на многочисленных примерах нормативно-правовых актов допетровского времени, закрепляющих отдельные элементы внешней символики самодержавного принципа правления. Особая роль в его моделировании, происходившем с учетом необходимости безотлагательного преодоления внешнеполитических последствий Смуты, принадлежит многочисленным попыткам нормативного определения принципов конструирования царского титула. Анализируя семиотическую природу российской титулатуры на основе речевого дискурса дипломатических актов конца XV–XVI вв., Б. Успенский справедливо отмечал практическую заинтересованность великокняжеской власти в

³⁶⁸ Марасинова 2004: 129; Марасинова 2008: 111–225; Марасинова 2012: 66–93; Вульпис 2010: 14–21.

знаковых смыслах, позволяющих ей претендовать на расширение своих правомочий с целью достижения устойчивого международного статуса. В XVII в. эта внешнеполитическая задача приобрела особую актуальность в связи с притязаниями Польши на московский престол, постепенно иссякшими лишь после поражения в Смоленской войне.

Серьезная озабоченность законодателей вопросами титулования объяснялась тем, что правящие круги Речи Посполитой последовательно нарушали условия Деулинского перемирия, постоянно подвергая сомнению законность решений избирательного Земского Собора 1613 г. В этих условиях Москва предпочитала не акцентировать лишний раз внимание на многозначности славянского титула «царь», о которой справедливо говорили представители московско-тартусской школы семиотики. В законодательстве первых Романовых, регулирующих русско-польские отношения, признается возможность соотнесения царского титула с латинским словом «тех» применительно к затянувшемуся спору о том, кому должна принадлежать российская корона с точки зрения международного права того времени. По мере укрепления юридического статуса самодержавной власти важное политико-правовое значение приобретала семантическая основа принципов титулования, способствующая обеспечению внутреннего и внешнего суверенитета Российского государства в условиях отсутствия прочных юридических гарантий его незыблемости на институциональном уровне.

Внутриполитический аспект семантического значения титулатуры был юридизирован лишь к началу 60-х гг. XVII в. По общепринятому мнению, в этот период Россия достигла относительной стабилизации на международном уровне, а царская власть приобрела политическую устойчивость, благодаря целенаправленной поддержке Земских Соборов. Тем не менее, предметом особой заботы законодателя оставалось регулирование отношений Москвы с кочевыми народами, населявшими восточные и южные окраины Русского государства, вошедшие в его состав в результате т. н. «колонизационных» процессов. На протяжении XVI–XVII вв. старомосковские законодатели разработали большое количество грамот и наказов с подробными предписаниями для местной администрации о том, какая политика должна проводиться по отношению к коренному местному населению. Основная идея данного комплекса нормативных актов заключалась в требовании поиска взаимоприемлемого компромисса между административными органами и «инородческими» племенами. Ориентируясь на договорный характер отношений с местной знатью, Москва действовала в интересах казны, которая ежегодно получала ясак пушным зверем от каждого племени на основании царских грамот с полным изложением царского титула.

Семантическое значение, которое верховная власть придавала официальной церемонии передачи ясака государевым служилым людям, прослеживается на примере царской грамоты от 28 января 1641 г., отпавлен-

ной кузнецкому воеводе Дементию Кавтыреву. Формально речь в этом документе шла о наказании подьячего, брошенного в острог за «большую прописку» в имени и титуле Михаила Романова, допущенную в начальной строке грамоты об отправке «ясачной и поминочной казны». Подьячий, имя которого отсутствует в рассматриваемом документе, был нещадно бит батогами и отставлен от своей должности. Высочайший гнев обрушился и на воеводу Кавтырева. Законодатель упрекал его в «дурости» и попустительстве безделью подьячих, за которыми следует вычитывать каждую букву «царского имени» под страхом «большого наказания»³⁶⁹.

Требования верховной власти в отношении титулатуры отличались новизной и не были обеспечены постоянными нормами действующего законодательства, отсутствие которых подменялось казуистическими по своей юридической технике сепаратными грамотами от царского имени. Не только рядовому подданному московских государей, но и высшим должностным лицам было сложно понять сущность новых запретов, которые нигде не разъяснялись и не подлежали обнародованию, являясь достоянием местной администрации. «Кузнецкое» дело рассматривалось до принятия Соборного Уложения, в котором отдельная глава посвящена преступлениям против государя и содержит жестокие устрашающие санкции.

Несмотря на явное стремление законодателя к разработке юридической основы для возвышения государя над обществом, статьи «Соборного Уложения» не отличаются последовательной разработкой правового статуса особы монарха, членов его семьи и царской власти как института государственного права. Отсутствует в нем и юридическое закрепление принципов титулатуры. Частично это обстоятельство объясняется слабым развитием в старомосковском правосознании XVII в. представления о сущности прав и обязанностей суверена. Можно согласиться с мнением значительной части исследователей, близких по своим методологическим позициям к государственно-юридической школе, о наличии серьезного влияния частноправового компонента на определение прерогатив царской власти в законодательстве первых Романовых.

Существует мнение, что российский юридический быт середины XVII в. отличался наличием в правосознании большинства московских людей представления об общности «государева» и «земского дела». Это происходило под непосредственным воздействием Смуты, оказавшей решающее воздействие на возникновение договорного характера взаимоотношений между новой выборной династией и сословными учреждениями. Таким образом, царь воспринимался как гарант благополучия своих поддан-

³⁶⁹ Успенский 2000; Строев, Коркунов 1841: 372 (1641 Генваря 28. Царская грамота Кузнецкому воеводе Дементию Кавтыреву, о наказании подьячего за описку в Царском титуле).

ных, но при этом его властные prerogatives слегка тускнели на фоне убеждения в том, что стабильность государства, в целом, зависит от совместных усилий верховной власти и «земли»³⁷⁰.

Иная юридическая направленность прослеживается в немногочисленных, но содержательных нормативных актах допетровского времени, вносящих изменения в царский титул и регулирующих порядок его использования на международно-правовом уровне. В период правления Алексея Михайловича повышение внешнеполитической активности России на западном направлении сопровождалось дипломатическими усилиями в области укрепления позиций царской власти в системе великих европейских держав. Законодатель придавал большое значение полноте титулатуры, акцентируя внимание на необходимости написания «во всех грамотах и договорах ... царского Титула вполне, как оные в Государственных актах в России изображаются»³⁷¹. Серьезное внимание уделялось и корректировке его формы, осуществление которой происходило по мере новых территориальных присоединений и демонстрировала идею целостности Русского государства на семантическом уровне. Нередко от способа решения данного вопроса зависел исход мирных переговоров, так как семантическое значение титула главы государства повсеместно воспринималось на смысловом уровне и моделировалось в соответствии с политическими намерениями и возможностями суверена.

Важность титулатуры для эффективной реализации международных отношений подчеркивалась, например, в комплексе русско-шведских договоров конца XVI – середины XVII в. В октябре 1649 г. между Стокгольмом и Москвой было, наконец, достигнуто соглашение по некоторым спорным вопросам, требовавшим разработки особого церемониала. Речь в данном случае шла о территориальных спорах по поводу земель в Лифляндии, закрепленных за Швецией на основании Тявзинского мирного договора 1595 г., отдельные статьи которого были подтверждены в 1609 г. на русско-шведской встрече послов в Выборге. Тот же вопрос поднимался при заключении Столбовского мира, когда шведы получили от имени Михаила Романова гарантию в том, что ни он, ни его наследники не станут включать в свой титул названия лифляндских городов, отошедших к шведской короне на основании подтверждающих грамот. Кроме того, российская сторона дала обязательство «Короне Свейской» «... их обыкную титулу в Лифляндской земле и в Кореле давать»³⁷².

³⁷⁰ См., например: Тарановский 2004: 83–110.

³⁷¹ ПСЗ I. № 229: 454–456 (Мая 21, 1657. – О писании во всех грамотах и договорах Государева Царского Титула вполне, как оный в Государственных актах в России изображается).

³⁷² ПСЗ I. № 19: 184 (Октября 19/29, 1649. – Договорная запись, учиненная в Стокгольме между Дворами Шведским и Российским).

В текст Столбовского мирного договора был включен пункт, касавшийся еще одного спорного вопроса, возникшего в результате нежелания Москвы окончательно признать право Швеции на Ижорские земли. Согласно достигнутой между обеими сторонами договоренности, соответствующие «титлы» должны были употребляться только в полной королевской титулатуре. В свою очередь, шведы дали согласие на то, чтобы за Михаилом Романовым был сохранен титул «Государя и Обладателя ... «иных многих Государств», расположенных по западным, восточным и северным границам Московской Руси. Эта формулировка воспринималась шведской стороной весьма осторожно, так как возможность ее практического воплощения создавала угрозу дестабилизации на севере Европы случае в восточноевропейском регионе. Учитывая данное обстоятельство, при заключении Столбовского мира послы России и Швеции договорились о максимальном ущемлении процедуры употребления полного титула в дипломатической переписке высочайших особ. Предполагалось, что в этом случае обе стороны должны были направить друг другу две «подтвержденные грамоты, одна с полною титлой, а другая ... с короткими»³⁷³.

В 1650 г. на фоне обострения конфликта с Речью Посполитой из-за Украины аналогичные договоренности о правильном употреблении царского титула были достигнуты с королем Яном Казимиром. Поводом для претензий московской стороны к Варшаве стали случаи неоднократного нарушения царской титулатуры в административной переписке и дипломатической практике, вопреки условиям Поляновского мирного договора, заключенного в 1634 г. после успешного для России окончания Смоленской войны. Чтобы не осложнять и без того напряженные отношения между Московской Русью и Польшей, польская сторона обязалась собрать всех лиц, виновных «в прописках и умалениях» титула на первом же сейме и судить их «по праву Коронным и Великого Княжества Литовскаго и во длуге конституцые лета 1637 г. ...» в присутствии московских послов³⁷⁴.

Подобные дипломатические уступки практиковались и в русско-шведских отношениях по инициативе Стокгольма, заинтересованного в окончательном урегулировании «прибалтийского вопроса» на фоне военных неудач России в Ливонии 1656–1658 гг. 21 мая 1657 г. шведская сторона даже сочла для себя возможным дать согласие на употребление в дипломатической практике полного царского титула. Это решение мотивировалось необходимостью «чтоб доброе дело и мирный договор о том не стали, буде Его Королевскаго Величества в верующей грамоте с полными титлы зачинанья договору не будет». Основной спор между шведскими послами

³⁷³ Там же: 184–185.

³⁷⁴ ПСЗ I. № 40: 238–241 (Июля 23, 1650. Договорныя статьи, учиненныя в Варшаве между дворами Польским и Российским).

Ессеном и Крузенстерном и российской стороной возник из-за официально выраженных в полной формулировке титула притязаний московских государей на то, чтобы именоваться «землям восточным и западным и северным отчичу и дедичу и Наследнику и Государю и Обладателю». Желая поскорее заключить мир на достаточно выгодных для Швеции условиях, король Карл-Густав подписал 10 декабря 1657 г. грамоту, в которой выразил свое согласие на именование Алексея Михайловича полным титулом. В свою очередь, на заседании Боярской Думы 30 апреля 1657 г. на основании совместного приговора царь дал «обнадеживание» в том, что не имеет никаких притязаний на земли, принадлежащие шведской короне³⁷⁵.

Вопрос о титуле был поднят еще раз русскими и шведскими дипломатами при заключении Кардисского мира. Согласно условиям мирного договора, в дипломатической практике между Россией и Швецией было установлено употребление полного титула «по их обоим Великим Государям достоинству и чести, безо всякого умаления писати, как они обои Великие Государи сами себя описуют». В тексте договора при этом содержалась отсылка к теории божественного происхождения верховной власти и ее прерогатив. Отмечалось, например, что полная титулатура впредь может пополняться названиями тех территорий, «что Бог одному или другому Великому Государю вперед в землях или городех от их недругов поручить будет». По условиям договора при этом исключалась возможность обновления титула за счет нарушения взаимных интересов и достигнутых договоренностей. В дипломатической переписке с другими государствами обе стороны обязались использовать краткие формулировки, именуя себя «Его Королевским Величеством Свейским и Его Царским Величеством Российским»³⁷⁶. Таким образом, семантический язык титулатуры мог меняться в зависимости от обстоятельств, а ее формулировки, в основном, свидетельствовали об отсутствии устойчивого международного статуса самодержавной власти и ее стремлении при благоприятных обстоятельствах утвердить его на правовой основе.

Решение вопроса о взаимном титуловании было настолько актуальной проблемой российской дипломатической практики на протяжении всего XVII в., что 21 декабря 1655 г. царь Алексей Михайлович именным указом запретил послам, посланникам и гонцам, отправленным в соседние страны, вести между собою местнические споры, способные помешать за-

³⁷⁵ Там же. № 228: 451–454 (Мая 21, 1657. Запись, учиненная в Москве между Шведскими послами и Российскими боярами).

³⁷⁶ ПСЗ I. № 229: 454–456 (Мая 21, 1657. – О писании во всех грамотах и договорах Государева Царского титула вполне ...); Там же. № 301: 532–551 (Июня 21, 1661. – Договор между Шведскими и Российскими Государствами, заключенный на съезде между Кольвани и Юрьева в Кардесе, полномочными послами).

щите международных интересов Московского государства³⁷⁷. Однозначная позиция законодателя по данному вопросу станет понятной, если принять во внимание нежелание европейских держав считаться с территориальными притязаниями российских самодержцев, для обоснования которых нередко, в первую очередь, использовался религиозный фактор, а уже затем ссылка на «исконную» принадлежность спорных земель российской короне.

Недостаток международного веса вынужденно компенсировался военными успехами России, которые в 60-е гг. XVII в. послужили беспримысленным дополнением к несостоявшейся дипломатии. В тексте Андрусовского договора 1667 г. уже отсутствует какое-либо упоминание о русско-польских противоречиях по вопросу о титуловании. Его составители лишь отметили необходимость соблюдения принципа равенства сторон в дипломатическом церемониале, требующем «послов и посланников и гонцов ... принимать и отпускать с почестью против достоинства, и приезд и отъезд им имеет быть добровольно безо всякой зацепки и задержания»³⁷⁸.

Более подробные сведения об изменениях, произошедших к 1667 г. в официальном обосновании легитимности царского титула первых Романовых, содержатся в одном из именных указов Алексея Михайловича. Прежде всего, законодатель обращает здесь внимание на законность избрания Михаила Федоровича, ближайший преемник которого также «изволил» принять все царские регалии и «святое» миропомазание 28 сентября 1645 г. «по Царскому древнему чину и достоинству». В указе особо подчеркивается, что основным юридическим последствием неотъемлемого права первых Романовых на «превысочайший престол» является prerogative распространения самодержавной власти «...и на все новоприбылые государства, иже в державе и во области Российского Царствия взяты...». Помимо этого, царь отметил несомненную законность присвоения им титула князя Литовского, что, по его словам, было продиктовано, прежде всего, «праведным» возвращением в Москву «извечных отчин» Смоленска и Чернигова наряду с отвоеванием у поляков «города ... Вильно и многия Воеводств и Малой и Белой Руси и всей Волыни и Подолии...»³⁷⁹.

Тем не менее, после окончания русско-польской войны за Украину российская дипломатия была вынуждена действовать в рамках иной геополитической ситуации. Основным поводом для утверждения царского указа 1667 г. стали официальные изменения в титуле и государственной печати,

³⁷⁷ Там же. № 169: 371 (Декабря 21, 1655. – О бытие во всех Государствах Российским послам и посланникам между собою без мест).

³⁷⁸ Там же. № 398. л П. 20–22: 665–666 (Генваря 30, 1667. – Договор о перемирии на 13 лет и 6 месяцев между Государствами Российским и Польским, учиненный на съезде в деревне Андрусове полномочными послами).

³⁷⁹ ПСЗ I. № 421: 734–738 (Именный. – О титуле Царском и о Государственной печати).

принятые в соответствии с условиями Андрусовского перемирия. Алексею Михайловичу пришлось отказаться от притязания на статус Великого Князя Литовского, вызывавшего резкие и неоднократные возражения Варшавы. Новые нюансы появились в оформлении печати, где в описание царского титула было включено указание на подчинение «Великия и Малья и Белья России» верховной власти московских самодержцев. Большое внимание было уделено и разработке визуально-мнемонических кодов, направленных на закрепление преемственного права первых Романовых на российский престол, принадлежавший их «прародителям». С этой целью в изображение герба вводился «знак отчича и дедича», расположенный под орлом, а «на персех» его предполагалось сделать «изображение наследника»³⁸⁰.

Иным характером отличался политико-правовой сценарий, разработанный старомосковскими законодателями по отношению к австрийскому двору с целью повышения статусного значения российского самодержавия в международной сфере. Рассматривая самодержавие как аналог классической формы «кесарской власти», Москва к середине XVII в. стала активно добиваться внесения изменений в посольский этикет, способствующих установлению формального равенства между царем Алексеем Михайловичем и носителем «Цесарского» титула. В частности, 9 октября 1675 г. на русско-австрийских переговорах был поднят вопрос о титулатуре. Москва, в частности, указывала на недопустимость именования Великого Государя «Пресветлейшеством» в императорских грамотах, видя в этом неправомерное умаление самодержавных прерогатив.

Аргументируя свою позицию по данному вопросу на основании теории божественного происхождения верховной власти, представители московского двора приводили в качестве идеального образца соблюдения дипломатического этикета переписку Посольского приказа с «Христианскими великими Государями». По словам законодателя, обращаясь к Алексею Михайловичу, те «пишут в грамотах своих ... в титле Царское Величество, и то они чинят по должности, потому что то дано от Бога...». С точки зрения Вены, притязания Москвы не имели под собой серьезного политико-правового обоснования, о чем прямо заявили на переговорах императорские послы. Московский двор получил с их стороны серьезную «отповедь ... о титле Величества что достоин». По мнению австрийской стороны, данная титулатура была обязана своим происхождением древнему посольскому обычаю и «всегда единому Римскому Цесарю надлежит, и никто еще не объявился Цесарю в том противен, или б упорно стоял...». Помимо этого Вена выражала надежду на то, что московские государи не станут произвольно нарушать уже сложившуюся в европейском мире иерархию титуло-

³⁸⁰ Там же.

вания. Императорские послы, в частности, отмечали, что титул «Пресветлейшество» истари принадлежит королям, которым воздается, таким образом, то, что принадлежит им по достоинству, «чего переменить не возможно»³⁸¹.

Ярко выраженная ориентация московского двора на обеспечение внешнего суверенитета Русского государства при помощи нормативного закрепления правил титулатуры сопровождалась принятием мер, повышающих социально-политический авторитет самодержавия внутри страны. Эта цель достигалась, прежде всего, методом устрашения, так как законодатель придавал большое значение правильному оформлению официальной документации с указанием полного царского титула. Например, 14 августа 1658 г. на основании именного указа, объявленного в Розряде тайных дел, был приговорен к наказанию кнутом подъячий Патриаршьего и Дворцового приказа Ларка Александров «за прописку Его Государева Именованья...». Еще один казус об ошибке в царском титуле был рассмотрен в сентябре 1663 г. на заседании Боярской Думы в присутствии государя. Суть его заключалась в том, что орловский губной староста Алфим Некрасов «в отписке своей Великого Государя именованье прописал», а губной дьяк Марк Коробов, не только не нашел допущенную ошибку, но и «ту отписку читал перед Разбойным приказом» при большом скоплении народа. В результате оба нарушителя были приговорены к уголовным наказаниям. Староста Некрасов оказался на неделю в московской тюрьме, а Коробова бояре приговорили к «нешадному» наказанию батогами³⁸².

В уголовно-правовой практике, направленной на поддержание «государевой чести», встречались и курьезные случаи, необычность которых не служила, однако, смягчающим обстоятельством для виновных. Описание одного из таких казусов содержится в именном указе от 13 сентября 1664 г., где изложены обстоятельства розыска, проведенного среди «тюремных сидельцев» Переяславля-Рязанского по факту неподобающего употребления царского титула. Дело началось с «извета», сделанного по какому-то корыстному расчету церковным татем Василием Лукьяновым о «неистовом слове», имевшем место во время вспыхнувшей между «колодниками» ссоры. Во время пытки, проведенной в соответствии с законодательными нормами Соборного Уложения, Лукьянов показал, что, выясняя между собой отношения, некие Ивашко Татаринов и Пронька Козулин

³⁸¹ ПСЗ I. № 610: 1011–1012 (Октября 9, 1675. – Запись, учиненная в Москве между Российским и Цесарским дворами).

³⁸² ПСЗ I. № 233: 459 (Августа 14, 1658. – О наказании кнутом подъячего за прописку Государева наименования); Там же. № 351: 584 (Сентября 26, 1663. – О посадении в тюрьму на неделю губного старосту Некрасова, за прописку титула Государя и о наказании батогами губного Дьяка Коробова, который ту отписку читал перед Разбойным приказом).

подначивали друг друга, называя своего товарища Демку Прокофьева царем и господином.

Местная администрация нашла этот случай настолько серьезным, что материалы уголовного дела были отправлены в Москву, откуда пришла именная грамота об урезании языка «сидельцу» Козулину по результатам «роспросных и пыточных речей» за неуважение к царскому титулу. В данном случае предметом особой заботы законодателя стало обоснование легитимности вынесенного приговора, сделанное на основании норм Соборного Уложения, регулирующих процедуру «слова и дела». Согласно именному указу от 13 сентября 1664 г. в Переяславль-Рязанский было направлено предписание о применении пытки к обоим фигурантам дела в том случае, если «он Васька (Лукьянов – Е. С.) с пытки скажет против прежнего своего извету...». Кроме того, Алексей Михайлович приказал «к себе Великому Государю отписать тотчас» в том случае, если по сыску выяснится, что дело не имеет под собой оснований и его «затеяли напрасно»³⁸³.

Строгость законодателя в пресечении даже непреднамеренных нарушений в правилах титулования объяснялась не только соображениями внешнеполитической конъюнктуры, но и случаями пренебрежения к предписаниям верховной власти, которые имели место со стороны высших чинов Московского государства. Тенденция к самостоятельной интерпретации предписаний государя при отсутствии общепринятых официальных формулировок в деловой переписке Москвы с местной администрацией, иногда приводила к суровым ответам со стороны верховной власти, адресатами которых на законодательном уровне являлись должностные лица воеводского управления. В частности, 27 декабря 1670 г. Алексей Михайлович утвердил грамоту, отправленную от его имени стольнику и воеводе Ивану Бутурлину с царским выговором «за неприличное выражение в отписке». Суть произошедшего инцидента заключалась в следующем. Бутурлин намеренно отказался в своей корреспонденции, адресованной царю, от принятых в административном делопроизводстве того времени формулировок, содержащих речевые обороты, призванные подчеркнуть публичный характер верховной власти. Обращаясь к Алексею Михайловичу, он уведомил царя, что присланный от московского двора стольник Федор Бутурлин «спрашивал его о здоровье», что, по словам законодателя, «в отписке своей писать непригоже и неостерегательно»³⁸⁴.

³⁸³ Там же. № 362: 592 (Сентября 15, 1664. – Об урезании языка Проньке Козулину, если по розыску окажется, что он назвал Демку Прокофьева Царем Ивашки Татарина).

³⁸⁴ ПСЗ I. № 485: 853 (Февраля 14, 1670. – Грамота с объявлением выговора Стольнику Бутурлину и Дьяку за неприличное выражение в отписке).

Отмечая, что в официальных документах следует придерживаться общепринятого стиля, свидетельствующего о милостивом отношении государя к своим служилым людям, составитель грамоты от царского имени возложил основную вину на воеводского дьяка, обязанного хорошо разбираться в подобных тонкостях. Таким образом, прагматический аспект законодательства о титулатуре, направленный на укрепление внешнеполитических позиций Российского государства, был усилен ужесточением юридической ответственности за намеренное и случайное пренебрежение его семантикой на внутригосударственном уровне. Постепенное вызревание данной тенденции в правотворчестве 60-70-х гг. XVII в. частично предопределило обращение законодателей последующего периода к разработке формальных критериев титулования применительно к делопроизводственной практике и дипломатической переписке.

Законодательные сюжеты, приведенные в качестве наиболее ярких примеров моделирования правовой политики первых Романовых в области нормативного закрепления мнемонической основы царского титула, позволяют сделать вывод об отсутствии в юридическом арсенале московских законодателей продуманной и цельной концепции государственного суверенитета. Тем не менее, высказанное некоторыми современными исследователями мнение о том, что отсутствие данного понятия в нормативно-правовых актах XVII в. не дает возможности говорить о наличии каких-либо признаков института суверена в российском законодательстве периода раннего Нового времени все же носит дискуссионный характер с позиций историко-правовой науки. Становление и развитие любой исторической сложившейся формы государства требует определенных волевых действий со стороны правительственной элиты, персонифицирующей институт государственной власти. Их эффективность напрямую зависит от степени самостоятельности ее властных правомочий как внутри государства, так и за его пределами. Когда Жан Боден ввел в теорию государственного права понятие «суверенитет» он лишь закрепил на вербальном уровне тот феномен, который юристы предшествующих поколений именовали независимостью короля в силу божественного происхождения его прерогатив. Под воздействием ряда культурно-исторических обстоятельств западный вариант «суверенитета» изначально развивался по пути моделирования архетипа «законной монархии». Схожие идеи высказывались и в некоторых российских политико-правовых концепциях XV–XVI вв., специфика которых, правда, нередко сводилась к отрицанию ведущей роли юридического закона в управлении государством и абсолютизации воли монарха.

В период правления первых Романовых легитимация верховной власти благодаря ее выборному характеру уже происходила на основе постепенной реабилитации принципа законности. Это предопределило повышенное внимание законодателя к вопросу о юридической составляющей правомочий монарха и, в целом, способствовало возникновению тенденции

к ограничению деспотической основы российского самодержавия. Тем не менее, XVIII в. в истории российского государства и права с некоторой долей условности можно оценивать как период господства «вотчинной» конструкции государства в официальном и частном правосознании, нашедшей свое отражение на уровне понятийного аппарата с его тягой к средневековой казуистичности.

В этих условиях большое значение для повышения социально-политического авторитета стала играть внешняя символика государственной власти, включая титулатуру. Ее вербальные конструкции разрабатывались с учетом потребности Российского государства в укреплении своего международного статуса и внутривластной стабильности, возникшей под воздействием комплекса факторов, опосредованных неблагоприятной внешнеполитической ситуацией и последствиями Смуты. Моделирование семантической основы внешних атрибутов государственной власти стало составной частью юридического дискурса эпохи правления первых Романовых, что, в конечном итоге, длительное время позволяло обходиться на законодательном уровне без абстрактных дефиниций понятия «самодержавие» и в дальнейшем способствовало введению словосочетания «неограниченная власть» в определение его юридической сущности.

Список источников и литературы

- Вульпиус 2010 – Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. – М.: НЛЮ, 2010. – С. 14–21.
- Марасинова 2004 – Марасинова Е. Н. Государственная идея в России первой четверти XVIII в. (К истории формирования понятий и терминов) // *Европейское Просвещение и цивилизация России* / Отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. – М.: Наука, 2004.
- Марасинова 2008 – Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века / Отв. ред. Л. В. Милов. – М.: Наука, 2008.
- Марасинова 2012 – Марасинова Е. Н. Закон в России второй половины XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода / Ред. А. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле. – М.: НЛЮ, 2012. – Т. 1.
- ПСЗ I – Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1917. – Собр. I. – Т. 1.

- Строев, Коркунов 1841 – Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссиею. Т. 3. 1613–1645 / ред. С. Строев, М. Коркунов. – СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841.
- Тарановский 2004 – Тарановский Ф. В. История русского права. – М.: Зерцало, 2004.
- Успенский 2000 – Успенский Б. А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. – М.: Языки русской культуры, 2000.

Elena S. Sokolova

**SEMANTIC MODEL OF THE ROYAL TITLE
IN THE LEGISLATIVE OF FIRST ROMANOV
(20–70th OF THE XVII CENTURY)**

The article is devoted to the identification of key areas of legislative policy of the first Romanovs in the modeling of the politico-legal semantics royal title. The author comes to the conclusion that there is no pre-Petrine Russia in the XVII century solid theoretical framework of the practice of titles, conducive to its consistent use as a legal guarantee of strengthening state sovereignty.

Key words: autocracy; the royal title; political and legal semantics; legislation; first Romanovs; international law; clerical practice; state sovereignty; legal discourse.

2. Историческая биография в символическом пространстве

Код ВАК 07.00.03

Св. Х. Глушкова

Ш.-М. ТАЛЕЙРАН И РЕСТАВРАЦИЯ БУРБОНОВ В 1814 Г.

В статье анализируются обстоятельства первой реставрации Бурбонов во Франции. Автор указывает на то, что в 1814 г. Бурбоны не были знакомы большинству французов и они не пользовались уважением в среде союзников, победителей Наполеона. В этой ситуации ключевой фигурой оказался Ш.-М. Талейран, который аргументировал теоретически и сумел осуществить на практике реставрацию старой династии. Он оказался единственным высшим функционером в Париже, которого Александр I и союзники знали хорошо; его позиция и деятельность сыграли ключевую роль в возвращении Бурбонов на французский престол.

Ключевые слова: Франция; Первая реставрация Бурбонов; Ш.-М. Талейран; Людовик XVIII.

Монтаньяры верили, что после казни Людовика XVI на гильотине Франция окончательно рассталась с властью королей. Для них приговор королю в начале 1793 г. означал укрепление республики. В своем выступлении перед Конвентом Б. Барер заявил: «Республики рождаются только в усилиях; уничтожив веру в божественную природу королевской власти, мы должны быть готовы к борьбе с европейскими правительствами»³⁸⁵. Нотабли, установившие консервативную республику в годы Конвента и Директории, также были убеждены, что сохранение приобретений революции несовместимо с реставрацией монархии. Адвокат из Дуэ Филипп Мерлен, являющийся в 1794 г. президентом Конвента, говорил членам польской делегации: «Король, даже закованный в цепи,

Глушкова Светла Христова, ассистент кафедры новой и новейшей истории Велико-Тырновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия (Республика Болгария, 5 003, г. Велико-Тырново, ул. им. Теодосия Тырновского 2).

Glushkova Svetla, assistant of the Department of Modern and Current History of St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo (Bulgaria, 5003, Veliko Turnovo, T. Turnovski Street, 2).

Телефон/Phone: +7 (00-359-62) 62-80-25. Электронная почта/E-mail: svetglushkova@abv.bg.

³⁸⁵ Собуль 1974: 34.

является угрозой для свободы, и поэтому, так как тигров и леопардов никоим образом нельзя приручить, то любой, кто прощает им, есть враг человеческому роду»³⁸⁶.

В годы Первой республики буржуа сместили аристократов в государственных и общественных институтах. В результате эмиграции или арестов исчезла старая аристократия, связанная с льготами и феодальными правами. Профессор Ж. Тюлар нотаблями называет тех разбогатевших буржуа, которые при помощи сделок на грани закона, рискованных финансовых операций, поставками армии и покупками национального имущества сколотили состояния сомнительного происхождения. Этот известный исследователь Революции и Империи считает нотаблями также тех аристократов, которым удалось избежать якобинского террора и конфискации, и которые также разбогатели на покупке крестьянами земель. Они были облагодетельствованы успешными войнами Бонапарта, открывшими им новые рынки и защитившими от конкуренции англичан; они зарабатывали на стабильных арендных платежах и мечтали только об общественной безопасности и прочной защите своей частной собственности³⁸⁷.

Именно такие гарантии давали организаторы военного переворота 18 брюмера и три консула, пришедшие в его результате к власти. Только они были в состоянии восстановить общественный порядок и удовлетворить ожидания «нации». В те дни создавалась иллюзия того, что Консульство представляет собой коллегиальную власть. Это был первый вариант легитимности власти Бонапарта, которую некоторые авторы называют «физической», другие – «материальной». Но оказалась хрупкой, так как была подчинена конъюнктуре. Этот вариант организации власти функционировал примерно до избрания генерала Бонапарта пожизненным консулом. Эта власть гарантировала мир со всеми соседями, устанавливала религиозную терпимость, стимулировала экономику, восстанавливала всеобщее избирательное право, которому был придан фиктивный характер. Подобные нововведения дали основание Бонапарту обосновать законность своей власти формулой «суверенитет принадлежит французскому народу в том смысле, что все, без исключений, должно быть сделано для его счастья и славы»³⁸⁸.

³⁸⁶ Филипп Антуан, называвшийся Мерлен Дуэ, проголосовал за смертную казнь короля Людовика XVI. Он являлся автором закона о подозрительных от 17 сентября 1793 г., членом Директории, главным прокурором Империи, а после реставрации Бурбонов в 1830 г. – иммигрант (Tulard, Fayard, Fierro 1987: 982–983; Jessenne 2011: 241).

³⁸⁷ Tulard 1985: 214; Soboul 1983: 424–432.

³⁸⁸ Lenz 1987: 187–188.

Бонапарт понимал, что таким постулатом нельзя долго обосновывать свою власть, поэтому он поддерживал ее ссылками на суверенитет народа при помощи плебисцитов 1802 и 1804 г. По его мнению, эти плебисциты представляли собой важное средство выявления желаний нации о том, кому и в какой форме следует предоставить правление. Известно, что в этих плебисцитах правом голоса обладал только определенный круг граждан, а их результаты подвергались грубым манипуляциям. Указанный факт дал основание французскому историку Ф. Блюшу сделать категорическое обобщение: «Бонапарт стал единственным представителем народа, но народа, на самом деле лишеного суверенитета и содействовавшего своему собственному ограблению»³⁸⁹. Провозглашая Первую империю в 1804 г., Наполеон призвал «к договору» между им самим и нацией, что означало иную форму легитимности, ничем не отличающуюся от легитимности «старого режима».

Он стал императором «благодаря Богу». В присутствии папы и с рукой на Евангелии он прочитал торжественную присягу: «Клянусь охранять целостность территории Республики..., управлять единственно в интересах, на счастье и славу французского народа»³⁹⁰. Объективно он легитимировал свою власть тремя формами одновременно: силой, как это происходит при диктаторских режимах, благоволением Бога, как принято в традиционных монархиях, и, наконец, суверенитетом нации. В конце 1808 г. Наполеон получил возможность объявить публично свое представление о собственной легитимности после того, как его супруга Жозефина наивно заявила депутатам: «Мы пришли к выводу, что Законодательный корпус представляет нацию». Несколько дней спустя офизиозная газета «Монитор» опровергла ее анонимной статьей: «Первым представителем Нации является Император, так как его власть происходит от Бога и Нации». Всем было ясно, кто автор статьи³⁹¹. Агония Республики и объявление Империи стали завершением эволюции, прикрываемой политической фразеологией. Лишь с 1809 г. термин «Республика» уже отсутствует на монетах.

Надежда Наполеона на то, что с рождением у него сына будет создана новая династия, оказалась иллюзорной. Он привлек аристократов к управлению и облегчил их примирение с управлением нотаблей, но для Европы и ее владетелей он оставался олицетворением революции, хотя и с

³⁸⁹ «После возобновления войны в 1803 г. и провозглашения империи в 1804 г. государственная система Наполеона никогда не могла полностью стабилизироваться, однако он сам был настойчив в продвижении в сторону сильного монархического деспотизма», – утверждал профессор А. Собоуль (Soboul 1983: 69; Lenz 1987: 187).

³⁹⁰ Собоуль 1974: 358; Auger, Garnier, Rollin 2008: 126; Bluche 1980; Soboul 1983: 50.

³⁹¹ Lenz 1987: 188.

коронаой. Французский император писал императору Австрии, являющемуся его тестем, «*Mon cher Frere et Beau-Pere*», но сам понимал, что для старой Европы он – узурпатор. Создавалось впечатление, что Наполеон сильной рукой властвует над 130 департаментами и над огромной Империей, но после попытки переворота, осуществленной генералом К.-Ф. Мале, стало ясно, насколько хрупок и ненадежен весь этот фасад институтов. Когда президент трибунала спрашивал арестованного генерала Мале: «Кто Ваши соучастники?», тот ответил: «Все, даже Вы, если бы мне удалось»³⁹². У генерала Мале были полные основания утверждать это, так как разочарование, усталость и недовольство длительными войнами уже овладели нацией. После Ваграма Наполеон перестал собственно говоря служить Франции, потерял чувство меры и начал исключительно предаваться только своим амбициям побеждать. Для того чтобы укреплять систему институтов, им созданных, ему теперь безостановочно были нужны победы, и он к ним «пристрастился».

Франция воевала беспрерывно более 10 лет – с 20 мая 1803 г. до начала апреля 1814 г. Длительные войны угрожали и достижениям революции: равенству граждан перед законом, религиозной терпимости, человеческим свободам, и ввергли монархический режим в полосу тяжелых испытаний. Континентальная блокада становится нестерпимой для Европы, а сама Франция не смогла бы теперь на длительный период оставаться одновременно и великой военной, и индустриальной державой. Кризис 1810 г. привел к значительному повышению налогов, оттолкнул от режима Наполеона целые общественные группы, и реставрация монархии многим казалась обещанием мира, равновесия и порядка. С начала 1814 г. усталость нации была уже хорошо заметна; она выражалась в массовом уклонении юношей от призыва в армию, оппозиции католиков из-за унижения папы, в усилившейся роялистской агитации в южной Франции, в увеличивающейся безработице. Нация больше не могла рассчитывать на военный гений императора.

«Весной 1813 года, – пишет в своем объемном труде Франсуа Фюре, – стало понятно, что между Наполеоном и Европой не существует ни малейшей возможности воображаемого компромисса. Наполеон не смог бы управлять, даже во Франции, без новой победы; за пределами Франции ни Европа королей, ни Европа народов не хотели бы даже незначительных территориальных изменений. Вот почему австрийское посредничество, предлагавшее возвращение к Люневильскому договору, не имело шансов на успех ни у одной стороны, ни у другой стороны...»³⁹³ Победы Наполеона стали уже не столь убедительными, как прежде, его армии все

³⁹² Furet 1988: 264; Chevallier, Conac 1991: 99.

³⁹³ Furet 1988: 266.

чаще отступали, а он продолжал настаивать на границах 1812 г., которые союзники не только не принимали, но и при каждом продвижении к Парижу увеличивали свои претензии и отказывались от идеи о естественных границах Франции – реке Рейну, Альпам и Пиренеям³⁹⁴. Наполеон чересчур надеялся на Национальную гвардию, задумывал вооружить крестьян на восточной границе, но маршалы один за другим стали изменять ему, расценивая дальнейшее сопротивление как авантюру.

Роялисты не признавали претензии Наполеона на легитимность основательными. Для них его деспотический режим представлял личное творение, без какой бы то ни было исторической традиции, основанной на произволе и амбициях одного человека³⁹⁵. Не хватало легитимности и его братьям – Луи (Людовику) в Голландии, Жозефу (Хосе, Иосифу) в Испании, Жерому в Вестфалии, а также его сестре и ее супругу Мюрату в Неаполе. Курьезен тот факт, что, начиная с 1807 г., одним из самых отъявленных противников Наполеона был министр иностранных дел Талейран. Они вдвоем – император и министр иностранных дел – задумали и успешно осуществили несколько крупных инициатив: экспедицию в Египет, переворот 18 брюмера и устранение Консульства, конкордат с папой, провозглашение Первой империи. Наполеон и Талейран встречались почти каждый день, обсуждали щекотливые миссии, условия мирных переговоров, вместе обговаривали продажу Луизианы США. После крупных побед под Аустерлицем и Йеной Талейран разработал мирную программу, основывающуюся на возможном союзе с Австрией и осуществимую великодушием и умеренностью.

С этого момента в отношениях между Наполеоном и Талейраном началось охлаждение, приведшее в 1807 г. к отставке последнего. Подчеркнуто лстивыми фразами и письменными декларациями он пытался убедить Наполеона в том, что длительные и беспрестанные войны истощают ресурсы нации и обостряют отношения Парижа с крупными европейскими государствами. «Если я начинаю говорить о сдержанности, он всегда подозревает меня в измене», – признавался Талейран в приватном разговоре. И он сознательно пошел на измену – на встрече в Эрфурте в сентябре 1808 г. он начал настраивать изумленного российского императора против Наполеона и за солидную оплату стал передавать сведения российской дипломатии. Таким же образом талантливый бывший министр поставил себя в услужение и австрийцам. Талейран не одобрял военный переворот генерала Мале и его намерение свергнуть империю. Но

³⁹⁴ Во время мирных переговоров летом 1813 г. в Праге союзники дали согласие на возвращение Франции к естественным границам, но затем в Шатийоне стали настаивать на возвращении к границам 1792 г. (Внешняя политика 1970: 343–344; 569; Villepin 2008).

³⁹⁵ Furet 1988: 264; Bertaud 2009.

доверенным единомышленникам он категорически заявлял: «Убрать Наполеона. Не важно, каким образом. Этот человек уже не может принести никакой пользы... Пришло время от него избавиться!»³⁹⁶

Наполеон подозревая Талейрана в том, что он строит интриги, предупреждал Марию-Луизу, чтобы она не доверяла ему и жалел, что не взял его со своим штабом в Россию. На одной из встреч с талейраном император предупредил его: «Если я даже смертельно заболею, то Вы умерете раньше меня», на что Талейран хладнокровно заверил: «...Сир, я не нуждался в Вашем предупреждении, чтобы молить Небеса за здоровье Вашего Величества». Коварный великий вице-электор знал, что у него в распоряжении всего два средства противодействия против могучего императора – притворство и хитрость. Он постоянно льстил ему, на приеме унижался и целовал ему руку, написал ему угодническое письмо, продолжая тем временем тайно предоставлять информацию Австрии и России³⁹⁷. Талейран усердно работал на поражение Наполеона в надежде, что сможет предотвратить катастрофу Франции. Вынужденный силою обстоятельств, 18 ноября 1813 года Наполеон пригласил Талейрана вновь занять пост министра иностранных дел, но тот не согласился. В своих воспоминаниях Талейран писал себе в оправдание так: «Зачем спасать человека, от которого Франция хочет избавиться?»³⁹⁸

Талейран обладал талантом оценивать трезво развитие событий, и после «битвы народов» под Лейпцигом он констатировал, что Наполеон уже одинокий «кораблекрушенец», находящийся в изоляции и без реальных перспектив на спасение. Привыкший к активному участию в политической жизни Франции на протяжении четверти века, он лихорадочно продолжал искать возможные варианты свержения императора и был уверен, что корсиканец сам ускоряет свою гибель. В своих воспоминаниях он писал: «Наполеон сам заговорничал против самого себя, и я могу доказать истинную точность данного факта, так как достоверно, что до последней минуты, предшествующей его гибели, только от него зависело его спасение... Он мог сделать это в 1812 г., заключив общий мир, который консолидировал бы навсегда его могущество; в 1813 г. в Праге он мог бы получить условия, пусть и не такие замечательные, как в 1812 г., но по крайней мере вполне приемлемые; и даже в конце, на

³⁹⁶ Лодей 2009: 339.

³⁹⁷ Лодей 2009: 339. 15 сентября 1810 г. Талейран просил у русского царя передать ему 1,5 млн франков. Александр сохранил это письмо, но не заплатил требуемой суммы на том основании, что она останется конфиденциальной (Лодей 2009: 323–324). «Мне крайне нужны 1,5 млн франков, и очень важно получить их в ноябре», – говорилось в письме. Он хотел также получить 400 тыс. франков от австрийцев, которые также не оказались столь щедрыми (Борисов 1989: 246–242).

³⁹⁸ Mémoires 2007: 412.

Шатильонском конгрессе в 1814 г., если бы он сумел сделать уместные уступки, он смог бы обеспечить достойный мир для Франции...»³⁹⁹ Эти слова достаточно точно отражают реальную ситуацию, и с ними нельзя не согласиться.

С поздней осени 1813 г. Талейран все чаще считает разумным содействовать возвращению Бурбонов на трон. В отношении подобного плане его усердно уговаривали роялисты, связанные с нелегальной католической организацией «Рыцари веры» (Chevaliers de la foi), поставившей себе целью реставрацию монархии. Организация была создана в 1810 г. сторонниками Бурбонов, считавшими, что революция 1789 г. была результатом заговора масонов. Чтобы восстановить королевскую власть, они договорились пользоваться аналогичными средствами. Конспиративный характер указанной структуры, ее изолированность и запрет, наложенный на ее членов не пользоваться какими бы то ни было печатными текстами, не дают возможности оценить реально ее роль в реставрации Бурбонов. Влияние этих «рыцарей» ощущалось только в Бордо, Тулузе и Париже, и заключалось в распространении слухов о неудачах на фронтах, о кризисе и унижении папы. Самой значимой ее акцией осталось объявление в Бордо 12 марта 1814 г. Франции монархией, что произвело впечатление на министра иностранных дел Австрии К. Меттерниха и английского фельдмаршала А. Уэлсли, герцога Веллингтона Уелесли⁴⁰⁰.

Талейран долгое время относился скептически к реставрации Бурбонов, и у него были совершенно личные причины для такого поведения. В годы Консульства он сознательно настраивал Бонапарта против Бурбонов, и ему принадлежала решающая роль в том, что их родственник герцог Энгиенский был приговорен к смерти. П. Баррас, один из влиятельных директоров до 1799 г., обвинял его в желании прочно рассорить первого консула и Бурбонов, проложив «крававую реку между ними». Такого мнения придерживался и Стендаль, который писал: «Талейран без устали внушал Наполеону, что тот может быть спокойным за свою династию только после уничтожения Бурбонов»⁴⁰¹. С тех пор прошло десять лет, французское общество забыло о старой династии, а прямолинейность никогда не была приемлемым подходом при принятии решений Талейраном. Для него самым значимым обстоятельством было то, что Бурбоны уже забыты и незнакомы для Франции, и поэтому следовало бы очень умело мотивировать необходимость их возвращения на французский трон. Печальные решения последнего совета регентов,

³⁹⁹ Ibid: 414.

⁴⁰⁰ Sauvigny Berthier 1987: 435–436.

⁴⁰¹ Манфред 1978: 184.

проведенного 28 марта при участии Талейрана в качестве великого вице-электора, подтолкнули его поспешить. Отъезд императорской семьи отразился негативным образом на моральном духе парижан, и столица оказалась практически незащищенной от союзников⁴⁰².

Ощувив реальную возможность вновь оказаться в центре политических событий, Талейран обдумывал варианты будущего Франции без Наполеона. Идею об естественных и защитимых границах страны он сформулировал еще в 1808 г. во время своих тайных встреч с русским царем в Эрфурте. Бывший министр иностранных дел рассматривал эти границы как результат завоеваний французского народа, а все присоединенные во время Первой империи провинции – как дело Наполеона, на нерушимости которых Франция не настаивает. Такую концепцию позже он отстаивал на Венском конгрессе, а впоследствии – и на других международных форумах. Выяснив для себя проблему национальной территории, Талейран занялся намного более сложным казусом – обоснованием перед нацией, иностранными владетелями и Европой необходимости в легальной замене деспотического режима императора. В своих воспоминаниях он считал нужным опровергнуть обвинения в том, что заговорничал против него, и исповедовался: «Я любил Наполеона, даже чувствовал привязанность к его личности, несмотря на его недостатки; в начале его возвышения я чувствовал себя привлеченным к нему той непреодолимой обаятельностью, которой великий гений обладает, его благодеяния вызывали во мне искреннюю признательность. Зачем бояться признания?»⁴⁰³

Великий вице-электор Первой империи заявлял, что служил императору «просвещенной преданностью» (*dévouement éclairé*). Потом, однако, начался разрыв. «В ту эпоху, когда он умел выслушивать правду, я ее ему лояльно высказывал. Я говорил ему правду даже позже, когда надо было прибегать к особым мерам, чтобы она до него дошла; немилость, которой я заплатил за свою откровенность, дает мне оправдание перед собственной совестью в том, что я отстранился сначала от его политики, а затем, когда он уже стал представлять опасность для судеб моего отечества, и от него лично». Для Талейрана Первая империя не могла бы существовать далее, так как могла бы превратить Францию в арену анархии. Он стал категорическим противником не только Наполеона, который, по его словам, «толкает Францию в пропасть», но настаивал и на устраниении от трона

⁴⁰² Jessenne 2011: 236; Furet 1988: 276. 30 марта 1814 г. Талейран встретился с маршалом Мармоном. Есть авторы, которые утверждают, что тогда и была подготовлена измена (Борисов 1989: 260).

⁴⁰³ Mémoires 2007: 414.

членов его семьи. По-видимому, следовало искать иные варианты, приемлемые как для нации, так и для Европы.

От великой герцогини Стефании Баденской Талейран узнал о амбициях маршала Ж.-Б. Бернадота, с 1810 г. Ставшего кронпринцем Швеции, занять французский престол, а также о намерениях русского царя в отношении Евгения Богарне, сына Жозефины от первого брака. По Парижу прошел слух, что Жозеф Фуше плетет нити заговора с сестрой Наполеона Каролиной и ее супругом маршалом И. Мюратом, королем Неаполя. Для Талейрана все эти кандидатуры были неприемлемы: если дать шанс Бернадоту, в качестве шведского престолонаследника принявшему имя Карла Юхана, означало вовлечь страну в новый виток революции. Евгений мог бы получить поддержку армии, но она теперь была повержена. У родственника Бурбонов Луи-Филиппа, герцога Орлеанского, в то время было не много сторонников во Франции, но он все же был популярнее Людовика XVIII. Часть французов опасалась, что он станет узурпатором, как и Наполеон; для других на его отца лежала серьезная вина в девальвации идеи равенства в годы революции⁴⁰⁴. Эти свои выводы Талейран обосновал на своей первой встрече с Александром, чтобы убедить его в том, что самый приемлемый вариант нового режима – реставрация Бурбонов.

Обдумывая проблемы преемственности, Талейран исключил возможность узурпации власти. Для него важнейшим требованием к новому правлению был его легитимный характер, так как только законность, по его мнению, давала право на власть. Приступая к теоретическому обоснованию перехода, он сформулировал классические концепции легитимности в управлении, свидетельствующие о его гениальности. В своих воспоминаниях он писал: «Главная потребность Европы, ее основной интерес состоит в том, чтобы устранить доктрины узурпации и восстановить принцип легитимности, как единственное средство лечения от всех бед»⁴⁰⁵. Логика его утверждений обладала четкой ориентацией: если корона узурпирована и нарушен принцип легитимности, корону нужно вернуть тому, кому она принадлежит, или его наследникам. «Монархическое управление в большей степени, чем любой другой режим, – констатировал Талейран, – гарантирует сохранение и вечность государства».

⁴⁰⁴ Отец Луи-Филиппа Иосиф, называемый Филипп Эгалите (1747–1793), был прямым потомком брата Короля- Солнце. Он наследовал большое состояние и стал одним из самых богатых людей во Франции. Он был депутатом Генеральных штатов и, не колеблясь, голосовал за смертный приговор в отношении своего двоюродного брата. Этот жест вызвал неодобрение якобинцев, особенно Робеспьера, который посчитал его демагогом. Гильотинирован во время террора (Tulard, Fayard, Fierro 1987: 1010–1011).

⁴⁰⁵ Mémoires 2007: 426.

Специалисты по конституционному праву считают его определение законности в системе государственного управления хорошо аргументированным. Имея в виду легитимность, Талейран заявлял: «Этот принцип... единственное средство сохранения могущества королей и их физической безопасности; он, в первую очередь, необходимый элемент спокойствия и счастья народов, прочная гарантия, или, вернее, единственная, их силы и их долговечности. Легитимность королевской власти, или, лучше сказать, правительства, представляет защитный оплот для народов, почему она и должна быть священна. Во избежание сомнений в узурпации, необходимо, чтобы у легитимного управления была своя история». «Я имею в виду легитимность власти вообще, – утверждал Талейран, – любую ее форму, а не только власть королей... Легитимным управлением, будь оно монархическим или республиканским, наследственным или выборным, аристократическим или демократическим, всегда является то, чье существование, форма и методы действия консолидированы и освящены длительной преемственностью во времени и, добавлю, вековым предписанием. Легитимность верховной власти проистекает из старинной длительности притяжения»⁴⁰⁶.

С учетом всех этих моментов, по мнению Талейрана, у регентства Марии-Луизы не было ни исторических, ни законных оснований. Сдержанная от природы, изолированная в узком кругу придворных дам, императрица не проявляла ни сильного характера, ни политических амбиций. Идею регентства поддерживала только Австрия, которая включилась в коалицию против Наполеона относительно поздно и у которой не было достаточно сильных позиций, чтобы утвердить его. Этот факт дал Талейрану основание заявить, что лучше всего, чтобы на трон вернулись Бурбоны, и была бы создана конституционная монархия по английскому образцу. Будучи достаточно убедительным, он ссылаясь на Н. Макиавелли, чтобы убедить, что игнорирование легитимности приведет к гражданской войне. «В зависимости от вида управления нарушение принципа легитимности может привести к различному эффекту. В наследственной монархии этот принцип неразрывно связан с личностью членов управляющей династии; для нее он может исчезнуть только со смертью всех ее членов. Вот почему Макиавелли в своей книге «Князь» утверждает: «Узурпатор не смог бы утвердить надежно свое могущество, если бы он не отнял жизни всех членов династии, управляющей законом». Именно поэтому Революция хотела кровь всех Бурбонов...»⁴⁰⁷.

Логично поставить вопрос: кому Бурбоны были обязаны своим возвращением на трон? В любом случае, не самим себе и не проявленной

⁴⁰⁶ Mémoires 2007: 427.

⁴⁰⁷ Ibidem; Борисов 1989: 259.

пассивности в начале 1814 г. Незнакомые огромному большинству французов, члены королевской семьи не пользовались и уважением в среде союзников. Когда войска союзников ворвались на французскую территорию, растолстевший и больной подагрой Людовик XVIII продолжал жить в Англии. Его брат граф д'Артуа приехал в Швейцарию, пытаясь установить контакт с владельцами, но получил от них холодные ответы. Во время своей секретной миссии в марте 1814 г., осуществленной по идее Талейрана, барон де Витроль, секретарь Королевского совета, встретился с министром иностранных дел Австрии К. Меттернихом, от которого узнал, что союзники хотят другого владельца во Франции, и что невозможно думать в этом плане о Бурбонах из-за личности принцев этой семьи⁴⁰⁸.

Де Витроль был преданным Бурбонам роялистом, поэтому настоятельно умолял влиятельного русского дипломата К.В. Нессельроде организовать ему встречу с Александром I. Встреча состоялась 17 марта. Русский царь изложил ему то же мнение и заявил о намерении провести консультации о желании самих французов, не исключая возможности учреждения консервативной республики. «Император обосновывает подробнее, чем министры, невозможность думать о Бурбонах», – писал в своих воспоминаниях Талейран, узнав подробности встречи лично от своего посланца де Витроля. Австрийский император Франц ограничился лишь уведомлением о том, что уезжает в Дижон и предоставляет решение данной проблемы русскому царю и королю Пруссии. Меттерниху тоже не удалось вмешаться, так как он был озабочен скорее личной безопасностью императрицы Марии-Луизы и ее сына. Вопрос о власти и сущности политического режима решался не французами, а союзниками, среди которых не было единодушия, они оставались разьединенными, соблюдая собственные интересы. «Не отступая от своих либеральных идей, Александр вступил в Париж без четкого представления о том, кто мог бы заменить Наполеона», – констатирует французский историк Франсуа Фюре⁴⁰⁹. Удачный и точный ответ нашел Ф.З. де Шатобриан: «Настоящей силой, вернувшей ему скипетр, была непоколебимая вера Людовика XVIII в свой титул».

И все же решение было принято в Париже. Единственным сильным аргументом королевской семьи было то, что она «существует» и «в распоряжении». Сына графа д'Артуа, герцога Ангулемского, одетого в английскую форму, встретили в Бордо вместе с армией Веллингтона акламациями. Но этого было недостаточно. Тот факт, что Наполеон побежден, вовсе не означал, что именно Бурбоны вернутся на престол.

⁴⁰⁸ Mémoires 2007: 422; Ardisson 1986: 109–111. Автор этой монографии обнаруживает явную симпатию к монархии. Он пишет, что «Никто во Франции не знал, кто такой Людовик XVIII».

⁴⁰⁹ Черкасов 1991: 282; Furet 1988: 273.

Однако в Париже у них был авторитетный и ловкий союзник, который аргументировал теоретически и сумел осуществить на практике реставрацию старой династии. В одном из своих докладов в качестве австрийского посла в Париже Меттерних сообщал в Вену в 1809 г.: «Талейран не будет провоцировать катастрофу, но обеими руками ухватится за нее, как только она возникнет». Пять лет спустя эта констатация оказалась удивительно точной. Каузе Бурбонов в некоторой степени способствовала также военная обстановка. Талейран оказался единственным высшим функционером в Париже, которого союзники знали хорошо. Он тайно снабжал информацией и Нессельроде, и Меттерниха, провел много встреч во время их пребывания дипломатами в Париже, поощрял их противодействовать Наполеону, и при этом его услуги шпиона крупнейшего масштаба щедро оплачивались. В дипломатической корреспонденции России и Австрии, поступившей из Парижа, сохранились десятки писем, подписанных его кодовыми инициалами. Позже он заявлял, что таким образом он служил французским интересам.

Рано утром 31 марта 1814 г. в сопровождении только одного казака Нессельроде приехал в его дом на улице Сен-Флорентен. Не ожидавший этого Талейран, еще не закончивший свой утренний туалет, по словам гостя, «осыпал его пудрой с головы до ног», когда обнимал его. В этом доме, на первом этаже которого разместился Александр, а на втором – сопровождавшие его дипломаты, в последующие дни были приняты судьбоносные для французской нации решения. Хозяину и его многочисленной прислуге остался чердачный этаж. Солидная репутация Талейрана, а также распространявшиеся по Парижу слухи, что Елисейский дворец заминирован, облегчили получение согласия царя остановиться в основательном частном доме, построенном в начале XVIII в. для королевского министра. Еще на первой встрече Александра с Талейраном, состоявшейся после торжественного обхода союзных армий и их монархов центральных улиц французской столицы, царь поинтересовался мнением вице-электора о будущем управлении страны⁴¹⁰.

«Вот мы и в вашем славном, прекрасном Париже, – завел разговор Александр и добавил, желая польстить собеседнику. – Вы, г-н Талейран, привели нас сюда. У нас есть три варианта: договориться с Наполеоном, установить регентство или вернуть Бурбонов». Талейран быстро исправил его: «У нас не три варианта, а всего лишь один – последний». Потом он хладнокровно ознакомил его со своей идеей не допустить узурпации, введя принцип легитимности, пугал его возможностью гражданской войны и уговаривал его не продолжать дальшие переговоры с корсиканцем. Что

⁴¹⁰ Лодей 2009: 259; Внешняя политика 1970: 790; Mémoires 2007: 428–429. Сейчас в этом здании располагается посольство США в Париже.

касается Марии-Луизы, Талейран проинформировал, что все члены регентского совета, в том числе он сам, на проведенном 28 марта бурном заседании настаивали, чтобы она осталась в Париже. Единственно Жозеф, брат Наполеона, в качестве его наместника потребовал, чтобы в целях безопасности она уехала на юг, за пределы столицы. Для регентов выезд из Парижа означал потерю императрицей короны. В таком случае дискуссия о регентстве становилась бессмысленной.

Пришел момент, когда Талейрану надо было аргументировать свое предложение о реставрации династии Бурбонов, принимаемое царем не без оговорок. Талейрану пришлось напомнить, что он ни в коем случае не подразумевает восстановление феодальных прав, сословий и привилегий, как и всей абсурдной налоговой системы. По его мнению, третье сословие не могло бы допустить потерю завоеваний республики. Французы отказались бы от Наполеона, но не и от принципов 1789 г. С другой стороны, Европа, занявшая своими войсками территорию Франции, предъявляла требования разоружения страны, восстановления старых границ и получения гарантий прочности мира. В силу своей легитимности, подобные гарантии могла бы дать только династия Бурбонов, и только она смогла бы убедить победителей вывести свои войска из Франции. «С Бурбонами, – утверждал Талейран, – Франция перестанет быть необъятной, чтобы вновь стать великой»⁴¹¹. И наконец, только Бурбоны, по его мнению, в эти дни смогли бы предотвратить возможное разделение страны⁴¹².

31 марта Талейран устроил в своем доме прием, на который были приглашены российский император Александр, король Пруссии Фридрих-Вильгельм и австрийский фельдмаршал Шварценберг, а также несколько русских дипломатов. Хозяин в очередной раз заверил их, что нация отдает предпочтение монархии и что «Франция охотно примет Бурбонов». Они договорились об обнародовании короткой Декларации, которую от имени победителей подписал русский царь. В ней сообщалось о том, что союзники больше не будут вести переговоры с Наполеоном и членами его семьи, о созыве Сената, который должен выбрать Временное правительство, задача которого – подготовить конституцию⁴¹³. 1 апреля 1814 г. из всех 144 членов Сената собралось всего лишь 64, выбравших четырех министров монархических взглядов и Талейрана первым министром. Все они – его

⁴¹¹ Лодей 2009: 361.

⁴¹² Tulard 1985: 273; Mémoires 2007: 425.

⁴¹³ Внешняя политика 1970: 629, 790; Кастело 2010: 365. А. Кастело, эрудированный французский историк и автор биографии Талейрана, считает, что последний использовал свое недолгое пребывание на посту главы правительства в личных целях. Он отправил доверенного слугу в имперский архив, дабы тот уничтожил все те документы, которые могли бы его скомпрометировать. Сотрудники архива не смогли предотвратить уничтожение этих документов.

единомышленники, не случайно их в шутку называли «клубом Талейрана по висту». 2 апреля Сенат проголосовал за свержение Наполеона и освободил солдат от присяги верности ему. В официозной газете „Монитор” Талейран полностью разграничился со сверженным императором и заверил французских солдат, что они ничем не обязаны Наполеону после того, как он разорил Францию и опозорил ее перед миром. «Вы больше не служите Наполеону, Сенат и Франция освобождают Вас от присяги». Временный первый министр позволил себе написать: «Он даже не является французом»⁴¹⁴. Эта публикация привела к некоторым результатам, так как в разных местах на территории Франции военные действия еще продолжались.

После ухода в Фонтенбло Наполеон потерял возможность контроля над событиями. Глубоко разочарованный изменой всех приближенных, он отправил двух маршалов Нея и Макдональда, а также Коленкура к Александру с задачей защитить интересы его сына. Маршалы и генералы уговорили Наполеона отречься в пользу своего сына и 4 апреля сообщили об этом решении русскому царю, выразившему, в свою очередь, готовность принять регенство, дабы избежать осложнения событий. В ходе разговора Александр узнал о измене Мармона, чья армия защищала подступы к Фонтенбло, и выдвинул требование о безусловного отречения, обещав, что предоставит Наполеону в пожизненное владение остров Эльбу и сохранит ему титул императора. 6 апреля Наполеон подписал этот документ, после чего сделал неуспешную попытку покончить с собой, наконец, 20 апреля трогательно попрощался с императорской гвардией и отправился к острову Эльбе⁴¹⁵.

Сенаторы поспешно подготовили конституцию, совершенно очевидно задуманную в интересах ее авторов, в том числе Талейрана. 6 апреля в Сенате было принято решение «Луи-Станисласа-Ксавье Французского» (а не Людовика XVIII) «пригласить свободно на трон», если он даст присягу соблюдать конституцию. «Следует признать, – писал Талейран, – что император Александр был поражен, когда увидел имена сенаторов, поддерживающих династию Бурбонов, так как большинство их в

⁴¹⁴ Кастело 2010: 365.

⁴¹⁵ Наполеон отправился на остров Эльба в сопровождении трех старших офицеров, которые были представителями союзников. Южная Франция была очень враждебна настроена по отношению к свергнутому императору и Наполеону пришлось надеть куртку австрийского офицера, чтобы не быть узнанным. Примечательно сообщение генерала Павла Шувалова, отправленного для успешного исполнения миссии, русскому царю, которое заканчивалось пророческими словами: «... этот человек (Наполеон – С. Г.) не отказался от своих проектов. Он имеет поклонников во Франции и в Италии, они будут работать на него, и он надеется, что через некоторое время французы призовут его обратно» (Внешняя политика 1970: 660–661).

свое время проголосовали за смерть Людовика XVI»⁴¹⁶. Они надеялись на толерантность и призывали к установлению конституционной монархии. Возвращение нового короля во Францию откладывалось из-за приступов подагры. 12 апреля в Париж прибыл его брат граф д'Артуа, которому Сенат предоставил титул «наместника короля». Талейран, который знал об архаизме мышления обоих братьев, в данном случае вмешался, подготовив заранее текст приветствия королевской особы парижанам. Его заключительные слова приветствия оказались приемлемыми для них и стали популярными: «Во Франции ничего не изменилось – стало на одного француза больше»⁴¹⁷.

Людовик XVIII прибыл в порт Кале 24 апреля после 23 лет эмиграции. Взволнованный, преисполненный сентиментальных чувств, он заявил: «Небо возвращает меня к моим детям. Небо возвращает мне моих детей». Потом 60-летний французский король дал волю своим симпатиям к Англии и благодарности англичанам словами: «После Бога своим возвращением на престол я обязан регенту Англии». 2 мая в местечке Сент Уэн, недалеко от Парижа, он принял маршалов Наполеона, а потом Талейрана и русского царя. В декларации, внушенной ему Александром, новый французский король обещал Конституционную хартию, которую месяц спустя «даровал» своим подданным. 3 мая Людовик XVIII, бездетный вдовец, вступил в Париж, сопровождаемый супругой своего племянника герцога Ангулемского, дочерью казненного на гильотине старшего брата Людовика XVI, а также старым герцогом Конде и герцогом де Бурбоном.

Скудные финансы и политические события не позволили провести коронацию в Реймском соборе, как это повелевала традиция. На практике Людовик XVIII стал королем под звуки *Te Deum* (Тебя Бога хвалим), благодарственного молебна в соборе Нотр Дам и на основании того факта, что он уже спит в дворце своих предшественников. Новый король своевольно стал вести начало своего правления с 1795 г., и это совершенно лишнее тщеславие только раздражало нацию. Принцип легитимности обеспечил ему реставрацию трона, но, по сути, он оказался представителем толпы обнищавших аристократов-эмигрантов⁴¹⁸. Первые практические действия французского короля сильно разочаровали Александра, и он перестал разговаривать с Талейраном, считая его основным виновником возвращения Бурбонов к власти. Он называл их «неисправимыми», демонстративно посетил супругу Наполеона Жозефину и дал дерзкий ответ на реплику одного роялиста: «Мы уже давно ждали, Ваше Величество»: «Я

⁴¹⁶ Mémoires 2007: 429.

⁴¹⁷ Melchior-Bonnet 1987: 128.

⁴¹⁸ Дебидуп 1995: 24–25; Chevallier, Conac 1991: 136–138; Tulard 1985: 271–274.

пришел бы раньше, если бы меня не задерживала храбрость солдат Вашего императора»⁴¹⁹.

Первую реставрацию Бурбонов нельзя определить ни как случайную, ни как закономерную. Она представляла собой результат серьезных ошибок, которых можно было бы избежать. Российский император хотел чтобы французы сами выбрали такой политический режим, который им подходит. Принимая 2 апреля 1814 г. делегацию сенаторов, Александр заявил: «Я – друг французского народа. Было бы справедливо и мудро дать Франции сильные и либеральные институты, соответствующие современным условиям. Союзники и я лично видим свой долг лишь в том, чтобы обеспечить свободу ваших решений»⁴²⁰. Объективно этой свободой наиболее умело воспользовался Талейран для того, чтобы вернуть на трон Бурбонов, к которым сам относился с опасениями. Ему удалось обеспечить реализацию последнего шанса Бурбонов, которым они и их единомышленники не сумели воспользоваться разумно. Во время первой встречи 29 апреля 1814 г. Людовик похвалил Талейрана, но не поблагодарил. Он был признателен, но не и Талейрану. Он не мог позволить себе быть благодарным человеку, которому не доверял. Людовик благодарил Англию⁴²¹.

Пер. С. Польшиковой

Список источников и литературы

- Борисов 1989 – Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. – М.: Международные отношения, 1989.
- Валлоттон 1991 – Валлоттон А. Александр I / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1991.
- Вандаль 1996 – Вандаль А. Наполеон и Александр I / Пер. с фр. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – Т. 4.

⁴¹⁹ Валлоттон 1991: 234; Вандаль 1996: 540–541.

⁴²⁰ Черкасов 1991: 282.

⁴²¹ «Между ними было много общего – одинаковый возраст – 60 лет, у обоих болели ноги..., оба одевались, причесывались и пудрились, как подобает реликтовым представителям старого режима; у них вроде бы до революции была даже общая любовница. Самое главное, оба они обладали сардоническим чувством юмора, приводившим в смятение других смертных» (Лодей 2009: 375).

- Внешняя политика 1970 – Внешняя политика России XIX – начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Т. 7 (январь 1813 – май 1814 гг.). – М.: Политиздат, 1970.
- Дебидур 1995 – Дебидур А. Дипломатическая история Европы 1814–1878: в 2-х тт. / Пер. с фр. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
- Кастело 2010 – Кастело А. Наполеон / Пер. с фр. – М.: Центрполиграф, 2010.
- Лодей 2009 – Лодей Д. Талейран: главный министр Наполеона / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2009.
- Манфред 1978 – Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. – София: София-пресс, 1978.
- Собуль 1974 – Собуль А. Первая республика / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1974.
- Черкасов 1991 – Черкасов П. П. Лафайет. Политическая биография. – М.: Мысль, 1991.
- Ardisson 1986 – Ardisson T. Louis XX. Contre-enquête sur la monarchie. – P.: Olivier Orban, 1986.
- Auger, Garnier, Rollin 2008 – Auger A., Garnier J., Rollin V. Napoléon Bonaparte. – P.: Fayard, 2008.
- Bertaud 2009 – Bertaud J.-P., Les royalists et Napoleon 1799–1816. – P.: Flammarion, 2009.
- Bluche 1980 – Bluche F. Le Bonapartisme. Aux origines de la droite autoritaire. – P.: Nouvelles Editions Latines, 1980.
- Chevallier, Conac 1991 – Chevallier J.-J., Conac G. Histoire des institutions et des regimes politiques de la France de 1789 a nos jours. – P.: Dalloz, 1991.
- Furet 1988 – Furet F. La Revolution 1770–1880. – P.: Hachette, 1988.
- Jessenne 2011 – Jessenne J.-P. Histoire de la France, Révolution et Empire 1783–1815. – P.: Hachette Supérieur, 2011.
- Lenz 1987 – Lenz T. Legitimisme // Dictionnaire Napoléon. – P.: Fayard, 1987.
- Melchior-Bonnet 1987 – Melchior-Bonnet B. Histoire de France. Napoleon consul et empereur. – P.: Larousse, 1987.
- Mémoires 2007 – Mémoires et correspondances du prince de Tallyrand. – P.: S. P. M., 2007.
- Sauvigny Berthier 1987 – Sauvigny Berthier, de. Chevaliers de la foi // Dictionnaire Napoléon. – P.: Fayard, 1987.
- Soboul 1983 – Soboul A. La France Napoléonienne. – P.: Arthaud, 1983.
- Tulard 1985 – Tulard J. Histoire de France: T. 4: Les Révolutions de 1789 a 1851. – P.: Fayard, 1985.
- Tulard, Fayard, Fierro 1987 – Tulard J., Fayard J.-F., Fierro A. Histoire et dictionnaire de la Révolution Française 1789–1799. – P.: Robert Laffont, 1987.

Villepin 2008 – Villepin D., de. La chute de l'Empire et la solitude 1807–1814. – P.: Librairie Académique Perrin, 2008.

Svetla H. Glushkova

Sh.-M. TALLEYRAND AND BOURBON RESTORATION IN 1814

This paper analyzes the circumstances of the first restoration of the Bourbons in France. The author points out that in 1814 the Bourbons were not familiar to most French people and they are not respected by the Allies in the environment, the winners of Napoleon. In this situation, the key figure was Sh.-M. Talleyrand, who argued in theory and in practice, was able to carry out the restoration of the old dynasties. He was the only senior functionary in Paris, whom Alexander I and the Allies knew well; his position and activities have played a key role in the return of the Bourbons to the French throne.

Keywords : France; the first restoration of the Bourbons; Sh.-M. Talleyrand, Louis XVIII.

Код ВАК 07.00.03

Э. А. Замов

АЛЬЧИДЕ ДЕ ГАСПЕРИ: СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКА

Статья посвящена становлению крупнейшего итальянского политика послевоенного времени – Альчиде де Гаспери, а именно, эволюции его взглядов в период, предшествующий установлению фашистского режима. Статья основывается на анализе речей политика, произнесенных им в рейхсрате Австро-Венгрии и палате депутатов Итальянского королевства. Автор установ-

Замов Эдуард Александрович, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); кандидат исторических наук, доцент.

Zamov Eduard, associate professor of the Department of Oriental Studies of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620000, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 350-28-34. Электронная почта/E-mail: ZamovEA@yandex.ru.

ливаает связь формирования взглядов политика с культурно-философской сферой Италии.

Ключевые слова: Италия; новейшая история; Народная партия Италии; христианская демократия.

Альчиде де Гаспери является одной из наиболее выдающихся фигур европейской истории первой половины XX в. Это основатель Христианско-демократической партии, бесменно правившей в Италии до начала 1990-х гг. XX в., восемь раз возглавлявший итальянское правительство, архитектор итальянского «экономического чуда», один из руководителей процесса европейской интеграции. Жизнь не баловала этого политического деятеля. Он начинал свою политическую карьеру в Австро-Венгрии, представляя интересы итальянского меньшинства в австрийском рейхсрате. Любой итальянский политик в тогдашней Австро-Венгрии носил клеймо потенциального сепаратиста и даже террориста. Де Гаспери вынужден был проявлять лояльность к Австро-Венгрии, что в будущем привело к обвинениям в его адрес (порой абсурдным – де Гаспери обвиняли даже в том, что он не итальянец). После объединения родного для де Гаспери Южного Тироля с Италией он становится депутатом итальянского парламента от католической Народной партии, и здесь оказывается в тени идейного лидера этой партии – Луиджи Стурцо, ставшего для него моральным авторитетом на всю жизнь. После установления фашистского режима де Гаспери получает работу в библиотеке Ватикана. Его антифашистские настроения были известны режиму, но преследованиям де Гаспери не подвергался. Обыкновенно фашисты преследовали не за внутреннюю эмиграцию, а за реальные действия, в которых ватиканский библиотекарь замешан не был. После падения фашистского режима де Гаспери создает Христианско-демократическую партию, ставшую единственным препятствием на пути коммунистов к власти в Италии. С именем де Гаспери связана так называемая «эра центризма» в истории Италии, и с его смертью она завершилась. И здесь судьба сыграла с памятью этого политика злую шутку: основанная им партия осталась у власти на десятилетия, но это привело к застою и коррупции, вызвавшие крах и распад ХДП, и за которые непосредственную ответственность несет любимый ученик де Гаспери – Джулио Андреотти. В то же время народная память сочинила своеобразную эпитафию, как де Гаспери, так и недавно скончавшемуся Андреотти: «де Гаспери приходил в церковь, чтобы поговорить с Богом, а Андреотти – чтобы поговорить со священником». Этот моральный приговор остается в силе и сейчас, несмотря на 60 лет, прошедших со дня смерти де Гаспери, несмотря на тяжелейший кризис республики, конституцию которой он подписал в 1948 г. В настоящее время Италия находится на распутье – Первая

республика, основанная на идее христианской демократии, прекратила свое существование, а новых принципов консенсуса итальянское общество пока не обрело. Христианские демократы превратились в одну из фракций Демократической партии, представляющую собой своеобразный «Ноев ковчег» и объединяющей и бывших коммунистов, и социал-демократов, и либералов. Италия, будучи одним из членом-основателей Европейского экономического сообщества, ныне нуждается в новом «экономическом чуде», и изучение истории христианской демократии остается по-прежнему актуальным. Данная статья посвящена филиации политических взглядов де Гаспери в период 1911–1925 гг., охватывающий годы с начала его политической деятельности до момента завершения формирования фашистского режима, когда политик был лишен возможности выступать публично. Статья основана на анализе речей де Гаспери. Речи как политический источник имеют ряд достоинств. Они являются сжатым изложением взглядов политика, которые к тому же подаются в максимально упрощенном и логически выверенном виде.

Советские историки вполне обоснованно представляли де Гаспери в образе типичного консерватора: «Пользуясь поддержкой правящих кругов США, он выступил против проведения каких бы то ни было реформ»⁴²². Данная оценка в целом соответствует действительности. В частности, де Гаспери был сторонником большой автономии местных органов власти. Но сами планы создания такой автономии в период центризма были практически заморожены, поскольку могли привести к преобладанию в местных органах власти коммунистов и социалистов, и к негативной внешней реакции. В то же время итальянское «экономическое чудо» остается заслугой правительств де Гаспери.

Отечественный исследователь Ю. П. Лисовский справедливо отмечал: «Центристская позиция де Гаспери определялась не только геополитическим положением страны, вошедшей в западную сферу влияния, но она была, так сказать, функциональна по отношению к интересам итальянского капитализма. Последний мог преодолеть свою отсталость, перестроить и развить разрушенный войной производственный аппарат лишь путем интенсивного процесса накопления за счет низких трудовых издержек и при стимулах международной конкуренции»⁴²³. К сожалению, авторы, изучающие деятельность де Гаспери, не обращали достаточно внимания на истоки формирования его взглядов.

⁴²² Комолова, Филатов 1983: 146.

⁴²³ Лисовский 1990: 226.

М. и М. Феррара указывали, что де Гаспери был склонен «восхвалять «сильное государство», говорить о «новых и обновленных» чрезвычайных законах, требующихся якобы для того, чтобы сделать государство сильным, о «национальной дисциплине», сопровождая все это разглагольствованиями о необходимости “защитить демократию”»⁴²⁴. Авторы показали преемственность взглядов де Гаспери, оставшихся почти неизменными с 1920-х гг., но слишком односторонне изобразили этого деятеля как мелкого политического интригана.

Частичную «посмертную реабилитацию» де Гаспери предприняла Ц. И. Кин: «У него были несомненные качества политического лидера, он был высокообразованным человеком и, вероятно, при более благоприятных обстоятельствах не шел бы на некоторые компромиссы, которые должны были претить ему как интеллектуалу, занимающемуся политикой, а политика, как известно, иногда заставляет идти на вещи не слишком приятные в моральном плане»⁴²⁵.

13 октября 1911 г. де Гаспери выступил в австрийском рейхсрате с речью, посвященной росту цен. В самом начале речи он отмечал: «Мы представляем здесь народную массу, которая лишь потому не организовала какую-либо демонстрацию против роста цен, что имеет наивное политическое сознание, полагая, что немой язык страданий будет услышан лучше, чем крики демонстрантов»⁴²⁶. Де Гаспери не рассматривает народ в качестве субъекта исторического развития, в его глазах это лишь наивная масса, представляющая собой пассивный строительный материал в руках политических лидеров. Такое отношение к массам имеет гегельянские корни. Де Гаспери традиционно негативно относился к самостоятельным выступлениям масс. Он утверждал: «В этой наивности есть элементы порядка и законности, которые правительство должно прочувствовать и сохранить»⁴²⁷. Де Гаспери сознательно стремился законсервировать низкий уровень организации граждан. На протяжении всей своей карьеры итальянский политик рассматривал борьбу за власть как сферу деятельности исключительно элиты.

В этой же речи де Гаспери сформулировал основу идеологии будущей Христианско-демократической партии (в будущем эта идеология получила название «интерклассизм»): «Пусть правительство и парламент сконцентрируют свое внимание на тотальной нищете страдающего населения, а не только на проблемах одного определенного

⁴²⁴ Феррара 1961: 344.

⁴²⁵ Кин 1991: 226.

⁴²⁶ Alcide de Gasperi 2013.

⁴²⁷ Ibidem.

класса, и мы должны иметь в виду, что рост цен не есть явление, характерное только для городов и крупных центров, этот рост цен проник в местность, где проживают мелкие аграрии, ремесленники, рабочие, и на периферию самой империи»⁴²⁸. На самом деле «интерклассизм» де Гаспери является более узким, чем кажется, он вовсе не ориентирован на защиту интересов всех классов страны. Де Гаспери утверждает: «Нынешняя таможенная политика мешает приобретать мясо и зерно по наилучшей цене в близкой Италии, в то время как мы вынуждены ввозить эти продукты питания более длинным путем, из Венгрии и с Балкан. То же касается и промышленных товаров, которые доставляют нам из более далеких центров производства»⁴²⁹. Эти меры, предложенные де Гаспери, представляли опасность, прежде всего, для мелких аграриев, и в то же время они благоприятствовали промышленной буржуазии, поскольку приводили к снижению стоимости рабочей силы. С другой стороны, требование де Гаспери открыть границы для итальянских промышленных товаров не представляло угрозы для австро-венгерской промышленности, более прогрессивной и эффективной, чем итальянская. защите интересов промышленной буржуазии де Гаспери посвятил всю свою политическую карьеру.

Своими оппонентами де Гаспери считал представителей торговой буржуазии: «Если в Вене вполне определено говорят о «многих руках» коммерческого посредничества, то на юго-западных границах Австро-Венгрии, в восточном Трентино эти «многие руки» уже давно стали тысячами. Мы должны радоваться каждой мере, которая приближает потребителя к производителю: таким путем мы боремся с коммерческим посредничеством»⁴³⁰. Требование де Гаспери обеспечить свободный ввоз сельхозпродукции в Австро-Венгрию было направлено и против сельской буржуазии, и против торговой посреднической буржуазии. Де Гаспери всю жизнь был идеологом средних и крупных промышленников. Его фритредерство вдохновлялось не только гегельянством, но и утилитаризмом в стиле И. Бентама: «Мы весьма скептически относимся к предложению о введении максимальных цен на продукты. Это дает слишком много власти современному государству. И ещё менее эффективными представляются нам предложения гарантировать снабжение продуктами питания посредством насильственных реквизиций. Известно, что эти методы были использованы во Франции и дали эффект, обратный желаемому»⁴³¹. Именно

⁴²⁸ Ibidem.

⁴²⁹ Ibidem.

⁴³⁰ Alcide de Gasperi 2013.

⁴³¹ Ibidem.

стремлением снизить стоимость рабочей силы для промышленности инспирированы следующие слова де Гаспери: «Мы поддерживаем план помощи строительству жилья и выражаем надежду, что налог на недвижимость будет реформирован, чтобы облегчить положение сельских жителей... Как представители Народной партии, мы, естественно, поддержим увеличение заработной платы работникам низшего ранга, особенно государственным служащим и железнодорожникам, с единственным условием, что это не будет сделано за счет низов, и в частности сельхозпроизводителей, мы признаем необходимость постоянной корректировки заработной платы. Но в то же время мы убеждены в необходимости административной реформы в смысле упрощения и большей экономии администрации. Для нас всех эта бюрократия обходится слишком дорого»⁴³². Де Гаспери готов на уступки сельхозпроизводителям, но не ценой удорожания рабочей силы, занятой в промышленности.

25 октября 1911 г. он заявил в рейхсрате: «националистический принцип характерен лишь для единых государств, сформированных нациями... Это чувство культурной принадлежности к итальянской нации, восхищение нашей историей и нашим образом жизни»⁴³³. Эти взгляды навеяны историческими построениями Дж. Вико, рассматривавшего историю как поступательное движение наций. В этой речи де Гаспери также подтвердил свою склонность к компромиссу в политике: «Партии, которые стремятся к решению вопросов и участию в национальной дискуссии, стремятся к общим экономическим реформам, должны открыть для себя путь социального сотрудничества, чтобы прийти к решению вопросов старых и новых»⁴³⁴.

После окончания Первой мировой войны де Гаспери становится депутатом итальянского парламента. Политические противники ставили ему в вину тот факт, что в период войны он голосовал в рейхсрате за военные кредиты и всегда был лоялен к Австро-Венгрии. Де Гаспери не реагировал на эти обвинения. В своих речах он отходит от обсуждения конкретных вопросов и все более говорит о моральных проблемах государственного строительства. 24 июня 1921 г. де Гаспери заявил в палате депутатов: «...я постоянно вижу проявления провиденциального закона, по которому несправедливости и преступления отцов рано или поздно искупаются детьми и внуками»⁴³⁵. Эти слова являются проявлением не просвещенческого деизма и рационализма, а

⁴³² Ibidem.

⁴³³ Alcide de Gasperi 2013.

⁴³⁴ Ibidem.

⁴³⁵ Ibidem.

средневекового сознания. Рассуждая о сущности государства, де Гаспери говорит: «...мне кажется, что централистское государство, созданное на основе унитарных либеральных традиций не может дать нам ни опыт, который мы можем использовать, ни формулы, которые мы могли бы приложить, ни политические инструменты, которые мы могли бы пустить в дело. Поэтому я считаю, что проблема укрепления государственной системы и единства родины должна иметь регионалистское решение, или локалистское, или лучше сказать, не основанное на опыте, который политики могут извлечь из экспериментов, но на опыте австро-венгерской монархии, изучавшей и применявшей формулу компромисса для сосуществования различных наций и различных языков, но, прежде всего, создавшей институт местной автономии, содержащий элемент свободы и гарантии прав национального существования, которые мы должны и можем дать гражданам разных языков, в то же время не затрагивая центральную нервную систему Государства. Поэтому мы требуем восстановления местной автономии в новых провинциях, не только из-за нашей органической концепции государства... Мы верим, то можем этими локальными автономиями превратить иностранцев в клетки, служащие государственному организму, а не борющиеся с ним»⁴³⁶. В данном случае де Гаспери выступает как последователь взглядов Августина Блаженного, также рассматривавшего государство как живой организм.

В этой же речи де Гаспери сказал: «В истории цивилизации всегда более высокий дух поглощал и ассимилировал материальные формы культуры и заставлял их служить собственному триумфу. И я увижу полный триумф итальянской нации, когда настанет день, в который иностранцы, взглянувшие на Бреннерский перевал, констатируют, что Италия не только победила силой оружия, но также ассимилировала, абсорбировала, заставила служить своим целям материальные формы иностранной культуры»⁴³⁷. Де Гаспери предстает здесь в качестве гегельянца, воспринимающего народ как носителя некоей формы духа, побеждающий другой народ, являющийся носителем более низкой формы духа. Считая австрийский народ носителем более низкой духовности по сравнению с итальянской, де Гаспери, тем не менее, видит некоторые положительные моменты в австрийской политической и экономической системе: «...я полностью согласен с программой господина Муссолини, когда он говорит о ликвидации австрийских элементов в новых провинциях. Но если он имеет в виду австрийское законодательство в целом, социальное законодательство, которое дейст-

⁴³⁶ Alcide de Gasperi 2013.

⁴³⁷ Ibidem.

вует до сих пор в новых провинциях, я должен немедленно возразить. От нас рабочие потребуют сохранения части социального законодательства, например, закона о больничных кассах, которые в Итальянском королевстве или не существуют, или едва учреждены. От нас промышленники и ремесленники потребуют сохранения промышленного обучения с обязательным ученичеством, с обязательными профессиональными школами, и если коммунальное управление Рима считает их необязательными, почему мы должны отказываться от этого социального института, приносящего столько выгод, служащего улучшению пролетариата и ремесленников?»⁴³⁸ В данном случае проявляется именно стремление де Гаспери обеспечить экономику квалифицированной рабочей силой.

Рабочего вопроса де Гаспери также коснулся в своей речи, произнесенной в палате 6 декабря 1921 г. Он отмечал: «...мы считаем, что поведение правительства в поддержании дисциплины и преемственности общественных предприятий должно быть энергичным и решительным..., но параллельно с усилиями по восстановлению власти государства правительство должно чувствовать необходимость осуществления реформ, которые гарантируют работникам полную законную и правовую защиту своих интересов таким образом, чтобы ограничение забастовок общественных предприятий сопровождалось более гарантированной защитой профсоюзных прав»⁴³⁹. Де Гаспери и Муссолини были едины в своем отношении к государству как мистической, высшей сущности.

17 февраля 1922 г. де Гаспери заявил, что задачей Народной партии является «борьба за умиротворение и укрепление власти против любого насилия, стремление гарантировать свободу развития любой профсоюзной и кооперативной организации, проводить финансовую политику экономии, направленную на оздоровление кредита и рост производства...»⁴⁴⁰. Де Гаспери в данном случае выступает как последователь идеалов Дж. Джолитти. Он за свободу профсоюзов, но против свободы забастовок. Де Гаспери отвергал взгляды итальянских либералов лишь в национальном вопросе, в решении экономических проблем он скорее был их единомышленником, хотя и видел будущее итальянской экономики более социальным.

Де Гаспери коснулся и вопроса о причинах прихода фашистов к власти. Эти вопросы освещены в его речи в палате 17 ноября 1922 г.: «...причины развития этого институционального переворота кроются

⁴³⁸ Ibidem.

⁴³⁹ Alcide de Gasperi 2013.

⁴⁴⁰ Ibidem.

в трудностях войны и послевоенного времени, а также в экономическом кризисе, но в значительной мере он возник из государственного паралича, причиненного чрезмерной концентрацией власти в центральных органах парламентаризма и бюрократии, сосредоточением всякой законодательной власти в Палате депутатов, атрофией Сената и слабостью периферийных государственных органов с последующей дезинтеграцией местных сил»⁴⁴¹. В рамках подобных представлений сложно объяснить, почему фашизм не возник во времена предыдущих войн, которые вела Италия. Расхождения де Гаспери с итальянскими либералами были связаны с тем, что либералы, стоявшие у власти до 1922 г., были скорее представителями крупных аграриев, а де Гаспери был связан, прежде всего, с промышленниками. Говоря о правах человека, де Гаспери отмечает, что, «по нашим убеждениям, в нашем режиме неотделимы воля народа и воля короля, два источника наших гражданских и политических прав»⁴⁴². Здесь де Гаспери разделяет теорию происхождения прав человека от государства. Эти его воззрения — рудимент феодального, средневекового сознания. Но впоследствии он уже начинает говорить о «природных правах».

В этой же речи де Гаспери выразил надежду на сотрудничество с фашистским правительством: «Мы с нетерпением ждем, что правительство будет неустанно подавлять любые беззакония и будет неукоснительно защищать конституционные свободы. Но к этим действиям властей все стороны политической борьбы и все граждане должны добавлять свои усилия по примирению»⁴⁴³. В то же время он подчеркнул: «Мы ни в коем случае не допускаем возврата к патерналистским просвещенным правительствам, сводящим парламент к чисто консультативной структуре»⁴⁴⁴. На это Муссолини ответил: «Это была бы отличная возможность!»⁴⁴⁵. О фашизме де Гаспери говорит следующее: «В фашизме (как здесь часто говорили) вспыхивает страсть и гордость Италии, и это сегодня делает страну достойной её великих старых традиций. Но это должно основываться на религиозной вере, а не на действиях и указах правительства, на внутренней жизни сознания и неуправляемой силе прогресса нашего народа, воодушевляющей его на борьбу за свободу, порядок в мире и справедливость...»⁴⁴⁶. Эти

⁴⁴¹ Ibidem.

⁴⁴² Ibidem.

⁴⁴³ Alcide de Gasperi 2013.

⁴⁴⁴ Ibidem.

⁴⁴⁵ Ibidem.

⁴⁴⁶ Ibidem.

высказывания де Гаспери продиктованы учением Г. В. Ф. Гегеля о прогрессе как о прогрессе свободы.

Свою решимость сотрудничать с фашистским режимом де Гаспери подтвердил на 4 съезде Народной партии Италии 12–14 апреля 1923 г.: «...мы различаем коллаборационизм и сотрудничество. Первое есть тенденция, второе есть реальное дело. Мы коллаборационисты по отношению к современному правительству? Отвечаю прямо – да. И мы желаем, чтобы правительству – по словам его главы – удалось превратить революцию чернорубашечников в движущую силу развития, прогресса и равновесия в стране... Они хотят дать нации дисциплину. И мы не должны поощрять и одобрять такие усилия? Или может мы, как католики и итальянцы, желаем способствовать возвращению отрицательных сил, которые фашизм помог изгнать, то есть дух скептицизма и дезинтеграции, отсутствие интереса к нашей судьбе и упадок всех моральных сил?»⁴⁴⁷. Эти слова – проявление комплекса неполноценности, отсутствие уверенности в себе, глубоко укоренившиеся в итальянском национальном сознании.

16 июля 1924 г. де Гаспери в своем выступлении перед провинциальными секретарями Народной партии сказал так: «Программа христианской демократии основывается на двух мощных опорах, забвение которых отделит нашу партию от любого социального движения... Это моральная опора, которой противостоят социалисты с их фатальным материализмом, и экономическая опора, которая вопреки социалистам не подавляет, но усиливает личные права человека на труд, на сбережения, на собственность, и эти права ограничены и скорректированы лишь моральным и социальным законом солидарности, гармонии и возможности повышения человеком своей классовой принадлежности»⁴⁴⁸. Фашистов и христианских демократов сближает не только последовательный антисоциализм, но и идеалистическое мировоззрение. Идея социальной солидарности – рудимент мировоззрения средневековой коммуны, требовавшей от гражданина ограничения своих экономических интересов в пользу социума.

Муссолини, провозгласившему, что «абсолютная непримиримость есть наш идеал и практика», де Гаспери отвечал: «Мы хотим мира и порядка, но порядка, исходящего от правосудия. Порядок появляется, если только он исходит от любви. И это есть наиболее глубокое значение слова “мир” в христианском смысле, которое должно вдохновлять политику в духе братства и справедливости»⁴⁴⁹. Источник

⁴⁴⁷ Ibidem.

⁴⁴⁸ Alcide de Gasperi 2013.

⁴⁴⁹ Ibidem.

подобных мыслей – духовная атмосфера средневекового города с его цеховой регламентацией.

Де Гаспери «подтверждает основные концепции партии о публичной власти и о свободах, основанных на доктрине, которая раньше любой революции и любой либеральной формулы гарантирует человеческую личность, устанавливая приоритет права общества регулировать финансовую ситуацию, рабочий вопрос и организацию классов, школы, отношений государства и Церкви, и международных отношений»⁴⁵⁰. Обращает на себя внимание резко негативное отношение де Гаспери к либерализму. Что является источником его взглядов в данном случае? Де Гаспери так формулировал требования Народной партии к фашистскому режиму: «Восстановить дух и форму конституции, которая представляет собой торжественный договор между королем и народом, ликвидировать всякую партийную милицию»⁴⁵¹. Взгляд де Гаспери на государство как на результат договора между народом и монархом основан не только на просвещенческих концепциях «общественного договора», но и на феодальной правовой традиции, рассматривавшей общество как комплекс договорных отношений между сеньором и вассалом, феодалом и крестьянином, священником и прихожанином.

На 5 съезде Народной партии 28 июня 1925 г. де Гаспери произносит свою последнюю перед падением фашистского режима речь. Он «подтвердил волю к фундаментальной борьбе, начатой в XIX в., за свободу осуществления естественных прав личности и общества против любого централизаторского извращения, совершаемого именем пантеистского государства обожествляемой нации»⁴⁵². Де Гаспери в данном случае почти буквально воспроизводит взгляды французских и американских просветителей, в частности Т. Джефферсона, в том виде, как они изложены в декларации независимости США. Примечательно, что клерикал де Гаспери говорит здесь именно о естественных правах, а не о правах, дарованных Богом. Де Гаспери, в отличие от того, что было в австрийский период его жизни, пришел к признанию автономии общества от государства. Он «одобрил участие Народной партии в правительстве для того, чтобы сотрудничать в социальном умиротворении и национальной дисциплине страны, закрепленных на непреложных началах любого гражданского режима – свободе и справедливости. Эти концепции естественных прав личности и общества, противостоящие государственному монополизму, провозглашаются без вся-

⁴⁵⁰ Ibidem.

⁴⁵¹ Ibidem.

⁴⁵² Alcide de Gasperi 2013.

ких враждебных намерений против правительства Муссолини»⁴⁵³. Характерная черта де Гаспери как политика – отказ от любых радикальных реформ. И победа итальянских фашистов над клерикалами связана именно с консерватизмом Народной партии, которую итальянское общество воспринимало как носителя застойной традиционности в отличие от фашистов с их радикализмом, обеспечивших рабочим такие экономические права, которые де Гаспери ни в коем случае не гарантировал.

Список источников и литературы

- Кин 1991 – Кин Ц. И. Итальянский ребус. – М.: Политиздат, 1991.
Комолова, Филатов 1983 – Комолова Н. П., Филатов Г. С. Пальмиро Тольятти: Очерк жизни и деятельности. – М.: Политиздат, 1983.
Лисовский 1990 – Лисовский Ю. П. Италия: от фашизма к демократии (Трудные пути послевоенной перестройки). – М.: Наука, 1990.
Феррара 1961 – Феррара М. и М. Очерки итальянской политической жизни. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
Alcide de Gasperi 2013 – Alcide de Gasperi nella storia d'Europa. URL: <http://www.degasperi.net/index.php> (дата обращения: 12.05.2013).

Eduard A. Zamov

ALCIDE DE GASPERI: THE FORMATION OF POLITICIAN

The article is dedicated to formation of the important Italian politician of the period after Second World War – Alcide de Gasperi. Author analyses the evolution of ideas of de Gasperi in the pre-fascist period. It is founded on the analyses of the speeches of de Gasperi in the Empire council of Austria and in the Chamber of deputies of Italy. The author looking for the connection between the formation of the ideas of politician and the cultural-philosophical sphere of Italy.

Key words: Italy; the modern history; the Popular party of Italy; the Christian democracy.

⁴⁵³ Ibidem.

Т. А. Косых

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КРЕДО ДОКТОРА ДЖОНСОНА: ЯКОБИТ ИЛИ ТОРИ?

Статья посвящена проблеме политических взглядов известного британского интеллектуала XVIII в. Сэмюэла Джонсона. Автор знакомит читателей с результатами предшествующих исследований и выявляет ключевые позиции, по которым расходятся мнения историков по вопросу о политических воззрениях доктора Джонсона.

Ключевые слова: Просвещение в Британии в XVIII в.; британские интеллектуалы; Сэмюэл Джонсон; политическая идентичность.

Британский интеллектуал Сэмюэл Джонсон (1709–1784), будучи парадоксально остроумным человеком с незаурядными литературными способностями, уже на протяжении двух с лишним столетий остается личностью, к которой не угасает интерес исследователей.

Однако, как отмечал еще в XIX в. писатель, переводчик и литературный критик А. В. Дружинин, славу доктора Джонсона сделали не его, безусловно, значительные работы, такие как «Словарь английского языка» или «Жизнеописания английских поэтов». Главным помощником в обретении славы «стало всемогущее время, изменяющее мир и общество»⁴⁵⁴. Действительно, с каждым годом известность интеллектуала росла, его жизнь стала интересовать лондонское общество, а его мнение по любому вопросу превращалось в афоризмы и объект обсуждений. Неудивительно, что воззрения Джонсона, человека, игравшего еще при жизни роль национального героя, привлекали внимание политических и общественных деятелей своего времени. В дальнейшем возникает и вопрос о политических пристрастиях литератора, вопрос, ставший камнем преткновения для историков и вылившийся в продолжительную дискуссию.

Уже в самых ранних биографиях интеллектуала встречаются упоминания о его политических взглядах. Так, Джон Хоукинс, друг и

Косых Татьяна Анатольевна, магистрант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4).

Kosykh Tatyana, master student of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Turgenyeva Street, 4).
Телефон/Phone: +7 (343) 350-75-32. Электронная почта/E-mail: kskhht@gmail.com.

⁴⁵⁴ Дружинин 1865: 12.

современник лексикографа, в «Жизни Сэмюэла Джонсона» делал намеки на симпатии литератора к династии Стюартов. Именно Хоукинс сообщил читателю о том, что отец Джонсона заявлял о своей принадлежности к якобитам. Биограф уверял, что Джонсон был как и якобиты против постоянной армии, считал Георга III узурпатором, а также интеллектуал критиковал политику правительства после смерти королевы Анны⁴⁵⁵. Напротив близкий друг Джонсона, миссис Эстер Трейл, дала неоднозначную оценку взглядам Джонсона, отразившуюся в ее дневнике и «Анекдотах покойного С. Джонсона». Она пишет, что литератор «больше любил не тех, кто был тори, а тех, кто ненавидел виггов»⁴⁵⁶. Но, в это же время, в дневнике миссис Трейл отмечает, что Джонсон был якобитом, и причина этого заключается в неприятии им короля из династии чуждой Англии. Джеймс Босуэлл, ученик писателя и его первый биограф, отказывается писать о собственном суждении по поводу политических взглядов литератора, но приводимые цитаты биографа также говорят в пользу симпатии Джонсона к якобитам или тори, и явной антипатии к виггам. Не случайно, что в «Жизни Сэмюэла Джонсона» Дж. Босуэлла упоминается такой случай, когда литератор при разговоре о виггах называет «дьявола первым членом этой группировки»⁴⁵⁷.

Затем, уже в XIX в., британский историк и политический деятель Т. Б. Маколей в статье, посвященной Джонсону, закрепил представление о нем, как о реакционном тори. Будучи представителем партии виггов, он критиковал консервативные настроения литератора и доказывал, что политические статьи интеллектуала «слабы и не стоят внимательного изучения»⁴⁵⁸.

Таким образом, на протяжении целого столетия, прошедшего после смерти Джонсона, в историографии господствовало представление о литераторе, как о стороннике тори. Первые биографы ограничивались изложением симпатий лексикографа к торизму, однако последующее поколение историков, среди которых наиболее ярким представителем был вышеупомянутый Маколей, стало настаивать на явно якобитских предпочтениях Джонсона.

Ситуация изменилась кардинальным образом в середине XX в. Это время было ознаменовано началом дискуссий между группами исследователей о политических взглядах интеллектуала. Часть британских исследователей защищала тезис о том, что взгляды интеллектуала

⁴⁵⁵ Hawkins 1882: 316.

⁴⁵⁶ Thrale 2007: 15.

⁴⁵⁷ Boswell 1966: 219.

⁴⁵⁸ Macaulay 1853: 231.

на политику отличались консервативностью, и литератор был ревностным якобитом (Д. Кларк⁴⁵⁹, М. Дэвис⁴⁶⁰, Г. Эрнскайн-Хилл⁴⁶¹, Т. Камински⁴⁶²). Американские историки оспаривали это мнение, выступая за аполитичность Джонсона (Д. Вэнс⁴⁶³, Д. Грин⁴⁶⁴). Стоит остановиться подробнее на позициях сторон и их аргументации политических предпочтений лексикографа.

Обращаясь к сторонникам мнения о Джонсоне как реакционном тори, стоит уделить особое внимание коллективному сборнику «Политические взгляды Сэмюэла Джонсона», выпущенному под общей редакцией британского историка Д. Кларка⁴⁶⁵. В этой работе авторы подерживают крайний консерватизм взглядов интеллектуала. Неопровержимым доказательством наличия у Джонсона подобных политических воззрений исследователи считают опубликованные после его смерти сочинения Миссис Трейл, Д. Босуэлла и Д. Хоукинса. Хотя первых биографов Джонсона, утверждает в своей статье джонсоновед Т. Камински, выдает «неясность в определении политических воззрений»⁴⁶⁶ литератора, они соглашаются с тем, что Джонсон был Тори, и никто не оспаривал этого.

Сторонники мнения о том, что Джонсон был якобитом, приводят в качестве доказательства своей точки зрения и такой факт, как отказ от присяги литератора королю Ганноверской династии. В одном из номеров журнала «Рэмблер» Джонсон пишет, что не одобряет требования принесения клятвы, однако он не упоминал, приносил ли он сам присягу на верность королю⁴⁶⁷.

Аналогичную точку зрения можно проследить в статье «Религиозная и политическая идентичность: Джонсон как отказавшийся присягнуть Ганноверской династии» Кларка, где рассматривается вероятность отказа литератора присягать на верность Георгу⁴⁶⁸. Исследователь убедительно доказывает, что интеллектуал был в числе меньшинства, которое не признало власть Ганноверов. Кларк считает, что значительное влияние на Джонсона оказала атмосфера Оксфорда, отличавшегося неприятием чуждой Англии династии. Не случайно

⁴⁵⁹ Clark, Erskine-Hill 2002.

⁴⁶⁰ Davis 1999.

⁴⁶¹ Clark, Erskine-Hill 1999.

⁴⁶² Kaminski 1999.

⁴⁶³ Vance 2009.

⁴⁶⁴ Green 1990.

⁴⁶⁵ Clark, Erskine-Hill 1999.

⁴⁶⁶ Kaminski 1999: 11.

⁴⁶⁷ Ibid: 13.

⁴⁶⁸ Clark 2002.

Оксфордский университет начала XVIII в. считался оплотом якобитства.

Такую точку зрения оспорили американские историки Д. Вэнс и Д. Грин, считающие Джонсона аполитичной фигурой. Так, Вэнс пишет о том, что Джонсон долгое время представал в виде стереотипного реакционного тори и все исследователи пытались доказать это, подбирая для этого всевозможные аргументы. Однако историк уверен, что «пора оставить подобные предрассудки и надо попытаться посмотреть на интеллектуала с другой стороны»⁴⁶⁹. Новый взгляд на Джонсона через его отношение к прошлому, по мнению Вэнса, позволяет переосмотреть наследие литератора, а также его политические предпочтения.

Работа Грина «Политические взгляды Сэмюэла Джонсона» считается одним из примеров пересмотра отношения к Джонсону. В отличие от всех предыдущих исследований жизни и творчества Джонсона, Грин утверждает, что популярный образ Джонсона, зафиксированный на страницах одних из самых популярных биографий о нем – «Жизни Сэмюэла Джонсона» Босуэлла является лишь собирательным карикатурным образом, смесью неточностей и заблуждений. Отсюда и берут свои истоки суждения о реакционности литератора и его симпатии к якобитам.

Историк уверен, что между взглядами Джонсона на политику и мораль существует неразрывная связь⁴⁷⁰. Будучи настроенным на успех на литературном поприще, Джонсон занимал этим все свое время. В биографии Босуэлла есть частые отсылки на то, что литератор «был глубоко погружен в свои работы и, даже приходя в гости, мог продолжать их обдумывать»⁴⁷¹.

Грин опровергает мнение Кларка о реакционном торизме Джонсона. Однако полная лояльность интеллектуала правительству Георга III и всем парламентским актам скорее говорит об отсутствии у него симпатий к якобизму. Наличие у литератора друзей, как тори, так и вигов, также говорит не в пользу тезиса тех исследователей, во главе которых оказался Кларк. Поэтому, по мнению Грина, Джонсон был независимым от политических пристрастий, осведомленным о происходящем и реалистичным комментатором современных ему событий.

В 90-е гг. XX в. к дебатам о характере политических взглядов Джонсона присоединился и американский историк Р. А. Ньюман⁴⁷².

⁴⁶⁹ Vance 2009: 6.

⁴⁷⁰ Green 1990: xii.

⁴⁷¹ Ibid: xvi.

⁴⁷² Newman 1995: 21.

Исследователь встал на защиту точки зрения о том, что известный британский интеллектуал был сторонником тори. Апеллируя к первым биографам Джонсона и журнальным статьям лексикографа, Ньюэн приходит к выводу о том, что симпатия интеллектуала к тори и антипатия к вигам очевидна. Опровержением якобитских воззрений, по мнению историка, служит то, что интеллектуал несколько раз имел возможность разговаривать с Георгом III⁴⁷³.

Таким образом, можно говорить о том, что вопрос о политических воззрениях интеллектуала остается открытым.

Список источников и литературы

- Дружинин 1865 – Дружинин А. В. Собрание сочинений. Т. 4: Этюды об английских писателях. – СПб.: Академия наук, 1865.
- Boswell 1966 – Boswell J. *Life of Samuel Johnson*. – L.: Heritage Press, 1966.
- Clark 2002 – Clark J. C. D. *Religion and Political Identity: Samuel Johnson as a Nonjuror // Samuel Johnson in historical context / Ed. by H. Erskine-Hill*. – N. Y.: Palgrave, 2002. – P. 79–146.
- Clark, Erskine-Hill 1999 – Clark J. C. D, Erskine-Hill H. *The Politics of Samuel Johnson*. – N. Y.: Palgrave, 1999.
- Clark, Erskine-Hill 2002 – Clark J. C. D, Erskine-Hill H. *Samuel Johnson in historical context*. – N. Y.: Palgrave, 2002.
- Davis 1999 – Davis M. M. «Ask for the Old Path»: Johnson and the Nonjurors // *The Politics of Samuel Johnson*. – N. Y.: Palgrave, 1999. – P. 112–168.
- Green 1990 – Green D. *The Politics of Samuel Johnson*. – Oxford: Oxford University Press, 1990.
- Hawkins 1882 – Hawkins J. *Life of Samuel Johnson*. – Oxford: Oxford University Press, 1882.
- Kaminski 1999 – Kaminski T. The nature of Johnson`s toryism // *The Politics of Samuel Johnson*. – N. Y.: Palgrave, 1999. – P. 9–37.
- Macaulay 1853 – Macaulay T. B. *Samuel Johnson // The miscellaneous writing and speeches of Lord Macaulay*. – Oxford: Oxford University Press, 1853.
- Newman 1995 – Newman R. A. *Samuel Johnson`s view on human nature and its relationship to his political, societal and religious concepts*. – Florida State University Press, 1995.

⁴⁷³ Newman 1995: 27.

Thrale 2007 – Thrale H. Anecdotes of Late Samuel Johnson. – L.: Chatto and Windus, 2007.

Vance 2009 – Vance J. A. Samuel Johnson and the sense of history. – The University of Georgia Press, 2009.

Tatyana A. Kosykh

DR JOGNSON`S POLITICAL CREDO: JACOBITE OR TORY?

The article is devoted to the political views of the famous British intellectual of the XVIII century Samuel Johnson. The author introduces the reader with results of previous studies, and identifies key positions, on which diverge opinions of historians on the political views of Dr. Johnson.

Key words: Enlightenment in Britain in the XVIII century; British intellectuals; Samuel Johnson; political identity.

Код ВАК 07.00.15

В. А. Кузьмин

ВКЛАД ПРОФЕССОРА И. Н. ЧЕМПАЛОВА И УЧЕНИКОВ ЕГО НАУЧНОЙ ШКОЛЫ В ПОДГОТОВКУ ВОСТОКОВЕДОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Статья посвящена обзорному анализу вклада доктора исторических наук, профессора Уральского государственного университета И. Н. Чемпалова и учеников созданной им научной школы уральских историков-международников в становление и развитие научных исследований в области истории международных отношений и политики великих держав на Ближнем Востоке в XX в. Статья подготовлена в связи со столетием со дня рождения профессора И. Н. Чемпалова.

Ключевые слова: историки; архивы; дипломатические документы; научные исследования; диссертации; история международных отношений; Ближний Восток; великие державы.

Кузьмин Вадим Александрович, заведующий кафедрой востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); доктор исторических наук, профессор. **Kuz'min Vadim**, the head of the Department of Oriental Studies of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620000, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 350-28-34. Электронная почта/E-mail: kuzmin16@yandex.ru.

29 октября 2013 г. исполняется 100 лет со дня рождения профессора, доктора исторических наук Ивана Никаноровича Чемпалова, создавшего известную научную школу уральских историков-международников.

Путь в историческую науку для Ивана Никаноровича оказался не прост. Вначале сферой его деятельности была геология. Закончив 2 курса Миасского горного техникума, Иван Чемпалов начал работать в геолого-разведочных партиях. Вдоль и поперек исходив Вишневые горы, что находятся в Челябинской области, он стал признанным знатоком их недр. В 1937 г. И. Н. Чемпалов поступил на рабфак одного из вузов Челябинска и за один год прошел всю программу школы с 7 по 9 класс. В 1938 г., с намерением поступить на геологический факультет Уральского университета, он приезжает в Свердловск, где узнает, что этот факультет переведен в Пермь, но зато открыт исторический факультет. Иван Никанорович сделал неожиданный для многих шаг – поступил учиться на первый курс исторического факультета. Однако вскоре учебу на очном отделении пришлось прервать. В 1940 г. И. Н. Чемпалов по причине тяжелого материального положения вынужден был возвратиться в Челябинск и поступить на работу на абразивный завод. Работая техником по сырью, И. Н. Чемпалов продолжал, наездами посещая Свердловск, сдавать экзамены за 3-й курс исторического факультета. 22 июня 1941 г. студент Чемпалов, готовясь к очередному экзамену, узнал о начале войны и на следующее утро вместе со своими товарищами уже был в военкомате, где ему было сказано, что для призыва в армию ему необходимо возвратиться в Челябинск. Однако, вернувшись туда, И. Н. Чемпалов был извещен, что на него, как специалиста оборонного завода, распространяется «бронь». Только в феврале 1943 г. заместитель начальника цеха обогащения И. Н. Чемпалов смог добиться зачисления Уральский добровольческий танковый корпус. В марте 1943 г. он стал его бойцом. В составе корпуса Иван Никанорович оказался в боях на Брянском фронте. Участник битвы на Курской дуге, участник разгрома Квантунской армии, И. Н. Чемпалов закончил войну на Дальнем Востоке. Только после окончания войны и демобилизации, вернувшись в Уральский университет, в 1948 г. он заканчивает истфак. Позже Иван Никанорович шутил, что, поступив в 1938 г., он с отличием окончил университет в 1948, «проучившись», таким образом, 10 лет!

Как подающий большие надежды выпускник, он был оставлен в университете на преподавательской работе в качестве старшего преподавателя кафедры всеобщей истории. Еще будучи студентом, И. Н. Чемпалов заинтересовался международными отношениями новейшего времени. Первый же разработанный и прочитанный им спецкурс увлек многих студентов-историков. На лекциях, семинарских занятиях, которые проводил преподаватель И. Н. Чемпалов, в созданном им студенческом научном

кружке начиналось формирование будущей школы уральских историков-новистов. Параллельно с преподавательской работой аспирант Чемпалов напряженно трудился в столичных библиотеках и архивах.

В 1953 г. И. Н. Чемпалов защитил в Москве кандидатскую диссертацию «Итало-германская агрессия против Греции и позиция Англии и США (1940–1941 гг.)». Последовавший затем период стал для Ивана Никаноровича временем постоянных научных исканий и плодотворных итогов. И. Н. Чемпалов значительно расширил первоначальные рамки своих исследований. Одним из первых среди отечественных историков он начал изучать осуществлявшуюся в 1933–1939 гг. экспансию нацистской Германии на юго-восток Европы и далее через Балканы и Турцию на Ближний Восток с его нефтяными богатствами. В научных работах И. Н. Чемпалова, опубликованных в 1950–1960-х гг., посвященных борьбе западных держав и держав фашистской оси Берлин–Рим в Юго-Восточной Европе и Турции, фактически были намечены хронологические рамки и географический регион исследований большой группы его учеников. В 1962 г. И. Н. Чемпалов первым из уральских историков получил возможность работать в зарубежных архивах. На стажировке в Болгарии он выявил в архивах Софии целый пласт уникальных документов, позволивших по-новому взглянуть на многие проблемы международных отношений кануна и начального периода Второй мировой войны. 2 июля 1973 г. И. Н. Чемпалов защитил в Пермском университете докторскую диссертацию «Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне Второй мировой войны (1933–1939 гг.)». В 1976 г. он получил ученое звание профессора.

Последовавшие за защитой докторской диссертации годы были для него годами постоянных научных исканий и плодотворных итогов. Обогащенный изучением международных отношений кануна войны, с середины 1970-х гг. профессор И. Н. Чемпалов сосредоточил исследовательскую работу на изучении политики великих держав, прежде всего Англии и США, на Балканах и Ближнем Востоке в 1939–1941 гг.

Основным научным направлением возглавленной И. Н. Чемпаловым кафедры новой и новейшей истории Уральского университета стала коллективная тема «Международные отношения и политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны». Создание кафедры позволило расширить тематику исследований, активней развивать научные связи с академическими институтами и аналогичными кафедрами других вузов. Стажировки преподавателей кафедры в университетах и научных центрах Италии, Великобритании, Болгарии, Германии, Югославии, Франции позволили существенно расширить источниковую базу исследований уральских международников за счет зарубежных архивных материалов.

По его инициативе и под его руководством с середины 1960-х годов на кафедре новой и новейшей истории началась разработка комплексной

научной темы «Международные отношения и политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны». Результаты исследований коллектива кафедры в виде научных статей публиковались в издававшемся с конца 1960-х годов под редакцией И. Н. Чемпалова университетском сборнике «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», впоследствии ставшим межвузовским. До начала 1990-х годов, когда издание по причине свертывания финансирования вузовской науки было прекращено, было выпущено 22 сборника (названия отдельных выпусков менялись, но статьи по ближневосточной тематике в них публиковались постоянно). И. Н. Чемпалову принадлежит серия статей, в которых на широкой источниковой базе, включая неопубликованные дипломатические документы из архивохранилищ Болгарии, освещена политика великих держав в отношении Турции в 1933–1941 гг.

Фактически профессору И. Н. Чемпалову принадлежит основополагающая роль в становлении и развитии исследований в области истории международных отношений и политики великих держав на Ближнем Востоке в новейшее время в Уральском университете. Глубоко занимаясь изучением германской экспансии в Юго-Восточную Европу в период 1939–1941 гг., И. Н. Чемпалов выдвинул и серьезно обосновал, звучавший как формула, тезис об одном из важнейших направлений агрессии нацистской Германии – «через Балканы на Ближний Восток», к черноморским проливам, турецкой хромовой руде, богатейшим запасам нефти стран Персидского залива и Аравийского полуострова, к овладению позициями Англии и Франции в этом стратегически важном регионе и созданию плацдарма для последующего захвата Британской Индии.

Ряд кандидатских диссертаций учеников И. Н. Чемпалова написан по ближневосточной тематике. Следует назвать диссертации П. К. Тарасова «Франко-турецкое соглашение об Александреттском санджаке и присоединение Турции к англо-французскому блоку (1936–1939 гг.)»; В. Н. Грак «Борьба империалистических держав за господство на Ближнем Востоке в начале Второй мировой войны (июнь 1940 – июль 1941 гг.)»; В. А. Бабинцева «Политика империалистических держав на Ближнем Востоке в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 – июнь 1940 гг.)»; В. А. Кузьмина «Политика европейских великих держав на Ближнем Востоке накануне Второй мировой войны (1933–1939 гг.)»; В. А. Кокшарова «Деятельность американских нефтяных компаний в Саудовской Аравии (1933–1945 гг.)».

В 1994 г. В. А. Кузьмин защитил докторскую диссертацию «Подготовка и заключение Саадабадского пакта 1937 г.», посвященную малоизвестным страницам истории международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке в период между двумя мировыми войнами. С 2000 г. В. А. Кузьмин возглавляет созданную им в составе факультета международных отношений Уральского университета кафедру востоковедения.

В дальнейшем под руководством В. А. Кузьмина его аспирантами был написан и успешно защищен ряд кандидатских диссертаций по истории международных отношений и политики великих держав на Ближнем Востоке. Среди них следует назвать диссертации Г. Н. Валиахметовой «Борьба великих держав и нефтяных компаний за иракскую нефть (1912–1928 гг.)», Н. М. Галиакбаровской «Советско-турецкие отношения в 1939–1941 гг.», Е. В. Соболева «Англо-американское соперничество за нефть арабских эмиратов Персидского залива (1923–1938 гг.)», В. В. Хренова «Вступление Турции в НАТО в контексте ее участия в Корейской войне на стороне сил ООН», Т. Ш. Турдубековой «Советско-иранские отношения в 1939–1941 гг.» В 2010 г. Г. Н. Валиахметова успешно защитила в Институте востоковедения РАН докторскую диссертацию «Иракская нефть в политике великих держав на Ближнем Востоке (1932–1941 гг.)», с 2012 г. она стала работать в должности профессора кафедры востоковедения УрФУ. Г. Н. Валиахметова – автор большого числа статей и нескольких научных монографий по проблемам борьбы за нефтяные богатства Ближнего Востока.

В рамках проблематики, связанной с историей международных отношений в политикой великих держав в Восточном Средиземноморье, Северной Африке и на Ближнем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны, выполнена докторская диссертация, написаны монография и серия научных статей профессора кафедры новой и новейшей истории ИГ-НИ УрФУ А. Г. Чевтаева, серия статей и кандидатская диссертация «Итальянская агрессия против Эфиопии и позиция Франции (1932–1936 гг.)» доцента кафедры европейских исследований Т. П. Нестеровой. Труды международников-ближневосточников из Уральского университета получили положительные отзывы в отечественной и зарубежной историографии.

Учебно-методической работой в области преподавания общих и специальных курсов по истории стран Азии и Африки наиболее активно занималась ученица И. Н. Чемпалова доцент В. Н. Грак, накопившая богатый опыт в чтении лекций, проведении семинарских занятий, коллоквиумов, собеседований со студентами. Имеют методические разработки по различным аспектам изучения студентами истории, языков, религий стран Востока представители чемпаловской школы международников профессора В. А. Кузьмин, Г. Н. Валиахметова, доценты В. А. Бабинцев, Э. А. Замов, Н. М. Галиакбарова и другие.

Таким образом, можно заключить, что благодаря усилиям профессора И. Н. Чемпалова в Уральском федеральном университете сложилось целое научное направление востоковедов-международников, представленное уже несколькими поколениями исследователей, создана серьезная источниковая база в виде широкого круга дипломатических документов и других материалов, выявленных его учениками в зарубежных архивах, за-

ложены прочные основы для продолжения научно-исследовательской работы в области дальнейшего изучения многоаспектных процессов международных отношений и политики отдельных государств в таком значимом регионе планеты, каким является Ближний Восток.

Vadim A. Kuz'min

**CONTRIBUTION OF PROFESSOR I.N. CHEMPALOV
AND DISCIPLES OF HIS SCIENTIFIC SCHOOL
IN THE PREPARATION OF ORIENTALISTS AS RESEARCHERS
OF THE HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS**

This paper is devoted to a review the contribution of the Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural State University I. N. Chempalov and disciples of the Ural Scientific School of International Relations History, created by him, in the formation and development of scientific researches on the history of international relations and politics of the Great Powers in the Middle East in the twentieth century. This article was prepared in connection with the centenary of the birth of Professor I. N. Chempalov.

Keywords: historians; archives; diplomatic documents; researches; thesis; the history of international relations; the Middle East; the great powers.

3. Событие-символ

Код ВАК 07.00.03

А. Н. Ильиных

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ: РЕАЛИИ И МИФЫ

Статья посвящена выявлению ряда спорных утверждений и мифов в отношении истории арабо-израильского конфликта. Автор пытается предложить наиболее убедительное объяснение сюжетам подобного рода.

Ключевые слова: палестино-израильский конфликт; ближневосточный конфликт; Земля Обетованная.

На протяжении многих лет международное сообщество выступает за урегулирование арабо-израильского конфликта на основе факта существования двух государств, двух народов. Формально создание этих государств было предложено еще в 1947 г. в резолюции ГА ООН 181 /II. Почему же до сих пор этот вопрос, приведший к многолетнему конфликту, остается открытым? Что на самом деле происходит в ближневосточном регионе? Насколько опасен и масштабен арабо-израильский конфликт? И стоит ли вообще отождествлять *арабо-израильский конфликт* и *палестино-израильский конфликт*? Попытаться ответить на эти, весьма нетрудные на первый взгляд, вопросы и будет задачей данной статьи.

Прежде всего, необходимо отметить, что палестино-израильский конфликт не является межгосударственным. Для него характерна сильно выраженная этнотерриториальная и этнополитическая составляющая⁴⁷⁴. Это и предопределяет, на наш взгляд, неправомерность отождествления палестино-израильского конфликта с конфликтом арабо-израильским.

Во-вторых, необходимо прояснить взаимосвязь арабо-израильского конфликта с конфликтом на Ближнем Востоке в целом. С точки зрения общественности, принято считать, что именно арабо-

Ильиных Анна Николаевна, магистрант Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Pyinykh Anna, master student of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 336-14-55. Электронная почта/E-mail: anna_ilinih@rambler.ru.

⁴⁷⁴ Звягельская 2013.

израильское противостояние лежит в основе всех проблем ближневосточного региона. Как отмечает известный отечественный специалист по Ближнему Востоку Е. Я. Сатановский в своей статье «Россия и ближневосточный мирный процесс», «...аксиомой стала готовность мирового сообщества видеть в урегулировании этого конфликта панацеею от всех ближневосточных бед»⁴⁷⁵. Однако, в действительности, происходящие на Ближнем Востоке политические процессы являются намного более сложными. Конечно же, нельзя отрицать, что противостояние между евреями и мусульманскими арабами заложило основы ближневосточного конфликта. Но на сегодняшний день арабо-израильский конфликт является лишь одной из составляющих конфликта ближневосточного. Это лишь один из элементов борьбы за распределение сфер политического и экономического влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Арабо-израильские противоречия еще более обостряются из-за происходящего в ряде стран Ближнего Востока усиления антимодернистских традиционалистских настроений. В сознании многих арабских политических лидеров Израиль является олицетворением чуждого восточному менталитету начала, которое надо изгнать из Палестины, исторически относящейся к миру ислама. Усиление радикального исламизма в последние годы (в том числе и в таких странах, как Египет и Турция) крайне затрудняет возможность достижения прочного мирного урегулирования, основанного на взаимном доверии между сторонами⁴⁷⁶.

В-третьих, вопреки расхожему мнению, арабо-израильское противостояние началось задолго до создания Государства Израиль; его корни уходят в арабские волнения 1921, 1929 и 1936–1939 гг., отчетливо выявившие невозможность компромисса между руководством еврейской общины и экстремистски настроенными мусульманскими религиозными лидерами Палестины⁴⁷⁷. Официальное же создание Государства Израиль в мае 1948 г. лишь дало толчок к началу массовых боевых действий противоборствующих сторон.

Для арабо-израильского конфликта особенно характерно то, что участники этого противоборства поддерживают лидеров, демонстрирующих твердое намерение не поступиться принципами, защищая интересы и символы, исторически сформировавшиеся в условиях конфликта. Вот почему переговоры являются для нынешних «властителей дум» либо вовсе идейно неприемлемыми, либо тяжелой обязанностью, навязанной внешними игроками.

⁴⁷⁵ Бизнес-диалог 2012.

⁴⁷⁶ Эпштейн 2002.

⁴⁷⁷ Там же.

Интересы могут быть предметом для торга, а ценности примирить крайне сложно. Это означает, что в израильско-палестинском конфликте противоборствующие стороны не склонны идти на уступки по вопросам, которые, по их мнению, относятся к проблеме выживания и сохранения их народов, их уникальной культуры. Даже умеренные политики, ведущие переговоры, воспринимают эвентуальный раздел Палестины как заведомо несправедливый, как жертву с их стороны. В то же время альтернативные предложения заводят ситуацию в полный тупик. Так, в палестинской среде, да и не только в ней, все большее внимание привлекает вариант создания одного государства для двух народов, идея, абсолютно неприемлемая для Израиля. Дело в том, что и будущее палестинское государство, и Израиль строятся на этно-религиозной основе, что означает неприятие доминирования иной этно-религиозной группы и даже слишком большой ее численности.

В-четвертых, немаловажной причиной постоянно подогреваемой напряженности в арабо-еврейских отношениях стало влияние великих держав, пытавшихся за счет той или иной стороны ослабить позиции своих конкурентов на Ближнем Востоке. Особенно сильно это влияние сказалось на сионистском движении, политически зависимом от признания со стороны Турции (до 1917 г.) и Великобритании (после 1917 г.), а также США, Советского Союза и других стран⁴⁷⁸. Позднее, в годы «холодной войны», арабо-израильский конфликт стал ареной борьбы двух на тот момент сверхдержав – СССР и США. Этот факт отрицательно сказался на разрешении арабо-израильских проблем. В последнее время складывается впечатление, что, несмотря на американскую и российскую активность и активность других членов квартета, в плане разрешения этого регионального конфликта ничего не происходит и не произойдет.

В-пятых, вопреки расхожему мнению, арабо-израильский конфликт едва ли имеет смысл определять как «неразрешимый», ссылаясь на то, что арабы никогда не смогут договориться с израильянами. Опровержением этого, например, служат соглашения о перемирии, подписанные при посредничестве ООН: в феврале 1949 г. — с Египтом, в марте 1949 г. — с Ливаном, в апреле 1949 г. — с Иорданией и в июле 1949 г. — с Сирией. Эти соглашения подвели итог под самой ожесточенной из всех арабо-израильских войн — Войной за независимость. В определенной мере они стали моделью для достижения полноценных мирных договоров в будущем: с Египтом — в марте 1979 г. и с Иорданией — в октябре 1994 г. Договор о полной передаче территории Си-

⁴⁷⁸ Звягельская 2013.

найнского полуострова Египту был подписан бывшим лидером еврейских подпольщиков, наиболее преданным наследником непримиримо-го З. Жаботинского М. Бегиным. Руководителем израильской делегации на международной конференции в Мадриде был еще более непримиримый радикал, в прошлом — вожак боевой организации ЛЕХИ И. Шамир. Соглашение о шестикратном увеличении находящейся под полным палестинским контролем территории зоны А в Иудее и Самарии было подписано в Уай-Плантейшн также лидерами правоцентристского движения «Ликуд» («Единство») Б. Нетанияху и А. Шароном⁴⁷⁹.

Стоит отметить, что приверженность обеих сторон собственным «ценностям» и составляет тот конфликтный фон, на котором разворачивались очередные попытки решить проблему, абстрагируясь, по возможности, от эмоциональных и псевдоисторических подходов.

Возможности изменения ситуации в формате арабо-израильских отношений пока отсутствуют. Нет никаких признаков, указывающих на то, что ситуация опасно драматизируется. Скорее напротив, сторонам легче жить с существующими проблемами (несмотря на громкие заявления о стремлении к миру), чем идти ради этого мира на серьезную корректировку своей позиции. Она может оказаться крайне болезненной для обеих сторон. Например, Израилю придется эвакуировать поселенцев с Западного берега, а палестинцам открыто отказаться от идеи возвращения беженцев в Израиль. Это означает переход к новому курсу, негативные последствия которого для соответствующих политических элит можно легко просчитать, в то время как вопрос, ради чего это следует делать, остается открытым. Иными словами, мир для многих израильтян по-прежнему выглядит более неопределенным и опасным предприятием, чем сохранение статус-кво.

Все вышперечисленные факторы необходимо учитывать при стремлении к объективной характеристике существующих проблем в ближневосточном регионе. Адекватное понимание процессов, происходящих здесь, возможно лишь в случае отказа от искажающих реальность идеологических постулатов, в большом числе сформулированных представителями всех противоборствующих сторон.

Арабо-израильское противостояние оставляет глубокие раны, что, как ни печально это признавать, общественное мнение обоих народов по-прежнему готово оправдывать борьбой за культурную самобытность и выживание. История этого противоборства представляет собой конфликт народов, у каждого из которых — своя правда, так и не воплотившаяся в полной мере на многострадальной земле Ближнего

⁴⁷⁹ Эпштейн 2002.

Востока. К сожалению, обострение конфликта в последнее время лишь отдаляет оба народа (как арабский, так и еврейский) от достижения своих подлинных целей. Ни евреи, ни арабы никогда не уйдут с этой земли, а потому обречены искать — и находить — взаимоприемлемые формы сосуществования.

Список источников и литературы

- Бизнес-диалог 2012 – Бизнес-диалог «Россия-Арабский мир» // Российско-арабский деловой совет, 21.06.2012. URL: http://www.tppinform.ru/analytic_journal/2429.html (дата обращения: 01.03.2013).
- Звягельская 2013 – Звягельская И. Палестино-израильский конфликт: история // Хроники третьей мировой, 15.11.2013. URL: <http://3wwar.ru/palestino-izraelskiy-konflikt-istoriya> (дата обращения: 10.06.2013).
- Эпштейн 2002 – Эпштейн А. Реалии и мифы арабо-израильского конфликта: несколько критических мыслей о войнах и дипломатии // Израиль сегодня, 07.11.2002. URL: <http://old.ort.spb.ru/nesh/epstein/221107a.htm> (дата обращения: 10.06.2013).

Anna N. Plynykh

ARAB-ISRAELI CONFLICT: MYTHS AND REALITIES

The article is devoted to the identification of a number of controversial statements and myths regarding the history of the Arab-Israeli conflict. The author tries to offer the most plausible explanation for this kind of subjects.

Key words: the Palestinian-Israeli conflict; Middle East conflict; Earth Sacred.

4. Историческая память: «точная» и «виртуальная»

Код ВАК 07.00.02

М. А. Фельдман

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ, ИЛИ ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ МОНОГРАФИИ И. В. НАРСКОГО «ЖИЗНЬ В КАТАСТРОФЕ. БУДНИ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 1917–1922 ГГ.» (М.: РОССПЭН, 2001)

Статья посвящена важной исторической и историографической проблеме: роли Гражданской войны в истории России. Стала ли Гражданская война катастрофой для российского общества, нарушив цивилизационную связь времен? Автор высказывает мнение, что при всех многочисленных бедах и потерях период 1918–1920 гг. не был катастрофой для экономики и общества, как в масштабах страны, так и уральского региона.

Ключевые слова: Россия; Урал; промышленность; население; рабочие; потери.

«Большое видится на расстоянии». Эта строчка поэта вполне применима к оценке исторических работ: зачастую требуются годы и десятилетия для того, чтобы оценить достоинства и недостатки монографии, созданной в русле определенной научной концепции, на основе конкретного методологического подхода. Время также меняет оценки значимости концепций и методов.

Выход в Москве, в 2001 г. в РОССПЭН книги видного уральского исследователя И. В. Нарского «Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 г.»⁴⁸⁰ стал событием в исторической науке как потому, что анализ событий в регионе в годы Гражданской войны в монографии проходил постоянно в сравнении с общероссийской

Фельдман Михаил Аркадьевич, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института – филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66); доктор исторических наук, профессор.

Feldman Mikhail, professor of the Department of Public Administration and Policy Technologies of Ural Institute – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration at the President of the Russian Federation (620990, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta Street, 66); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 251-78-81. Электронная почта/E-mail: feldman-mih@yandex.ru.

⁴⁸⁰ Нарский 2001.

действительностью, так и в силу новаторского характера исследования.

Автор справедливо отмечал, что «историки кризисных эпох чаще других попадают под обаяние точек зрения, выработанных непосредственными участниками и свидетелями изучаемых событий». Относительно периода Гражданской войны интерпретации советских историков не критично отражали позицию победителей – большевиков. Этот факт демонстрировали не только аргументы, но и сама стилистика исторических трудов советской эпохи, в первоизданном виде воспроизводящая язык коммунистической публицистики того времени⁴⁸¹.

Немногое – если не считать превращения большевиков из «идеальных борцов» в «губителей свободы и врагов народа», а их противников в мучеников и подлинных героев – изменилось и в постсоветский период, поскольку, как пишет Нарский, в работах отечественных историков по-прежнему преобладал марксистский принцип рассмотрения истории общества сквозь призму классовой борьбы. В результате многие исследования сохраняли качество обличительной литературы, а социальные группы подразделялись на «прогрессивные» и «регрессивные»⁴⁸².

Подведя столь обоснованный итог историческим работам 1990-х гг., посвященным периоду Гражданской войны в России, отметив «ураганное расширение тематики»⁴⁸³, Нарский изложил цель исследования – центральной темой книги провозглашалась роль «маленького человека» в грандиозных исторических событиях. На этой основе предполагалась реконструкция стратегии выживания населения в экстремальных условиях гуманитарной катастрофы⁴⁸⁴.

При наличии к началу XXI в. уже немало числа монографий и статей, выполненных в рамках *истории повседневности*⁴⁸⁵, книга Нарского воспроизводила невиданную до этого – по своей широте – картину человеческого бытия во всех сферах социальной жизни в один из самых тяжелых периодов российской истории. Масштаб деградации и примитивизации жизни представителей всех слоев российского общества в период Гражданской войны, яркость изложения позволяют присоединиться к целому ряду историков, положительно оценивших труд Нарского.

⁴⁸¹ Нарский 2001: 14.

⁴⁸² Там же: 15.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Там же: 24.

⁴⁸⁵ Там же: 16–17.

Более того, ни в 1990-е гг., ни в первое десятилетие XXI в. в исторической литературе не появлялись столь же выразительные картины повседневной жизни в годы Гражданской войны, как в монографии уральского историка, словно подтверждающая доказательства автора в пользу необходимости победного шествия методологии истории повседневности.

Одним из центральных мест в монографии выступало авторское определение методологического видения проблемы. Отталкиваясь от критики рядом западных, главным образом германских, исследователей сторонников социальной истории⁴⁸⁶, Нарский выразил сомнение в самой возможности использования инструментария классической социальной истории, вследствие «недооценки размеров пережитой населением катастрофы»⁴⁸⁷. Заметим, что хотя в тексте звучит иной термин – «социологический инструментарий», автор, поддерживая обвинения социальных историков в «переоценке социальных макроструктур, недостаточном интересе к человеку»⁴⁸⁸, имел в виду инструментарий классической социальной истории. В подтверждение этого можно привести следующую мысль автора, носящую концептуальный характер: «В условиях невиданной катастрофы, обрушившейся на население, **происхождение и социальная принадлежность человека** (выделено мной – М.Ф.)... не оказывали столь мощного воздействия на повседневное существование, как всеобщее оскудение и разорение»⁴⁸⁹. Таким образом (и это подтверждает все последующее содержание монографии), жизнь «малого человека» фактически рассматривается вне непосредственной связи с конкретно-историческим развитием реальных социальных групп. Об этом свидетельствует и критика (пусть и весьма сдержанная) работ В. Бровкина за рассмотрение истории Гражданской войны «как взаимодействия всех социальных групп, политических движений, партий»⁴⁹⁰.

Такая позиция тем более удивительна, что Нарский указывает на необходимость рассмотрения истории повседневности *как развития социальной истории в контексте изучения и социальных структур*, и их восприятия современниками во взаимодействии и взаимовлиянии⁴⁹¹. Однако и здесь остается открытым принципиальный вопрос: история повседневности рассматривается как *разновидность социаль-*

⁴⁸⁶ Нарский 2001: 16

⁴⁸⁷ Там же: 19.

⁴⁸⁸ Там же: 16.

⁴⁸⁹ Там же: 25.

⁴⁹⁰ Там же: 16.

⁴⁹¹ Там же: 22

ной истории, либо как ее *более высокий этап; своеобразная надстройка*, снисходительно посматривающая на свою прародительницу?

Еще одним методологическим подходом в монографии стало восприятие событий Гражданской войны как *всеобщей катастрофы*, «размеры которой превосходят силу воображения современного человека»⁴⁹², а «многие специфические групповые модели поведения все в большей мере вытеснялись простейшими, индивидуально, реже – коллективно разыгрываемыми импровизациями на тему физического выживания»⁴⁹³.

Аргументами в пользу «теории катастрофы» в монографии выступают такие составные части всеобщего хаоса и разложения в регионе, как демографическая, продовольственная, управленческая, культурная, бытовая, санитарная катастрофы; разрушение подавляющего числа (70%) промышленных предприятий.

Но что понимается под термином «катастрофа»? Нарский прослеживает эволюцию толкования указанного слова: от нейтрального – «переворота, перелома, важного события, решающего судьбу или дела» у В. В. Даля, до «события с трагическими последствиями» у С. И. Ожегова (1991 г.)⁴⁹⁴ Между тем, в более позднем издании (1995 г.) словаря Ожегова расширены и более точно, на наш взгляд, определены границы термина «катастрофа» благодаря добавлению к прежнему определению: «неожиданное и грандиозное событие в истории планеты, влияющее на ее дальнейшее существование»⁴⁹⁵. Поскольку, в этом случае, различия между понятиями «трагические последствия» и «катастрофа» становятся более рельефными, оговоримся, что под понятием «катастрофа» мы понимаем разрушительные события в истории страны, социальной группы, в сфере жизни отдельного человека, *имеющие необратимое или трудно обратимые последствия*.

Рассмотрим все названные аргументы. Говоря о демографической стороне проблемы, автор приводит утверждение об убыли 70 млн жителей России в результате двух войн или потери трети *ожидаемой численности населения*⁴⁹⁶. Однако на этой же странице сообщается о том, что утрата 30–32 млн жителей бывшей Российской империи произошла постольку, поскольку они оказались в составе возникших независимых государств в результате «усечения территории», а 2–3 млн россиян стали эмигрантами⁴⁹⁷. В этой связи, в контексте демографиче-

⁴⁹² Нарский 2001: 19.

⁴⁹³ Там же: 25–26.

⁴⁹⁴ Там же: 24.

⁴⁹⁵ Ожегов, Шведова 1995: 264.

⁴⁹⁶ Нарский 2001: 19.

⁴⁹⁷ Там же: 122.

ской катастрофы, возникают большие сомнения, что, например, жизнь украинцев и белорусов в составе «белопанской» Польши оказалась в 1920–1930-е гг. более трудной, чем у их сородичей в СССР.

Примечательно и другое: автор приводит статистические данные подтвержденных потерь населения: за 1918 – начало 1922 г. на территории будущего СССР погибли: 5–6 млн от голода; 3 млн от болезней; 3 млн на фронтах Гражданской войны; 0,2 млн – от белого и 0,5 млн – от красного террора⁴⁹⁸. Гибель 11,7–12,7 млн человек – это бесспорно, трагедия для России. Но примерно половина из значительной и столь болезненной потери 8–10 % населения⁴⁹⁹ приходится на события, связанные с голодом 1921–1922 гг., т.е. после окончания основных военных действий.

В коллективной монографии ведущих российских демографов отмечается, что точные цифры потерь населения России в годы Гражданской войны вообще *установить невозможно*, что объясняется состоянием и противоречивостью источников и отсутствием общих критериев в оценке влияния различных факторов на демографическую ситуацию, различием используемых методик⁵⁰⁰. Не случайно, что показатели изменения численности населения России в сопоставимых (установившихся в 1921–1922 гг.) границах колеблются за 1914–1920 гг. от сокращения на 7,1 млн человек до роста – на 6,4 млн человек⁵⁰¹. Судя по статистике, приведенной Нарским, в Вятской губернии за период 1912–1920 гг. (т.е. с учетом потерь Первой мировой войны) население сократилось на 2,5 %; в Пермской губернии – произошел *рост численности населения* на 3,2 %; в Челябинской губернии (за 1916–1920 гг.) также отмечен *рост численности населения* на 10,8 %⁵⁰². Пожалуй, затруднительно отнести такую статистику к разряду «демографических катастроф».

Более точную картину потерь численности населения Урала за 1914–1920 гг. (т.е. от двух войн: Первой мировой и Гражданской) несут Труды ЦСУ СССР. Так, население Вятской губернии в 1920 г. насчитывало 89 %, Пермской – 94 % от уровня 1914 г.⁵⁰³

Нарский обоснованно указывает, что наиболее пострадавшей частью региона был Южный Урал, хотя и не приводит обобщающих

⁴⁹⁸ Нарский 2001: 123.

⁴⁹⁹ Население России 2000: 93–94.

⁵⁰⁰ Там же: 95.

⁵⁰¹ Там же: 93–94.

⁵⁰² Нарский 2001: 123–124.

⁵⁰³ Труды ЦСУ 1921: 2–5.

данных⁵⁰⁴. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства: во-первых, в наиболее пострадавшей от мировой и Гражданской войн Оренбургской губернии часть потерь населения приходится на миграционные потоки казачества и казахов⁵⁰⁵. Во-вторых, судя по данным монографии, основные потери населения Урала пришлись не на период войн. Они стали результатом голода 1921–1922 гг., а также эпидемий тифа, дизентерии, холеры, являвшихся, все-таки, последствиями военных потрясений⁵⁰⁶.

Монография показывает обширную и жуткую картину голода и нехватки продуктов на Урале. Доказательства автора строятся на факте крайней скудности содержания продовольственного пайка⁵⁰⁷. Действительно, даже в Петрограде достаточный для нормального питания паек в 3600 калорий получал **всего один процент рабочих**⁵⁰⁸. Проведенное осенью 1918 г. (т. е. после сбора нового урожая) бюджетное обследование питания населения (в основном рабочих) в 40 городах России установило практически ту же картину – в среднем паек рабочего не превышал 2680 калорий или 74 % от нормы⁵⁰⁹.

Вместе с тем, судя по Уралу, пайковое снабжение рабочих в Советской республике в 1919–1920 гг. эволюционировало в сторону медленного, но, тем не менее, очевидного, увеличения удельного веса потребляемого рабочими по карточкам продовольствия. Так, по данным ЦСУ РСФСР, если в декабре 1919 г. рабочие Урала 44,8 % потребляемого продовольствия получили по карточкам (остальная часть продуктов приобреталась на рынке по коммерческим ценам), то в мае 1920 г. на карточки пришлось уже 63,3 %⁵¹⁰. Для подобного, не столь значительного, но, тем не менее, позитивного (в условиях нищеты и разрухи) сдвига потребовались чрезвычайные меры: рассмотрение вопроса снабжения уральских рабочих на заседании Совета Труда и Обороны в январе 1920 г.; введение заградительных отрядов, блокирующих вывоз продуктов с территории Урала; использование железнодорожного транспорта Красной Армии⁵¹¹.

⁵⁰⁴ Сложность подсчета населения в Оренбургской губернии объясняется еще и тем, что в 1919 г. значительная часть территории Оренбургской губернии отошла к Челябинской губернии и Башкирской АССР. В результате в губернии осталось только 2 уезда — Оренбургский и Орский.

⁵⁰⁵ См. например: История казачества 1995: С. 94.

⁵⁰⁶ Нарский 2001: 124, 126–139.

⁵⁰⁷ Там же: 243.

⁵⁰⁸ Ильюхов 2010а: 44.

⁵⁰⁹ Там же: 39–40.

⁵¹⁰ Труды ЦСУ 1921: 24, 32–33.

⁵¹¹ Шиловцев 2004: 24–26.

Важным событием процесса закрепления на производстве рабочих кадров уральской промышленности стало расширения числа работников «бронированных предприятий» Урала – Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Уфимской, Тюменской губерний – (получавших усиленный паек): с 120 тыс. с декабря 1919 г. до 172 тыс. в декабре 1920 г.⁵¹² В реальности это означало «бронирование» большинства работников не только оборонных, но и вообще работавших предприятий крупной промышленности. В связи со стремлением рабочих и служащих, хуже снабжаемых предприятий⁵¹³, перебраться на предприятия более обеспеченные, контингент получавших бронированный паек увеличивался, и вероятность получения его в соответствии с нормой уменьшалась.

Тем не менее, если во второй половине 1919 г. работники промышленных предприятий получали 20–80 % хлеба, положенного по карточкам, то в 1920 г. — 85–100 %⁵¹⁴. Не забывая о цене такого «достижения», обеспеченного беспощадными продразвертками, террором и репрессиями за любое неповиновение, за подобным увеличением просматривается вектор продовольственной политики: любым способом обеспечить коллективы оборонных предприятий хлебом. Обеспечение другими продуктами (крупы, мясо, сахар) носило эпизодический характер (не более 10 % от потребности). Скучность продовольственного пайка (несмотря на все очевидные меры по его увеличению) была столь очевидна, что по своей калорийности позволяла выполнять только легкую работу⁵¹⁵.

Позитивную роль сыграло введение натурального премирования. Усиленный добавочный паек натурой в порядке премий (сверх установленной оплаты труда) получали, прежде всего, рабочие образцовых и ударных предприятий. Максимальная величина месячных премий была невелика и достигала 9 фунтов муки, 7,5 фунтов крупы, 7,5 фунтов крупы мяса или рыбы, 1,8 фунта чая, 2 г сахарина, 1 фунта соли (в общей сложности не более 45 фунтов)⁵¹⁶. Однако с учетом однообразности и преимущественно растительного характера потребляемой рабочими пищи (например, в Екатеринбурге в декабре 1919 г. из 3 фунтов ежедневно потребляемой рабочими пищи $\frac{3}{4}$ приходилось

⁵¹² Там же: 32.

⁵¹³ Весной 1920 г. все предприятия Урала были разделены на образцовые, ударные, работающие и приостановленные.

⁵¹⁴ Годовой отчет 1921: 83–84 (данные по Екатеринбургской губернии).

⁵¹⁵ Шиловец 2004: 33–35.

⁵¹⁶ Там же: 32–33.

на картофель и хлеб)⁵¹⁷, премиальный фонд способствовал закреплению рабочих на предприятиях.

Часть продовольствия рабочие дополнительно получали через открытую на предприятиях широкую сеть столовых. В практику гражданской войны вошло прикрепление рабочих Урала к заводским столовым, обеспечивающих горячим питанием. Общественное питание, выступая в качестве одной из составляющих частей системы распределения, сыграло положительную роль в смягчении продовольственного кризиса – коммунальными столовыми пользовалась примерно 1/6 часть *городского* населения Урала, но – судя по Екатеринбургской губернии, где 92 заводские и городские столовые ежедневно обслуживали 55 150 человек⁵¹⁸ – большая часть рабочих и служащих промышленных предприятий.

Говоря о продовольственном снабжении населения, следует учитывать, что большинство жителей горнозаводских поселков и родов имели не только огороды, но *земельные и лесные наделы*⁵¹⁹. Для рабочих-уральцев в годы Гражданской войны во многом спасением от недоедания стало увеличение сельскохозяйственных посевов⁵²⁰. Если в 1916 г. на Урале из всех хозяйств горнозаводского населения 45 % имели посевы, то в 1920 г. – 73%⁵²¹. Судя по Екатеринбургской губернии, в 1920–1921 гг. рабочие в своих хозяйствах получали примерно 30–50 % довоенного количества продуктов⁵²². Приблизительность приведенного показателя очевидна, но она корреспондируется с более точными сведениями по удельному весу среднего дохода от собственного хозяйства в дореволюционный период (20–27 %)⁵²³.

Помимо этого, одним из основных источников пропитания рабочих становились хищение имущества с предприятий и нелегальное изготовление предметов потребления в рабочее время. Так, в 1918 г. доходы от хищений, выделывания зажигалок и т.п. составляли 15 % заработка, в 1919 г. – 20%, в 1920 г. – 19 %. Воровство из уголовного преступления стало превращаться в средство поддержания жизни. По подсчетам А. А. Ильюхова, «левые» доходы, т. е. получаемые на заводе неофициально, обеспечивали до половины потребления рабочих в годы Гражданской войны⁵²⁴.

⁵¹⁷ Годовой отчет 1921: 88.

⁵¹⁸ Шиловцев 2004: 29.

⁵¹⁹ См. подробнее: Фельдман 2006.

⁵²⁰ Бюджеты рабочих 1929: 22.

⁵²¹ Материалы 1928: 39.

⁵²² Фельдман 1989: 110.

⁵²³ Постников, Фельдман 2006: 197–198.

⁵²⁴ Ильюхов 2010b: 30.

Приведенные статистические данные ставят под сомнение утверждение о всеобъемлющей продовольственной катастрофе на Урале, по крайней мере, в период 1918–1920 гг., когда в сельском хозяйстве, даже в наиболее пострадавшей от военных действий в регионе – Челябинской губернии, сокращение посевных площадей составило 7,8 %, а поголовья лошадей – на 12,4 %, что разительно отличается от кризисной картины 1922 г.⁵²⁵

Специфика жизни горнозаводского населения (основной части промышленного пролетариата Урала) – владение земельными и лесными наделами – осталась незамеченной в монографии. Обоснованно подмеченная Нарским, мизерность классового пайка, свидетельствующая о скудности продовольственных запасов, *являлась только одним из каналов продовольственного обеспечения жителей горнозаводского Урала.*

Заметим, что символ промышленной катастрофы – оглушительная цифра – 70 % разрушенных промышленных предприятий на Урале в результате Гражданской войны⁵²⁶ – взята из весьма специфического источника «Очерков истории коммунистических организаций Урала» и не подтверждается архивными, либо опубликованными статистическими материалами.

Обоснованно отметив резкое снижение выпуска продукции металлургических предприятий Урала⁵²⁷ (действительно, летом 1919 г. после изгнания колчаковцев, выплавка металла на Урале осуществлялась лишь на 2–3 домнах из 97; бездействовало большинство прокатных станов, медеплавильных заводов, рудников)⁵²⁸, Нарский не обратил внимание на то, что уже осенью 1919 г. возобновили работу многие заводы Урала, действовали 14 доменных и 16 мартеновских печей, 49 прокатных станов, т.е. не менее 1/3 металлургических агрегатов, работавших в июле 1918 г., т.е. проводился курс на концентрацию производства из-за нехватки ресурсов⁵²⁹.

Меры, предпринятые советскими органами по выстраиванию системы продовольственного снабжения рабочих и служащих, позволили сохранить костяк работающих на заводах и фабриках, шахтах и рудниках. Сам автор отмечает, что в едва ли не самый тяжелый период для Урала (после ожесточенных боев лета 1919 г.) – в сентябре 1919 г. – на металлургических предприятиях края трудилось около 90 тыс. рабочих, или вдвое меньше, чем в 1916 г.⁵³⁰ В указанный период вдвое

⁵²⁵ Нарский 2001: 95.

⁵²⁶ Нарский 2001: 87.

⁵²⁷ Там же: 81.

⁵²⁸ История народного хозяйства 1988: 37.

⁵²⁹ Там же: 39.

⁵³⁰ Нарский 2001: 86.

сократилась численность шахтеров; на 60 % – рабочих золотодобычи и горняков⁵³¹.

Тем не менее, в сохранении значительной части промышленных рабочих вновь проявились *специфические черты* индустрии Урала: заводы и фабрики в горнозаводских поселках региона, даже прекратив работу, вставали на консервацию, сохраняя штат работников основных цехов⁵³². Система военных госзаказов в 1918–1920 гг., как со стороны белогвардейских правительств⁵³³, так и органов советской власти, для металлообрабатывающих предприятий Урала, прежде всего Ижевского и Пермского (Мотовилихинского), Воткинского, Златоустовского и ряда других заводов позволила сохранить ядро рабочих-машиностроителей⁵³⁴.

Автор наиболее основательного исследования горнозаводской промышленности Урала в период Гражданской войны С. П. Сигов, в зависимости от степени урона промышленному производству в ходе военных действий и эвакуаций, выделял две основных типа предприятий: металлургические цеха (*где разрушения были сравнительно незначительны и не играли существенной роли и в последующем восстановлении производства*) и разрушения в других неметаллургических (главным образом, военных и силовых) цехах заводов⁵³⁵.

Однако и здесь, хотя разрушения, произведенные в военных и отчасти силовых цехах заводов, были в ряде случаев весьма серьезны, стремительное отступление белых войск помешало осуществить план эвакуации. Разгром белогвардейцев касался не столько оборудования, сколько всего аппарата управления производства, начиная с канцелярских принадлежностей до увода всего квалифицированного состава работников. Собственно металлургические цехи в большей части были затронуты разрушениями эвакуацией лишь косвенно. Будучи в дальнейшем реэвакуировано, увезенное с заводов оборудование, в условиях того момента, в большинстве случаев не находило себе применение⁵³⁶.

Во второй половине 1919–1920 гг. заказы военного ведомства выполняли 477 заводов и фабрик Урала⁵³⁷. Ряд предприятий (напри-

⁵³¹ Дмитриев, Дмитриева 1990: 77.

⁵³² На Урале к 1914 г. насчитывалось более 30 законсервированных заводов, где были заняты 33,5 тыс. рабочих. См. об этом: Фельдман 2001: 93–94.

⁵³³ Там же: 261.

⁵³⁴ См. подробно: Фельдман 2001: 154–155.

⁵³⁵ Сигов: 276–277.

⁵³⁶ Там же: 277–278.

⁵³⁷ История народного хозяйства 1988: 40.

мер, Пермский пушечный завод) временами выходил на уровень производства вооружений и боеприпасов 1915–1916 гг.⁵³⁸

Численность уральских рабочих за 1914–1920 гг. изменилась следующим образом: в горнозаводской отрасли она уменьшилась с 254 тыс. человек в 1914 г. и 203 тыс. в апреле 1918 г. до 129 тыс. в 1920 г., или почти в 2 раза. Число фабрично-заводских рабочих в эти годы оставалось довольно стабильным: 49,6 тыс. в 1914 и 43 тыс. в 1920 г., что объяснялось меньшим влиянием мобилизационных и демобилизационных процессов в легкой и пищевой отраслях. В целом, по сопоставимому кругу, численность всех промышленных рабочих (т.е. горных, горнозаводских, и фабрично-заводских) в 1914–1920 гг. сократилась в регионе с 302,4 тыс. человек до 172 тыс., или на 43,4 %⁵³⁹.

Однако существует еще один аспект данной проблемы. Дело в том, что на протяжении всего 1920 – первого квартала 1921 гг. сохранялась практика применения внеэкономических форм организации труда – составной части политики «военного коммунизма». Такая политика позволила пополнять трудовые коллективы и восстанавливать численность рабочих уральских заводов и фабрик даже после окончания основных военных действий. Показателем *стабилизации* численности рабочих промышленности Урала стали статические данные за 1921 г.: в крупной промышленности Урала были заняты 159,5 тыс. рабочих, в том числе 67,4 тыс. – в черной металлургии⁵⁴⁰. Численность рабочих и служащих каменноугольной промышленности в 1921 г. вдвое превышала уровень 1913 г.⁵⁴¹

Переход к НЭПу ознаменовался *прекращением практики оборонных госзаказов*, устранением внеэкономических форм организации труда и, как следствие, исчезновением искусственных факторов роста рабочих коллективов Урала. В 1922 г. не только выявились последствия декрета ВЦИК (октябрь 1921 г.) о прекращении мобилизации населения, но и были узаконены принципы новых трудовых отношений. Таким образом, в 1921–1922 гг. стали действовать процессы, *не связанные напрямую с Гражданской войной*.

Подлинными размерами потерь, понесенных рабочими региона не только от Первой мировой и Гражданских войн, но *и вследствие демобилизационных мероприятий государства*, стали очевидны летом 1922 г., когда в уральской ценовой промышленности осталось 107665 ра-

⁵³⁸ Там же.

⁵³⁹ Фельдман 2001: 92–94.

⁵⁴⁰ Фельдман 2001: 96.

⁵⁴¹ История народного хозяйства 1988: 77.

бочих⁵⁴². Примерно половину из них составляли квалифицированные рабочие⁵⁴³.

Но речь должна идти не только о рабочих. Даже в наиболее кризисном для промышленности – 1922 г. на Урале насчитывалось 27 действующих заводов с числом рабочих более тысячи, или треть от аналогичных предприятий в начале XX в.⁵⁴⁴ Изменения коснулись всех социальных слоев, входящих в социум уральских рабочих. К лету 1921 г. более всего пострадали трудовые коллективы бывших казенных заводов, то есть наиболее квалифицированная часть рабочих, занятых в индустрии.

Закономерность этого явления объясняется не только активным участием работников казенных предприятий в Гражданской войне, как на стороне красных, так и белых⁵⁴⁵. Сказалось ослабление самого владельца предприятий – государства. Так, летом 1921 г. на Мотовилихинском заводе – базовом предприятии артиллерийской промышленности России – из 25 тыс. рабочих заводского производства (1917 г.) осталось 1767 человек⁵⁴⁶. На Ижевском заводе, производившем в годы Первой мировой войны треть российского производства винтовок, численность рабочих за 1914–1920 гг. сократилась более чем в три раза, а квалифицированных (как правило, местных уроженцев) – в 15 раз. На Воткинском заводе – соответственно в 5 и 20 раз. Более того, в 1922–1924 гг. Воткинский завод был закрыт на консервацию⁵⁴⁷.

Однако остановка работы в 1921–1922 гг. питерских военных предприятий диктовала необходимость концентрации производства оружия на Урале, где сохранялись запасы топлива и сырья. Для обеспечения их бесперебойной деятельности власти были готовы закрыть глаза на такое «прегрешение рабочих», как служба у белых. В августе 1921 г. все квалифицированные рабочие, мастера в возрасте до 50 лет, были мобилизованы на работу на предприятия Главного военного управления (на Урале таковыми являлись Ижевский и Мотовилихинский). В результате, как и в первые десятилетия XX в., в 1922 г. военные заводы вновь оказались на Урале крупнейшими по численности

⁵⁴² Подсчитано по: Труды ЦСУ 1921: 27–32, 34 (Таблицы). Близки к этому показателю и данные «Положение труда на Урале в 1923 г.» (С. 9, с учетом примеч. 4). В 1922 г. в Уральский регион статистика включала: Вятскую, Екатеринбургскую, Пермскую, Челябинскую губернии, Башкирскую АССР, Вотскую область. Для сопоставимости с 1913–1917 гг. к Уральскому региону мы относим и Оренбургскую губернию.

⁵⁴³ Фельдман 2001: 97.

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ См.: Народное сопротивление 1982: 55–56, 71–72, 128–129, 278–285.

⁵⁴⁶ ГАСО. – Ф. 95. – Оп. 1. – Д. 373: Л. 43.

⁵⁴⁷ Подсчитано по: ГАСО. – Ф. 241. – Оп. 6. – Д. 38: Л. 321–327; Рабочий класс 1987: 89.

рабочих (10212 на Ижевском и 4372 на Мотовилихинском)⁵⁴⁸. Речь шла не только о трудовых коллективах оборонных предприятий. Во второй половине 1922 г. в цензовой промышленности Урала было заметно некоторое оживление и, как следствие, рост численности рабочих с 107572 до 126633 (без учета военных заводов)⁵⁴⁹.

Целенаправленное сохранение костяка уральского промышленного пролетариата, специалистов горнозаводской промышленности⁵⁵⁰, создание системы управленческих институтов в экономике⁵⁵¹, успешное выполнение военных заказов ставит под сомнение выводы об «управленческой катастрофе», «агонии горнозаводской промышленности Урала» в 1919–1922 гг.⁵⁵² Требуется переоценки и переосмысления и наш собственный вывод, сделанный в 2001 г., о «катастрофическом характере» изменений в рабочих коллективах Урала за период военных и революционных потрясений 1914–1920 гг.⁵⁵³

Диктаторская сущность Советской системы не вызывает сомнений. Но очевидно и то, что победу в Гражданской войне одержала та власть, которая сумела наладить в сложнейших условиях разрухи народного хозяйства и массовых призывов в армию работу крупной индустрии, мобилизовать и удержать на производстве квалифицированный персонал.

Период войн и революций не мог не отразиться на культурном уровне населения Урала. Однако, соглашаясь с мнением французского историка А. Безансона о том, что «идеология разорвала связь между старым и новым режимом»⁵⁵⁴, заметим: изменения в сфере культурного уровня россиян оказались не столь глобальными, как это казалось властным структурам. Утверждения политиков и публицистов 20-х гг. о «культурной революции», «невиданно быстром росте культуры»⁵⁵⁵ не были подтверждены каким-либо статистическим материалом, как, впрочем, и утверждения о «культурной катастрофе».

Теоретический вывод о том, что социальная катастрофа на самом деле представляет собой сложную комбинацию социокультурных

⁵⁴⁸ ГАПО. – Ф. р-33. – Оп.1. – Д. 86: Л. 28–29; Д. 87: Л. 4 (Дело содержит «Отчет по выполнению программ заводов Главного Управления военных заводов за 1922 г.»).

⁵⁴⁹ Подсчитано по: Труды ЦСУ 1925: 27–32, 34. Статистика начала 20-х гг. XX в. еще сообщала об **отсутствии материалов по военным заводам**. См., например: Труды ЦСУ 1924: 120.

⁵⁵⁰ Фельдман 1999: 209–212.

⁵⁵¹ История народного хозяйства 1988: 36–37.

⁵⁵² Нарский 2001: 81.

⁵⁵³ Фельдман 2001: 94.

⁵⁵⁴ Безансон 1998: 8.

⁵⁵⁵ Гусев 1928: 10.

образований⁵⁵⁶, подтвердили результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г.: за короткий срок был восстановлен ряд количественных и качественных характеристик довоенного времени культуры, быта, уровня жизни. Вот почему, соглашаясь с суждением об архаизации всей общественной жизни после Гражданской войны⁵⁵⁷, мы полагаем, что изменения качественных характеристик внутри уральского социума не могут рассматриваться только как «культурная катастрофа, постигшая нас в первой четверти XX в.»⁵⁵⁸.

Препятствием на пути культурной аннигиляции стала прочность традиций хозяйственного быта, повседневных занятий и привычек, во многом определяющих социокультурный уклад горнозаводского населения Урала, крестьянства региона.

Конечно, с учетом гибели людей в годы Гражданской войны, эмиграции, деклассирования представителей бывших сословий произошло упрощение социальной структуры советского города, снижение его интеллектуального потенциала. Репрессии против священников и церкви мало поколебали религиозные традиции и верования уральцев ни в годы Гражданской войны, ни, по меньшей мере, в последующие два десятилетия⁵⁵⁹. В 1920-х гг. в быту уральцев причудливо сочетались прежние религиозные праздники и революционные, советские⁵⁶⁰.

Образ жизни населения, определяемый в регионе, даже у жителей городов и поселков, с одной стороны, ролью заводов, а с другой – земледельческим годом – сохранялся. Примечательна была и растущая, но не всеобъемлющая аграризация занятий у части горнозаводского населения.

Годы Гражданской войны не могли не отразиться на условиях быта рабочих России. Менее заметными были перемены в жилищных условиях рабочих Урала. Если в 1913 г. 60 % рабочих ценовой промышленности проживали в собственных домах, то по результатам июльского общеуральского обследования 1922 г., этот показатель составил 54 %⁵⁶¹.

Вот здесь мы подходим к вопросу о масштабе социальной катастрофы. Ужас положения «маленького человека», столь талантливо описанный Нарским, имеет вполне конкретный социальный адрес. Шесть лет войн и революций более всего поразили верхние слои об-

⁵⁵⁶ Лейбович 2000: 89.

⁵⁵⁷ См.: Михайлов 2001: 156.

⁵⁵⁸ Скоробогатский 1997: 70.

⁵⁵⁹ Постников, Фельдман 2009: 244–246, 258.

⁵⁶⁰ Нарский 2001: 432.

⁵⁶¹ Подсчитано по: ГАСО – Ф. 95 р. – Оп. 1. – Д. 1115: Л. 2.

щества – дворянство, буржуазию – замечу, весьма немногочисленные слои на Урале, духовенство. Разрушительные последствия время принесло и для люмпен-пролетарских слоев рабочего социума и крестьянства. Но и здесь формирование нового государства, системы управления в экономике, работа в региональных и муниципальных учреждениях (Советах), в сфере образования и культуры требовали привлечения как большевизированных пролетариев, так и грамотных людей, специалистов. Все это суживало круг людей, живущих «растительной жизнью»⁵⁶², деградирующих и опустившихся. Сказывалась и вековая привычка россиян, в том числе уральцев, стойко переносить чудовищные бедствия и испытания. Катастрофический характер социальных явлений – и об этом убедительно пишет автор – были присущи либо отдельным уездам, либо конкретным поселениям⁵⁶³. При всем ужасе и трагичности происходящего – чего стоят случаи каннибализма в 1921 г.⁵⁶⁴ – проявления катастрофы носили локальный характер.

Подведем черту. «История повседневности» позволяет глубоко показывать человеческий микромир, но выводы по макромиру ей сильны только во взаимодействии с достижениями социальной и экономической истории. Трагическая страница российской истории – период Гражданской войны – столь же ужасна по своим социально-культурным результатам, как и Коллективизация, Голодомор, репрессии 1937–1938 гг. Но можно ли относить эти страницы к Катастрофам – разрушительным событиям, имеющим необратимые или труднообратимые последствия? Весь приведенный выше текст дает отрицательный ответ на поставленный вопрос. Более того, сомнительно рассмотрение периода 1917–1922 гг. как «времени революционной катастрофы»⁵⁶⁵. Но тем и значима книга Нарского, что, указывая на глубинные изменения микромира человека, она, пусть и в очень опосредованной форме, отражает и кардинальный поворот российской цивилизации в своем историческом развитии.

Носил ли этот поворот катастрофический характер для судьбы страны? Был ли напрасным семидесятипятилетний опыт советской истории? Все это уже темы иных исследований. Бесспорно только то, что создавать новаторские работы, подобные книге Нарского, труднее, чем критиковать их десять лет спустя.

⁵⁶² Нарский 2001: 26.

⁵⁶³ Там же: 124, 126, 127, 129.

⁵⁶⁴ Там же: 165–166.

⁵⁶⁵ Нарский 2001: 135.

Список источников и литературы

- ГАПО – Государственный архив Пермской области.
ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
- Безансон 1998 – Безансон А. Советское и русское прошлое. – М.: МИК, 1998.
- Бюджеты рабочих 1929 – Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922–1927 гг. – М.: Статистическое изд-во, 1929.
- Годовой отчет 1921 – Годовой отчет Промышленного бюро Президиума ВСНХ на Урале за 1920 г. – Екатеринбург: Государственное изд-во, 1921.
- Гусев 1928 – Гусев А. О культурной революции // Уральский коммунист. – 1928. – № 1.
- Дмитриев, Дмитриева 1990 – Дмитриев Н. И., Дмитриева Т. В. Обеспечение крупной промышленности Урала рабочей силой во второй половине 1919–1920 гг. // Экономическое и социально-политическое развитие Урала в переходный период. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.
- Ильюхов 2010а – Ильюхов А. А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. – М.: РОССПЭН, 2010.
- Ильюхов 2010б – Ильюхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. – М.: РОССПЭН, 2010.
- История казачества 1995 – История казачества Азиатской части России в трех томах. Т. 1. – Екатеринбург, 1995.
- История народного хозяйства 1988 – История народного хозяйства Урала в 2 ч. Ч. 1. (1917–1945). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
- Лейбович 2000 – Лейбович О. А. Социокультурный контекст отечественных модернизаций // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. – М.: Наука, 2000.
- Материалы 1928 – Материалы по сельскохозяйственной статистике труда // Труды Уральского областного бюро статистики. Свердловск, 1928. – Сер. 3. – Т. 4.
- Михайлов 2001 – Михайлов И. В. Рец. на кн.: «Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению» // Вопросы истории. 2001. – № 4.
- Народное сопротивление 1982 – Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. 1917 – ноябрь 1919 гг. Документы и материалы. Париж: Утса-press, 1982.
- Нарский 2001 – Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2001.

- Население России 2000 – Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1: 1900–1939. – М.: РОССПЭН, 2000.
- Ожегов, Шведова 1995 – Ожегов С. Н., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1995.
- Постников, Фельдман 2006 – Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). – Екатеринбург: УрО РАН, 2006.
- Постников, Фельдман 2009 – Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1940 гг. – М.: РОССПЭН, 2009.
- Рабочий класс 1987 – Рабочий класс Удмуртии (1861–1986). – Ижевск: Удмуртия, 1987.
- Сигов 1936 – Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. – Свердловск: Свердловгиз, 1936.
- Скоробогатский 1997 – Скоробогатский В. В. Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. – Екатеринбург: Наука: Урал. отд., 1997.
- Труды ЦСУ 1921 – Труды ЦСУ СССР. – Т. 8. – Вып. 1. Статистический сборник. 1918–1920. – М.: 14-я Гос. тип., 1921.
- Труды ЦСУ 1924 – Труды ЦСУ СССР. – Т. 8. – Вып. 5. Статистический ежегодник 1922 и 1923 г. – М.: 14-я Гос. тип., 1924.
- Труды ЦСУ 1925 – Труды ЦСУ СССР. – Т. 10. – Вып. 6. – Ч. 3. – М.: 14-я Гос. тип., 1925.
- Фельдман 1989 – Фельдман В. В. Восстановление промышленности на Урале. (1921–1926 гг.). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.
- Фельдман 1999 – Фельдман М. А. Рабочие Урала и старые специалисты в 20-е гг. XX века // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
- Фельдман 2001 – Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
- Фельдман 2006 – Фельдман М. А. К вопросу о землепользовании рабочих Урала в первые десятилетия XX в. // Вопросы истории Урала. – № 19. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 174–198.
- Шиловцев 2004 – Шиловцев А. В. Из истории продовольственной политики на Урале в годы Гражданской войны (июль 1919–1920 г.) // Проблемы экономической истории Урала. Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: Урал. ун-та, 2004.

Mikhail A. Feldman

**ON THE CHARACTER OF THE DEMOGRAPHIC
CONSEQUENCES OF THE CIVIL WAR IN THE URALS
OR NOTES WHILE READING I. V. NARSKY'S MONOGRAPH
"LIFE IN THE CRASH. EVERYDAY LIFE OF THE POPULATION
OF URALS IN 1917–1922" (MOSCOW: ROSSPEN, 2001)**

The article is devoted to the important historical and historiographical problem: the role of the civil war in the history of Russia. Has the civil war become a disaster for the Russian society, violating the civilizational connections of the times? The author expresses the view that in all the many troubles and losses of the period of 1918–1920 was not a disaster for the economy and society, as the scale of the country and the Urals region.

Keywords: Russia; the Urals; the industry; the people; the workers; the losses.

Код ВАК 07.00.03

Н. Ф. Шестакова

**МЕМОРИАЛЬНАЯ И РИТУАЛЬНАЯ ФОРМЫ
ВАЛЛИЙСКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Рассматривается роль кладбищ и могильных камней в сохранении памяти Уэльса и в реконструкции прошлого данного региона. Раскрывается образ смерти в представлении валлийцев, и связанные с ним традиции и обряды.

Ключевые слова: Уэльс, кладбище, могила, могильный памятник, смерть, память.

Память является коллективным феноменом. Она представляет собой форму отношений между живыми и мертвыми, служит напоминанием о них посредством предметов, способствующим присутствию усопших в настоящем. Этими предметами являются неотъемлемые атрибуты кладбищ и церквей: могилы, могильные памятники и надгробия. Кладбища – места памяти. Французский философ П. Рикер в книге «Память, история, забвение» отмечает: «Погребение есть акт, акт предания земле. Этот акт – не единовременный; он не ограничива-

Шестакова Надежда Федоровна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Shestakova Nadezhda, post-graduate student of Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-72. Электронная почта/E-mail: shestakovanf@mail.ru.

ется моментом захоронения; место погребения остается, поскольку остается акт предания земле; его протекание есть путь скорби, который преобразует физическое отсутствие утраченного объекта в его присутствие в душах близких. Место погребения как материальное место становится, таким образом, прочным знаком скорби, памяткой об акте погребения»⁵⁶⁶.

Могилы уже на протяжении многих веков являются «летописцем вкуса во всем мире». Во многих городах Европы и Америки организуются туры по так называемым «городам мертвых». В Англии существует Национальная федерация кладбищенских друзей, проводятся экскурсии по крупным лондонским кладбищам. Многие люди восхищаются мемориальной архитектурой, большим количеством монументальных стилей. Места погребения выдающихся личностей украшены траурными памятниками, которые служат отпечатком гражданского прогресса и свидетельствуют о вкусовых предпочтениях людей той или иной эпохи. Главная цель большинства посетителей кладбищ заключается в общении с выдающимися людьми прошлого, в возможности поразмыслить над словами Томаса Грея запечатленными в его «Элегии написанной на сельском кладбище»: «И путь величия ко гробу нас ведет!». Чтобы вернуться в прошлое и прийти к пониманию исторического наследия и своих корней, необходимо искать места захоронения известных и великих людей, которые создавали прошлое»⁵⁶⁷.

Кладбища представляют собой театрализованное представление, задача которого сводится к напоминанию нам о том, что нужно максимально использовать свое время при жизни. Многие надгробные камни содержат эпитафии. Такие могилы являются «паспортами» прошлого, рекомендательными письмами умерших. На некоторых надгробных камнях выгравированы любопытные загадки, на других рассказы о героизме или трагедии.

Большой интерес представляют собой кладбища в Уэльсе, позволяющие реконструировать прошлое данного региона Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, почерпнуть сведения о верованиях, обычаях и традициях валлийцев, узнать об их представлении о смерти, подчеркнуть особенности менталитета данного народа. Самые ранние британские надгробные камни не содержали эпитафий. Они представляли собой сооружение, где покоилось тело умершего вождя. Кромлех в Пендре Ифан около Неверна в Западном Уэльсе служит типичным примером этих первобытных гробниц. Пер-

⁵⁶⁶ Рикер 2004: 510.

⁵⁶⁷ Roberts 2002: 202; XI.

вые мемориалы с доступными для прочтения латинскими надписями относятся к периоду римского господства в Британии. В Уэльсе в музее «Римский легионер» находится могильный камень Аврелия Геркулана. Он был найден на кладбище на северо-востоке от римской крепости в Карлеоне. Геркулан был одним из 120 всадников, которые входили в состав легиона и выполняли функции гонцов. Надпись на могиле гласит: «Аврелий Геркулан, всадник, прожил 28 лет». Возле крепости в Карлеоне ранее располагалось большое кладбище, где было найдено более 30 могильных камней с надписями. Могильные камни представляют собой важный источник информации о господстве римлян в Британии. Карлеон, «Город Легионера», основанный в 74 или 75 г. н.э., был известен римлянам под названием «Иск». Иск являлся одной из трех постоянных баз легионеров в Римской Британии, две другие располагались в Честере (Дева) и в Йорке (Эборакум). Крепость Карлеон занимала ключевую позицию в военно-дорожной системе в южном Уэльсе. Ее гарнизон, как сообщают надписи, состоял из II Августова легиона, и включал 5 тыс. человек. Легион отступил из Карлеона в конце III в. н.э.⁵⁶⁸

Кладбища в Британии появляются только в VIII в. Они считались священным местом погребения. Согласно принятой традиции, в VII в. Папа Римский предоставил Св. Катберту с острова Линдисфарн разрешение устанавливать кладбища возле святых мест, с целью напомнить живым о их смертности. В те времена тела простолюдинов заворачивали в льняные саваны и погружали в землю.

В период раннего средневековья Уэльс испытывал сильное культурное влияние со стороны Ирландии. На кладбище Св. Бринака в Пембрукшире сохранился кельтский крест (крест Св. Колумба), свидетельствующий о тесных связях между Западным Уэльсом и Ирландией. Крест Св. Колумба известен во всем мире как символ кельтского христианства. Впервые он появился в V в. Многие историки делают акцент на его сходстве с языческим символом солнца, который позже стал христианским символом. Первоначально он представлял собой крест в центре круга. Крест олицетворял вечную жизнь, его горизонтальная ось обозначала земной мир, а вертикальная ось – небесный мир. Таким образом, он символизировал союз неба и земли. Ранее круг, возможно, являлся языческим символом луны или солнца. Кельтский крест был создан первыми христианами, чтобы ускорить и упростить процесс христианизации кельтского населения⁵⁶⁹.

⁵⁶⁸ Roman Tombstone 2013.

⁵⁶⁹ Celtic crosses 2013.

Неподалеку от городка Сент Клиэз находится заброшенная церковь Св. Михаила, которая была основана норманнами в XII в. Через эту церковь пролегал маршрут паломников к собору Св. Дэвида, где хранились реликвии святого заступника Уэльса. В период раннего средневековья только богатые могли позволить себе отправиться в паломничество в Иерусалим или в Рим. В 1123 г. Папа Римский Каликстус II утвердил почитание Св. Дэвида⁵⁷⁰. Он объявил, что два паломничества к собору приравниваются к одному паломничеству в Рим или в Иерусалим⁵⁷¹. К югу от Церкви Св. Михаила расположены едва заметные могилы. Их надгробные камни в высоту составляют приблизительно 40 см. На каждом памятнике изображен круг с Мальтийским крестом в центре. Легенда на этих трех могильных камнях сообщает, что в них погребены паломники и Вин Эванс, декан собора Св. Дэвида. Эти паломники, лишенные пропитания, были настолько голодны, что пришли к следующему решению: один из них убьет двух других. Похоронив своих друзей, третий паломник сам накрыл себя надгробной каменной плитой и умер с голоду⁵⁷².

Многие надгробные камни служат нам напоминанием о печальных событиях прошлого, об интересных или необычных людях, или даже животных. В небольшом городе Бедджерлт в Северном Уэльсе находится каменный памятник, которым отмечено место захоронения Джелерта, верного пса средневекового валлийского принца Лливелина Великого. Надпись на надгробном камне гласит: «В XIII в. у Лливелина, принца Северного Уэльса, был дворец в Бедджеррте. Однажды принц отправился на охоту без Джелерта, своего верного пса, который по какой-то причине отсутствовал. Когда Лливелин вернулся, пес, запятнанный кровью, радостно встречал своего хозяина. Принц встревожился, когда увидел пустую кровать своего сына и измазанные кровью постельное белье и пол. Обезумевший от горя отец пронзил мечом собаку, посчитав, что она убила его наследника. На умирающие вопли собаки ответил крик младенца. Лливелин нашел ребенка целым и невредимым. Рядом с ним лежало тело волка, убитого Джелертом. Сердце принца наполнилось раскаянием, после чего он больше никогда не улыбался⁵⁷³. Лливелин похоронил Джелерта на месте, где в настоящее время находится надгробный камень. Эта легенда нашла отражение в картинах английских художников Ч. Барбера «Джелерт» и Дж. Байам Шоу «Кто знает душу человека...».

⁵⁷⁰ Brut 2013.

⁵⁷¹ Why do pilgrimstravel to St. Davids 2013.

⁵⁷² Fanthorpe, Pawelko 2003: 79.

⁵⁷³ The Legend 2013.

В период позднего средневековья людей хоронили в церквях. В валлийских соборах самые ранние могилы датируются XII в. и обычно принадлежат церковным сановникам. К XIII в. в церквях появляются могилы с рельефным изображением рыцарей или местных помещиков. Так, например, в Соборе Св. Дэвида находится каменное рельефное надгробие Риса ап Гриффита (1132 – 1197), младшего сына валлийской героини Гвенллиан. Он был известен как Лорд Рис, правитель Дехейбарта, выдающийся лидер последней трети XII в., великий патриот, организовавший в Кардигане в 1176 г. первый Айтстедвод⁵⁷⁴.

В XV в. над могилами в церквях стали возводить каменные навесы. Эти мемориалы преимущественно принадлежали крупным валлийским землевладельцам. В церкви Св. Николая в Монтгомери находится могила с каменным изображением родителей младшего современника У. Шекспира, известного поэта, Джорджа Герберта – сэра Ричарда Герберта и его жены Магдалены. Мемориал поражает своим красивым и богатым декором, а также четкостью, с которой средневековый художник смог передать детали и узоры одежды покойных валлийских дворян.

В эпоху Елизаветы I представители среднего класса могли позволить себе возведение роскошных мемориалов. Именно в этот период церкви наполняются захоронениями, а склепы начинают издавать грязные зловония. После чего высшие слои общества принимают решение хоронить мертвых на церковном дворике, не обращая внимание на то, что рядом мог лежать человек не знатного происхождения. По мнению средневековых валлийцев, дьявол скрывался в темных углах и заманивал души грешников в ловушки, поэтому проектировщики самых старых кладбищ всегда создавали их круглыми. Примером может служить кладбище Пенбрин – где отсутствуют какие-либо углы, в которых мог бы скрыться сатана. Существовало поверье, что дьявол предпочитал темные места, где можно застать человеческую душу врасплох, поэтому могилы чаще всего копали с солнечной стороны церкви. Теневая сторона заполнялась в последнюю очередь⁵⁷⁵.

В средневековом Уэльсе могильщики являлись знахарями. Считалось, что если взять горстку земли с кладбища, которую вырыл знахарь, то она может защитить от черной магии. Этой горсткой осыпали голову, считая ее экстрасенсорным дезинфицирующим средством. Когда могильщик закапывал могилу, он протягивал лопату, на которую скорбящие клали деньги, чтобы помочь оплатить похороны.

⁵⁷⁴ Roberts 2002: 90.

⁵⁷⁵ Fanthorpe, Pawelko 2003: 95.

В XVII в. овцы представляли собой главную ценность в экономике. Коммерческие интересы оказали влияние на методы захоронения. В 1670 г. согласно парламентскому акту, мертвых должны были хоронить завернутыми во фланелевый материал, который изготавливали из шерсти. Он был белого цвета и по цене доступным каждому человеку вне зависимости от его возраста и дохода. Завернутого в шерстяной саван мертвого могли пронести от дома до церкви в общественном гробу, после доставки покойника к могиле, гроб возвращали церкви. С 1700-х гг. надписи на камнях стали более многословными. Эпитафии подчеркивают непрочность человеческой жизни. Они являются для современных исследователей ценным ключом к разгадке жизни предыдущих поколений. Самые эффективные эпитафии могут передать свои сообщения через символы. Наиболее распространены из них следующие: ангелы, являющиеся проводниками душ мертвых в Рай; ковчег, символизирующий безопасный путь с земли до небес; улей или пчела, указывающие на длинный жизненный путь покойного, который был проделан с пользой, в надежде на вознаграждение – блаженство на небесах; рукопожатие, являющееся символом печали о разлуке и перспективы скорого радостного воссоединения.

В 1852 г. парламент принял закон о похоронах, в котором говорилось о создании лицензируемых кладбищ. Они были переданы под контроль местным властям. В настоящее время, когда 80 % человеческих останков кремируется, проблемы с похоронами были облегчены, но это в свою очередь привело к отмиранию старой традиции скульптурных памятников и к исчезновению «мест памяти».

Ночью кладбища кажутся совсем другим местом. В темноте они могут пробудить чувства неловкости, страх перед призраками. Для валлийцев смерть является тайной, обернутой в бесконечное множество ритуалов и суеверий. На территории современного американского города Сиэтл, ранее проживали племена индейцев. Согласно принятому в 1855 г. соглашению, индейцев переселяли с их обжитых земель в резервации. Часть этих земель передавалась новым поселенцам. Один из вождей сказал по этому поводу следующие слова: «Прах наших предков священен, а, следовательно, и место их погребения. Мертвые не бессильны. Я сказал "мертвые"? Нет никакой смерти, только изменение миров». Эта североамериканская идея власти мертвых предков удивительно близка к кельтским идеям. Согласно кельтской мифологии, нашедшей отражение во многих средневековых валлийских рукописях, таких как «Книга Талиесина», «Красная книга Хергеста», «Белая книга Ридерха», до распространения в VI в. в Уэльсе христианства, валлийцы верили в существование «Аннуна», загробного мира. Так в «Книге Талиесина» одно из стихотворений, которое называется «Трофеи Аннуна», повествуется о том, как король Артур отправляется в

путешествие в загробный мир, с целью похитить волшебный котел, помогающий мертвым вновь обрести жизнь⁵⁷⁶. Позднее Святой Грааль станет переосмысленным «волшебным котлом» кельтской мифологии и символом приобщения к божеству христианской легенды.

Жизнь средневекового валлийца представляла собой борьбу за выживание. Высоки были показатели ранней смертности. Больше смерти люди боялись умереть с не отпущенными грехами, т.е. умереть не совершив исповедальный обряд. В церкви Вуд Итона в Оксфордшире, построенной в XIV в. сохранилась настенная живопись вместе с надписью на французском языке: «Кто посмотрит на это изображение, тот не умрет жестокой смертью», т.е. с не отпущенными грехами. Такое же настенное изображение, созданное Св. Кристофером, расположено над главным входом в церкви Св. Тейло в Уэльсе. Самое раннее изображение, названное «Пляска смерти», было сделано на кладбище в Париже в 1424 – 1425 гг. Смысл сюжета сводится к тому, что смерть забирает людей в могилу вне зависимости от их возраста и сословия. Примером может служить изображение в церкви La Chaise Dieu, в Auvergne. Смерть изображена в виде скелета, который приглашает людей из разных сословий поучаствовать в танце⁵⁷⁷.

Одной из поразительных валлийских легенд является «Канвил Корф» или «Свеча мертвеца». Появление этой легенды связывают с Св. Дэвидом. Согласно ей, Дэвид искренне просил Бога дать людям, которых он любил и среди которых он вел свою миссионерскую деятельность, какой-нибудь знак приближающейся смерти, чтобы они успели к ней подготовиться. Его молитва была услышана. Прежде, чем закончится земная жизнь, валлийцы будут видеть тусклый свет – свет тонкой свечи. Сообщения об этих призрачных огнях распространяются из Южного Уэльса. Как утверждают жители данного региона, «свеча мертвеца» выходит изо рта человека, который обречен на смерть. После его смерти она некоторое время висит в воздухе над его могилой. Существуют и другие признаки приближающейся смерти. В ирландском фольклоре есть некие существа – «банши». Они рыдают о человеке, который должен умереть или которого уже нет в живых. Валлийской версией «банши» является « Гурач – и – Рхинбин», рыдание этого существа предвещает смерть⁵⁷⁸.

Не менее интересен валлийский обычай «грехопоедания», основанный на вере о том, что проступки покойного могут быть поглощены другим человеком во время трапезы. Родственники или друзья

⁵⁷⁶ The Book 2013.

⁵⁷⁷ O'Keefe 2013.

⁵⁷⁸ Рис, Рис 2013.

умершего покупали еду, а бедный человек, для которого голод являлся более страшной угрозой, чем что-либо сверхъестественное, соглашался съесть, предоставленную ему пищу, и тем самым поглотить грехи покойного. Этот обычай был в основном распространен на валлийской границе, но историк и фольклорист Кэтрин Стивенсон смогла обнаружить тот же обычай и в Западном Уэльсе. В романе Мэри Вебб «Драгоценный Бэйн» молодой человек Гидеон, ради своего умершего отца соглашается на роль «грехопоедателя». Этот обычай вместе с валлийскими эмигрантами перебрался в Новый свет⁵⁷⁹.

Монументальная и ритуальная формы валлийской литургической памяти, представленные могильными камнями, мемориалами, похоронными обрядами и т.д., являются объектами культуры, служат для людей напоминанием о том, что жизнь не бесконечна. Они способствуют формированию обществом идеи о «нерасторжимом сообществе живых и мертвых», в котором кладбища являются не только местом захоронения, но и местом жизни. Знания о судьбах ушедших из жизни людей позволяют по крупицам реконструировать прошлое и раскрыть представления того или иного народа о смерти.

Список источников и литературы

- Рикер 2004 – Рикер П. Память, история, забвение. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
- Рис, Рис 2013 – Рис А., Рис Д. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. URL: <http://www.mtvn.ru/show.html?id=1373> (дата обращения: 12.03.2013).
- Brut 2013 – Brut у Tuwysogion // Сайт Национальной библиотеки Уэльса. URL: <http://digidol.llgc.org.uk/METS/BYT00001/frames?div=0&subdiv=0&locale=en&mode=thumbnail> (дата обращения: 12.03.2013).
- Celtic crosses 2013 – Celtic crosses. URL: http://www.ramshornstudio.com/celtic_crosses.htm (дата обращения: 12.03.2013).
- Fanthorpe, Pawelko 2003 – Fanthorpe L., Pawelko R. Talking Stones. – Ceredigion: GOMER, 2003.
- O’Keeffe 2013 – O’Keeffe M. The Four Last Things. URL: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CC0QFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.museumwales.ac.uk>

⁵⁷⁹ Fanthorpe, Pawelko 2003: 94.

[%2Fmedia%2F8338%2FMadgeOKeeffe.pdf&ei=9IINUqvWFPgv4QTHoIEY&usg=AFQjCNF5l2O](#) (дата обращения: 12.03.2013).

Roberts 2002 – Roberts A. Discovering welsh graves. – Cardiff: Univ. of Wales press, 2002.

Roman Tombstone 2013 – Roman Tombstone of Aurelius Herculanus from Caerleon. URL: <http://education.gtj.org.uk/en/item1/25424> (дата обращения: 12.03.2013).

The Book 2013 – The Book of Taliesin. URL: <http://www.llgc.org.uk/?id=254> (дата обращения: 12.03.2013).

The Legend 2013 – The Legend of Gelert. URL: <http://www.beddegelerttourism.com/gelert/> (дата обращения: 12.03.2013).

Why do pilgrimstravel to St. Davids 2013 – Why do pilgrimstravel to St. Davids. URL: <http://www.saintdavid.org.uk/pilgrimage/pilgrim3.htm> (дата обращения: 12.03.2013).

Nadezhda F. Shestakova

MEMORIAL AND RITUAL FORMS OF WELSH LITURGICAL MEMORY

The role of cemeteries and gravestones in preservations of memory of Wales and in reconstruction of last this region is considered. The image of death in representation of Welshmen, both the related traditions and ceremonies reveals.

Key words: Wales, cemetery, tomb, sepulchral monument, death, memory.

Код ВАК 07.00.03

Л. В. Коробицына

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В АРХИТЕКТУРЕ «НОВОГО ГОРОДА» ЭДИНБУРГА

Статья посвящена рецепции античности в архитектуре «нового города» Эдинбурга. Автор прослеживает этапы строительства кварталов столицы в середине XVIII в. Он предполагает, что данное явление было связано со стремлением Шотландии включиться в общеевропейское и общebritанское культурное пространство.

Ключевые слова: шотландское просвещение; рецепция античности; классицизм в архитектуре; «новый город» Эдинбурга.

На период конца XVII – начала XIX вв. приходился расцвет классицизма в архитектуре, который, как известно, являлся логическим отражением эпохи Просвещения. Именно тогда произошло наиболее глубокое внедрение античных канонов в жизнь общества. Нам известны и другие феномены использования норм цивилизации древности⁵⁸⁰, но только тогда, в конце XVII – начале XIX вв., образ античности, сформировавшийся на основе многочисленных трудов древнеримских и древнегреческих мыслителей, стал неотделимой частью настоящего, плотно слившись с культурой.

Одним из «очагов» просвещения был Эдинбург⁵⁸¹, подаривший миру титанов научной и общественной мысли, таких как Адам Смит, Дэвид Юм, Адам Фергюсон, Френсис Хатченсон, Томас Рид, Роберт Бернс, Джон Плейфэр, Джозеф Блэк, Джеймс Геттон, которые во многом заложили основы нового мира, опирающегося на рационализм и свободу мысли. Мощный культурный взлет, как и любое другое общественное явление, не мог не затронуть архитектуру, которая стала ма-

Коробицына Луиза Владимировна, студент Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Korobitsina Luisa, student of Ural State Pedagogical University, (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 336-14-55. Электронная почта/E-mail: louisa_vlad@mail.ru.

⁵⁸⁰ В данном случае имеется в виду «Каролингское возрождение» – период культурного и интеллектуального взлета в Западной Европе конца VIII – середины IX вв., а так же эпоха Ренессанса XIV–XVI вв.

⁵⁸¹ См.: Daiches, Jones 1996.

териальным способом самовыражения передовой и просвещенной части общества. Требовалось формирование особого культурного пространства, которое бы соответствовало образу, сложившемуся у интеллектуалов, их месту и роли в мире.

Таким «островком» классицизма стал «новый город» Эдинбурга – район столицы Шотландии, строительство которого началось в середине XVIII в. и продолжалось вплоть до середины XIX в. Он располагается на северо-западе по отношению к средневековой готической части и, если на современном этапе он стал одним из центральных, то в конце XVII в. перед застройкой кварталов требовалось осушить обмельчавшее озеро Нор-Лох, выкопавшее долгие столетия функции выгребной ямы для всего города⁵⁸².

Первым идею о преобразении Эдинбурга в 1680 г. выдвинул герцог Йоркский и Олбанский, в будущем король Англии Яков II. Он дал городу грант, который следовало направить на покупку земли: землевладельцы, на разумных условиях, должны были предоставить столичным горожанам места для застройки, а взамен им был обещан ряд привилегий⁵⁸³. Однако уже в 1688 г. Яков II потерял престол, а вопрос по расширению Эдинбурга так и не был решен.

Идея реанимируется только в середине XVIII в., когда на Соборании городской королевской администрации принимается резолюция⁵⁸⁴, стимулирующая инициативу по развитию столицы Шотландии. Сэр Гилберт Эллиот (1-й лорд Минто)⁵⁸⁵ предложил осуществить расширение границ города и новую застройку, привлекая архитекторов и центральную администрацию⁵⁸⁶. В 1766 г. был проведен конкурс на самый лучший план застройки города – победителем стал 26-летний Джеймс Крейг.

План Крейга предполагал создание трех параллельных улиц (Queen street, George street, St. Gils street), которые упирались бы с двух концов в площади (St. George's square, St. Andrew's square), а три перпендикулярные им улицы (Castle street, Frederic street, Hanover street) завершали бы общую картину (см. план Джеймса Крейга). Этот проект был примером типичной классической схемы, основывающейся на

⁵⁸² Grant 2013 (Vol. III. Ch. XVI).

⁵⁸³ Там же (Vol. I. Ch. VI).

⁵⁸⁴ Резолюция от 1755 стала основным законом для выдвижения предложений со стороны местной элиты. Proposals 2013: A2–A3.

⁵⁸⁵ Сэр Гилберт Эллиот, 1-й лорд Минто – шотландский аристократ, меценат, парламентарий, с 1807 по 1813 гг. занимал пост генерал-губернатора Индии. Параллельно с политической и военной деятельностью интересовался жизнью Эдинбурга, поддерживал строительство «нового города».

⁵⁸⁶ Proposals 2013: 7–8.

симметрии, гармонии и лаконичности, свойственной античным нормам красоты, со значительным патриотическим подтекстом. Помимо основных кварталообразующих «проспектов» существовали некие промежуточные улицы: Thistle street (между Queen street и George street) и Rose street (между George street и St. Gils street).

В Шотландии проект Крэйга был одобрен и затем направлен в Лондон, где по решению Георга III в него внесли существенные коррективы, касающиеся названия улиц. Первоначальная St George's square была резонно переименована в Charlotte square, потому как в Эдинбурге на тот момент уже существовала площадь с данным названием в старой части города. Улица святого Эгидея (St. Gils street), покровителя прокаженных, была переименована в честь детей короля в Prince's street. Другая значительная «переименовка» коснулась Thistle street (улица Чертополоха), которая в соотношении с параллельной к ней Rose street (улица Розы) символизировала единство Шотландии и Англии. Однако было принято решение переименовать западную часть улицы Thistle street: квартал от St. George square до Castle street в Hill street, а от Castle street до Frederick street в Young street. Таким образом, улица Чертополоха (шотландского символа), была укорочена вдвое, тогда как улица английской Розы, как и прежде, располагалась от Charlotte square до St. Andrew's square⁵⁸⁷. Пожалуй, этот символический жест, кажущийся незначительным на первый взгляд, указывал на специфику английского отношению к Шотландии, которая, несомненно, не рассматривалась как равноправный «игрок».

План был одобрен, и началась активная работа по строительству «нового города» Эдинбурга. По замыслу современников, он должен был отразить небывалый интеллектуальный взлет региона. В работах просветителей прослеживаются размышления о греческой и римской архитектуре, в которых «наблюдается свое единообразие различных частей в отношении друг к другу и целого»⁵⁸⁸, а искусство оценивается как адекватное визуальное отражение философских и теоретических взглядов общества. В строительстве нового района участвовали Роберт Адам, Уильям Чемберс, Роберт Рей, Уильям Генри Плейфер и другие именитые шотландские архитекторы. Эта активная работа по строительству великолепнейших по своей красоте зданий, воплощающих северный классицизм, позволила уже в последней трети XVIII в. Джеймсу Стюарту упомянуть Эдинбург как «Новые Афины»⁵⁸⁹. Оче-

⁵⁸⁷ Подробнее о работе над проектом и различными вариациями, предлагавшимися в ходе обсуждения, см.: Meade 1971.

⁵⁸⁸ Hutcheson 2004: 78.

⁵⁸⁹ См.: Stuart, Revett 1762.

видно, для интеллектуалов прозвище ассоциировалось, с одной стороны, с высоким уровнем развития научной теоретико-просветительской деятельностью, а с другой стороны, с особым материальным пространством созданным в «новом городе».

Подводя итоги, мы можем сказать, что феномен «нового города» Эдинбурга следует рассматривать в двух плоскостях. Во-первых, это было явление, вписывающееся в рамки общеевропейского контекста и отражающее стремление общества связать себя с просветительским движением, отсылающим нас к античным формам и истории великой Римской империи (эталону и примеру для подражания). Во-вторых, в рамках общebritанского пространства «новый город» Эдинбурга был несомненным шагом к созданию единого культурного пространства или его усовершенствованию. Первые шотландские архитекторы-классицисты ориентировались, в первую очередь, на местную архитектуру, дополняя ее чертами итальянского палладинства⁵⁹⁰, тогда как в «новом городе» Эдинбурга мы видим явное преобладание «английской» античности, или северного классицизма, сформировавшегося в Лондоне⁵⁹¹. Таким образом, новый район символизирует, с одной стороны, стремление Шотландии к культурному единству с Англией, а с другой – претензию на равноправие, ведь «украшая» столицу, шотландцы упрочивали весомость всего региона как ключевого в научных кругах, и одновременно формировали новый центр притяжения элиты.

Список источников и литературы

Daiches, Jones 1996 – The Scottish Enlightenment, 1730–90: A Hotbed of Genius/ Ed. by D. Daiches, P. Jones, J. Jones. – Edinburgh: Seltire Society, 1996.

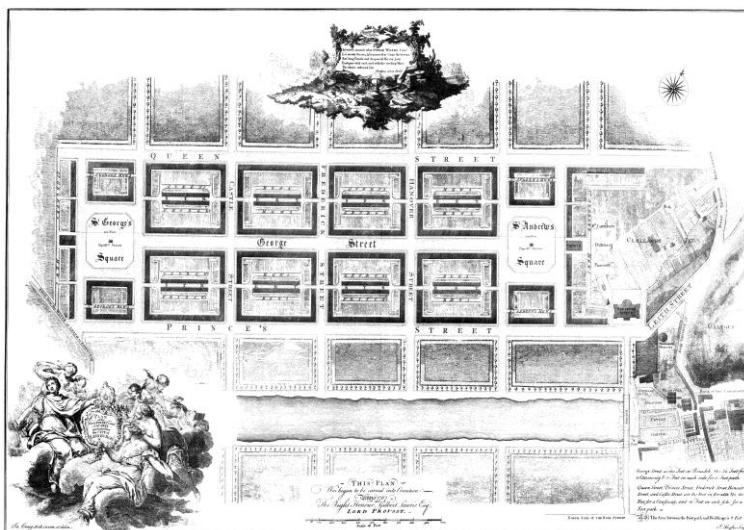
Grant 2013 – Grant J. Old and new Edinburgh. URL: <http://www.oldandnewedinburgh.co.uk> (дата обращения: 10.10.2013).

⁵⁹⁰ Ярким примером тому служат работы сэра Уильяма Брюса, начавшего с переустройства существующих шотландских замков, таких как Balkaskie, Thirlestane Castle, Holygoodhouse, и завершившего свой творческий путь строительством палладинского Kingross House, окруженного удивительным неоклассическим парком с явным итальянским влиянием.

⁵⁹¹ Человеком, открывшим классицизм Британии, был Иниго Джонс. Однако наиболее влиятельным архитектором стал Кристофер Рен, осуществивший застройку Лондона после великого пожара 1666 г. Его работы (собор Св. Павла, Шелдонский театр и множество других зданий и церквей) послужили примером для английских архитекторов, распространявших особый колоритный «реновский» стиль, зачастую не подвергая его излишним дополнениям.

- Hutcheson 2004 – Hutcheson F. An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue in Two Treatises. – Indianapolis: Liberty Fund, 2004.
- Meade 1971 – Meade M. K. Plans of New Town of Edinburgh // Architectural History. – 1971. – Vol. 14. – P. 40–52.
- Proposals 2013 – Proposals for Carrying on Public Works in the City of Edinburgh. URL: http://books.google.ru/books/about/Proposals_for_carrying_on_certain_public.html?id=NoFbAAAAQAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 10.10.2013).
- Stuart, Revett 1762 – Stuart J., Revett N. The Antiquities of Athens and Other Monuments of Greece. – L.: H. G. Bohn, 1762.

План «нового города» Эдинбурга Джеймса Крейга⁵⁹².

Luisa V. Korobitsina

ANCIENT HERITAGE IN THE ARCHITECTURE OF «NEW TOWN» OF EDINBURGH

⁵⁹² «Edinburgh world heritage» (сайт на англ. языке). URL : <http://www.ewht.org.uk/news/56/143/James-Craig-s-New-Town-Plan-1767>.

The article is devoted to the reception of antiquity in the architecture of the "new town" of Edinburgh. The author traces the stages of building blocks of the capital in the middle of the XVIII century. He suggests that this phenomenon was associated with the desire of Scotland to join the European and Great Britain's cultural space.

Key words: Scottish Enlightenment; reception of antiquity; classicism in architecture; «new town» of Edinburgh.

Код ВАК 07.00.03

В. Н. Земцов

ВЛАСТЬ И СЕМАНТИКА МУНДИРА

(Рец.: Вовси Э. М. Трансформация униформы и снаряжения французского пехотинца 1791–1812 гг. – М.: Изд-во «Мастерская Vanderhoff & 15-e legere», 2012 – 88 с.)

Представлена рецензия на работу американского историка Э. Вовси, посвященную эволюции униформы французского пехотинца рубежа XVIII–XIX вв. Особое внимание уделено взаимосвязи проблем меритократии и иерархии в рамках французского общества с развитием военного мундира революционной и наполеоновской эпох.

Ключевые слова: история военного мундира; наполеоновская эпоха; меритократия и иерархия.

Ничто так сильно и ярко не отражает «идею Власти», как военный мундир. Автор книги «Трансформация униформы и снаряжения французского пехотинца 1791–1812 гг.» осознает эту идею в полной мере⁵⁹³. Эман (Эммануил) Вовси является автором целого ряда изданий⁵⁹⁴, посвященных униформе, организации армии, истории меритократии и наградам Первой империи во Франции. Уроженец Риги, он, будучи студентом Университета, в конце 1980-х гг. стал одним из инициаторов движения военно-исторической реконструкции в Латвии. В отличие от автора этой рецензии, который примкнул в те годы к «русской армии», создававшейся П. Ф. Космолинским и другими московскими любителями военной истории, Эман Вовси вошел в тогдашнее ленинградское объединение АЛИНЭ (Ассоциация любителей истории

Земцов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); доктор исторических наук, профессор.

Zemtsov Vladimir, the Head of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Dr. of History, professor.
Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

⁵⁹³ Вовси 2012.

⁵⁹⁴ Русскоязычному читателю хорошо известен ряд работ Э. Вовси: Вовси, Зевлевер 2009; Вовси, Кузьмин 2012; и др.

наполеоновской эпохи), возглавлявшееся О. В. Соколовым, и стал одним из основателей ВИКа «Фузилеры-гренадеры Императорской гвардии». После распада Советского Союза судьба забросила Э. Вовси в США, вначале в Нью-Йорк, где он работал в ряде юридических фирм. В 2004 г. Эман переехал в г. Таллахасси, где в Государственном университете Флориды, защитил вначале магистерскую диссертацию «Антуан-Анри де Жомини в 1812–13: новый ретроспективный взгляд» (2006), а затем – диссертацию доктора истории на тему «Закон и порядок, ответственность и контроль: Наполеоновский проект Военного кодекса, 1805» (2010). Владея несколькими иностранными языками, Э. Вовси стал подлинным воплощением современного тренда к интернационализации в изучении наполеоновской тематики. Его выступления на конференциях в России, публикации в российских научных (в особенности, во «Французском ежегоднике»⁵⁹⁵) и популярных военно-исторических журналах, издание нескольких книг на русском языке во многом способствуют разрушению той стены (до недавнего прошлого казавшейся непробиваемой), которая долгое время препятствовала диалогу и взаимообогащению идеями ученых различных континентов и стран.

В работах Э. Вовси есть то, что порою не хватает как «академической науке», так и военно-историческому популяризаторству, воплотившемуся в движении военно-исторической реконструкции, а именно готовность и талант увидеть «великое в малом». Обладая аналитическими познаниями в сфере исследования повседневности наполеоновского солдата, он, вместе с тем, ставит исторически значимые проблемы взаимоотношения Власти и Человека, формирования механизмов манипулирования «людским материалом» и пр. Не является в этом плане исключением и рецензируемая нами книга. Автор попытался проследить эволюцию военной униформы и снаряжения пехотных частей французской армии – начиная с 1786 г., когда был издан знаменитый ордонанс о регламентации основных элементов одежды и снаряжения французского пехотинца, до последних попыток, предпринятых в эпоху Первой империи 1811 – нач. 1812 (не включая знаменитый «регламент Бардена 1812») пытавшихся унифицировать внешний вид солдата инфантерии. Несмотря на то, что Э. Вовси, отсылая читателя к работам ведущих исследователей прошлого (Е.-Л. Бюкуа, Л. Русело, А. Пижару и др.), заявляет об ограниченных задачах своего труда (а именно, только как о создании «полезного и удобного

⁵⁹⁵ См., например, текст выступления Э. Вовси, спровоцировавший дискуссию, состоявшуюся в рамках «круглого стола» 20 апреля 2011 г. в РГГУ по проблемам историографии наполеоновских войн: Вовси 2011.

инструмента для возможной атрибуции и краткой истории употребления того или иного предмета в линейных и легких частях французской армии» для членов групп военно-исторической реконструкции, историков и музейных работников), нам представляется, что это не совсем так. Анализ усилий, которые предпринимались Властью, начиная со времен Старого порядка и заканчивая последними годами Империи, в плане регламентации мельчайших элементов униформы, хорошо демонстрирует успехи государственных структур Франции (вне зависимости от того, были ли они «революционными» или «имперскими») по созданию общества, которое было связано, говоря словами М. Фуко, «не столько с естественным состоянием, сколько с детально подчиненными и прилаженными колесиками машины, не с первоначальным договором, а с постоянными принуждениями, не с основополагающими правами, а с бесконечно возрастающей муштрой, не с общей волей, а с автоматическим послушанием»⁵⁹⁶.

Материал, представленный в книге Э. Вовси, опирается на солидную источниковую базу. Автор не раз работал в архивах Франции (в том числе в знаменитом Венсенне, ныне называемом Исторической службой министерства обороны Франции), знаком с рядом значительных частных коллекций (как во Франции, США, так и в России); наконец, он с успехом смог опереться на мощный пласт накопленных за два столетия знаний ведущими специалистами в вопросе не только обмундирования наполеоновского солдата, но и в решении теоретических проблем меритократии и иерархии применительно к французской армии рубежа XVIII–XIX вв.

Особого упоминания заслуживает изобразительный материал книги. Он представляет собой, собственно говоря, не иллюстрации к тексту, но, своего рода, самостоятельный, визуально воспринимаемый, источник. Застежки и шнуры на униформе, внутренность ранца и порядок укладки в него предметов обихода, образцы ложек, мисок и кружек, которые могли использовать французские пехотинцы, – все это весомо подкрепляет логику авторского повествования.

Конечно, дотошный историк и “наполеоновский” энтузиаст могут задаться вопросом: насколько представленные на фотографиях реконструированные силами ряда военно-исторических клубов образцы униформы и утвари французского солдата соответствуют подлинным артефактам тех лет? Считаем, что такой вопрос закономерен, и ответ на него мы готовы дать: реконструированные вещи, как по внешнему виду, так по материалу и технологии изготовления мало чем отличаются от тех, которые хранятся, скажем, в парижском Музее Ар-

⁵⁹⁶ Фуко 1999: 246–247.

мии. Более того, подлинные вещи, хотя и имеют способность вызывать священный трепет любого любителя старины, все же значительно за 200 лет своего существования «состарились» и уже давно не выглядят так, как выглядели в эпоху начала XIX в. И в этом плане их «реконструкция» не просто возможна, но и необходима.

Есть ли у книги Э. Вовси недостатки, есть ли в ней ошибки, есть ли в ней спорные суждения, и прочее из того, что рецензент обычно должен указывать в конце своего опуса? Думаю, что лучше всех эти возможные «проколы» и просчеты видит сам автор книги. Я же, читая работу Э. Вовси с глубоким интересом и восхищением, их просто не заметил.

Список источников и литературы

- Вовси 2011 – Вовси Э. М. Qui non proficit deficit (О некоторых направлениях по изучению эпохи войны 1812) // Французский ежегодник. – 2011. – М.: ИВИ РАН, 2011. – С. 348–357.
- Вовси 2012 – Вовси Э. М. Трансформация униформы и снаряжения французского пехотинца 1791–1812 гг. – М.: Изд-во «Мастерская Vanderhoff & 15-e legere», 2012.
- Вовси, Зевлевер 2009 – Вовси Э., Зевлевер В. Легкая кавалерия Наполеона. – М.: ООО «Книга», 2009.
- Вовси, Кузьмин 2012 – Вовси Э., Кузьмин А. В. Французские генералы – участники похода на Россию 1812 года. – М.: Кучково поле, 2012.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Издательство «Ad Marginem», 1999.

Vladimir N. Zemtsov

POWER AND SEMANTICS MILITARY UNIFORMS

A review of the work of the American historian E. Vovsi dedicated to the evolution of the French infantry uniforms turn of XVIII–XIX centuries. Particular attention is paid to the relationship problems of meritocracy and hierarchy within French society with the development of military uniform Revolutionary and Napoleonic eras.

Keywords: history of military uniform, Napoleonic era, meritocracy and hierarchy.

VI. Защита диссертаций

Код ВАК 07.00.03; 07.00.09

В январе 2013 г. состоялась защита кандидатских диссертаций бывших аспирантов кафедры всеобщей истории УрГПУ А. А. Постниковой «Великая армия Наполеона на Березине: событие – память» (специальность 07.00.03 – Всеобщая история (Новая и Новейшая история) в диссертационном совете УрФУ и И. В. Грибан «Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в отечественной и зарубежной историографии» (специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования) в диссертационном совете ИИиА УрО РАН. Ход защиты диссертаций оказался столь волнующим, а дискуссии, развернувшиеся вокруг обеих работ, столь интересными, что редакция «Вопросов всеобщей истории» решила предложить ряд материалов, отразивших некоторые моменты обсуждений.

Отзыв на автореферат диссертации А. А. Постниковой «Великая армия Наполеона на Березине: событие – память»

Диссертационная работа А. А. Постниковой посвящена трагедии на Березине – теме, *навсегда* актуальной не только для российской и французской наций, но и для других европейских народов: немцев, поляков, голландцев и швейцарцев. Для одних это стало величайшей трагедией, смягченной тем обстоятельством, что основному ядру наполеоновской армии всё же удалось спастись, для других – безусловной победой, но не доведённой до конца - отсюда вечные поиски главного в том виновника. Одним словом, *актуальность выбранной темы*

Постникова Алена Александровна, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук.

Postnikova Alyona, senior lecturer of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: alyonapostnikova87@yandex.ru.

Грибан Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Уральского государственного педагогического университета, директор Музея истории УрГПУ (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук.

Griban Irina, senior lecturer of the Department of advertising and public relations of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-81. Электронная почта/E-mail: gribanirina@gmail.com.

сомнений не вызывает, и последним свидетельством тому является празднование по всей России 200-летия Отечественной войны 1812 г., которое завершилось именно на берегах Березины, где в присутствии посла Франции в Беларуси были открыты новые памятники в честь этого события.

Цель работы, объект и предмет исследования, методологические подходы изложены в автореферате достаточно чётко и ясно. *Источниковая база* диссертации весьма солидна и разнообразна, она включает как русские, так и иностранные источники, что особенно важно для отечественной историографии, ибо долгие годы описанием этой войны занимались лица, не разумевшие иностранных языков со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями. Правда, здесь встретились две досадные ошибки: Л. Либенштайн никак не отнесётся к числу мемуаристов, а имя настоящего мемуариста правильно писать так: О. В. К. Рёдер фон Бомсдорф. На месте соискательницы мы попытались бы выяснить, кем же являлся D'Aurias, которого некоторые источниковеды объявили начальником штаба 3-й кирасирской дивизии.

Историографический обзор достоин похвалы, часть которой, несомненно, следует отнести по адресу научного руководителя диссертантки. Оценки зарубежных работ в целом объективные. Мы лишь не можем согласиться с оценкой Постниковой американской историографии, как наиболее объективной – при всех её плюсах она откровенно вторична. К работе А. Микаберидзе о Березине мы бы отнеслись с особенной настороженностью, поскольку, как свидетельствует его книга о Бородинском сражении, автора, при большом желании и наличии свободного времени, запросто можно обвинить в плагиате. К швейцарской историографии следовало бы добавить ещё одну книгу, где собраны цитаты из большого количества воспоминаний⁵⁹⁷.

Спорным показалось нам заявление диссертантки, что Наполеону «удалось обмануть русское командование, но неложной переправой, а теми действиями, которые предшествовали событиям на Березине». Зачем здесь противопоставление? Разве адмирал П. В. Чичагов не «попал на удочку» ложной переправы?

Мы согласны с выводом Постниковой о том, что «с течением времени описание произошедшего события всё более упрощалось, что создавало благоприятную основу для формирования научных мифов». Этот вывод приложим ко многим событиям войны 1812 г. Многое, о чём пишет диссертантка, мы слышали 23–24 ноября 2012 г. на конфе-

⁵⁹⁷ Furrer D. Soldatenleben Napoleons Russland feldzug 1812. – Zürich: Ferdinand Schöningh Verlag, 2012.

ренции в Минске, а также в официальных речах, произнесённых па Березине.

Не скроем, что уже при чтении "Введения" у классического историка возникают серьёзные сомнения в научной состоятельности той новомодной методологии, которую Постникова восприняла от западных авторов, каковых мы даже не рискнём назвать историками. Изобретённая П. Нора и Я. Ассманом «концепция памяти» у обычного историка вызывает большие сомнения. Соискательница отметила, что ещё «анналисты» сосредоточили внимание на изменчивости представлений о прошлом, сделав объектом исследования ментальные стереотипы, исторические мифы и процессы их трансформации. По нашему же мнению, всё это может быть предметом какой угодно другой науки (философии, политологии, социологии, психологии и т.п.) – но только не истории. Это, *siu generis*, «искусство для искусства», «наука для науки», ибо результаты таких «исследований» могут быть интересны разве что самому узкому кругу «узколобых» философов, но никак не широкому кругу читателей, увлечённых обыкновенной историей. А этих последних, *смею заверить*, по-прежнему интересуется лишь классический вопрос старины Л. Ранке: «*Wie es eigentlich gewesen sein*».

Традиционному историку совершенно непонятен смысл подобной «надстройки» над классической исторической наукой, тем более что сами же её изобретатели признают, что "научное направление по изучению исторической памяти никоим образом не стремится "отменить" достижения "позитивистской" истории, но пытается в полной мере опереться на них". Спрашивается, так зачем же "огород городить"? Изучение историографии является делом понятным и необходимым, но какое дело историку до того, что думают о любом историческом событии писатели, художники, сочинители разного рода, политики, журналисты, пешеходы и автомобилисты и прочие *непрофессионалы*? А *ргіогі* понятно, что вся эта публика, обладая заведомо ущербным и ничтожным объёмом информации, способна нести любую ерунду, и её мнения и суждения всегда будут заведомо вторичными, третичными и даже десятеричными! Неужели это имеет хоть какое-то отношение к исторической науке?

Мы окончательно убедились в дефективности подобного «методологического подхода», слушая доклад «квадриги» немецких сочинителей из г. Фрайбурга на Бородинской конференции 2012 г.. когда у нас беспрерывно возникал один единственный вопрос: *какое отношение к самой войне 1812 г. имеет всё это словоизвержение?* Уже в который раз философствующие субъекты (как тут не вспомнить приснопамятных марксистов-ленинцев) пытаются навязать историкам свои схоластические измышления, к *самому предмету истории никакого отношения не имеющие*.

По этой же причине во 2-й главе диссертации резкое неприятие вызывает "сваливание в одну кучу" исторических исследований, литературных произведений, живописных и графических полотен, кинофильмов, рекламы, статей в СМИ и т.д. и т.п. Помимо прочего, происходит абсолютно неправомерное уравнивание исторической науки с идеологией, пропагандой, рекламой и откровенной попсой. По главное «отторжение» заключается в том, что *к самой войне 1812 г. и к её научному изучению всё это не имеет ровным счётом никакого отношения.*

Впрочем, несмотря на *принципиальное несогласие с новомодной западной концепцией*, доверчиво воспринятой А. А. Постниковой, следует признать, что произведённый ею в 1-й главе анализ источников о событиях на Березине сделан на достойном научном уровне. Сомнений в научной новизне диссертации не возникает, поскольку мы сами слышали выступления диссертантки на нескольких всероссийских и международных научных конференциях. А потому мы полагаем, что соискательница вполне достойна присуждения ей искомой степени кандидата исторических наук.

*д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории
Поволжской государственной социально-гуманитарной академии,
член международного Наполеоновского общества
А. И. Попов*

Отзыв на автореферат диссертации А. А. Постниковой «Великая армия Наполеона на Березине: событие – память»

Великие юбилеи побуждают историков не только к обобщению уже накопленного документального материала и историографического опыта, но и к построению новых моделей его интерпретации. Ярким подтверждением этого тезиса является кандидатская работа А. А. Постниковой, которая, с одной стороны, предприняла попытку реконструировать один из ключевых моментов военной кампании 1812 г. в духе классической (позитивистской) исторической парадигмы, делающей упор на изучение собственно событийной стороны минувшего; с другой стороны, исследование А. А. Постниковой ставит амбициозную задачу проследить механизм формирования коллективной и индивидуальной памяти о событии крупного, социального масштаба, установив при этом истоки, этапы, направления формирования образа сражения на Березине в памяти его участников и их потомков. В результате такого новаторского соединения объектов (несмотря на данное на с. 4 автореферата определение, этих объектов не один, их два, а

именно само событие и его социальная рецепция) и методов (они тоже кардинально различны для каждого из двух объектов) удается достичь весьма актуального в сегодняшней историографической ситуации эффекта примирения позитивистского и постмодернистского дискурсов, что, на наш взгляд, является главным теоретическим достижением диссертантки.

В подходе А. А. Постниковой к изучению источников импонирует в первую очередь ее внимание ко всем типам и категориям свидетельств, при этом диссертантка объединяет классические виды текстов (переписка, в т. ч. корреспонденция некоторых корпусов Великой армии из Архива исторической службы Министерства обороны, а также мемуары, пресса) с текстами постмодернистского характера (художественные изображения, кино, игры, музыка, рекламные постеры). Хотя граница между первыми и вторыми обозначена в структуре исследования (первая и вторая главы), переход между ними не жесткий, а скорее взаимодополняющий и взаимообогащающий. Ибо событие порождает память, а память конструирует образ события. И процесс этот непрерывный, как сама социальная жизнь. Что касается предыдущего историографического опыта, то А. А. Постникова демонстрирует отличное знание историографии войны 1812 г., как российской, так и зарубежной, вплоть до 2012 г. Из современных исследований лишь две работы избежали ее внимания: речь идет о последней монографии французского историка Ж.-О. Будона, затрагивающей между прочим и вопрос о формировании памяти о войне 1812 г. в нарративах ее непосредственных участников⁵⁹⁸, а также книгу о коммеморализации событий 1812 г. на территории современной Белоруссии, в т. ч. и организации системы памятных мест монументального характера, авторства белорусского коллеги А. М. Лукашевича⁵⁹⁹.

В диссертационных исследованиях, написанных на постсоветском пространстве, редко встретишь практические примеры применения методологических подходов новой социальной истории. Диссертантка успешно оперирует методами интердисциплинарного подхода, черпая творческое вдохновение из работ Ж. Дюби (социология восприятия войны), П. Нора (концепция мест памяти), Я. Ассмана (теория культурной памяти). Единственным нашим пожеланием является прямое обращение к трудам основателя концепта «коллективной памя-

⁵⁹⁸ Budon J.-O. *Napoléon et la campagne de Russie: 1812.* – Paris: Armand Colin, 2012. – 336

р.

⁵⁹⁹ Лукашевич А.М. *Памятники и памятные места 1812 г. в Беларуси.* – Минск: Харвест, 2012. – 288 с.

ти» французского психолога и социолога Мориса Хальвбакса⁶⁰⁰. Важно также заметить, что в последнее время концепция П. Нора, основанная на весьма жестком противопоставлении памяти точной, т. е. научно-документального знания, и виртуальной памяти общества, положенная в основу исследования А. А. Постниковой (с. 3), все чаще подвергается критике вследствие слишком категоричного игнорирования следующего фактора: исследователь, работающий с архивами, сам является идейно-метальным конструктом его социального окружения, узником его общественной системы, язык и понятийная система творца исторического нарратива являются плотью от плоти общественного дискурса, поэтому и точное историческое знание подвержено размышлению последним. С другой стороны, не учитывается та автономная роль, которую играют исследователи в процессе формирования коллективной памяти об исторических событиях⁶⁰¹. В таких странах как Франция или Германия влияние историков на процессы формирования коллективной памяти являлось в 19 веке весьма ощутимым.

Особо следует оговорить соотношение между коллективной памятью и коллективными представлениями, индивидуальной памятью и индивидуальными представлениями, ибо понятие «образ события», которое фигурирует в исследовании А. А. Постниковой, тесно связано с теориями и практикой современной когнитивной психологии, изучающей процессы воображения. Поэтому говорить только о памяти уже недостаточно. Чтобы понять, как формируется ее содержание, для этого следует учитывать процессы взаимодействия между памятью и образами представлений, ибо сама по себе память лишена функции образного мышления. Вследствие упущения этого фактора в диссертации произошло заметное в некоторых моментах упрощение образа событий в коллективных психических процессах. Слишком доверившись в отдельных моментах нарративу национальной историографии (нарративная история – не вполне история, а имеет хождение наряду с литературой, особенно это видно в случае с польской исторической традицией), исследовательница приняла за «чистую монету» отзывы мемуаристов и историков о Березине, как славной странице польского оружия. В то же время следовало разделить патристический конструкт и неоднозначную в своей структуре память о событии, в основе которой лежали две тенденции польской памяти о

⁶⁰⁰ Хальвбакс М. Социальные рамки памяти. Москва: Новое издательство, 2007. 348с.; Его же. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3.

⁶⁰¹ См.: Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 7. М., 2011. – С. 111.

Наполеоне – «золотая» и «черная» легенды, боровшиеся между собой на протяжении и 19, и 20 вв.⁶⁰² В исторической основе второй лежало и сильное неприятие наполеоновской Франции в среде польской шляхты, и разочарование сторонников Наполеона результатами его деятельности на Востоке Европы. Уже в первые дни после Березины эта негативная память оформилась не столько в героические образы, сколько в резкие обличения Наполеона, и стала травматической памятью о жертвах, положенные на алтарь чужих амбиций. Здесь основным источником должны служить не нарративные повествования, созданные впоследствии в назидание потомкам, а актовые материалы, например записанное в конце декабря 1812 г. секретным австрийским агентом в Варшаве высказывание адъютанта французского императора Ю. Сулковского: «Я всегда верил в Бога, но с того момента, когда я стал очевидцем ужасных сцен на Березине, – стал богомольным; я увидел всемогущего Бога, нанесшего поражение человечеству: начиная с того дня, Наполеон стал в глазах своих солдат таким же обыкновенным человеком, как и все остальные»⁶⁰³.

В связи с изучением тенденций отражения образа событий в коллективной памяти, мне хотелось бы высказать еще одно критическое замечание, почерпнутое из личного опыта многолетнего проживания во Франции. Действительно понятие «Березина» весьма часто фигурирует в современном политическом и интеллектуальном дискурсе этой страны в качестве синонима затруднений, но в то же время его нельзя сравнить с образом Ватерлоо ни по силе отражения массовым сознанием, ни по насыщенности представлений об истории эпохи Наполеона в связи с нашей деятельностью. Ватерлоо является в современной французской историографии примером исследования исторической памяти в рекламном дискурсе⁶⁰⁴ и могло бы послужить теоретической моделью для исследования памяти о Березине. Также следует считать преувеличенным и упоминание диссертанткой о Березине как метафорическом образе трудностей во всем современном Евросоюзе (с. 1): сия метафора присутствует исключительно во французском национальном дискурсе. Как, впрочем, явственно показало само исследование

⁶⁰² См. подробнее: Zahorski A. Z dziejów legendy napoleońskiej w Polsce. – Warszawa: Państw. Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1971. – 192 s.

⁶⁰³ Цит. по: Ададунов В. В. Пришествие Наполеона, или эссе о конфликте религиозных мировоззрений в Восточной Европе // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. – М.: ГИМ, 2012. – С. 54.

⁶⁰⁴ См.: Touilliet-Feyrabent H. Quant la publicité réécrit l'histoire // Napoléon, images de la legend / Préface de J. Tulard. – Paris: Musée de l'images de la ville d'Epinal, 2003. – P. 71–75.

дование А. А. Постниковой, коллективная память об этом событии в большинстве национальных традиций (представленных нарративами участниками этого события и их исследователями) давно утеряна. Березина уже в 20 в. не являлась местом памяти ни в немецкой, ни в итальянской, тем более не являлась она таковым уже в 19 в. ни в английской (несмотря на одинокое свидетельство полковника Вильсона), ни в американской. Введение последних параграфов выглядит искусственным и восходит, очевидно, к несводимому к одному знаменателю отождествлению историографии и памяти.

Несмотря на высказанные выше критические замечания и пожелания, диссертационное исследование А. А. Постниковой даже в виде автореферата оставляет наилучшее впечатление, как своим оригинальным теоретико-методологическим, так и глубоким фактическим содержанием, большинство выводов весьма убедительны и отражены в представительном перечне публикаций, озвучены на ряде международных форумов. Диссертантка полностью заслуживает по результатам проведенного ею исследования присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности «Всемирная история».

Вадим Ададуrow,
доктор исторических наук по специальности «Всемирная история»,
доцент, зав. кафедрой всемирной истории нового и новейшего времени
высшего учебного заведения «Украинский католический университет»,
Львов, Украина

СТЕНОГРАММА

**Заседания Диссертационного совета Д 004.011.01 при ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук»,
г. Екатеринбург, 30 января 2013 г.**

(фрагмент)

ДИССЕРТАНТ: <...> Основные результаты исследования. Исследование национальных историографических традиций изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. показало, что в изучении Второй мировой войны и ее предыстории для каждой из рассмотренных стран были свои ключевые моменты, обусловленные теми ролями, которые играли эти государства в международном политическом кризисе 1939 г., а также особенностями их политического развития в послевоенное время.

Уже в первые послевоенные десятилетия в СССР, Германии, Великобритании и США были заложены основы национальных историографических традиций изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. Эти традиции впоследствии под влиянием разных факторов трансформировались, но в той или иной степени присутствуют в исторической науке этих стран до сих пор. Так, советская традиция изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. хотя и была значительно трансформирована к середине 1990-х гг., но не преодолена полностью. В последнее десятилетие в российской исторической науке наблюдается все большее стремление вернуться к традиционной, связанной с эпохой Холодной войны, трактовке предвоенного политического кризиса в целом и советско-германского договора о ненападении в частности. Все большая инструментализация исторической политики позволяет говорить о том, что для России по-прежнему характерна «манипулируемая память» о событиях прошлого.

Развитие немецкой историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. было обусловлено разделом Германии и Холодной войной. Историческая память немцев о трагических событиях оказалась «раздвоенной». Историки и общество ГДР отказались от вины за прошлое, сделав основой для национальной идентичности антифашизм. Историография в Восточной Германии развивалась под влиянием и неусыпным контролем советской исторической науки, а временами была даже более ортодоксальной и устойчивой к изменениям, чем в Советском Союзе. Объединение Германии, казалось бы, означало и крах исторической науки ГДР. Однако историографическая традиция, сформированная на протяжении четырех десятилетий, оказалась достаточно жизнеспособной.

Общественность и наука Западной Германии были в более сложной ситуации – им пришлось пройти своеобразный путь осмысления прошлого: от стремления «вытеснить» из памяти, забыть неприятные воспоминания, доминирующие в конце 1940-х–1950-х гг., до признания вины немцев и осознания того, что необходимо реалистично оценить прошлое, чтобы не допустить повторения трагических событий в будущем. Для современной Германии характерна «память-долг»: политики демонстрируют, что немцы успешно прошли сложный путь «преодоления прошлого», историки подводят под этот процесс документальную основу, в то время как «обычные немцы» (особенно молодое поколение) по-прежнему воспринимают поражение Германии в 1945 г. как самую страшную национальную катастрофу.

Несмотря на ярко выраженное своеобразие англо-американской традиции изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг., можно выделить ряд черт, которые во многом напоминают особенности развития памяти об этих событиях в СССР, ФРГ и Франции. Во-первых, обращает на себя внимание стремление найти конкретных виновников трагического

хода событий. В Великобритании это были «умиротворители», а затем – лично Н. Чемберлен, в ФРГ в первые послевоенные десятилетия главным виновником всех бед немецкой нации объявили Гитлера, а в СССР в 1960-е гг. ответственность за катастрофическое начало Великой Отечественной войны возложили на Сталина. Во-вторых, упадок империи, ностальгия по быломu имперскому величию сначала породили такое течение, как ревизионизм, отрицающий абсолютность упадка, а затем – постревизионизм, в рамках которого частично возродилась черчиллевская («ортодоксальная») версия происхождения Второй мировой войны. Своеобразная ностальгия по быломu величию страны влияет на развитие историографии и во Франции, и в современной России, и в какой-то степени – в Германии (особенно в восточной ее части, где даже возник своеобразный термин – «остальгия»). В-третьих, аргументация сторонников «ревизионистской школы» во многом напоминала точку зрения апологетов официальной советской версии происхождения Второй мировой войны: вынужденность принятия решений, их оправданность и рациональность в сложившихся в 1930-х гг. условиях; возможность за счет соглашений с Гитлером на какое-то время отодвинуть начало войны.

Подобно тому, как это происходило в СССР и в Великобритании, во Франции долгое время также существовала «ортодоксальная» версия истории Второй мировой войны, центральным элементом которой стало Соппротивление, и которая начала возвращаться на страницы исторических трудов в начале 2000-х гг.

После распада Советского Союза и крушения социалистического блока на постсоветском пространстве начинается формирование национальных историографий. Особый интерес представляет историографическая традиция, получившая развитие в Польше после крушения социалистического блока, истоками которой стали труды польских историков-эмигрантов. «Новая историографическая традиция» стран Балтии основана на осуждении советской внешней политики конца 1930-х гг. Идеологический конструкт оккупации, а затем – освобождения от неё выполняет сегодня в Латвии, Литве и Эстонии интегративную функцию, а сам пакт стал своеобразным «местом памяти».

Таким образом, историография советско-германских отношений 1939–1941 гг., являясь неотъемлемой частью историографии Второй мировой войны в странах, которые принимали непосредственное или косвенное участие в международном кризисе 1939 г., имеет ярко выраженную национальную специфику, что позволяет говорить о существовании национальных историографических традиций. В основе формирования этих традиций лежит комплекс исторических, идеологических, политических факторов. В предыстории и истории войны исследователи разных стран выделяют те ключевые моменты, которые имеют особое значение для исторической памяти общества и формирования национальной иден-

тичности. Различные основания для идентичности вступают в конфликт и не позволяют исторической памяти и исторической науке существовать отдельно от политики.

<...>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ну и все-таки. Вы говорите о появлении источников: появились секретные протоколы. Вы уверены в их подлинности? Ведь долгое время были сомнения? Какова Ваша точка зрения, как историка?

ДИССЕРТАНТ: По поводу истории с секретными протоколами: на данный момент опубликованы сведения, и в 1992 г. они были подтверждены на государственном уровне, что секретные протоколы были обнаружены в папке за номером 34 в Президентском архиве. На данный момент эти протоколы большинством исследователей признаны, в том числе, и большинством отечественных исследователей. Мы не считаем себя достаточно компетентными, чтобы сказать, что эти протоколы не существуют, когда и мировая, и российская общественность их уже признала. Что касается сомнений по поводу их подлинности, действительно, они были и до сих пор остаются. Ряд исследователей в 2009 г. выпустили по этому поводу труды. Например, вышел труд Алексея Кунгурова, который выдвинул версию, что все секретные протоколы – это фабрикация, и их на самом деле не было. На мой взгляд, самым главным критерием их подлинности являются последующие события, которые показали, что советско-германские договоренности были.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А какие последующие события могли это доказать?

ДИССЕРТАНТ: Внешняя политика Советского Союза в конце 1930-х гг.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А папка № 34 – это что за папка? Что за фонд? Откуда? Когда она сформирована?

ДИССЕРТАНТ: Исследованием этих документов занималась комиссия, в которую входил Л. А. Безыменский, и который в свое время в 1989 г. занимался и вопросами подлинности. По этому поводу он отмечает, что эти пакеты – № 34 и № 35 (в 35-ом пакете хранились большие карты Польши) до октября 1952 г. находились у В. М. Молотова, затем были переданы в Общий отдел ЦК, затем в шестом секторе Общего отдела ЦК протоколу был дан номер: фонд № 3, опись 64 на 26 листах. В свою очередь, эта «единица хранения» была вложена в «закрытый пакет» № 34, а сам пакет получил свой номер и заголовок «Советско-германский договор 1939 г.». Внутри пакета лежала опись документов, полученных из МИД СССР, всего 8 документов, среди них: секретный дополнительный протокол, разъяснение к нему от 28 августа по поводу включения в разграничительный рубеж р. Писса, доверительный протокол от 28 сентября, секретный протокол «Об изменении сфер интересов» от 28 сентября, протокол

«О недопущении польской агитации» от 28 сентября, протокол об отказе Германии «от притязаний на часть территории Литвы» от 10 января 1941 г., заявление о взаимной консультации от 28 сентября 1939 г., обмен письмами об экономических отношениях. Таким образом, современные российские историки (такие, как М. И. Мельтюхов, В. А. Невежин), занимающиеся советско-германскими отношениями, признают, что эти документы действительно *были* и что они подлинные.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я считаю Ваш ответ удовлетворительным.